АПОЛОГИЯ ТРОИЦЫ,

или

ВОЗРОЖДЕНИЕ в РОССИИ XV, XVI, XVII веков

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 1

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ РОССИИ

Послекнига
https://vk.com/poslekniga

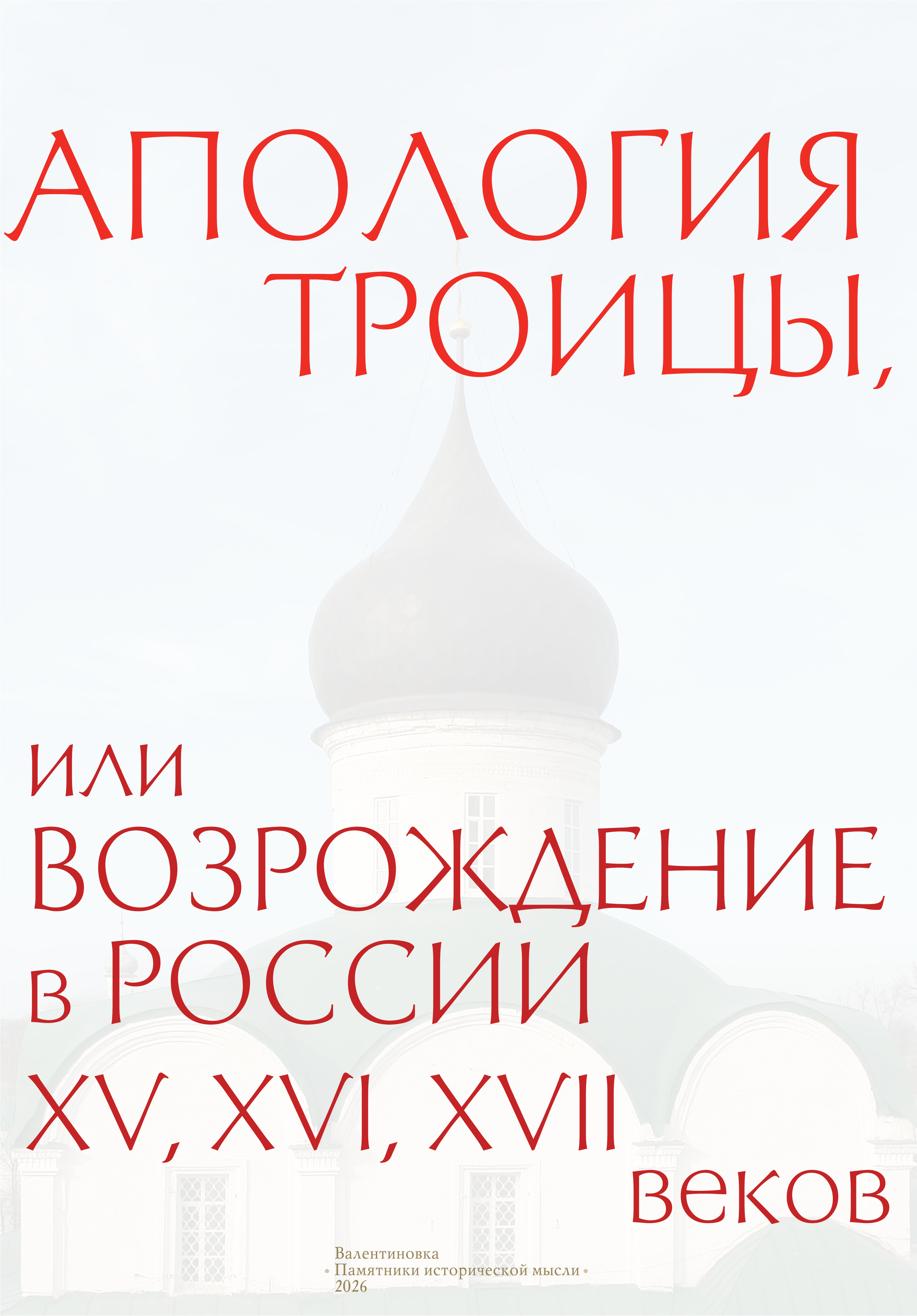
Выпуск 10

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 2

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 3

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 4

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 5



АПОЛОГИЯ ТРОИЦЫ,

ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ в РОССИИ XV, XVI, XVII веков

Валентиновка
• Памятники исторической мысли •
2026

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 6

ББК63.3(2)44
К89

Художник
Александр Григорьевич СТРОЙЛО

Кузнецов И.Н. из
К89 Апология Троицы, или Возрождение в России XV, XVI, XVII веков.
Валентиновка: Памятники исторической мысли, 2026. (Памятники истории России. Послекнига. https://vk.com/poslekniga. Вып. 10).
480 с.
МСКН 978-5-88451-378-5

© И.Н. из Кузнецов, 2004–2026
© А.Г. Стройло, Einbandgestaltung, 2026

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Пара слов перед тем, как начнётся текст.

Книгу Марка Блока у меня умыкнули лет тридцать назад, но, думаю, что и он ни секунды не сомневался в том, что историю не надо защищать, она сама о себе напоминает, когда появляется нужда в защите. Ветхозаветная Троица ещё меньше нуждается в защите, и потому речь не столько о ней, сколько о трёх соборах, освящённых во имя Троицы: в Сергиевом посаде, Александровской слободе и Кириллове. Первый построен в 1423 году, и с той поры посвящения, кажется, не менял, второй долго путался и блуждал между Троицей и Покровом, но остановился в конце концов на Троице, третий именуется Успенским, хотя в 1490-х годах, когда его собирались строить, его заказывали как Троицкий, как неопровержимо доказал архитектор-реставратор С.С. Подъяпольский, как, впрочем, и александровский, как доказал, уже в свою очередь, но так же неопровержимо, архитектор-реставратор В.В. Кавельмахер.

Они, все три собора (хочется сказать «все трое», потому что они видятся живыми, чувствующими, страдающими и радующимися, словно одушевлённые существа), очень нуждаются в защите, потому что сегодня больше страдают, чем радуются жизни. Ни один не уцелел таким, каким был задуман, и это не безобидная поступь времени, меняющая всё, что подвернётся под руку, а граничащая с преступлением неряшливость памяти, мысли, даже чести. Неряшливость чести – неологизм, кажется, избыточный, но очень коротко и точно передающий суть того, что происходило с соборами за 500–600 лет – как в мультфильме про незадачливого зайца – «...и так сойдёт». Не увидев, не разглядев, не поняв и не дав себе труда постараться понять задумку автора, «пользователи» соборов всегда поступали по-большевистски, даже когда до большевиков оставалось век или два: «Жизнь начинается с нас, только мы понимаем, что к чему, мы знаем, как должно быть, и у нас хватит сил, чтобы покорёжить то, что досталось в наследство, наплевав на потомков, которые не увидят отеческие яхонты и самоцветы, мы их сами обкатаем, используем, ограним и превратим в конце концов алмаз в уголь, поскольку химический элемент один и тот же». В итоге мир лишён трёх соборов, сопоставимых по совершенству проекта с коломенским Вознесением или Покровским собором на Красной площади. Это не пустые слова, не осточертевшие речи про утраты памятников.

Отчего бы и не убрать Покровский собор с Красной площади? Проход и проезд станет не в пример лучше, просторнее и удобнее. Вознесенскую церковь в Коломенском тоже можно загородить пятидесятиэтажными общежитиями предпринимателей и прислуги – место-то вокруг, в сущности, пропадает зазря. Укорачивая историю со своей

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 8

стороны до последних ста (в лучшем случае) лет, люди быстрее стареют умом, у них пропадает ретроспектива, которая лучше всех якорей держит на земле. Кто-нибудь видел икону, построенную из камня, высотой метров тридцать? Ликов нет, а икона есть. А где – не скажу, всё равно в головах ничего не задержится, потому что красота – перестала быть ценностью, перестала радовать глаз, отвыкший видеть её, взор уже не скользит по ней каждый день, вольно и невольно испытывая на себе её влияние.

Троицкий собор в Посаде плохо восстановлен на состояние после 1510 года. А 87 лет до того он стоял другим. Каким? Намёк известен – в алтаре Троицкого собора на престоле стоит металлический макет, сильно стилизованный, но верный замыслу автора шестисотлетней давности.

Троицкий (ныне Успенский, построенный по образцу Троицкого) собор в Кириллове накрыт тазом в XVIII веке. В предыдущие века, после 1497 года, его обстраивали таким образом, что главное его достоинство было подчёркнуто, и Владимировской церковью, и Епифаньевской, и Введенской, и Гаврииловской, не говоря уж про Преображенскую, Иоанна Лествичника и Иоанна Предтечи чуть подальше, все как одна с этим секретным украшением; и почему это его достоинство накрыто тазом в буквальном смысле слова, да ещё придавлено главой, построенной безмозглой головой? «Не даёт ответа».

Троицкий собор в Александровской слободе двести лет подозревают в величии, но никак не найдут, в чём оно, где именно спряталось. А ведь черным по белому, в двух по крайней мере источниках, есть указания: он был похож на церковь Николы Явленного на Арбате (Степан Шевырёв) и на Рождественский собор Рождественского монастыря.

Этой каменной троице нужна защита, потому что они гибнут который век, а должны помогать людям, они открывали собой целую неведомую эпоху в истории России – Возрождение, суть которого во всех странах, где оно было – именно внимание к личности, к человеку, к его красоте и уму, к сердцу и человеколюбию. Их начали строить во многих местах тогда, когда возобновление жизни с чего-то надо было начинать. Возобновление после двух- (если не трех)векового растаптывания души страны конскими копытами и разрывания сердец варварскими лапами. Из-за глупого стремления не обидеть монгольские народы и близких к ним тюрок, татар, башкир, ногайцев и прочих завоевателей, наследники которых стали согражданами, причём ни в чём не виноватыми, не замешанными, не испачканными – в понимании истории пропала целая эпоха, Возрождение: если яма, в которую угодила страна, была не столь уж велика, то и подвиги возрождения становятся блёклыми, неприметными, срабатывает психологический механизм выравнивания – и прыжок так себе, и яма была неглубока, а не то и не яма вовсе, а обогащающее прикосновение к иной цивилизации, почтовая служба вот из ямы вывалилась. Это саморастаптывание появилось от скудоумия и дурного образования, но превратилось в национальную привычку, требующую продолжительных гигиенических процедур. Нет, была и чудовищная яма, и великий подвиг возрождения, выползания из неё. Обидеть эта истина никого не может, потому что даже те гипотетические слои, которые ещё не перемешались во всемирном компоте, никакой ответственности за погружение в восьмисотлетней давности яму не несут – вылезли все вместе. С этим, кажется, соглашаются все, но из деликатности, на всякий случай, «а вдруг...» – потеряли целую эпоху. Она была не такой яркой, как в Европе, не такой насыщенной и густой, но была. А самого термина нет. Нет ни русского Возрождения, ни Возрождения в России, ни Ренессанса на Вологодчине, ни годуновского Неаполя (Серпухова), ничего. По уровню, по «качеству» таланта русское Возрождение ничем не уступало другим, просто его было гораздо меньше, в него не поверили сразу и постарались прочно забыть потом, для верности изуродовав невидящими глазами и неумными руками. Вот это требует защиты и ждёт её, и прибытие помощи зависит только от понимания, как писали в начале XX века ещё В.В. Верещагин, И.Э. Грабарь и Н.К. Рерих: знание желательно начинать с понимания.

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 9

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 10

Неважно, что Троицу в Посаде строили, может быть, и сербы, Покровский собор – никакие на постники с бармами, а самые настоящие итальянцы во главе с Абрамом, который предпочитал постную (кошерную) пищу, и Троицу в Александровской слободе – вероятнее всего – тоже итальянцы, хотя бы начинали. Неизвестно, кем, но во Владимире в самом начале XIII века, построена Успенская церковь Княгинина монастыря, восстановленная много позже с приближением к старым формам, в которой уже был запрятан, зашифрован ренессансный принцип и секрет. Смерть (кончину, Успение) Богородицы можно праздновать, потому что все 33 года Иисуса вернулись, возродились, восстановились в 32 кокошниках и одной главе Успенской церкви; французское слово звучит чаще, но греческое имеет то же значение – палингенесия подчёркивает не разовое (на пару-тройку веков) событие возрождения, а всегдашнее восстановление жизни, даже через великие беды. И где, как не в России, после батыев, мамаев и прочих казы-гиреев, казалось бы, не заметить, что возрождение именно на этих землях обязано было проявиться в чём-то особенном, отличном от предыдущего и последующего. Три века (опять троица), XV, XVI, XVII – и есть эпоха Возрождения в России, в результате которого (возрождения) русский царь в середине XVII века мог с презрением говорить об англичанах, которые навеки опозорили себя тем, что решились снести голову своему королю – и не испытывать при этом никакого догоняющего трепетания и не делать приседания перед иноземными образцами на фоне собственного ничтожества, вбитого в мозг нации на все ближайшие три века Петром I. Иван III, Василий III, митрополит Макарий, Иван IV, Борис Годунов, патриархи Иов, Гермоген, Никон, цари Михаил, Алексей, Фёдор Алексеевич Романовы – все они – возрожденческие гиганты. При них в России приключилось Возрождение страны во всех смыслах. Доказательств может быть много, среди них самые твердокаменные – каменные, как правило, церковные памятники.

Книга о первых из них, уже отличных от домонгольских и ещё отличных от пришедших с Просвещением. Необычность её – в том, что наряду с обычными фотографиями используются снимки самодельных макетов того, что не существует в таком виде. На земле, во плоти – не виден второй и третий ряд кокошников в Сергиево-Посадской Троице, в Александровской слободе виден только перевёрнутый таз под барабаном, в Кириллове покрытие и глава изуродованы особенно изощрённо – самое красивое, повторенное в соседних церквях, уничтожено на века варварскими крышами и болванками вместо глав, столь надёжно и безнадёжно, что и сравнить не с чем, разве что с Венерой Каллипигой, которую так плотно закатали в асфальт, что на поверхности видна одна пятка, по которой и надо судить обо всем её совершенстве. Воспроизвести совершенство в макетах не только трудно, но и невозможно, расчёт связан только с пробуждением направления, в котором могла бы двигаться настоящая реставрационная мысль истинных мастеров. Конечно, ресурсы баварского короля в XIX веке несопоставимы с ресурсами изготовителя макетов своими не очень умелыми руками, но цель – видится: это Neuschwanstein в Кириллове, Notre Dame de Paris в Сергиевом посаде, Napoli и Roma в Александровской слободе. Один из признаков науки как таковой – возможность проверки полученного нового знания путём повторения опыта, проверки результатов через прохождение того же пути. В гуманитарном знании опыты ставить не принято. Право на существование новое знание получает, если логика выводов соответствует логике исследования источников, которую можно проследить, повторить, пройти заново с проверкой, и тут гуманитарной знание ничуть не уступает в точности самым точным наукам, математике и физике. В архитектуре совсем плохо: нет здания – нет источника, нет на стенах завершения – нет остатков, которые можно научно продолжить. Но остаётся логика и воображение. Придуманное однажды может быть придумано заново ещё раз, если лакуна страшнее выдумки, а логика – подвергается проверке вполне. Полностью научная, доказательная, основанная на материальных остатках реставрация может быть стопроцентно ложной потому что можно из лучших побуждений опереться на локоток,

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 11

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 12

подставленный владельцем слепых глаз через сто или двести , или триста лет после того, как настоящего автора перестали видеть и понимать. Шестисотлетний памятник пятьсот лет назад изуродовали – так вот именно уродство-то и надо спасать, от него же остались остатки, они тоже памятник, правда, глупости и незрячести, но, конечно, памятник. Для памяти о русском генерале французской кампании 1812 года испортили собор 1530 года (дистанция тогда была – почти триста лет), просто закрыли северный и восточный фасады безликой поделкой – и теперь, по прошествии ещё двухсот лет нам остались отлично различимые колено, локоть и пятка Венеры Каллипиги, потому что родственники генерала сильно горевали. Уже и родственников нет, и слёзы давно высохли, и горевать некому, кроме глубокомысленных пионеров, охваченных насупленным казённым восторгом, а фасадов как не было, так нет. И чем провинились перед пионерами Старицкие князья – непонятно, память генерала чтут, а память князей травят.

Логика остатков, ставшая фетишем – так же мешает научной реставрации, как заносчивое прожектёрство, несущее на себе отпечаток вкуса автора «прекрасного моста для поселян и поселянок, продающих на мосту разные полезные товары». Пожалуй, даже чаще логика остатков мешает больше, так как подталкивает архитектора-реставратора к простым решениям: нет срубленного остатка очелья – не будет вам и наличника, не на что опереться, реставрация-то – научная. В подтверждение правомерности логики воображения призовём на помощь такого сторонника, как И.Э. Грабарь, который в письмах последних лет жизни призывал своих учеников исходить в реставрации из «самого здания», то есть не бить себя по рукам, когда линию из шести окон хочется продолжить седьмым, для которого нет остатков совсем, но место, логика, ритм, внутренняя планировка, общий вид фасада требуют устроить ещё одно окно. Для неблаговидности может быть тысяча причин. Но для воспроизведения неблаговидности должна быть какая-то совсем уж неодолимая причина, дубожелезная, гранитная причина из окаменевшей стали. И реставратор по определению, по сути своей профессии и слова «реставрация» должен быть немного возрождающим, восстанавливающим человеком – не воспроизводящим вековую тупость, а спасающим чудом уцелевший шедевр, который уже вот виден из-под отсутствующих остатков, осталось самую малость поднажать и сказать себе: «Да, Эжен Виолле ле Дюк имел право именно так сделать завершение собора Парижской Богоматери; и я имею право – не потому что я умнее его, а потому что так – правильно». Так делал и В.В. Кавельмахер – исключив все остальные варианты, доказав всем и себе в первую очередь, что другого решения нет и быть не может, и поэтому ему так доверяли, несмотря на легковоспламеняемость.

Поклониться ему – допустимо, как мне кажется. Важность Александровской Слободы для него временами кажется необъяснимой, зачем понадобилось так страшно обижаться на близких по духу людей, к тому же мастеров своего дела не из последнего ряда – на С.С. Подъяпольского и А.Л. Баталова, зачем отстаивать приоритет 1508 или 1513 года в строительстве того или иного сооружения. Ответить наверняка не сможет никто, но можно поискать предположительный ответ.

Мне кажется, что он сердился сам на себя, за то, что на фоне археологических и архитектурных подробностей, в которых равных ему было и есть немного, при нечастом умении ориентироваться в письменном документальном материале за несколько веков, при несомненном таланте историка в прямом смысле слова, он не сформулировал то, что требовало иных навыков, находящихся в той области, которой в его среде принято слегка пренебрегать. Философско-исторический взгляд и подход вызывают сыпь и подёргивание конечностей у тех, кто знает, как выглядит дубовый кирпич на полу, кто держал в руках обломок розетки от оконного обрамления XVI века, добытый из земли, но И.Г. Гердер, О. Шпенглер, А. Тойнби и М. Блок – знакомцы второго ряда, не присутствующие даже в подготовительной, теоретической части работы над проектом реставрации. Ясно, что необходимо и то,

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 13

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 14

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 15

и другое, и крохоборство, и широкий взгляд: первое не позволяет врать, второе заставляет видеть далеко. Первое хорошо, второе требует другой квалификации. Не лучше и не хуже – другой. Объяснить и понять без второго нельзя, и добытое «из воздуха», «с потолка», даже «из пальца» понимание – поднимает конкретное знание на новый уровень, как система Д. И. Менделеева помогает ставить продуктивные опыты и добывать новые вещества и даже элементы.

Применительно к Александрову такой расставляющей факты по местам системой может быть присвоение нового названия целому периоду, сразу трём векам отечественной истории. XV, XVI и XVII столетия – эпоха Ренессанса в России.

Правомерность такого уподобления – в непреложном (то есть таком факте, который нельзя отложить, игнорировать) – утверждении, что после периода 1238–1480 годов возрождение было необходимо и началось, хочешь или не хочешь. Было что восстанавливать, и было после чего восстанавливать – и яма была глубокая, и карабкаться из неё было нелегко. Формальные признаки Возрождения налицо. Тепличные условия Италии и Греции позволили там раньше и после других провалов вырасти дивным цветам, которых в России не могло появиться по географическим, демографическим и климатическим причинам. Но качественные характеристики того, что появилось и сохранилось в архитектуре трёх веков, позволяют выделить её в отдельный ренессансный период – и раньше такого не было, и позже не стало. Два, три, пять десятков наименований сооружений стоят в том же ряду, что и два, три, пять десятков наименований сооружений в иных землях по всему свету, не только в Европе, от неаполитанских дворцов до Тадж-Махала. Маленькая межчелюстная кость позволила И. В. фон Гёте отделить мир обезьян от мира людей, уникальный Красный форт в Индии заставляет сопоставить его с Дворцом дожей в Венеции; редкие, но столь же ошеломительные, как Реймсский собор (строился 600 лет) ренессансные сооружения в России в полной мере обладают главной типологической характеристикой: они все – гимн уму, красоте и силе человека, способного, кажется, сделать вообще всё, кроме, разве что, переустройства мира, – но уж поразить воображение невиданной красотой – точно, потому что внезапно выясняется, что самое эффективное средства переделки мира – снабжение его красотой, желательно новой, неслыханной, останавливающей взгляд: «эстетика – мать этики». Важно не просто повторить (возродить старое, то, что возрождается), важно превзойти непревзойдённое – только тогда и происходит Возрождение. То есть Ренессанс – там, где появляется уникальность, «новое – такое же, только немного другое», поставив рядом, их можно сравнить, но и отличить. В этом коренится ошибка типологизации и трудность прилепления определения «ренессансное» к России: репрезентативность тут ни при чём, неважно, 20 или 20 000 объектов характеризуют эпоху, в счёт идёт только уникальность. Достаточно даже одного.

В. В. Кавельмахер сражался за шатровый приоритет александровских сооружений (в основном Покровской церкви, позабывая о возможном шатре и на Алексеевской), а имел в виду непроизнесённый, невыговоренный ренессансный ряд, от Успенского на горке в Звенигороде до Успенской на Ильинской горе в Нижнем Новгороде. Включённость в этот ряд важнее, чем приоритет шатрового строительства. А главное, и В. В. Кавельмахер, и С. В. Демидов, и С. С. Подъяпольский, и А. Л. Баталов (список закрыть невозможно) сочинили, написали, исполнили (в каменных и письменных произведениях) акафист русскому Ренессансу, но только не сказали само слово.

Полукруглые закомары и кокошники Троицкого собора Александровской слободы скоро приводят на память закомары Успенского собора в московском Кремле А. Фиораванти; в его возрожденческом таланте никто не сомневается, как и в принадлежности именно к Ренессансу, который перестал быть только итальянским

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 16

после владимирской прививки, в которой итальянское переплелось с чем-то неитальянским, легко превратившись в совершенно русское, потому что ничего похожего ни близко, ни далеко нет.

Троица сама по себе ни в какой защите не нуждается. Но вот её архитектурные воплощения страдают, хоть и каменные. Стенаний не слышно, но глаз слезу не жалеет, льёт, не щадя желёз. Первое воплощение (1423) – в Троице-Сергиевом посаде, с чего, собственно, и можно примерно начинать отсчёт Возрождения в России. Третьего ряда кокошников нет вовсе, второй (4 диагонали по углам) хорошо спрятан за закомарами, барабан перевытянут, окон слишком много. Второе или третье – кирилловский Успенский собор (1497, заказная копия Троицкого в Посаде), второй и третий ряды кокошников накрыты металлическим тазом, главка надета на кованый коленвал. Третье или второе воплощение – александровский Троицкий собор (недатированная заказная копия Троицкого в Посаде), знаменитый своей диспропорциональностью, приземистостью, грузностью, массивностью и оттого непонятным местом в истории архитектуры – уж очень сильно он не производит никакого впечатления, которое только из вежливости именуют загадочным.

Возрождение в России нельзя доказывать, как положено: сначала объяснить, что такое эпоха Возрождения вообще, недолго поговорить о страновых вариантах, об итальянском, французском, испанском, северном, немецком, японском и даже чуть-чуть китайском, потом выявить на основе краткого анализа несколько признаков, без которых Возрождение и не Возрождение вовсе, вроде возрастания интереса и уважения к человеку, расцвета искусств, гуманизма как течения и движения, начинающего замещение религиозного мироощущения на научное (продолжено, но не закончено Просвещением) и несколько иных. После путаного и ничего в сущности не объясняющего рассказа о Возрождении вообще признаки его надо не без мучений найти в России и, ковыряя пальчиком скатерть, с извинениями, расшаркиваниями, при- и пре-уменьшениями возрожденческих проявлений в России в силу объективных обстоятельств времени и места, сложившихся в стране, потребно мужественно изготовиться принять стрелы критики прямо в грудь, потому что.., а также.., и к тому же.., не говоря уж.., а принимая во внимание.., хотя в то же время нельзя не признать.., но это, конечно... Таких жеманств и так хватает в литературе, и научной, и просветительской. Настоящий ренессансист или возрождолог (пожалуй, даже и палингенесовед, не чурающийся видерауфгебуртческих интенций), услышав звукосочетания "Возрождение и Россия", должен благородно рухнуть надолго в обморок, а потом скупо, но деликатно, щадя собеседника, улыбаться, не находя подходящих слов для изъяснения абсурдности таких сопоставлений и тем более предположений, оскорбляющих невежеством самую суть окаменевшего трепета возвышенных душ немыслимых и неповторимых гениев. Восторженные любители прошлого, не уснащённые учёными степенями, а иногда и образованием выше начального, решительным движением могучей руки волоком, за шиворот затаскивают в Россию те признаки высокохудожественного во всём, которые им кажутся типично возрожденческими и особо одухотворёнными, потому что именно эти черты стали им понятны и близки, в отличие от всего остального мира во все прочие времена. Чуть где привиделась красота – "... чу, а не возрожденческое ли оно, вот это на особливый русский манер прекрасное, как никогда-и-где". В итоге первые (высокоглядящие) пугают недостижимостью непостижимого, а вторые вызывают оторопь: "Да как же вас таких земля носит, вы вторую-то в жизни книжку когда пролистаете?" Нет. Не так. Не колибри в звонком небе и не воробей в мокром кулаке.

Возрождение в России было. Такое же, как везде, то есть уникальное.

Всё.

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 17

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 18

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 19

Достаточно окинуть взглядом вехи. 1380 год – Дмитрий Донской и Сергий Радонежский. 1382 год – коломенский Успенский собор в описании Павла Алеппского (на арабском наречии), 1423 год – Юрий Звенигородский и Троицкий собор. 1490 год – Рождественский собор Дионисия и Иван III. 1513 год – Алексеевская церковь а Александровой слободе. 1564 год – Покровский собор и митрополит Макарий (☨ 1563) со Стоглавым собором. 1605 – Борис Годунов и Введенский собор Серпухова вместе с Егорьевским иконолитом. Середина и вторая половина XVII века – ростовско-ярославская россыпь яхонтовых алмазов до, при нём и после Ионы Сысоевича. Начало XVIII века – повсюду, кроме С.-Петербурга, петровская эпигонская мертвечина, поразившая русские мозги (кроме староверов и афеистов) на триста лет всемогущественнейшим самоуничижением и неистребимой привычкой верить всем, кроме себя.

Оно было, но так высокопрофессионально забыто, что соглашаться с его существованием или хотя бы допускать предположение о его существовании – теперь непрофессионально, недостойно даже обсуждения. Простейший пример – из-за нелепой басни про Барму и Постника никто, кроме двух специалистов, не даёт себе труда поместить в собственную голову мысль, что проектирование Покровского собора на Красной площади вместе со строительством – сложнейшая затея лет на пятнадцать-двадцать по крайней мере, требующая привлечения специалистов с опытом и образованием, каких в России не было вовсе, только иностранных, скорее всего – итальянских, а это значит – возрожденческих, о которых надо знать, надо хотя бы слышать, что такие на свете где-то есть, и для этого надо самим быть уже немного возрожденческими, чтобы позвать итальянцев, нужна не только весть о них, нужна потребность в них, понимание, что вот именно этого-то нам именно сейчас и не хватает, – а у них вот-де, есть умельцы, глупо не воспользоваться; и это не Шуйские, не Долгорукие, не Захарьины (имена только для примера, с потолка, может быть, наоборот, как раз они-то и были рядом с инициаторами призвания иноземцев), а вероятнее всего – сам митрополит Макарий, как раз в 1542 году, как раз за 22 года до окончания строительства Покровского собора, взошёл на митрополичью кафедру. А Ивану IV было 12 лет (или чуть больше), когда вся затея покатилась в гору, вопреки законам земного притяжения. При Фёдоре Иоанновиче пристроили придел Василия Блаженного на востоке, в котором попервоначалу было 32 кокошника, которые, вместе с единственной главой, составляли число "33", как раз для Покровского собора важное, не случайное, прислоняющее, приделывающее к Покрову Богородицы все 33 Его года. Богдан Годунов ставит над воротами серпуховского Введенского Владычного монастыря церковь Феодотия Анкирского с 32 кокошниками, – и никто крестильное имя Феодотия с греческого не переводит уже четыреста лет (кроме А.Л. Баталова), и число "33" там не видит, что уж говорить про сам Введенский собор с тремя (изначально) главами над апсидами и той же (33) семантикой, про каменную икону колоколенного комплекса и Егорьевскую церковь как-то и речь заводить страшновато – никто же не видит этих спящих буквально веками возрожденческих красавиц – глядишь, кто-то из слушателей или читателей специализированную бригаду в белых халатах пригласит для немедленной госпитализации несчастного страдальца, поверившего в собственные придумки. Просто потому что не видят, зажмуриваются, закрывают глаза ладошками и отворачиваются, даже когда стоят в двух метрах, и не видеть нельзя – ведь это непрофессионально, этого нет, потому что не может быть никогда-и-где, сгинь, наваждение, пропади, «чур меня». Не видно ни отдельных примеров, ни всей массы, объединённой только понятием Возрождения, как клеймом высококачественных кирпичей. Даже каждый один сам по себе, один-единственный, был бы доказательством существования Возрождения в России, если их

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 20

пять, то сомневаться могут только идиоты, а если их десять – то идиоты становятся преступниками, их надо тоже изолизировать, но уже не в медицинских целях.

Отсутствие эпохи Возрождения в периодизации истории России – досадное последствие тенденции, длящейся с середины XIX века, с тех пор, когда всю Европу до Урала истоптал шатающийся по ней призрак коммунизма, когда склонная к примитивизации теория истории с формациями, борьбой общественных слоёв друг с другом в разных формах вышвырнула вон главную составляющую и движущую силу истории – жизнь духа, ума, таланта и прочего, составляющего украшение человечества в логике, подчёркнутой, как уже говорилось, в очередной раз И. Бродским: «Эстетика – мать этики». «Эстетики безобразного» нет: есть эстетика и безобразное. Маркграфиня Ута, памятник которой стоит в Наумбурге, осталась в истории не потому что она была женой сеньора каких-то вассалов с поземельными обязательствами и каким-то количеством крестьян, на них работавших за право пахать чужую землю, а потому что у её плаща был воротник, который заметил скульптор, чтобы в 1000-м году от Р. Х. (через дюжину лет после крещения Руси князем Владимиром) отгородить её нежность от суровости самого маркграфа Эккехарда.

Возвращение Возрождения должно начаться с ликвидации всех плоских крыш над сооружениями XV, XVI, XVII веков (там, где их не было изначально) и восстановления первоначальных покрытий. Такой простой способ. Надо разобраться.

Нынче – уже в третий раз.

Третий раз губится то, что тогда возрождалось. До С.С. Подъяпольского в Кириллове не было ни одного правильного покрытия церквей, теперь – одно, над Преображенской надвратной. А ведь их там около десятка, начиная с Успенского собора. Второй раз пришёлся на XVIII, XIX и XX века, щедрые на плоские крыши и тазики под яблоками с крестами, на ампирные колонны и античные портики, желательно там, где они наиболее неуместны. Колизей, заваленный снегом, перестаёт быть колоссальным.

И так везде. Вот Владимир. Сваливший в такие трудные (1924) времена верхний неприличный аппендикс главы Успенского собора в Княгинином монастыре П.Д. Барановский и блистательные реставраторы после него опирались на физические остатки и сделали своё дело так, что всем на зависть, недаром собор так берегут от туристов.

Окон в барабане восемь, и верхних кокошников восемь. Но расположение может поначалу долго сбивать с толку. Если центральные закомары и центральные кокошники второго яруса точно перпендикулярны направлениям на стороны света, и никаких трудностей с определением, какой из них центральный, не возникает, то в третьем ярусе над щипцами нижних округлостей находится сочленение двух соседних кокошников, на стороны света сориентированы окна, поскольку их общее количество – чётное. Закомар тоже 12, но с одной стороны всегда три, с серединкой. Поворот короны на 25– 27° делает общий вид не только необычным, но и более мягким, постепенным. Все верхние кокошники близки к разноразмерным нижним, второго яруса, как-то это не очень в традиции, насколько мой очень ограниченный опыт позволяет судить. Начиная с закомар авторам и в XIII, и в XVI веках приходилось как-то решать задачу, порождённую неравенством прясел северной и южной стен (причина – сдвиг барабана на восток, к апсидам, середина самая большая, потом по ширине идёт запад, последний, самый узкий – восток). Закомара, накрывающая и продолжающая прясло, не может не соответствовать ему. Во втором ярусе кокошники уже можно сделать одинаковыми или близкими, хотя бы наружные, просто смирившись с тем, что соответствие между закомарами и уменьшенными кокошниками недостижимо, во-первых, и не нужно, во-вторых: повторенное с уменьшением

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 21

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 22

Надвратная церковь Феодотия Анкирского Введенского монастыря. Серпухов

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 23

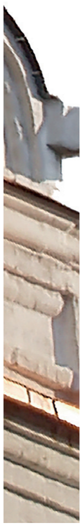
число «три» с каждой стороны уже создаёт ритм, размеры не так важны для восприятия, как округлость и повторение по прямой, три закомары в одну линию, над ними три кокошника той же формы в одну линию. 12 закомар образуют прямоугольник над стенами, им вторят 12 кокошников, образующих второй прямоугольник: это начало зиккурата и пирамиды, сложность монтажа только в том, что сверху надо примостить круглый барабан со сферической главой, к тому же сдвинутый к востоку; тут-то и пригождается поворот короны. Горизонтальная глубина закомар или кокошников второго яруса оказывается разной на западе и на востоке, что, кстати, является запретом на установку диагональных угловых кокошников – неизвестно, какой выбрать угол для сопряжённых стен, то есть насколько этот угол должен быть больше или меньше 45°, и как обеспечить обзорность: при фронтальном взгляде с четырёх сторон света они в той или иной степени видны преимущественно сбоку, как столбики с аппендиксами, при любом взгляде с угла диагональный кокошник, не желающий свесить бока за проекцию стен, должен отступить от угла, спрятавшись за соседние закомары; из этой ловушки трудно выбраться. Удачные примеры поворотных кокошников (из далеко не исчерпывающего списка того, что удалось повидать) – Рождественский собор Рождественского монастыря в Москве, Спасский собор Андроникова монастыря, Успенский собор Успенского монастыря в Старице.

Нижнее наземное помещение церкви, как правило, четверик, поднимает взгляд наблюдателя, желающего увидеть всё сооружение. Несколько более или менее правильных прямоугольников, поставленных один на другой, создают зиккурат или пирамиду – совершенные, признанные модели, годность их для архитектуры проверена опытом нескольких тысяч лет.

Однако же у этой формы есть неприятная особенность: её развитие обязательно заканчивается смертью в конечной вершинной точке, когда положен последний камень, мерный ритм тающих ярусов неумолимо ведёт к остановке, когда ничтожный в сравнении с предыдущими последний ярус венчает и заканчивает всё. Конец есть у всего, но примитивное однообразие простого метода возвышения толкает архитектора под локоть: не придумать ли хотя бы увеличение числа сторон, хотя бы до шести или восьми при уменьшенном основании, вроде шатра. Этот путь ведёт к окружности, а от неё – к сфере.

Переход в церковном сооружении от прямоугольного четверика к лишённым крупных прямых линий завершениям, соединение прямого и округлого – начинается с понимания: зачем. То есть зачем надо шар поставить на бочонок, стоящий на кубе?

За ответом хорошо бы обратиться к тем, кто сколько-то сотен или тысяч лет назад думал об этом; но их голос доносится до нас только в каменных остатках или спасённых сооружениях. Ничего, кроме самых простых и потому труднооспоримых ответов, в голову не приходит: куб – укрытие, бочонок – возвышение, сфера – круговое движение.



Именно этот способ перехода от шатрово-пирамидального движения в одну смертельную точку через простое возвышение – к вращению хотя бы по кругу после бочонка, к возобновлению, к повторению на более высоком или низком уровне шара, к возрождению и новому началу, наконец, – способ перехода через перелом от прямого к округлому, через ступенчатое уменьшение прямой стороны куба, увенчанного двумя рядами полукруглых закомар и кокошников, – и есть по меньшей мере одно из отличий русской сакральной архитектуры от неправославных. Родовая близость с зиккуратом проявляется ещё и в том, что в той части здания, где, казалось бы, зиккурат уже закончился, где уже началось нечто округлое – там-то и спрятался очередной секрет. Барабан для XV и XVI веков стремится к квадрату в сечении через центр: со всех сторон при взгляде сбоку он не кажется, а является квадратом, по-

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 24

скольку на видимом расстоянии луч (взгляд) не может огибать осматриваемый объект: в этом смысле, в этом взгляде бочонок, уже приобретший округлость, представляет собой не что иное, как и круг (сверху), и квадрат (сбоку) одновременно, как последнюю, завершающую часть зиккурата, его точку и вершину, после которой следует ещё и нечто совсем уже круглое, сферическое – глава как одоление точки, смерти и окончания через обеспечение продолжения и повторения, то есть палингенесии (вновь-возрождения-к-новой-жизни), точка как нечто бесконечно малое превращается в нечто бесконечно большое, по поверхности которого можно двигаться бесконечно долго, и конца не будет, что-то всё время остаётся впереди даже после самого долгого пути. Поэтому вытягивание барабана (-ов), соблазнительное увеличение высоты, на которую вознесён крест, портит основную мысль, пачкает секрет и таинство превращения прямого в завитое, простого в сложное, одномерного в разнообразное. Глава Успенского собора, давно выстроенная как шлем, презирает намёк, оставленный самими строителями в XVI веке: шлемику не нужен такой развитый карниз по окружности, он должен служить простой крышкой от атмосферных осадков, там негде долго перемещаться, нет простора для движения. Карниз требует продолжения намеченной им линии расширения профиля барабана и дальше, выше, с увеличением диаметра округлой главы для последующего убывания, как в головке обычного (не ялтинского) лука. Только с массивной главой, заметно больше диаметра барабана, завершение собора перестанет напоминать рукоятку конструкции, за которую удобно хвататься гигантской рукой для превращение, к примеру, огромной варёной картошки в пюре при помощи процесса толчения и растискивания, особенно в старом, до П.Д. Барановского, варианте.

Отсюда, кстати, и невнятица с терминами – неправильно сказать: "три ряда закомар". И так же неправильно сказать: "Три ряда кокошников". Считая снизу: (1–2 ярус:) прямые закомары и прямые кокошники, потом (2–3 ярус:) прямые кокошники и круглые кокошники; кокомары и закошники, прямокошники и кругломары, только не по своей собственной форме, а по форме того, к чему они прикреплены основаниями. Спрятанное в сбивчивой словесной раздвоенности перескакивание от прямого в округлому – и есть тайное чудо, незаметное и незамечаемое; это чудо вдруг оживляет, воодушевляет (то есть наделяет душой) комбинации простых геометрических форм из камня или дерева, укрывая, возвышая и толкая снова и снова, всё зависит только от того, достаточно ли силы у глаза, чтобы заставить шевелиться расположенные неподалёку от него извилины или то, что в них извивается. Поэтому так не хочется видеть примитивизированным переход от четверика к главе. Чем ближе переход в к пирамиде (зиккурату), тем мертвее идея возрождения, движения, повторения, нового и нового начала, палингенесии, ренессанса и видерауфгебурта. Поэтому так удивляют протестантские церкви – там, кроме тёплого и завораживающего укрытия и более или менее хитроумного возвышения – ничего нет, нет перехода к повтору, к кружению на одном, казалось бы, месте, нет возобновления и возрождения, есть лишь волшебная тяга кверху, к бесконечно далёкой, но всё-таки точке. Или есть, но мне оно там пока незаметно, это завихрение, кружение. И поэтому так удивляет в России двух- или трёхвековое стремление (после XVII века) разрушить именно это архитектурное чудо перехода, то ли спрятав закомары и кокошники под разной степени уродливости крышей, то ли при помощи малюсеньких главок-точек, улетевших в космос, видимо, поближе к неведомому и непостижимому – один из секретов «украинского барокко», пытавшегося не очень убедительно соединить несоединимое – простую или изощрённую, но главное непогрешимую католическую устремлённость ввысь, в точку, и православное знание о том, что и грешны все, и простить можно всё – после раскаяния, через возрождение.

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 25

Успенский собор ростовского Архиерейского дома. 1513

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 26

Такое понимание трёхъярусного перехода от четверика к главе, то есть от зиккурата к храму превращает плоскую крышу из средства спасения аварийного сооружения от неминуемой гибели по разным причинам — в ядовитое жало, которое убивает сразу: спасли=убили. Было=нестало. Без пробела, слитно, сразу, ещё стружки от деревянных деталей на земле пахнут. Четверик с содержимым, глава, декор – всё на месте, а храма уже нет, есть зиккурат. И это не преувеличение для красного словца, а тоскливая истина, она – отражение упрощённого просвещением (и министерством, и эпохой) миропонимания, в котором нет места Возрождению. Не победоносная, а победившая секуляризация не только с научными целями заглядывает сама себе за собственной плечо: там осталось то, без чего не удаётся двигаться вперёд, ноги не идут, руки не делают, голова отказывается соображать; вместе со старым миропониманием потерялась идея палингенесии, спираль прогресса потеряла незамкнутую окружность, кривую линию, по которой можно подниматься, повторяя очертания того, что кажется знакомым, уже пройденным, но что-то успело по дороге прибавиться, измениться, налипнуть, образовав новое качество, новый уровень.

Количество крупных учёных (не научной массы исследователей, снабжённых учёными степенями), лучше сказать мыслителей, в веках остаётся относительной константой – несколько десятков на век, вряд ли сотен. Их окружают судьи, осудившие выходца из Назореи на мучительную казнь за слова о справедливом устройстве мира, наместники, не остановившие её; они не могли знать и не знают, что отламывают одну веточку от здорового дерева, ту веточку, которая не убивает всё растение, а ранит. Пройдя по спирали много оборотов, вызвысившись до неведомых прежде высот просвещения, это растение (группа любознательных мыслителей, растворяющая свою процентную долю в миллиардах растущего населения) раньше или позже поймёт, как включить просветительский жар в застывший лёд постоянной (численно почти не меняющейся) мудрости, обеспечив силой и само движение развития, и педали тормозов для сохранения, сбережения темпов развития: главное свойство импульса – развиваться по прямой, если нет побочных влияний, в бесконечность; а людям как смертным организмам, больше по душе цикличность, чтобы после верхней точки настало возрождение, повторение, передача эстафеты. Наслаждение ростом всё время этого роста сопровождается растущим пониманием приближающегося окончания; примириться с этой мыслью помогает только идея палингенесии.

Миропонимание, включающее в себя идею палингенесии, более жизнеспособно, чем просто прогрессистское, потому что в нём для знания о неизбежном переломе, катастрофе, сбое, смерти, о конце – есть утешение, пересотворение после кризиса, «ничто не ново под луной» – так и прекрасно, тогда справились, и теперь сдюжим. Плоская крыша между четвериком и главой лишает смысла всё – и прогрессистское понимание, и палингенетическое. Всё. Крышка. В русской сакральной архитектуре плоская крыша стала побеждать тогда, когда Возрождение начало отступать под натиском Просвещения – в XVII веке. В конце этого века Россия вступила в трёхсотлетнюю эпоху псевдоморфоза, главная черта которого – густая липкая вязкость, которая мешает делать хоть что-нибудь одинаково и царю, и рабу, всё вообще происходит не благодаря жизнеустройству, а вопреки, через преодоление неизвестно откуда взявшегося сопротивления всего всему, через победу и героизм там, где должно было бы быть простое течение размеренной жизни, форма не пропускает через себя содержание, позабыв, что у неё самой нет никакого содержания, а содержание не понимает, на кой ляд ему сдалась эта форма, оно и само по себе очень самостоятельно и хорошо как таковое, как суть вообще, которой границы не только не ведомы, но и не нужны вовсе. Псевдоморфоз опасен: что ни сделает дурак, всё он делает не так; напиться из бутылки с замороженной водой не удастся, любые ресурсы тратятся

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 27

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 28

Церковь Успения Богородицы на Ильинской горе. Нижний Новгород

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 29

Апология_Троицы_1_1-30.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:07 Страница 30

с завидным постоянством на производство дыма вместо дома. А начинается с пустяка – с плоской крыши на церкви и с нагеля, который лень сделать округлым, и поэтому забивается квадратный.

С плоской крыши. Вот с такими последствиями. Как в писательской сентенции про бабочку и тоталитаризм – «Подумайте, какая связь».

Железная.

К чему это все эти филиппики?

К тому, чтобы объяснить структуру книги. Главное её слово – Возрождение. Из всей славной плеяды архитекторов-реставраторов, которые работали в России в XIX– XX веках, произволом выбраны двое: С.С. Подъяпольский и В.В. Кавельмахер, в них мне в наиболее концентрированном виде кажутся собранными собственно возрожденческие черты, определять которые не возьмусь; Раппопорт или Давид и ещё многие, равные им, ничуть не менее интересны, но этих двоих объединяет почти одинаковый градус страстности, составляющей истинное мерило научности. Оба настолько совершенны в жанре научного исследования, что ставить себя рядом с ними можно только в одном смысле – они на верхних ступенях той лестницы, к которой можно только мечтать приблизиться. В.В. Кавельмахер так горевал о судьбе Введенской церкви на Подоле в Сергиевом посаде, беспощадно отреставрированной В.И. Балдиным, так сокрушался об испорченном подъезде через Подол к Троицкому монастырю и собору за стенами монастыря, что вся эссенция книги сошлась на его боли о Введенской церкви, о Троицких соборах, о судьбе Александровской слободы, что решение пришло само: именно ему надо предоставить слово в их защиту в первую очередь. В статьях и книгах С.С. Подъяпольского столько мастерства, что он может плечом потеснить В.В. Кавельмахера, чтобы с теоретической точки зрения лучше оттенить его заслуги; первый знаменит больше, чем второй, поэтому его упоминаний меньше. Они оба, по-разному, но одинаково являются гигантами Возрождения, они так глубоко проникали в замыслы авторов зданий, в их логику и чаяния, что сами уподобились им, достигли того же качества (а отремонтировать старое бывает сложнее, чем построить новое). Воздаяния за соизмеримые таланты ожидать не приходилось при жизни, а нынешние поклоны, венки и восторги им уже не видны; единственное, что им пришлось бы, как кажется, по душе – сделать то же, что они делали с возрожденческими мастерами, то есть понять и поднять их сочинения, показать на ладони на вытянутой руке: «Любуйтесь!». Их собственные тексты и реставрации доставляют почти гастрономический восторг.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:08 Страница 31

НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ

XV век тогда не начинался в 1401 году: после 1 сентября наступал 5508+1400= 6908 год, то есть самое начало семидесятого века от сотворения мира, хотя веками время, кажется, не считали. Поэтому XV, XVI и XVII века по летосчислению от Рождества Христова имеют размытые и условные границы, которые удобно измерять количественными характеристиками (ничего смыслового в себе не содержащими, как какими-нибудь тонно-километрами и человеко-койками), но лучше присматриваться не к номерам произвольных временных отрезков, а к содержательным кускам жизни целых народов и земель. Для России после мытарств двухсотпятидесятилетнего (на самом деле больше, набеги прекратились только при Екатерине II) татаро-монгольского нашествия (≈1237–1380) возрождение стало главным содержанием примерно такого же по протяжённости временного отрезка, от конца XIV века до конца XVII. В отличие от периода страданий и мучений этот промежуток времени не отметил себя самоназванием, его цельность и наполненность собственным содержанием не очевидны, они не укладываются в привычные социологические схемы вроде феодализма или капитализма, тирании или представительной с сословиями монархии, раздробленности или централизованности, отсталой боярской вольницы и автократического самодурства в противоположность прогрессивному собиранию власти в одном месте, снабжённом иерархической лестницей подчинённых структур и должностей. Все эти определения и эпитеты одновременно и приложимы, и неприложимы к пониманию времени, они все до единого верно описывают какие-то стороны рассматриваемого предмета, но не ухватывают и потому не называют главного. Большое с хвостом – это и слон, и электричка. Вся социология останавливается на этапе «большое с хвостом», но как-то все понимают, что у слона нет билетов, а электричку не стоит дергать за хвост. Помогает простая очевидность. Так же и с веками.

XV, XVI и XVII объединяет неотменяемая очевидность, содержание которой – возрождение, распрямление, накопление сил, умений, населения, земель, самодельных общественных и управленческих конструкций. Жадная, изголодавшаяся за две с половиной сотни лет открытость к приобретению нового опыта свидетельствует о здоровье растущего организма, впитывающего всё, что прививается, укореняется и даёт плоды, неважно, откуда оно, новое, пришло – выросло само прямо под ногами – или где-то подсмотрено. Когда плуг лучше палки с сучком, следует использовать плуг, если мозг есть, откуда бы образ плуга ни появился в поле зрения. Иногда историки именуют это страстностью народа, но это, пожалуй, вряд ли подходящий

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:08 Страница 32

термин, поскольку он предполагает наличие бесстрастных или менее страстных народов, а этому трудно найти подтверждения в жизни. Любой народ, лишённый давящих обстоятельств (поражение в войне, неблагоприятные природные условия, упавший метеорит), осознаёт своё единство, ищет и находит способ продолжения своего существования; если нелёгкая выносит его к признанию своих выдающихся способностей, возвышающих над прочими, хотя бы и особой страстностью, судьба его незавидна и неизбежна; рождение, развитие, взаимодействие со средой и возрождение после неудач – естественный путь, иных просто не бывает. Три века, о которых идёт речь, имеют ясную нижнюю границу – нашествие варваров-чингизидов, – и ясную верхнюю границу, следующие века, точнее всего охарактеризованные негативным определением (то есть описанием того, чего нет, без указания на то, что есть, что составляет суть явления) – время псевдоморфоза, видоизменившего форму того, что было раньше, без попытки объяснить хотя бы некоторые признаки этого раннего состояния.

Так и случилось, что ближайшие к XXI веку три столетия именно из-за близости кажутся относительно легко понимаемыми, потому что люди меняются медленно, и достижения этих трёх столетий составляют очень важную, большую часть багажа вполне современной культуры в широком смысле слова; а предыдущие века определяются и понимаются через ступеньку, водораздел, организованный и специально предпринятый Петром I, подчеркнувшим отличия своей «великой и новой» императорской эпохи от предыдущей дремучести и отсталости: чтобы возвеличиться, следует обеими руками, всем весом навалиться на плечи тех, кто чуть позади и чуть пониже ростом, – неважно, до какой высоты вымахал Гулливер, главное, что лилипуты ниже. А те сумрачные века, что остались за водоразделом, в более раннем периоде, стремительно подёрнулись дымкой легендарности: там, говорят, был даже «Великий» Иоанн III, кажется, Василий III и какой-то Дмитрий-внук, «ужасный», как Гудвин, Иоанн IV, а после Борис I и в конце концов жутко страстный Аввакум с Никоном, учинившим непонятных старообрядцев.

Предложение считать эти три века эпохой Возрождения в России носит, конечно, гипотетический, то есть предположительный характер, за нижней и верхней временными границами трудно найти что-то, крепко их объединяющее, какую-то сформулированную единую идеологию, общую привычку, стиль, способ отношений между людьми, вообще, что бы то ни было сознательно или бессознательно близкое, верёвками или флюидами связывающее воедино, в нечто ощутимо целостное и отделённое от прочего. Пока, пожалуй, то немногое, что служит связующим – это архитектура, представленная единицами памятников, и разительная дистанция между Россией 1399 года и Россией 1682 года, когда так трагически оборвались задуманные при Фёдоре Алексеевиче великие преобразования. В руки десятилетнего тогда Петра упала (чуть позже, в 1689) огромная возрождённая страна, несопоставимая едва ли не по всем параметрам с землями конца XIV века, державшая в памяти только язык, веру и ужасные шрамы сознания от монголов и прочих охотников с большими ртами. Второе (дистанцию) надо исследовать отдельно, поставив для начала такую цель – а вот правомерность целеполагания можно попробовать обосновать, оперевшись на те особенности архитектурных памятников XV, XVI, XVII веков, которые, может быть, позволят приблизить их к понятию «Возрождение в России»; они узнаются на местности моментально по признакам, которые, вроде бы, никто не потрудился вычленить и представить как нечто относительно единое и характеризующее именно эпоху Возрождения: опознать – легко, а по чему именно – трудно сказать, уж очень много искажений и наслоений.

По времени как ничто точнее подходит Успенский собор Звенигорода.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:08 Страница 33

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:08 Страница 34

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:08 Страница 35

Успенский собор на Городке знаменит уже тем, что он первый из дошедших послемонгольских, примерно 1399 года. Из опыта рассматривания реконструкции Игнатия Викентьевича Трофимова (Духовская церковь лавры, на 76 лет позже) ясно, что для И.В. Трофимова очень важной деталью была толщина закомар. Она, по его мнению, насколько мы можем судить о том, что он думал, соответствовала толщине стен, поскольку непосредственно продолжала их, вытекала из них и стояла на них – иначе изнутри трудно организовать арки перекрытия, ведущие к световому кольцу и стоящему на нём барабану. Стены Успенского собора (на Городке) вряд ли уступали в толщине стенам Духовской церкви, скорее были толще, потому что старше, и приближались с той или другой стороны к сажени. Их внешние обводы сделаны во время последней реставрации (Г.С. Евдокимов) почти ажурными, тонкими, далее к центру их массив не просматривается, потому что на них легли 4 диагональные закомары между сторонами света. Из-за не соответствующей толщине стен фанерной лёгкости тоненьких закомар всё сооружение сразу потеряло монолитность, массивность, основательность, словно к могучему Пегасу привязали ниточками крылья бабочки. Их археологическая состоятельность несомненна, она составляет предмет гордости реставраторов, не позволивших себе, как и В.И. Балдин в Троице, никаких измышлений, не подпёртых каменными доказательствами. Однако же есть три обстоятельства, умеряющих восторги по поводу совершенства реставрационных решений:

1) диагональные закомары не видны; ниоткуда;

2) валик (тор) над световым кольцом под барабаном конструкционно полезен, но совершенно не нужен для формирования образа, он лишний и некрасивый; он не должен был быть показан, его бы прикрыть 12 меньшими, чем закомары, кокошниками, отступив внутрь на положенную сажень и приподняв в соответствии с возвышением арок, образующих перекрытие, а между восемью окнами барабана поставить на него острия самых маленьких кокошников;

3) остатки которых (числом и размером подходящие для установки на барабан) были найдены в культурном слое под апсидами, но оставлены без внимания, потому что не «легли» в концепцию реставрации, несмотря на опыт старших коллег.

Археологически невидимый пока второй ряд кокошников висит в воздухе, ни на что не опираясь. Но логически второй ряд вместе с отсутствующим третьим мог бы исправить главную претензию к реставрационному решению: в таком виде завершение собора с 16 трепещущими на ветру закомарами отличается от плоской четырёхскатной крыши только отсутствием кирпичных закладок между закомарами; торчащие из-за щипцов угловых закомар кисточки кошачьих ушек диагональных конструкций нимало не спасают плоскую в целом крышу, кольцо под барабаном и сама крыша надёжно отрезают четверик от барабана, лишая композицию растущего единства, постепенности. Коломна от Звенигорода не так уж далеко, строители Успенского собора не могли начать строительство, не убедившись в том, что их собор превзойдёт все предыдущие, и уж опыт создания на удивление ладной конструкции завершения, описанный Павлом Алеппским, не мог им быть неизвестен, мобильность жителей Руси превосходила наши представления о ней (см. книгу О.В. Новохатко о частной переписке в XVII веке)

Уверенности в том, что в Успенском соборе было 12 закомар + 20 кокошников + 1 глава – нет никакой. Ни нарисовать, ни спроектировать, ни смакетировать не выходит, потому что нет даже тени изобразительных способностей, нет знаний по архитектуре XIV века, нет понимания строительной логики и истории жизни сооружения.

Но есть надежда, что сомнения попадут и в головы тех, кто знает и умеет.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:08 Страница 36

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:08 Страница 37

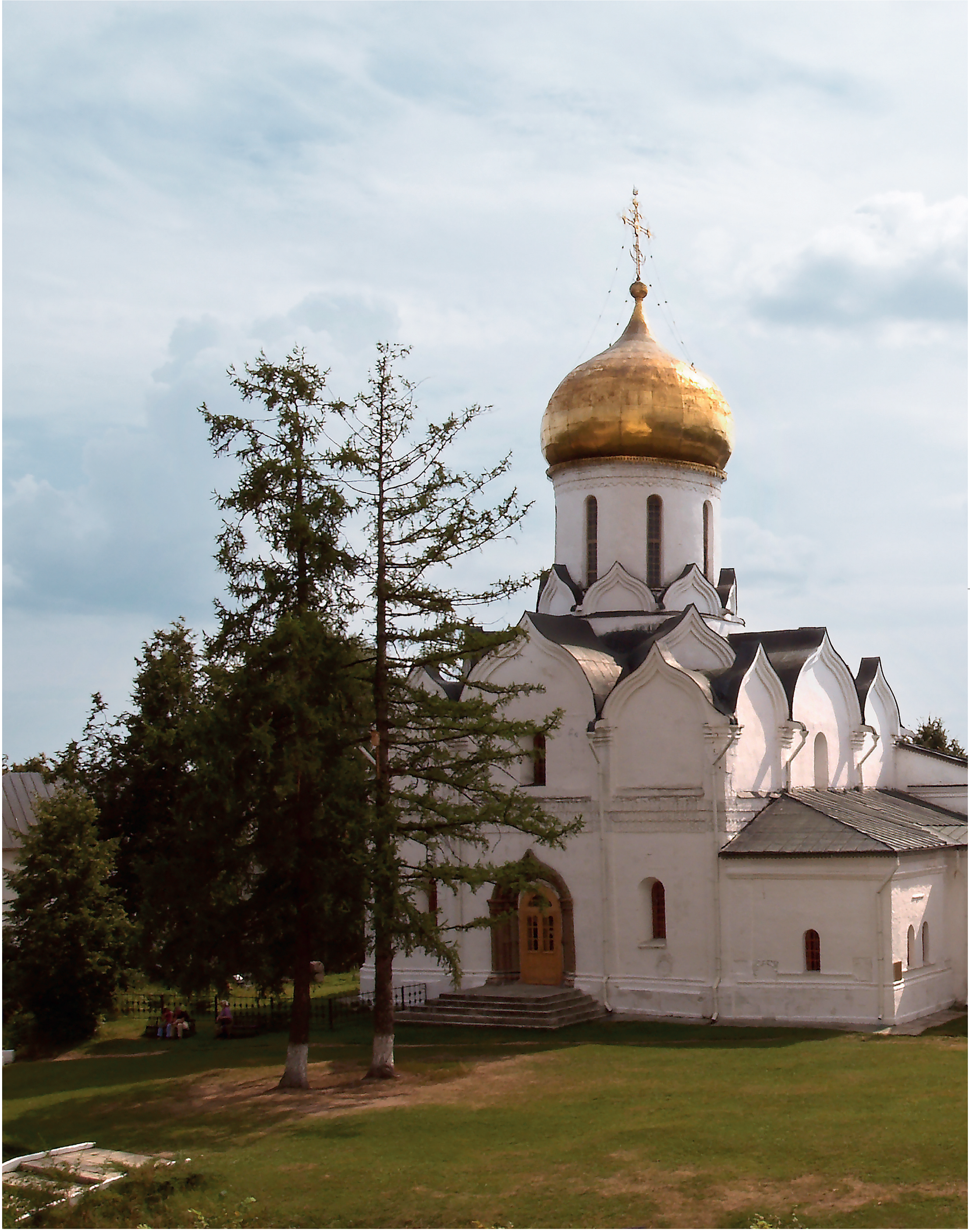
За пятьсот лет Рождественский собор добрался до второй половины XIX в состоянии не руинированном, но плачевном. Сознавая, что плоская крыша – это вовсе не то, на что, судя по подобию рисунка архивольтов порталов и закомар, рассчитывали авторы сооружения в 1407 году, в стремлении к порядку и благолепию его временные хозяева рисунками продлили закомары вниз и тем самым придавили к земле весь собор, подчеркнув его кубическую форму. Нечувствование, невидение и непонимание сооружения его содержателями – едва ли не самая большая опасность для него. Заносчивость новоустроителей собора превосходит только их незрячесть.

В 1407 году кубоватость собора была не менее заметна, чем через сто или шестьсот лет. Справиться с этой особенностью смогли только те, самые старые (не по возрасту, а тогда жившие) строители. Где-то в XVI или XVII веке в качестве компромисса между ещё более поздней плоской крышей и изначальной конструкцией появились диагональные кокошники, повторяющие формы закомар. Они заменили собой изначальный средний ряд кокошников между закомарами и барабаном.

Компромиссом диагонали нам кажутся потому, что во всех трёх случаях их применения (Успенский, Рождественский, Троицкий) при последующих реставрациях ни разу удача не сопутствовала спасителям именно этого относительно позднего новшества, вероятнее всего, из XVI века.

Почему диагонали кажутся более поздними, чем четверик? Прежде всего потому что сверхзаострённая конструкция щипцов, делающая их максимально живописными, схожими с языками пламени, а не только с движением двух рук, гладящих

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:08 Страница 38



Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:08 Страница 39

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:08 Страница 40

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:08 Страница 41

сверху вниз чью-то голову по волосам, не вытекает из конструкции, скорее наоборот, эта заострённость нужна только для декора. Лучше всего это заметно на любых трёх угловых закомарах. Там, где закомара сужается к верхушке, к острию, к архивольту – она приобретает трепетную хрупкость, тонкость; донышко фигуры, описанной мягким равносторонним треугольником архивольта, как будто бы имеет толщину бумаги. Выдвинутые к наблюдателю плавно изогнутые линии нависающего козырька закомары накрывают общую плоскость прясла стены и самой закомары, но на самом верху – закомары уже нет, есть видимость закомары, то есть обман, она не продолжается к центру, как арка перекрытия, а обрывается пустотой после верхнего треугольничка. Задирать верхушки понадобилось для того, чтобы диагональная закомара стала видна хотя бы с угла. Чем ближе завершение к полукругу, тем менее заметна диагональ, она проваливается между угловыми и пропадает из вида. Центральные, более массивные закомары со всех сторон выглядят полноценно, монолитно на всю свою глубину, а угловые легкомысленно топорщатся тонкими вырезанными листиками, надетыми на настоящие, крепкие основания. Если в самом зените, в самом глубоком верхнем углу прясла просверлить маленькую дырочку, кажется, сквозь неё пробьётся свет, совершенно здесь неуместный. Нарочитая декоративность особенно режет глаз с некоторых ракурсов – когда видна тыльная сторона верхушки хотя бы одной угловой закомары – она напоминает пустые завершения фасадов кукольных голландских домиков XVIII века.

Как только основательно усомнишься в правильности одной детали (острые верхи), сразу падает, как карточный домик, цельность образа. Нет пиков – незаметны диагональные закомары, за каждым из четырёх фасадов хочется поставить ещё один, поменьше, но повыше, чтобы эхом вторил внешним, заполняя расстояние до светового кольца и барабана и создавая плавный переход от четверика к округлым формам без воспламенения, в покое. Следует ли считать огненную декоративность стилистическим признаком XVI века, сказать трудно, видимо, лучше ограничиться предположением, что она была менее характерна для начала XV века – резные каменные пояса на пряслах – тоже очень украшающий элемент, но язык красоты – какой-то другой, и слова иные, и интонации, и убедительность, и даже громкость. Пока из одного предположения с необходимостью вытекает другое: не было ли до диагональных закомар на их месте 12 кокошников.

В Рождественском соборе эстетическая ущербность конструкции заметна не меньше, чем в других двух; но здесь она (ущербность) особенно наглядна, поскольку «родовые» недостатки диагоналистического решения покрытия улеглись на ладони, дожидаясь, когда же их сверху заметят: золотое покрытие Троицы не отвлекает, горка Успенского не мешает. Диагональный кокошник, стоящий на углу здания, между изогнутой под 90° шеренгой из шести острых закомар, например, севера и запада, неминуемо приводит на память зубной недостаток, когда из-за недосмотра родителей, вовремя не поставивших брекеты, могучие растущие красавцы вытеснили внутрь, во второй ряд несчастного братика, который теперь ютится, выглядывая изредка из-за их голов, на задворках; он, конечно, вырос, он есть, он даже заметен иногда, но лучше бы его не было, улыбка была бы ровнее. И так со всех четырёх углов, откуда ни загляни, всё одно и то же безобразие.

Следующее, не так сильно лезущее в глаза, но достаточно убедительное безобразие – крышеконструкция позади всех закомар, более или менее длинная. Сдвиг барабана на восток сделал их разной длины, но от этого они не утратили сходства со световыми прозрачными лотковыми крышами торговых галерей (знаменитые пассажи конца XIX века), заметными гораздо лучше, чем диагональные кокошники, даже если их покрывать не золотом, не стеклом, а чем-то неброским и немарким. На какую вы-

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:08 Страница 42

соту ни заберись – видны не вторые кокошники, а эти отлично выработанные крыши, для лучшего обозрения даже немного поднимающиеся к барабану (борьба со снегом и водой). В них нет ни конструкционной, ни декорационной нужды, они просто «убивают пространство», как нерадивые ученики «убивают время». Восьмёрка кокошников третьего ряда – увы, тоже не работает на замысел первостроителей (если допустить невозможное – будто кто-то его, замысел, знает); они не прикрывают собой строительно неизбежное световое кольцо, своим лежачим расположением убивающее все направления стрелок всех архивольтов, выполняющим ту же задачу, что крышка на бочке, нет, они, наоборот, подчёркивают несрощенность чешуек этой шишки, невырастание одного из предыдущего, третьего из второго, как и второго из первого. Трудно сказать, что сильнее вредит образу храма – диагонали или перевёрнутые лотки, ведущие от них к барабану. Трудно также избавиться от мысли, что несмотря на наличие диагоналей множественные разнонаправленные лотки превращают покрытие в сильно помятую, с крупными волнами, но всё-таки плоскую скучную крышу, нет баловства, нет игры, нет сказки, нет бегающих световых пятен, а есть замёрзшие красивые гладкие куски тёмного льда.

Более всего саму возможность установки диагональных кокошников губит сдвиг барабана к востоку от центрального положения. Даже будучи подвинутым, барабан как вершина всё равно занимает центральное положение, он всё равно в середине, его сдвигают не только по соображениям оптимизации внутреннего (нижнего) пространства, его смещение подчёркнуто снаружи самыми узкими восточными пряслами стен, оно нужно для придания динамики и устремлённости к небу всему облику собора, чтобы он жил и двигался, даже стоя на месте. Симметрию для этого надо убить так, чтобы не пострадало равновесие, чтобы западная часть не повисла бессильным курдюком. Четыре диагональных кокошника уничтожают это равновесие, независимо от присутствия или отсутствия ещё четырёх центральных кокошников (их иногда проектируют): сводчатый лоток от центральной западной закомары тяжёлой гирей повисает на западе, на самом видном месте, и силуэт уже не спасти.

Таковы все три собора, Успенский на Городке, Рождественский в Саввино-Сторожевском монастыре и Троицкий в Троице-Сергиевом монастыре. Во времени их отделяют друг от друга несколько лет (1399, 1407, 1423), расстояние в пару сотен вёрст до Троицы можно во внимание не принимать, строители каждого следующего знали о том, что им предшествовало. Все они восстановлены неправильно, потому что во всех применены диагональные кокошники. В двух отсутствует верхняя восьмёрка, в Рождественском она не совсем верно формирует образ, потому что вторит нижним пикам, а не прячет световое кольцо вместе со вторым ярусом кокошников.

А как было бы ловко и просто: вторым и третьим рядом поставить двенадцать и восемь кокошников, нисколько не испытывая никаких затруднений со сдвигом барабана к востоку, сохраняя скупую стрелочность архивольтов, наращивая шишку или артишок (Павел Алеппский) последовательно кверху, пряча от взглядов световое кольцо и разлохмачивая верхушку куба настолько, что никто не обращает уже внимания на близость высоты и ширины, на грузность или стройность силуэта, вообще на всю архитектонику и прочие хитрости, которые тревожат только редких профессионалов; они чаще смотрят на безупречность отглаженной стрелки на брюках, чем на отменную фигуру, осанку и причёску, полагая, что это уже не их забота.

Царица остаётся царицей даже в рубище, без украшений, в кепке, а не в короне.
Всё дело в осанке, в посадке головы и привычке миловать, а не казнить.
Осанка соборов – самый сильный аргумент в пользу суммы «33»:
12 закомар + 12 кокошников + 8 кокошников + глава.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:08 Страница 43

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:08 Страница 44

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:08 Страница 45

Спасибо В.И. Балдину, реставратору Троицкого собора и других церквей Троице-Сергиева монастыря после И.В. Трофимова и П.Д. Барановского: он сам оставил указания на свои ошибки для будущих поколений, для тех, кто не обладает особой проницательностью, но склонен внимательно рассматривать то, что видит.

Не каждый день приходится видеть памятник 1423 года. Не всякому доводится его реставрировать после многих веков – с пониманием, какое значение имеет Троицкий собор для... Даже трудно сказать сразу, для чего. Самое маленькое из правильного – для Возрождения России. Троица Ветхозаветная, написанная Андреем Рублёвым для этого собора – Благая весть, принесённая вооружёнными копьями ангелами семье Авраама и Сары, о том, что жизнь их продолжится. Если Феофан Грек совсем недавно (1378) писал центрального ангела со свитком в руке, вероятно, содержавшим письменное извещение (насчёт потомства), составленное не здесь, а только доставленное сюда тремя посланцами, то у ангелов А. Рублёва (1427) документа на руках нет. И уста всех троих у него сомкнуты. Сообщение передаётся не словами, не звуками, не буквами, не знаками, сообщение рождается в глазах того, кто смотрит – кто что увидит, то и будет правильно, того и довольно для него. У Феофана Грека время и люди почти стёрли лица, ничего толком не разобрать, но яростная манера письма Феофана Грека не оставляет места для сомнений – вот тут, в свитке всё написано, так и будет, читайте, соображайте, вы нас – уж будьте любезны, покормите по законам гостеприимства, и прощайте. Полвека между росписью Спаса на Ильине улице Новгорода и иконой Троицы А. Рублёва начали новую эпоху. Можно год простоять перед иконой, можно сесть, встать на колени, хоть лечь – и год спустя уйти пустым. И можно за какое угодно время впитать столько, сколько внутренний мир позволит – от нуля до бесконечности. Троица не позволяет, не заставляет, не велит и не запрещает – она даёт каждому столько, сколько тот может унести, если не будет жадным, главное – сам, своей головой, своим прошлым, своим умом и талантом, но сам, делай, и всё будет. А для Возрождения больше ничего и не требуется. Феофан Грек и Андрей Рублёв не просто были знакомы, они работали вместе (в московском кремле, среди прочего), и новгородскую Троицу Рублёв, конечно, знал: у него нарочно пропал свиток, пропали сами Авраам и Сара вместе с порывистостью жеста, осталось послание, почти просьба – ты знаешь, что обещано Аврааму и Саре, остановись и подумай, ты можешь всё, перед тобой вселенная, только соберись с мыслями и делай, помня о тех (с крыльями и копьями), кто молча тебе это позволил и подтолкнул, не прилагая усилий. Это ли не возрожденческая мысль! Мало того, что она более чем внятно написана Андреем Рублёвым темперой на левкасе внутри, она сначала изложена снаружи, в самом здании, в его архитектуре, созданной неизвестными строителями, постигшими завещание (даже завет) Сергия Радонежского: надо видеть больше, чем видно, открыто рассказать, показать, ткнуть носом и растолковать – проку не будет, за явным следует искать явленное, потому что каждому дано только то, что дано только ему, и у всех оно разное. На необходимость присмотреться к не первому смыслу, а поглубже, подальше, подольше А. Рублёв не просто указал, не только намекнул, а прокричал. Кажущееся спокойствие поз и выражений лиц противоречит тектоническому напряжению. Два (на троих) стула со спинками неопределённой высоты напрягают мышцы спины, чтобы сидеть прямо и держать крылья; у каждого стула видны только две боковые ножки, а другим ножкам, с другой стороны стула мешают ровно встать пара толстых лежащих на полу каменных или деревянных сведённых ближними концами досок, одежды не дают увидеть эти ножки стульев, но мозг отмечает, что равновесие неустойчиво, хуже того, первое впечатление, первый взгляд не оставляют сомнений – ангелов прислали невежливых, невоспитанных, двое уселись прямо на стол; по-

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:08 Страница 46

Феофан Грек. Троица. 1378. Собор Спаса Преображения на Ильине улице. Новгород

скольку им такое поведение не подобает, постепенно становится ясно, что они сидят намного ближе к тому, кто смотрит, не на столе, а перед ним, и это только усиливает напряжённость конструкции – куда пропали дальние ножки стульев, по житейской логике они должны быть подпилены на высоту подложенных толстых досок; или это не стол со стульями, а один диван на четырёх видимых ногах? Цвет боковин дивана или стульев совпадает с цветом крыльев ангелов, образуя преграду, почти как в уютном купе или за отгороженным столиком харчевни; и наконец, на высокой чуть более светлой стенке столика или дивана, обращённой к зрителю, ярко выписан лежачий прямоугольник с уголком внутри, не исключено, что так обозначено прямоугольное углубление в толще стола неопределённой глубины (может быть, во весь стол) и неизвестного назначения. В него хочется заглянуть, чтобы узнать, что же там прячется. Может быть, ничего и нет, но глубина и загадочность обозначены. Надо, надо при-

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:08 Страница 47

Андрей Рублёв. Троица. Троицкий собор Троице-Сергиева монастыря

никнуть в эту тайну, это прямое приглашение притормозить, взглянуть поглубже, задуматься; даже если разгадки нет, как со стульями, попытка подумать даром не прошла, сообщение от вооружённых ангелов попало к адресату: если спокойно работать, всё у тебя и потомства будет, старайся дальше, заглядывай глубже.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:08 Страница 48

Виктор Иванович Балдин это архитектурное послание, ему не явное, не явленное, не преподнесённое на золотой тарелке, – сразу не уловил или не стал настаивать на восстановлении состояния на 1423 год (как надо было бы, стоять четырежды крепко), когда судьба проекта реставрации решалась у какого-то начальства в министерстве, скорее всего, культуры начала 60-х годов XX века, до таких эмпирей привычно

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:08 Страница 49

не поднимавшегося – просто недосуг. Он прекрасно знал о рассказе Павла Алеппского, сына антиохийского патриарха, о конструкции коломенского Успенского собора (1382), виденного им собственными глазами во время путешествия за милостыней в середине XVII века. Первые проекты реставрации, начерченные и эскизно нарисованные, вполне ясно начинались с 12 закомарами первого ряда и 12 кокошниками второго ряда. 8 кокошников у основания барабана выпали из проекта сразу, так как вместо привычного светового кольца в неизвестно какие века появилось прямоугольное довольно-таки уродливое основание для укладки стропил плоской четырёхскатной крыши. Это основание то ли уничтожило, то ли спрятало под собой (что менее вероятно) восемь кокошников вокруг старого, более кряжистого барабана с восемью окнами и, насколько известно, никто не пытался разведать неразрушающими исследованиями, не осталось ли что-то от старого светового кольца

Вторым шагом к провалу стали вычерченные в эскизном проекте закомары и кокошники одной толщины (или глубины по направлению к барабану). Их пока 24 (12+12), позже будет и 20 (12+8), и 16 (12+4); закомары как будто в порядке, соответствуют тому, что видно с земли даже до реставрации, а вот с кокошниками второго ряда уже непорядок: северные и южные выстроились шеренгами по три штуки, но боками упёрлись в самую серединку малых западных (стало быть, и восточных тоже). Ровные ряды очень хороши, но как их соединить углами? Почему эти упираются в те, а не наоборот? И на чём они стоят? Там, внутри, под ними – с каждой

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:08 Страница 50

стороны света есть арки, втянутые животы которых снаружи заканчиваются спинами покрытия, закомары начинают эти арки, а заканчиваются они на столпах у светового кольца; размерность сужающихся арок продиктована двенадцатью полуовалами по периметру, на полдороге к барабану легко установить не очень тяжёлые украшения в виде кокошников, но главная трудность – на каком расстоянии от закомар. На севере и на юге просто, а восточный и западный прогалы между барабаном и закомарами различаются в разы.

Толщина кокошников, равная толщине закомар, превращает и то, и другое в одинаковые украшения, хотя закомары несут конструкционную нагрузку, а кокош-

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 51

ники – только декоративную (семантическая сторона нас пока не интересует). В.И. Балдин, конечно, был об этом осведомлён. Окончательное решение получилось остроумным, но неправильным.

На каждый из 16 оставшихся полуовалов (втиснуть во второй ряд все 12, и даже 8 не получилось – некуда, диагонали съели углы, укоротив периметр) надето буквально женское украшение – лёгкий, в несколько десятков сантиметров, ободок. За центральными закомарами к барабану ведут могучие спины покрытий под металлом, правда, очень разной длины, на западе туннель в три, если не в четыре раза обширнее, чем на востоке из-за сдвига барабана к апсидам. Неприглядность этой разницы при-

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 52

крыта такими же по массивности покрытиями диагональных якобы закомар второго ряда, которые следовало бы именовать уже кокошниками. К четырём волнам (от центральных закомар) между стенами и барабаном прибавились сопоставимые волны от диагональных, чуть покороче, потому что отступили от угла вглубь. Но появились они не по праву, а от остроумия, от необходимости добиться единообразия между закомарами и кокошниками: если не выходит всё сделать декоративным (тонким и лёгким), придётся всё сделать одинаково тяжёлым и массивным, как закомары. Изнутри этим тяжёлым диагональным сооружениям ничто не соответствует, они понабились снаружи только для заполнения зияющих пустот между стеной и барабаном, для декора достаточно было и тех самых, когда-то запроектированных «картонных» тонких и лёгких кокошников. Волн стало больше, поэтому они стали казаться меньше, но только казаться. Не стоит и упоминать, что рядок из трёх кокошников второго ряда с каждой стороны света отлично справился бы с задачей заполнения пустот и прикрыл бы долгие (кроме крутого восточного) тоннели от центральных закомар так, что никто о них бы и не вспомнил – естественное возвышение параллельного закомарам ряда как нельзя лучше справляется с этой задачей, но тут же требует третьего ряда, ещё меньше, вокруг барабана. Неодолимая (в начальных проектах) задача сочленения угловых кокошников второго ряда, из-за которой и приключилось сокращение их числа до четырёх, – решается без труда, если допустить скрадывание разных длин (тоннелей за центральными кокошниками) рядами по три, и толщина их (или глубина, одинаковая для всех 12) определяется только толщиной восточных, где дистанция от стены до барабана самая маленькая. Отказавшись от такого решения с самого начала, В.И. Балдин построил опять почти плоскую крышу с крутыми волнами, да ещё во время шторма, с пенными барашками прибоя.

Точно такие же волны колышутся и на Подоле, у стен Троице-Сергиева монастыря, в завершении Пятницкой церкви, но там дело обстоит ещё хуже, там никто даже не подозревает о существовании диагональных закомар или кокошников второго ряда, они неприметны на тёмной волнистой «морской» поверхности плоской крыши. При том, что Пятницкая церковь встречает всех на подъезде по новой московской дороге, понятно возмущение опытного архитектора и реставратора В.В. Кавельмахера: безжалостно, насмерть и жестоко убит живописнейший вид не только на саму Пятницкую (заодно уж и соседнюю Введенскую) церковь Подольного монастыря, но на весь Троице-Сергиев монастырь чуть повыше.

Видел ли это, знал ли об этом В.И. Балдин? Нет никаких сомнений. Глаз у него был воспитан при участии признанных мастеров, таких, как А.В. Щусев, П.Д. Барановский, Д.П. Сухов. И.В. Трофимов. Сочиняя диагональные закомары, В.И. Балдин не мог не испытывать колебаний, и теперь кажется, что в конце концов он молча признавал правоту В.В. Кавельмахера. Предполагать это приходится потому, что Никоновская церковь, прилепленная одной стороной в Троицкому собору, совершенно, казалось бы, незаслуженно обрела такое же, как у Троицкого собора, золотое навершие – в течение веков его не было, это новация В.И. Балдина. И это сработало. Недостающие кокошники второго и третьего ряда в Троицком соборе гурьбой пересели на Никоновскую церковь, общее покрытие создало общий образ, блеск драгоценного металла прикрыл нищету реставрационного решения, отнявшего важнейшую образцовую роль у Троицкого собора. То есть роль осталась, а копировать стало нечего – не при В.И. Балдине, а намного раньше, скорее всего, уже в начале XVI века, с появлением нового барабана с 10 окнами, он просто не исправил допущенную когда-то по незнанию ошибку.

При образцовом характере Троицкого собора для сотен и тысяч более поздних церквей – в течение шести столетий сокрытая тайна приобретает почти неохваты-

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 53

ваемое умом значение, всё равно что закрытый злыми геометрами закон Пифагора, утаённый от мира на два с половиной тысячелетия. Мир как-то справился, прожил эти два с половиной тысячелетия (в случаях с Успенским на Городке, Троицким, Спасским соборами – всего шестьсот лет), чем-то заменяя неведомый закон, привычкой и опытом делая незнание его безопасным и вроде бы терпимым – но всё же на это «умолчание» зря тратились силы, прокладывались непрямые обходные дороги; зияющая лакуна в конце концов утрачивает яркостные характеристики, что

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 54

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 55

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 56

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 57

чёрное, что белое – неважно, главное – научиться пользоваться. Но всё-таки со знанием существенно лучше – ошибок меньше, дороги прямее, силы тратятся на дело, а не на приспособление к тому, что ещё не открыто, но в жизни как-то присутствует, на многое влияя. Примерно так же и с числом «33» в архитектуре русских церквей. Ни из какой нумерологии вывести этот закон не удастся – он похож на природный, случайно обнаруженный. Сколько лет было Христу на кресте – неизвестно, может быть, 33, а может быть, и 35, или 31. «Акты гражданского состояния» (что бы ни пыталась обозначить эта терминологическая галиматья) никем не записывались или не сохранились. Дело не в сути самого числа, оно не обладает семантикой, не может ничего «значить», и отличается от 8 или 3 344 457 859 только количественной характеристикой. Даже переход от математики к геометрии не добавляет смысла, или добавляет тогда, когда геометрия используется для описания объёмов (жилья, например), которые приобрели семантику помимо, до и вне геометрии и математики – в попытке уменьшить число ошибок, портящих создаваемый объект или разрушающих его. На каком-то этапе появляется эстетическое целеполагание после соображений удобства и безопасности. «Камень на камень, кирпич на кирпич» – если внутри есть полость, можно считать её укрытием. Упорядочивая его, первым появляется зиккурат, уменьшающийся кверху для стока осадков. Первый камень, поставленный на готовую стену не для отвода воды, а для красоты, создал архитектуру. Три камня на стене – ордер. 12 камней по периметру четырёхугольника – ордерная система. Повтор её на следующем уровне – приближение к тем, кто живёт в небе, отрыв от земли; как мотив высотного строительства действует тысячелетиями, естественных ограничений не имеет, 100 уровней – не предел. Если перспективному схождению в точку искать альтернативу, то рано или поздно (скорее рано, сразу после появления внимания к светилам на небосводе) появится идея перехода от движения по прямой кверху – к движению по кругу в одном или почти в одном обозримом уровне, с повторяемостью и вариациями. Квадрат (bzw прямоугольник) и круг тяготеют к соединению, то внутри, то снаружи (вписанное и описанное), и подробности недостижимого соединения – самое интересное в истории архитектуры. Подмеченное Павлом Алеппским подобие шишке или артишоку – и есть то самое почти природное, хотя и человеком сделанное, закономерное и случайное превращение простого (зиккуратного) роста прямоугольников («восьмерик» = два «четверика» один в другом) в округлые формы барабана (тоже ещё четверик сбоку) и главы через начатые ещё там, внизу, полукруглые закомары и кокошники второго яруса, поддержанные малыми (и меньшим числом) кокошниками вокруг барабана (12 закомар + 12 кокошников выше + 8 кокошников барабана + 1 глава = 33). Прямоугольное в плане (12+12) заползает на округлое (8+1) и округлое (8+1) спускается на прямоугольное (24), геометрическая амальгама настолько текуча и естественна, что не замечается, но волшебство не придумано, оно не жульническое, а настоящее: если уменьшить вдвое (6+6+4+1=17) или увеличить вдвое (24+24+16+{всё-таки}1=65), чары рассеиваются, превращение теряется то в глыбах, то в подробностях. Совпадение с апокрифическим возрастом Христа – вовремя услышанная молитва («...молитвами святых отец...» – ими можно и нужно считать авторов церквей, взявших конструкции напрямую с неба), или «мудрость природы», подхваченная зодчими, секрет «33» – это найденный таинственный переход от прямого к непрямому, от линии к изгибу, от квадрата к кругу. Секрет – наверняка не единственный. Но именно он шесть столетий был скрыт. И остался скрыт после реставрации В.И. Балдина.

Предположительно такая привязанность к диагональным конструкциям закомар могла бы, вероятно, объясняться историей бытования основных соборов XV–XVII веков. Правильные (45°) диагонали составляют очень заметную часть

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 58

совершенства конструкций Спасского и Рождественского соборов (Андроников и Рождественский монастыри {XVI век} в Москве) и других, неправильные (меньше и больше) применялись с великим мастерством в Успенском монастырском соборе Старицы (1530), и ничего худого в наклонах и поворотах, разумеется, нет, но всё-таки, кажется, такой способ закругления образа, смягчения кубоватости конструкций более привычно для XVI века, чем для XV.

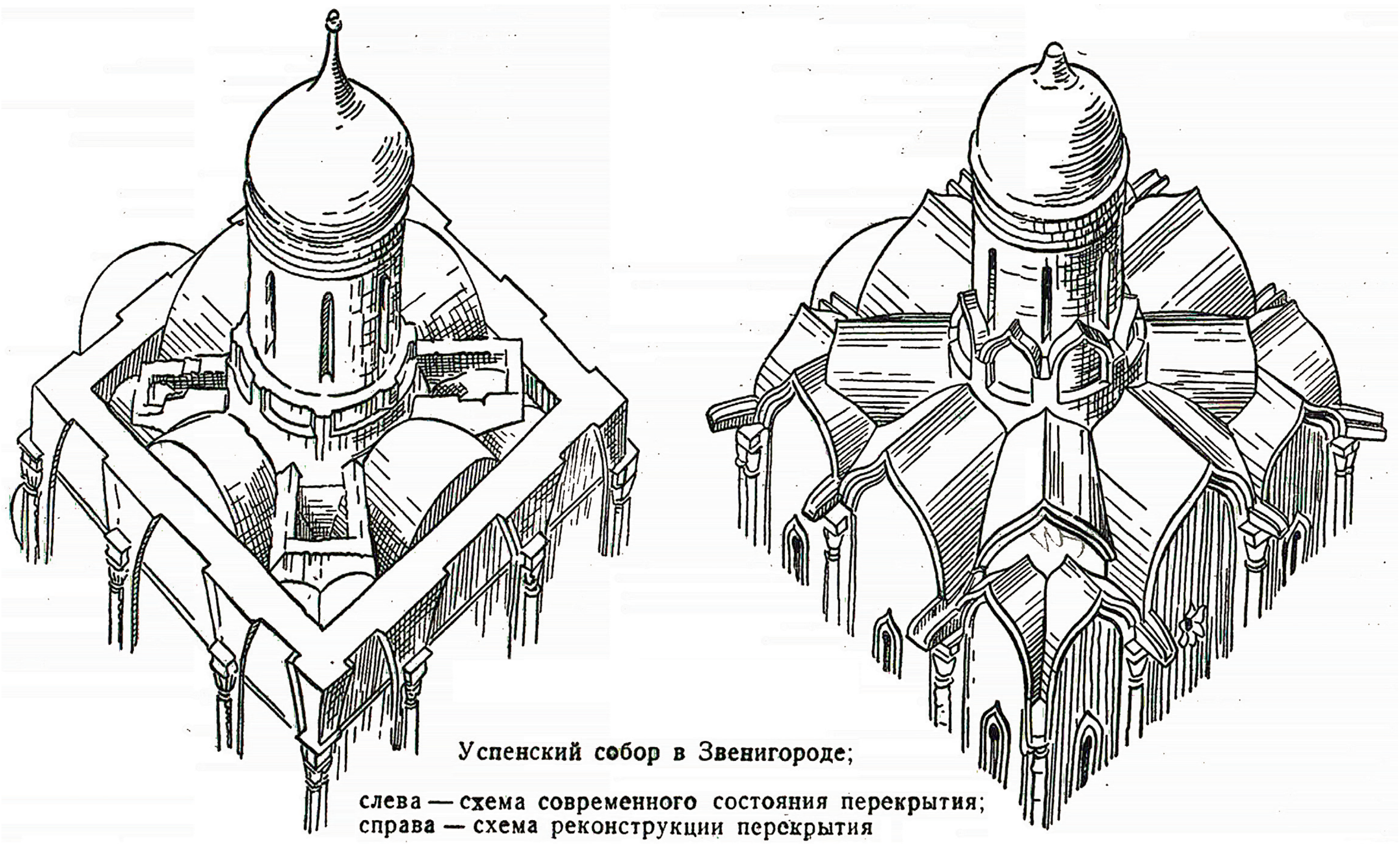
Установить, как и когда появилось пристрастие в диагональным конструкциям, затруднительно. Ещё труднее предположить, отчего оно появилось, то есть для чего стали поворачивать при строительстве или переделке закомары или кокошники, как бы их ни называть. Наличие их в XVI веке несомненно, но и для XV их присутствие отрицать доказательно не приходится. И если само их существование временами под вопросом, то смысловая или эстетические нагрузка их – совсем уж гадательна и предположительна, она колышется, как тень привидения на слабом ветру. От А.И. Некрасова (в 1929 году) до П.Н. Максимова и Н.Н. Воронина (в 1949 году) вопрос не ставился. Не исключено, что первенство принадлежит или Н.И. Брунову, или Д.П. Сухову. Приведём в связи с этим отрывок из статьи П.Н. Максимова (К характеристике памятников московского зодчества XIII–XV веков // Материалы и исследования по археологии СССР. Под ред. А.В. Арциховского. М.; Л., 1949):

Диагональные своды, устроенные сверх основных сводов здания, обнаруживаются в раннемосковской архитектуре не впервые. Они были найдены в Троицком соборе Троице-Сергиевской лавры (1422—1423 гг. {Н.И. Брунов. К вопросу о раннемосковском зодчестве. Тр. секции археологии РАНИОН, т. IV, М., 1928, стр. 93}). Д.П. Сухов объяснял появление этих диагональных сводов необходимостью лучшего отвода дождевых вод с той части позакомарного покрытия, где своды образовывали разжелобки, имевшие уклон внутрь здания, в сторону купольного барабана или пьедестала под ним; а кровля, которую можно было сделать над этим местом по забутовке, получалась очень плоской и, в силу этого, недостаточно надежной. Диагональные своды и были дополнительными крышами, устраивавшимися над этими опасными местами, защищавшими их от дождевых вод и отводившими последние в разжелобки между покрытиями над средними и угловыми сводами неподалеку от наружных стен, где эти разжелобки и заканчивались водометами. Нельзя не согласиться с таким объяснением смысла и происхождения диагональных сводов, породивших и диагонально поставленные кокошники (или, точнее говоря, закомары, так как они здесь еще являются щековыми стенами сводов — «комар») второго яруса. Нельзя не признать также, что с помощью таких сводов русские зодчие успешно и остроумно решили стоявшую перед ними практическую задачу.

Успенский собор в Звенигороде (схема реконструкции)

Весьма вероятно, что решение практической задачи оказалось бы остроумным, если бы она стояла. Дело в том, что разжелобки всегда имеют уклон не внутрь, а наружу, поскольку выступающее наружу световое кольцо выше внешнего периметра стен, и если бы даже внутренние арки его понизили, то забутовка – не единственный способ исправить уклон для стока осадков, можно управиться более лёгкими

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 59

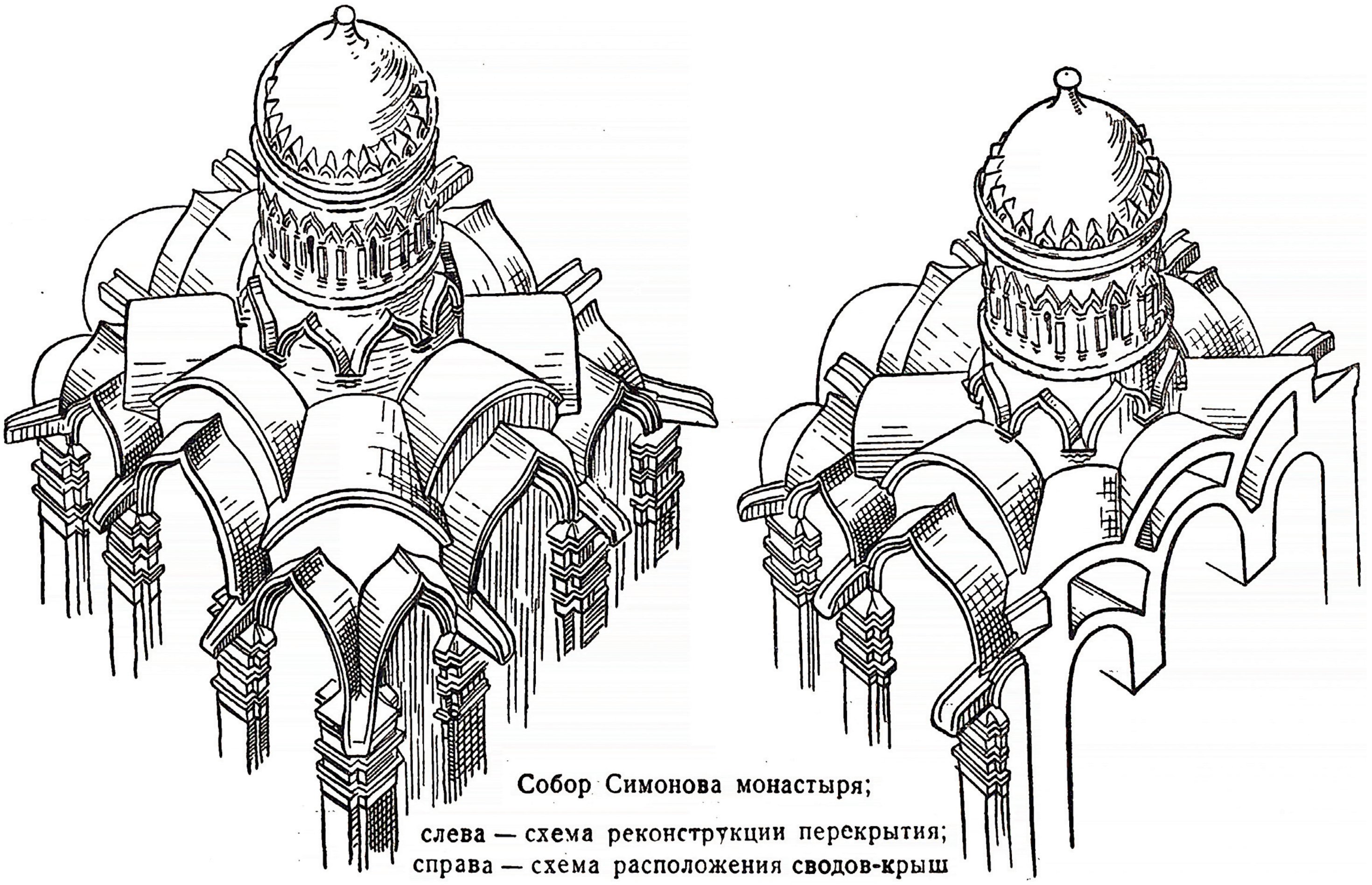


Успенский собор в Звенигороде;
слева — схема современного состояния перекрытия;
справа — схема реконструкции перекрытия

покрытиями. Нам кажется более правдоподобной другая версия, связанная с эстетическими соображениями. Спасский собор (и более поздний Рождественский, очень родственный ему конструкцией завершения, вплоть до похожести), восстановленный не на 1427 год, а существенно позже, на XVI век, в течение всего XV века всё равно включал в себя диагональные элементы, и убедительность, совершенство конструкции не могли быть не замечены современниками. Естественное желание использовать накопленный опыт при возведении новых, даже и при ремонте или переделке уже существовавших зданий, не обязательно на этапе проектирования предстоящих работ могло или должно было согласовываться с не самым ярким и бросающимся в глаза противоречием: очень многие сооружения уже имели сдвиг барабана к востоку, иногда очень существенный, но мало заметный снизу, сознательно скрытый авторами постройки при помощи ложного, не соответствующего внутренним столпам размещения лопаток и прясел, трансепт мог удаляться от центрального прясла на восток очень далеко, поскольку сохранялось стремление сохранить центростремительность всей композиции, не скособочить её перевесом одной стороны. Вполне возможно, что при не очень большом удалении барабана на восток заметить его могли только уже подняв материалы для работ наверх – не менять же намерения устроить такую замечательную красоту, как диагональные закомары, из-за таких почти незаметных пустяков, как сдвиг: снизу не видно было, и сверху ничего, как-нибудь устроится, по дороге решим, что и куда поворачивать. Не доказательством, но полномочным предположением о причинах такого легкомыслия может служить несерьёзное наблюдение.

Даже такой глубокий исследователь, как П.Н. Максимов, в реконструкции завершения Успенского собора на Городке не учитывает сдвиг барабана на восток, в плане центр четверика соответствует центру окружности главы. В реконструкции собора Симонова монастыря, основанной на собственноручном обследовании

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 60



Собор Симонова монастыря;
слева — схема реконструкции перекрытия;
справа — схема расположения сводов-крыш

монастыря в 1930 году, сдвиг барабана к востоку есть, судя по пряслам стен, но появляется новый интерес в другом:

... архаические черты позволяют высказать предположение о том, что возведенный, судя по материалу, в XVI в. храм в какой-то степени воспроизводил более старый, может быть восходящий к концу XIV в. Поэтому вопрос о композиции верха Симонова собора приобретает особый интерес. К счастью, его венчающие части сохранились под надстроенными в конце XVII в. декоративными боковыми главами и поздней четырехскатной крышей почти в нетронутом виде, и сделать их вполне достоверную графическую реконструкцию не представляло большого труда.

Над килевидными закомарами основного объема здания и отвечавшим им позакомарным покрытием возвышались сначала четыре гораздо более широких, чем в Звенигороде, диагональных свода-крыши, заканчивавшихся широкими и невысокими, не имевшими килевидных завершений закомарами, ориентированными на углы храма. Над средними закомарами основного объема высились ориентированные, так же как и они, но по форме аналогичные диагональным закомары, причем своды, соответствующие последним, располагались над сводами среднего нефа и трансепта и своими пятами опирались на диагональные своды. Все эти восемь сводов-крыш, образовывавших второй и третий ярусы закомар, своими внутренними концами упирались в круглый пьедестал под барабаном, увенчанный кокошниками, имевшими килевидное завершение, подобно мелким кокошничкам над карнизом барабана.

Таким образом, строитель собора Симонова монастыря ставил перед собой те же две задачи — утилитарную и художественную, которые стояли и перед строителем собора в Звенигороде, но решал их более радикально, хотя и теми же приемами — устройством дополнительных сводов-крыш. Если строитель Звенигородского собора накрывал такими сводами сравнительно небольшие части основных сводов здания, то зодчий Симонова собора увеличил размеры диагональных сводов и, устраивая еще своды-крыши третьего яруса над средним нефом и трансептом, накрыл ими почти все основные своды здания (не покрытые этими сводами части позакомарного покрытия, отвечающего закомарам основного объема храма, приходятся почти целиком над стенами). С другой стороны, увеличивая число закомар, вводя лишний ярус их

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 61

и применяя закомары двух видов – с килевидным завершением и без него, строитель Симонова собора сделал его верх еще более живописным и богатым, чем в Звенигороде. Собор Симонова монастыря сложностью своего верха как бы подготовляет пути к будущим московским храмам конца XVI–XVII вв. с их ярусами кокошников над сомкнутыми сводами и в то же время связывает их с раннемосковскими постройками конца XIV–XV вв., где ярусное размещение закомар и кокошников уже имело место. Предположение, что собор Симонова монастыря XVI в. в композиции своего верха воспроизводил перекрытие своего предшественника – собора 1379–1404 гг. — подкрепляется тем, что описание Павлом Алеппским Успенского собора Коломны 1382 г. с его кровлей, похожей на артишок, еще более совпадает с описанной нами конструкцией Симонова собора, нежели с композицией верха Успенского собора в Звенигороде.

В XVII веке собор Симонова монастыря украсили (или наоборот, «украсили») ещё 4 главы. Зачем они появились – знали только те, кто ставил, но нельзя не отметить, что вместе с ними число округлостей закомар, кокошников и глав достигло «33»: 20 закомар + 8 кокошников + 1 центральная глава + 4 малых.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 62

В Духовской церкви ширина пролета звона около метра (судя по высоте западного портала, гораздо больше двух метров). Высота не этих, а самых больших колоколов, – допустим, метр с небольшим. При очепном звоне раскачивается колокол.

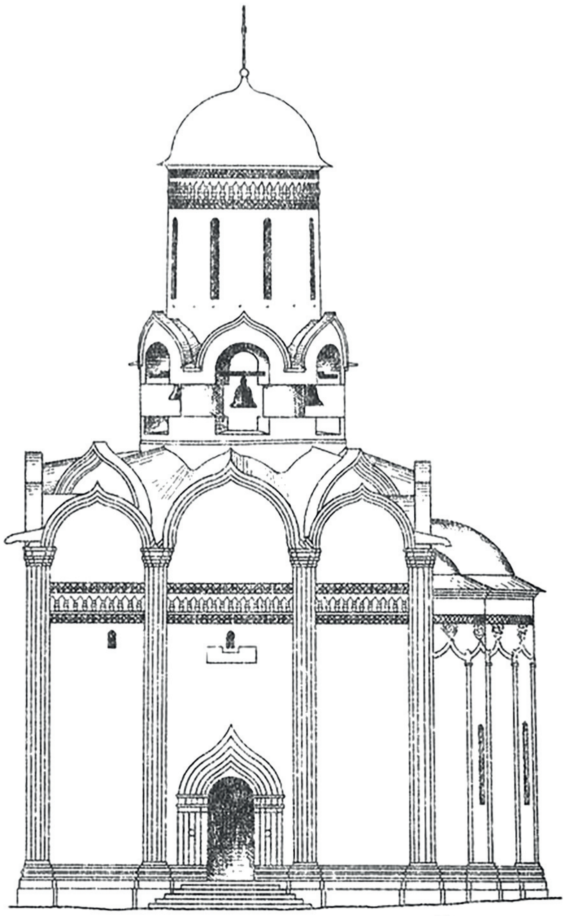
Нынешнее состояние Духовской церкви невозможно, неправильно, вопиюще несуразно.

Единственное пока, что точно известно – церковь под звоны, в этом сомнений нет. Но звонить-то невозможно. С восточной стороны церкви между центральной и северной апсидами стоит лестница. Она наверняка очень крепкая; по ней надо взобраться до крыши апсид. А ветер? А дождь? А ледяной дождь? А зимой? А голова закружилась? В 1476 году так построить не могли. И в меньших объёмах делали всход наверх, и для звона, и для ремонтов, которые неизбежны, и просто для осмотра, всё ли в порядке.

Это раз.

Когда язык колокола болтается как хочет или висит, не шелохнувшись, а раскачивается силой сам колокол, на сколько он должен отклониться от вертикали, чтобы своей внутренней стороной коснуться, нет, стукнуться об язык? Ну, пожалуй, сантиметров сорок-то надо, а то и полметра. Колокол намертво прикреплён к оси, к которой намертво прикреплён рычаг под углом 90°. Чтобы низ качнуть на полметра, надо рычаг качнуть на полметра. На том же расстоянии от оси вращения, что и длина языка, положим, метр, хотя чаще меньше. Горизонтальный рычаг, стоя почти вплотную к колоколу, надо поднять на полметра. Но там негде стоять вплотную, стоять надо на земле, дёргая за вертикальную верёвку или деревянный шест. А горизонтальный рычаг отстоит от колокола на три, пять, а то и шесть метров. И поднять или опустить его надо метра на полтора или три, чтобы колокол качнулся всего на полметра. Во Псково-Печерском монастыре можно стоять рядом и на земле – там звонницы, а не колокольни, они плоские и протяжённые. А здесь никак нельзя.

Это два.



Звон – музыкальное произведение, исполняемое несколькими специалистами, если колоколов много. Один всегда запевала, как дирижёр. В строю можно ориентироваться на запевалу даже из задних рядов, ноги держат ритм. А дирижёра надо видеть, чтобы попасть в такт или отстать на одну восьмую со своим ударом. И как же его увидеть, когда между первым и вторым или третьим целый четверик то поперёк, то по диагонали? Он непрозрачный.

Это три.

Сергиев посад – место, откуда черпаются образцы для многих других мест. По примеру Троицкого собора строили Успенский собор в Кириллове и Троицкий в Александровской слободе. В Ферапонтовом монастыре по образцу Духовской церкви строили Благовещенскую, тоже под колоколы. И как же они там, в Ферапонтовом, взяли за образец главное – модуль «33» (12 закомар + 14 кокошников второго ряда + 6 кокошников третьего

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 63

ряда, вокруг барабана + 1 глава = 33 округлых элемента одного профиля), если его не было в Духовской, в которой тоже всего 6 кокошников под барабаном? Да никак. Скорее всего, и в Ферапонтовом скопировали то, что видели в Духовской: 12+14+6+1. А 4 диагональные закомары второго ряда (не видимые ниоткуда, только птичкам) появились сначала при ремонтах и переделках пяти веков, потом в мыслях П.Д. Барановского, В.И. Балдина, В.В. Кавельмахера, видевших и трогавших каменные остатки и не обращавших внимание на невозможную, чудовищную длину крыш центральных закомар, такую немыслимую длину, что, не имея возможности приложить рулетку, приходится гадать, к чему цифра ближе, к четырём метрам, или всё-таки к шести. На месте четырёх диагональных закомар-невидимок должны стоять с севера и с юга по четыре (не три, как обычно) кокошника второго ряда, и где-то рядом должен быть выход с внутристенной лестницы, следов которой пока не видно. (Не исключено, что сумма «33» могла набираться и как-то иначе, а кокошников во втором ряду было всё-таки по три – лишняя парочка могла быть на западе).

Это четыре.

Есть ещё один намёк на способ приближения к числу «33»: восемь окон барабана трудно согласовать с шестью кокошниками внизу; обычно щипцы кокошников помещаются между окнами, здесь же оконные проёмы разной ширины и высоты изготовлены так, словно открывают доступ к чему-то ещё, ныне отсутствующему – не к малым ли двум кокошникам, которых не хватает до восьми? Тогда и на севере и на юге остаются по три кокошника второго ряда. Между ярусом с колоколами и ярусом с окнами, кажется, должно отсутствовать перекрытие; вот если бы там снаружи было хоть маленькое гульбище для звонарей, оттуда можно было бы звонить, размахивая перекладинами рычагов. Это не снимает необходимости устройства всхода наверх, но приводит на память ещё одну церковь – Гаврииловскую в Кирилловом Успенском монастыре, которую, не исключено, тоже возводили, имея в качестве образца Духовскую – об этом писал не однажды С.С. Подъяпольский. Родство Гаврииловской (1531–1534), Благовещенской (около 1531) и Духовской (1476) как будто бы очевидно, несмотря на отсутствие апсид у Благовещенской церкви, прислонённой к трапезной. У Духовской закомары ещё настоящие, а у Благовещенской и Гаврииловской они конструктивно решены иначе, включают в себя звоны, что позволяет нащупать какое-то рациональное зерно в гаврииловском изобилии кокошников – считать надо те, что с колоколами, остальные каким-то иным механизмом, устройством, дизайном исключены из счёта «33», включающего две главы. И тоже пока не решён вопрос о существовании верхнего гульбища и всхода. Несколько верёвочек одна за другой сначала связывают, а потом взаимно помогают понять логику и конструкцию и трёх соборов, первым из которых стал Успенский в Звенигороде, и трёх церквей, первой из которых стала Духовская. Гаврииловской помогает Предтеченская (1531–1534) поблизости (в Ивановском монастыре), очень близкая, совпадающая по времени постройки, с такими же плоскими апсидами и точно включающая решение на основе модуля «33». Строители Гаврииловской не могли просто отмахнуться от такого инструмента, только что применив его в Предтеченской (или наоборот, сначала в Гаврииловской), тем более, что перед глазами стояло похожее решение завершения Успенского собора, возможно, и безапсидная Введенская с трапезной была объёмным образцом для трапезной безапсидной Благовещенской церкви в Ферапонтове.

Это пять.

Так же, как в Гаврииловской не могли отмахнуться от опыта Предтеченской и Успенской, так и в Духовской не могли пренебречь образцом Троицкого собора с закомарами (12) и кокошниками (20 в двух ярусах + глава), стоящего в нескольких шагах; но и просто скопировать, повторить – негоже, всё-таки храм – не частокол,

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 64

не стена с одинаковыми частями и рисунком завершений. Надо как-то точно также, только немного иначе, секрет спрятать, но не там, а в другом месте, с другой неожиданностью. Так же потом поступят строители Благовещенской церкви в Ферапонтовом – после рядом стоящего Рождественского собора. Самостоятельность, неповторимая оригинальность – не признак обыкновенной гордости или хвастливой заносчивости автора, а обязательная черта возрожденческого стиля (С.С. Подъяпольский) – уже однажды решённую задачу не имеет смысла решать так же, это не решение. Ровно об этом писал родоначальник европейского искусствоведения Й.Й. Винкельман в 1755 году («Мысли о подражании греческим произведениям в живописи и скульптуре»): сделать так же, но иначе, подражать, не подражая, колос убивает зерно, но он даёт тоже зерно, чуточку иное. «Молитвы святых отец» не повторяют подвиг Христа, а добавляют к нему свою малую толику, но суть-то – та же. Повторяя секрет в зодчестве, нельзя ни потерять найденную мысль, ни испортить её насмерть простым повтором, убив свежесть открытия для новых поколений: нет новизны – нет молитвы, нет повторения мысли – нет возрождения её в новом виде.

Это шесть.

Но в глазах так и стоит рисунок В.В. Кавельмахера с изображениями торчащих во все стороны горизонтальных рычагов и предполагаемых замерших перед рекордными танцевальными прыжками звонарей. Интересно, что в рисунке В.В.Кавельмахер сделал всё-таки диагональные закомары чуть более крупными, чем они видны с такого ракурса.

После обнародования одного из секретов эстетической убедительности и уникальности многих русских церквей эпохи Возрождения дальнейшее сохранение убогих недостатков этих же церквей, прилепленных к ним в течение ближайших трёх веков, перестаёт выглядеть просто досадной пошлостью, превращаясь в преступление. «Усовершенствования» XVIII, XIX, XX веков – это примерно то же самое, что попытка поручить машинному переводу на немецкий представить германоязычной публике «Сказку о царе Салтане» – тот, кто поручит, совершит не оплошность, а убийство – он «тайно бросит в бездну вод» самую суть Сказки, не часть, а всю её прелесть, и без надежды на чудесное спасение. Из этого вытекают первые впечатления от первой ночёвки в Кириллове или поблизости от Ферапонтова монастыря: «А кроме убожества, нищеты и разрухи, тут что-нибудь есть?» Если есть мозг, первые впечатления переменятся, и чем дальше, тем больше. Но первое изумление останется: ну зачем было так уродовать надвратную церковь Иоанна Лествичника, для чего надо было прятать кокошники, ставить поразительно несуразную главу, закладывать проходы и тем самым лишать самого главного, самой умной красоты всякого любопытного зрителя, приближающегося к церкви, общей концентрацией абсурда – лишить, избавить, отнять возможность получить удовольствие самостоятельно понять, что над проходом – не бывший дверной проём, а окошко, так организованное и решённое, с таким размером, с таким намёком на постепенное всхождение по лествице, в виде поплывшего вниз левого окончания подоконника; общая картина с одного взгляда раз и навсегда убивает образ, пачкая поэзию солдафонским ритмом, эполетами, вставленными в аксельбанты, в котором (ритме) только красота и может, по мнению командующего парадом, содержаться, и все минуют проход, удивляясь, как это так кирпич оказался пластичным материалом, что скривился от старости и всё исказил. А искажение – не в камне, а в голове. Оно застревает и путешествует потом по жизни всегда, превращаясь из-за почтения к древности в шаблонные рельсы, надёжно ведущие не туда, куда хотели направить помыслы видящих церковь её авторы.

Трудно гнуть рельсовый путь: снаружи – много, внутри – чуть. Особенно на 180°.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 65

Но приходится гнуть, если кому-то досталась участь звонить в колокола на этой звоннице с использованием по рецепту Ходжи Насреддина «палки и верёвки». Нет, лестницы и верёвки. В лестнице около 30 ступеней, может быть, чуть меньше. Высота ступени – 35–40 см. 35 × 30 = после 10 метров. Если звонить с середины лестницы, не добравшись до верха со страху – мелодия получится так себе, не очень выразительная. Да и прямо с крыши – тоже.

После появления макета (1951) О.П. Барановской, после реставрации и придания завершённого облика церкви она выглядит привычно хорошо, можно даже заставить себя отыскать слова в превосходных степенях для описания её эстетических достоинств. Её приятно «ощупывать глазом». Но в целом облик как картина, как цельный предмет, не состоящий из деталей, а весь, одним «куском» – неожиданно оказывается небезупречен. Объяснить суть упрёка никак не удаётся, но что-то не так ложится в глаз. Оттого и попытка «пересогнуть негнущееся».

Невозможно даже предположить, что в 1476 году вызванные изо Пскова мастера, установившие причину обрушения Успенского собора в московском кремле и уцелевшие после отказа исполнить волю великого князя (построить новый), могли проектировать церковь для звона («иже под колоколы»), в которой нет доступа к колоколам тех, кто, собственно, и должен звонить. Туда надо было как-то попадать, в непосредственную близость к верёвкам, которые приводят в движение языки колоколов, потому что очепным методом с земли позвонить никак не удаётся – габариты четверика не пускают.

С этой точки, с этого момента – самое главное. Звонить надо из положения «рядом» с колоколами, наверху, языком или оцепом – не так уж важно, главное – рядом, на одном или почти на одном уровне. Как попасть наверх?

Снаружи – вряд ли, слишком высоко и безобразно: система деревянных крылец, рундуков и лестниц своим чужеродным скелетом испортит любое сооружение. Изнутри в центральное уже несветовое (огромные проёмы в барабане нельзя оградить, отделить от внутреннего пространства, нужен пол или перекрытие вместо светового горизонтального окна) кольцо не попасть – центр даже вверху притягивает взгляды, а лестницу трудно сделать ласкающей взор при взгляде снизу, из глубины 5 саженей. Чтобы перемещаться вокруг барабана, нужна площадка, дорожка шириной хоть в аршин (≈77 см) над сводом, на которую можно проникать, например, с внутренних деревянных хор, как правило, на западе. А уж как попадать на хоры – псковские строители не сомневались, так как только что установили причины падения стен Успенского собора в московском кремле (если не знали раньше об этом не очень оригинальном способе): чаще всего (но не обязательно) в северной стене прямо внутри, в толще стены устраивалась лестница, на которой трудно разминуться взрослым людям. Или деревянную конструкцию можно сделать внутри на западной стене – не очень хорошо, но годится кое-как.

В 1937 году П.Д. Барановский начал разбираться с первоначальным завершением церкви. Примерно тогда же дело попало и в руки Игнатия Викентьевича Трофимова (воевал с 1941 до 1943 года), он и составил в 1946 году проект реставрации. В каком отношении он был к проекту О.П. Барановской (в фондах Музея), выполненному под руководством отца, также не известно, но, вероятно, более или менее близко. Следующий проект – В.И. Балдина (1960), повторяет проект О.П. Барановской. В.И. Балдин в 1960 году искал следы лестницы в северной стене, его тоже интересовал вопрос, как звонарю попасть наверх, к колоколам; видимо, следов не обнаружено, иначе всё решение конструкции верха было бы другим, не скрыл же он, в конце концов, обнаруженные следы лестницы или заделки деревянного всхода в стене, чтобы только не менять проект Игнатия Викентьевича и Ольги Петровны и сохра-

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 66

нить любезные его сердцу после проекта реставрации Введенской церкви на Подоле диагональные закомары.

Существует мнение, что с севера к церкви примыкала в своё время трапезная, которая как-то и помогала решить вопрос с проникновением наверх. Не пытаясь спорить со сторонниками этой точки зрения, нельзя всё же не привести два соображения, мешающие согласиться с ней. Трапезная, примыкающая сбоку, к северному выходу из поминальной церкви, не нужна – церковь не для помещения в неё большого числа монахов, а для памяти о похороненном поблизости Сергии, внутренние помещения не впускают ни десятки, ни сотни человек. Да и рановато, кажется, для таких трапезных время придёт примерно ещё через полвека – Введенская в Кириллове, Благовещенская в Ферапонтове. И, кроме того, обе они построены без апсид, поскольку архитектурно выделенное место для престола, отделённое иконостасом, появляется там, где появляются время от времени миряне, а церковь без апсид – это и есть сама апсида, как, например, загадочный Алексеевский придел к Введенскому собору в Серпухове. А в Духовской церкви апсиды присутствуют, на месте, как и в образцовой Успенской на Городке.

Более естественным, «прецедентным» предположением о способе подъёма к колоколам могла бы быть мысль о псковской в несколько пролётов звоннице, примыкающей с какого-то угла к церкви, и конструктивно позволяющей подниматься прямо на её крышу, находящуюся несколько ниже основания барабана церкви, так как с этого уровня в начале XVII века велось документально зафиксированное наблюдение за противником во время Смуты; если бы шатёр был изначально, то он заслонял бы обзор как раз на запад и юго-запад.

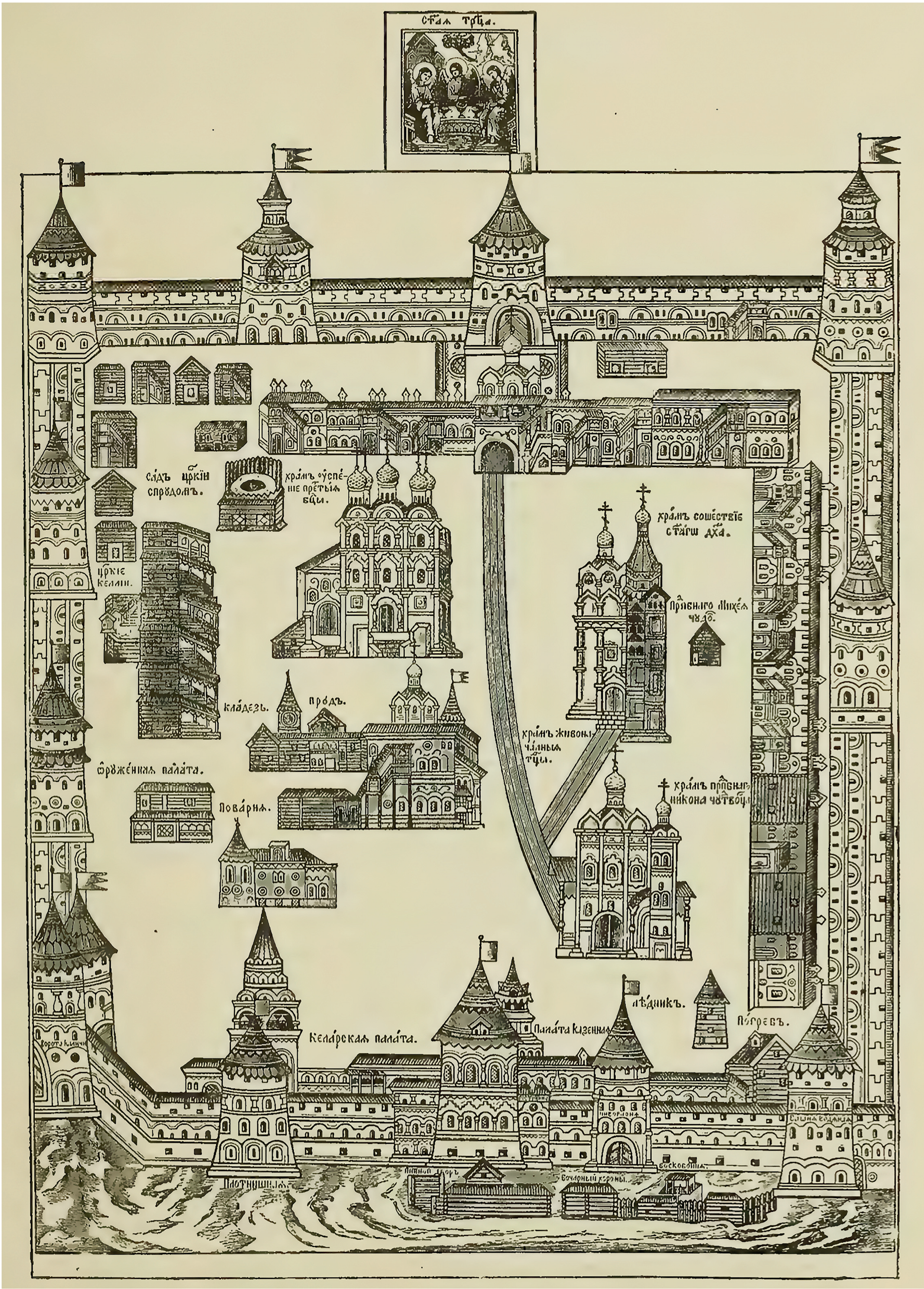
Прорисовка иконы 1630-х годов у Е. Голубинского показывает свежепостроенную колокольню на юго-западном углу Духовской церкви, с которой как-то можно забраться на верх церкви. Возможно, такая же, деревянная или каменная, стояла и раньше где-то поблизости, раз поляки во время осады начала XVII века попали ядром в большой колокол, и оно отскочило аж в окно апсиды Троицкого собора. Не исключено, что стояла старая колокольня или система крылец и в другом месте, например, с севера, и построена была сразу, чтобы попадать наверх не по приставной лестнице. Важно не только это.

Ни в Троицком соборе, ни в Духовской церкви нет никаких признаков диагональных кокошников. В Духовской на иконе искажено соотношение размеров главы, барабана и двух ярусов кокошников, но нет никаких сомнений в том, что оба видимых с запада яруса кокошников выстроены в одну линию, по прямой. Так же верно, что и в изображении Троицкого собора есть и закомары, и кокошники на барабане (не окна, так как над полуовалами намечена некая трёхрадиусная кривая), три из восьми, поскольку крайние уменьшаются в ширину. Таким образом, в обеих церквях показаны несколько ярусов закомар и кокошников; автору иконы не нужна была количественная точность, два или три яруса кокошников там на самом деле, чтобы не мельчить, можно один рядок и выпустить. Важно то, что в Духовской один над другим стоят два прямых ряда, никаких диагоналей.

Пока – из относительно твёрдо установленного: звонить надо сверху, нужна дорожка-площадка вокруг барабана для звонарей или путь на пол под барабаном от выхода на воздух.

Теперь – из нетвёрдого предполагаемого: откуда взялись диагональные закомары (4 штуки)? Вряд ли П.Д. Барановский и И.В. Трофимов их запроектировали «для красоты», не имея оснований – так не бывает. Остаётся только догадываться, не имея оснований – вот так, без оснований, как раз и бывает, даже каменные остатки трудно датировать.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 67



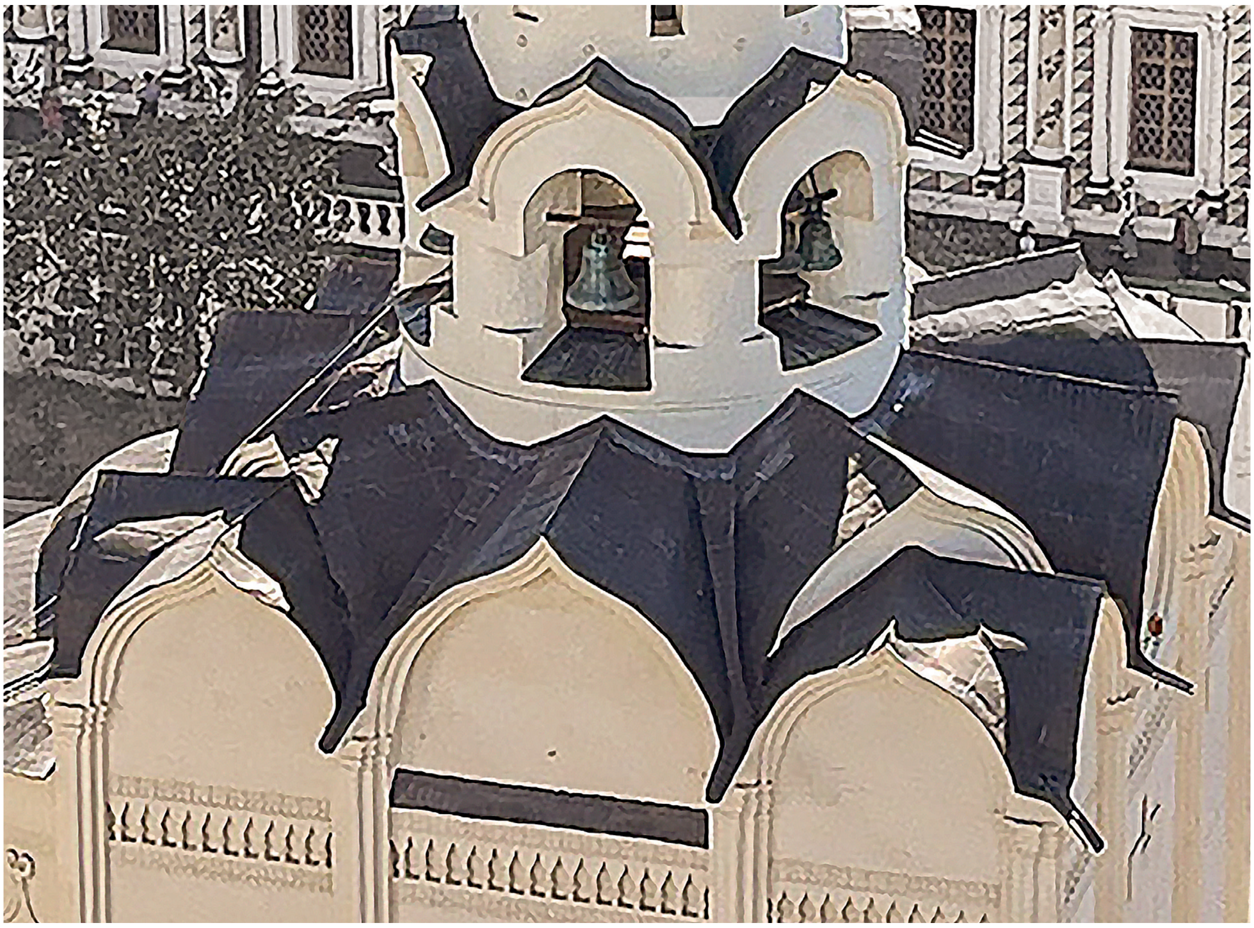
Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 68

Духовская церковь строилась через полвека после и по образцу Успенского собора на Городке. После 1510 года (может быть, и намного позже) в Троицком соборе появились диагональные закомары второго ряда. Сколько их было – установить трудно. Точек зрения К.К. Романова, П.Д. Барановского и И.В. Трофимова по этому вопросу пока обнаружить не удалось. В разных проектах В.И. Балдина было от 4 до 12 во втором ярусе. То есть и он был нетвёрд, потому что не имел документальных кирпичных или белокаменных оснований от 1423 года, только более поздние трудно датируемые остатки. Сходство между Троицкой и Духовской церквями долго искать не надо. Псковичи строили по образцу, но и по-своему. Здесь основания для предположений не просто зыбкие, а совсем воздушные: сопоставляются не предметы, не картинки, не облики, а причины появления обликов, мотивации, не оставившие никаких материальных следов, кроме собственно двух пар предметов. Троицкая и Духовская; Рождественская и Благовещенская в Ферапонтове. В последней паре несомненна простая причина: и хотели, и надо было сделать точно так же, только немного по-другому, то есть спрятанную мысль спрятать по-другому, но так же надёжно (33 полуокруглости в завершении церкви как 33 года). В Рождественской было 8 кокошников вокруг барабана и по 3 кокошника во втором ярусе на севере и на юге, а в Благовещенской – 6 вокруг барабана, и по 4 кокошника во втором ярусе на севере и на юге. Там, в Ферапонтове, отстояние по времени – от 1490 до 1530 года (40 лет), в Сергиевом посаде – от 1423 до 1476 (53 года). Мне кажется, можно полагать, что та же мотивация была и в паре «Троицкая и Духовская», только ещё совершеннее, ещё более образцовая мотивация для подражаний и повторений: записанное уже не только буквами, по-старому, но и по-новому, арабско-китайскими цифрами, число «33» состояло из двух троиц, одна (ветхозаветная) – благая весть принесённая тремя ангелами (Феофан Грек и Андрей Рублёв), другая (новозаветная) – голубь (святой дух), присоединившийся к Отцу и Сыну, завершил составление Троицы. В Ферапонтове (1490–1530) движение от Рождества Богородицы к Благовещению, в Сергиевом посаде (1423–1476) движение от благой вести к Сошествию святого духа на апостолов. Только в парах семантика становится завершённой, закруглённой, полной, число «33» обогащается целыми вереницами смыслов.

Предположение, похожее на беззвучный след от гусиного пера в воздухе. Но когда с ним хоть ненадолго смиришься, согласишься, когда впустишь его в сознание, оно, предположение, как-то на глазах начинает крепнуть и сгущаться прямо из воздуха, из ничего начинают сами собой складываться лекальные кирпичи, вторым рядом над закомарами вылепляются 14 кокошников в Духовской церкви, причём прямоугольником, на севере и на юге по четыре, на западе и на востоке по три (или на западе лишний, промежуточный рядок из двух, тогда по сторонам света во втором ряду сохраняется по три), везде прямые линии, которые очень нужны, чтобы отделить нижнее прямое от верхнего округлого, отделить и собой соединить кубический четверик и сферическую главу на барабане, жёсткое и мягкое, растущее и повторяющееся, словом, что-то почти природное, естественное, «только таким и могущее быть», как шишка или артишок у Павла Алеппского.

Больше всего это должно быть понятно археологическим архитекторам-реставраторам, привыкшим наступать на горло собственной песне, привыкшим прислушиваться к голосам, утихшим пять и шесть сотен лет назад. Они долго запрещали себе так думать, в эту сторону думать, а оно оказалось настолько созвучно их собственным, мучительно созревавшим представлениям, что теперь эта эфемерность доказательств на глазах превращается в нечто почти осязаемое, во всяком случае достойное хотя бы паузы в рассуждениях – чтобы оспорить или задуматься.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 69



Из-под старой четырёхскатной крыши не видно, сколько кокошников было в завершении Духовской церкви, и какими они были – тоже не видно. Но, кажется, точно не нынешние шестнадцать. Наверное, тоже 32. 12 снизу, 14 посередине (или 12+{2 повыше}), 6 наверху и глава. Так как-то лучше. Кажется.

Соединение сдвига барабана к востоку с диагональными закомарами логически сталкивается почти с запретом: над углом четверика в 90° должна поместиться диагональ в 45°, ничем под собой не оправданная, не обусловленная, ни на чём не основанная, кроме эстетических соображений и предпочтений, ради которых приходится измышлять кривое внутри прямого, поскольку диагональ надо соединять или хотя бы как-то согласовывать со световым кольцом. В соборе Симонова монастыря для этого понадобились своего рода чердаки под закомарами второго ряда. Тяга к срезанию углов четверика – вполне постижимый мотив для появления диагоналей, но появляются и новые трудности, в данном случае побеждённые увеличенным размером диагоналей второго ряда и чердаками.

Ещё одно несерьёзное наблюдение: во всех без исключения рисунках, проектах, макетах и реконструкциях диагональные закомары показаны более высокими, чем они получаются в действительности – для заметности их так легко чуточку пририсовать, но потом, когда доходит до белого камня или до кирпича, логика материала стаскивает щипец или полукруг вниз, за угол, и диагональ всегда только выглядывает, как на неё ни взгляни. Рядок из трёх параллельных закомарам кокошников заполняет пространство между стеной и барабаном, а один повёрнутый – подчёркивает и создаёт пустоту, его не хватает для правильного завершения зиккуратного состояния истаивающего, уменьшающегося четверика, не хватает постепенности и направления уменьшения, всё ещё прямоугольного, но предваряющего волшебное превращение в округлость при помощи барабана и главы, перескок диагональных закомар – как слишком ранний старт перемен, сразу обещающий неудачу на финише.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 70

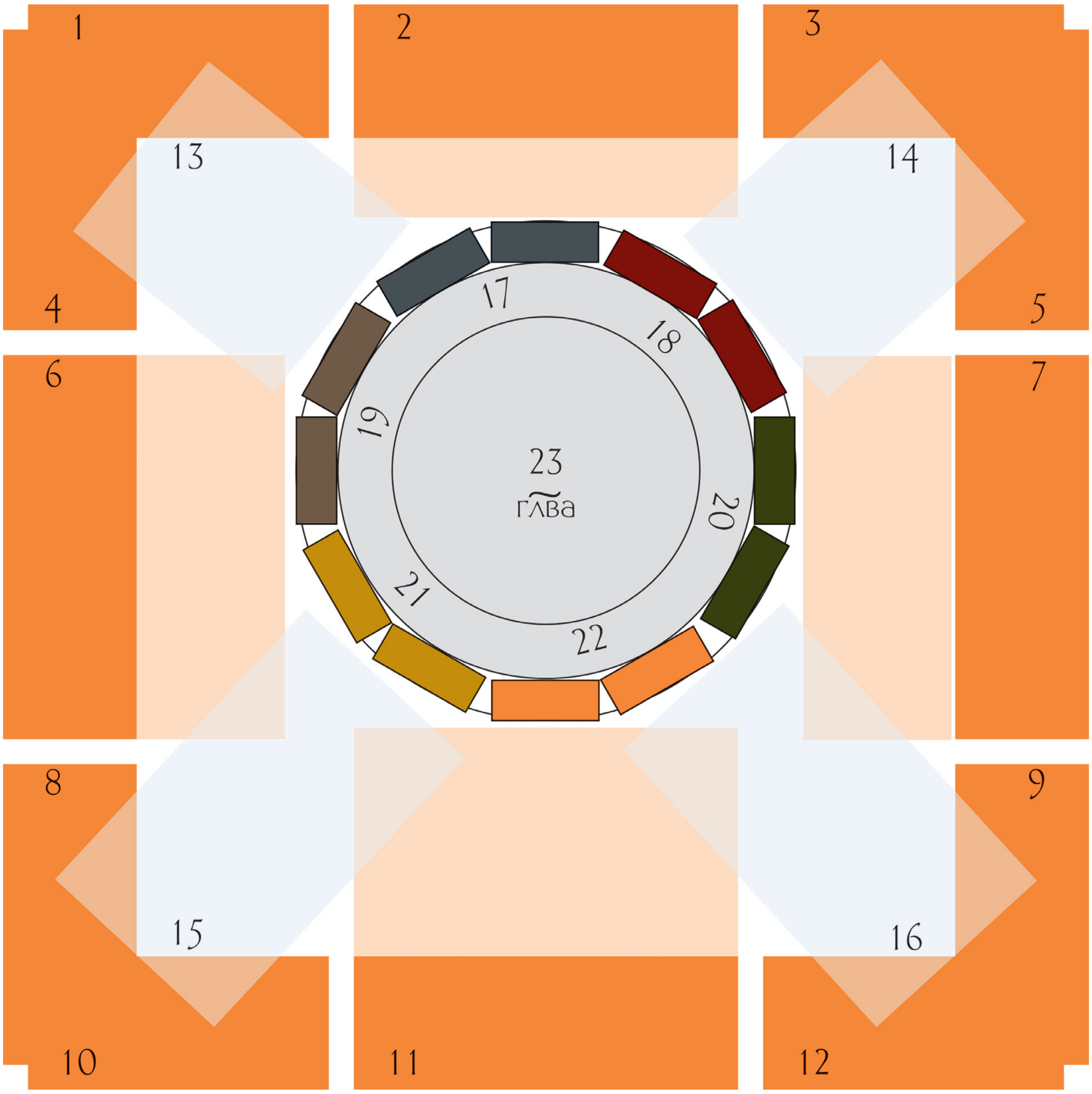
Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 71

Итак, в диагоналях есть потенциал, но им надо уметь пользоваться (Спасо-Андроников, Рождественский, Успенский в Старице соборы) и обязательным условием для успеха становится строго центрическая композиция, без сдвига барабана к востоку, или во всяком случае при совсем незаметном, спрятанном другими способами сдвиге. И наоборот, когда к подвинутому на восток барабану приставляются диагональные закомары, получается конфуз. Едва ли не основная неприятность в том, что тоннели от центральных закомар первого ряда (со сдвигом барабана или без него, в любом случае) составляют в плане правильный крест, а закомары второго ряда при конструкции со сдвигом трансепта к востоку, повёрнутые по отношению к первому ряду на 45°, ничего взаимно перпендикулярного составить не могут, и даже Андреевский крест не выходит из-за диаметра барабана, выходит одна несуразица, сдвиг запрещает диагонали – но только тем, кто видит, что второго креста нет, кто видит, что зияющая дыра между стенами и барабаном должна быть заполнена пока ещё четвероугольным содержанием, уменьшающим четверик и одновременно подготавливающим собственной повторной дробной полуокруглостью переход к барабану и главе. А тот, кто не видит этой несуразицы, вынужден, признав поражение, прибегнуть к манёврам и ухищрениям, скрывающим беспомощность и невидение правильного решение: в Духовской церкви лавры один диссонанс придавлен другим – пара западных диагональных кокошников размером приближается к нижним центральным, на стенах, а пара восточных спряталась и уменьшилась, словно их и нет вовсе, хотя на макете О.П. Барановской всё пригнано, как полагается, ровно. В таком подходе появляется нечто нечестное и пораженческое; не смогли понять, как надо и сделали, как смогли – никто же не видит, не хочется признавать, что диагоналей тут быть не должно, даже если есть много несомненных каменных остатков – они не изначальны, не 1476 года.

Более чем вероятно, просто наверняка и несомненно, что псковские строители придумали не такую примитивную уловку – добавить с севера и с юга по одному кокошнику, чтобы получить итоговое число «33»; лишнюю парочку они могли найти таким способом, который в нынешние головы не входит, скажем, поставить на востоке между большими закомарами (вряд ли, лучше на западе добавить промежуточным рядом две штуки перед барабаном) или втиснуть их куда-то ещё. Ясно, что построить здание Духовской церкви без проекта, чертежа, модели или макета – невозможно. Зная, каков будет барабан, каковы закомары на высоте, не проектируя внутристенной лестницы с маршами в северной и западной стенах, а рассчитывая попадать наверх или с системы крылец, или с юго-западной пристроенной звонницы, без светового отверстия под барабаном, переставшим быть фонарём – как можно запроектировать четыре штуки таких закомарокошников, на схеме обозначенных ослабленным тоном, как-то организовать их сопряжения со всем остальным, с хвостами центральных кокошников, махнув уже рукой на угловые, и не задуматься над тем, как станут ломать ноги, поминая нечистую силу и тех, кто это учинил, звонари и те, кто туда попадёт с ремонтными, к примеру, целями – там ногу установить некуда, всё кривое и скользкое, не то что звонить, устоять нет никакой возможности, если не выучен цирковой, а не церковной эквилибристике. Прав был В.В. Кавельмахер, когда называл реставрацию 60-х – 70-х годов беспощадной.

Если очепный звон исключён ввиду технической невозможности, а колокола всё-таки предусматривались, планировались из-за поминального предназначения мартирия, требуется место, где могут испоместиться звонари, хоть один, или наблюдатели во время осады (польско-литовско-казачьей в начале XVII века). В существующем варианте восстановления Духовской церкви нельзя попасть наверх и нельзя ударить в набат. В существовании многопролётной звонницы

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 72

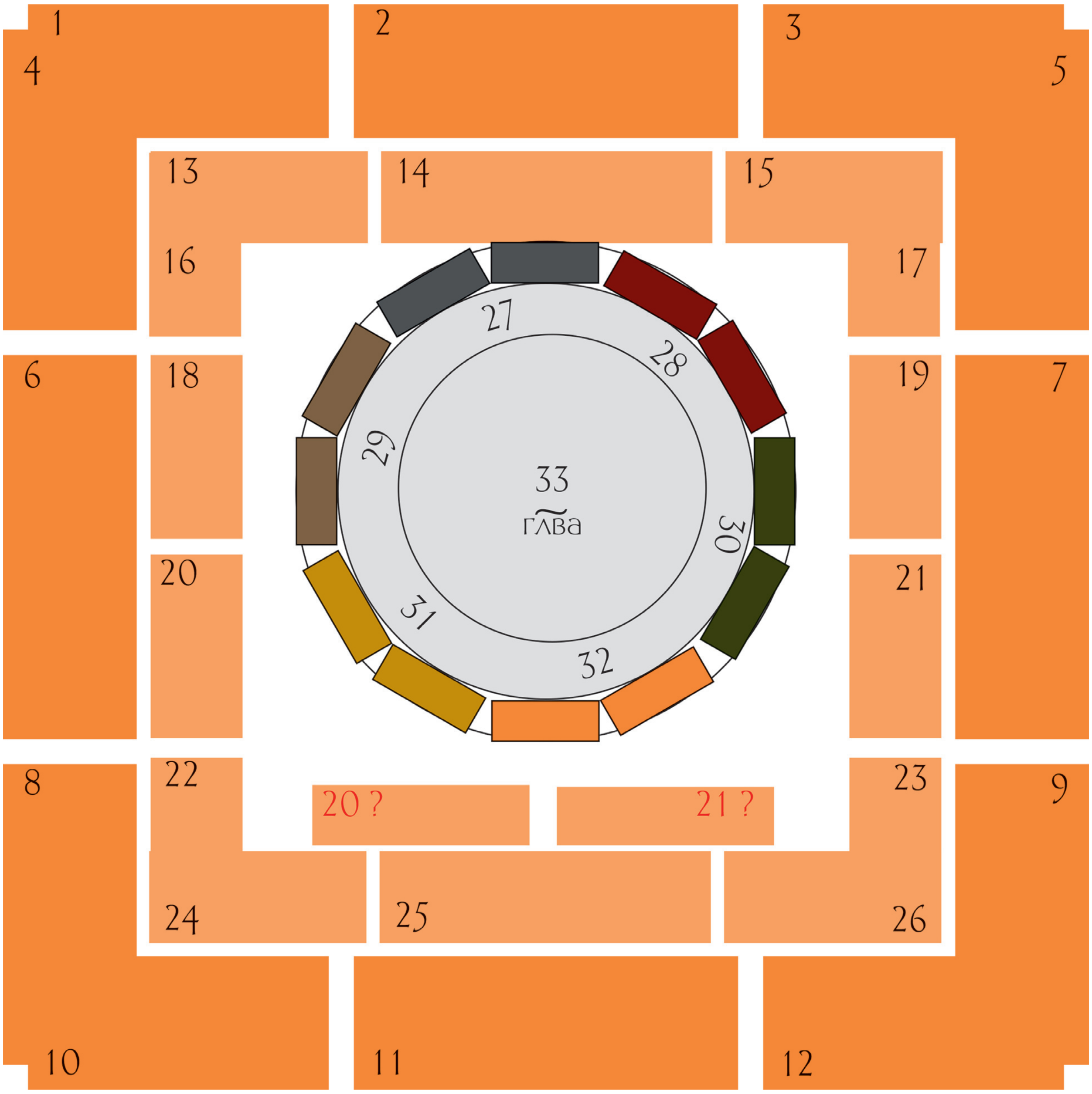


псковского вида для XVII века сомневаться не приходится – в документах сосчитаны её колокола. Примыкание трапезной с севера видится менее вероятным: образцовая Успенская церковь на Городке не терпит добавок: что бы ни прислонилось, непременно образуется кособокость, хромота и убожество. Колокольня, стоявшая на юго-западном углу церкви в XVII веке, должна быть восстановлена для обретения церковью смысла существования, но не может быть восстановлена, потому что не осталось ничего, кроме неясного рисунка на иконе. Научная реставрация без исходных данных невозможна, выбор между смыслом и выдуманной формой никто делать не решится, хоть строй приблизительную арочную колокольню из закалённого стекла, вроде той, что стояла когда рядом с Троицкой церковью на Красной площади в Москве. Основания для такого решения есть: придел Василия Блаженного (1588), появившийся на востоке в конце XVI века, имеет завершение из тех же 33 полукружий, которые так настойчиво появились в XIV–XV веках.

В реконструкции Успенской церкви коломенского кремля (Н.Н. Воронин) намёка на сдвиг барабана к востоку нет, прясла стен на востоке и на западе южной стены как будто одинаковы, угловые закомары хорошо видны, малые главы нашли себе пристанище за ними (а не на малых апсидах), кокошников на барабане больше, чем восемь; но нечто общее с соборами рубежа XIV–XV веков видится, из-за общей

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 73

Принципиальный план Духовской церкви с кокошниками второго яруса в каре



центричности. Неясно, отчего Н.Н. Воронин пренебрёг сообщением Павла Алеппского про кокошники второго ряда (числом 12, как и закомары), в реконструкции их 8, но применить диагональные кокошники (невовремя, слишком рано, задолго до XVI века) он имел право потому что центрическая монолитность ему это позволила. Собор, построенный Дмитрием Донским в честь победы 1380 года (начатый ещё до неё), документирован спустя почти триста лет сирийской делегацией как очень высокий, устремлённый ввысь и очень красивый именно из-за артишокоподобного вида.

Духовская церковь в лавре построена через три четверти века после Успенской на Городке, после Троицкой и Рождественской. В.В. Кавельмахер вслед за П.Н. Максимовым обратил внимание на её копийный характер (стороны четверика по 13 м, близкая высота до закомар). С них всех, с трёх соборов и начинаются сомнения в первоначальном наличии диагональных закомар, тоннели к барабану от них и от центральных огромны, несуразны и невозможны.

Видение диагоналей появилось лишь после реставрации этих памятников, раньше они были в чудных кирпичных и деревянных костюмах по моде и вкусу просвещённой архитектурной общественности и открывались очень постепенно. Предположить, что новооткрытые диагонали не изначальны – очень трудно, ведь

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 74

Н.Н. Воронин. Реконструкция Успенского собора 1392 г. Коломна.

временное расстояние от создания соборов до переделки на модный лад с диагоналями – век или меньше, а после переделок XVI века до открытия из-под плоских крыш прошло три – три с половиной века, или даже больше. Почтенная древность диагональных закомар, запредельная гениальность реставраторов за тридцать лет до войны и тридцать лет после неё, волшебное очарование Спасо-Андроникова и Рождественского соборов в Москве – всё легитимизировало эти новшества по отношению к первоначальным вариантам, исчезнувшим без следа и сохранившим лишь память в числе «33». Обрушившийся и восстановленный в XVI веке Успенский собор Княгинина монастыря тоже отдал дань новой моде: его барабан, как и барабан Николо-Пешношского собора, ориентирован по сторонам света не плоскостя-

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 75

ми верхних 8 кокошников, а окнами между ними, поворот есть, но не на 45°, а вдвое меньше и не всегда точно. В 1924 году П.Д. Барановский убрал глупый нарост на барабане Успенского собора Княгинина монастыря во Владимире, но Столетовы (династия владимирских реставраторов) ещё не открыли все 32 полукружия из-под плоской крыши, а до Духовской церкви в лавре он добрался лишь к 1937 году – ни Спасский, ни Рождественский, ни Успенский в Старице ещё не открыты заново – и обнаружил, вероятно, вместе с И.В. Трофимовым диагональные закомары под барабаном со звонами, что само по себе редкость почти невиданная и неслыханная, ведь чуть ли не всё было повсюду заложено для укрытия от осадков и для облегчения ухода. Глубина забвения и чистота стирания не оставили шансов ни для кого и заставили смириться с неловкостями при расположении диагональных закомар в главных соборах (Успенский, Рождественский, Троицкий) рубежа веков.

В художественной реконструкции Духовской церкви И.В.Трофимова (≈1946), сохранённой его наследниками нескольких поколений, и ставшей, вероятнее всего, отправной точкой для реконструкций О.П. Барановской, В.И. Балдина и В.В. Кавельмахера, всё так же неприметны, но уже показались, уже едва заметны некие намёки на диагональные закомары, очень небольшие их верхушки словно бы не хотят, а всё-таки выглядывают из-за угловых закомар, как уши котенка, который думает, что хорошо спрятался перед решительной атакой на воображаемую мышь. Такое впечатление от рисунка, будто Игнатий Викентьевич не до конца уверен в их существовании, но допускает их вероятность; они указаны с надеждой, что никто не заметит.

Вторая деталь, или вторая особенность рисунка, – более существенная и важная. И.В.Трофимов не мог не знать, что на севере (как и на юге) западные и восточные прясла, соответственно и закомары, если и отличаются в ширину, то сантиметрами, на глаз этого не определить. Столпы с барабаном подвинулись к востоку, а лопатки из пучков колонок не сдвинулись с места для подчёркивания центрической композиции. И тем не менее восточные закомары изображены в большем перспективном сокращении, чем это необходимо при таком удалении от объекта и при таком повороте объекта: восточная закомара чуть ли не на пятую (хочется даже сказать – почти на четвёртую) часть уже западной; если бы не прямой каменносечный пояс и прямая линия фундамента, можно было бы увидеть почти закругление стены перед апсидой, из-за слишком сильного перспективного сокращения. Причина (вероятно) в том, что И.В. Трофимову была прекрасно известна толщина кладки стены, около 1,6 м, и не завершив закомарами такой же толщины стены, он не мог на них же, на стенах и закомарах, разместить ещё и что-то следующее. Следующее должно было быть размещено только с отступом внутрь, к барабану, об это говорят полноценные, полновесные щипцы двух закомар, там, где они видны – северная около апсид и западная около ближнего к наблюдателю угла, только они и видны целиком, остальные только предполагаются продолжением. Оба щипца имеют глубину около 1,6 м, насколько можно судить по изображению. То есть, перспективно уменьшая восточное прясло северной стены, И.В.Трофимов настаивал на сохранении толщины (глубины, длины щипца) закомар. Всё остальное, включая диагональные закомары, имело право появиться на свет только после закомар при продвижении внутрь – иначе при любом взгляде, с любого ракурса форма закомар, а стало быть, и стен, – теряется, искажается, портится, их глубина – постоянная величина, она неприкасаема. Вот эта норма нарушена у всех его последователей, начиная с О.П. Барановской, В.И. Балдина, и заканчивая В.В. Кавельмахером: у всех диагональные закомары нахлобучены, надвинуты, подобно кепке на низкий лоб, на сокращённые и утеснённые закомары по всем четырём углам: маленькие незаметны, куда их ни поставь, а большие, придвинутые к углу, придают почти гротескное выражение лику церкви, следующий

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 76

И.В. Трофимов. Реконструкция Духовской церкви.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 77

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 78

шажок – и появится гнутый окурок папиросы в углу рта, что бы ни считать ротовым отверстием у стены, и вдалеке послышатся приблатнённые интонации заправской деревенской шпаны. Наверняка не все диагональные кокошники обладают таким эффектом, но здесь, при утончённой стройности силуэта, при общей почти «ракетной» конструкции именно диагонали портят всё самым решительным образом, можно было бы придумать что-то более вредоносное, но только плоскую крышу, под которой вот только что, около 1938 года, обнаружили основание барабана.

Поскольку очень многое отталкивается от описания Павла Алеппского, нужна точность, приведём два абзаца полностью (кн. VI, глава 1).

«Внутри крепости пять больших каменных церквей и монастырь для девиц во имя Введения Владычицы в храм.

Ниже северной двери (соборной) церкви стоит колокольня, достойная удивления по своей красоте, архитектуре и украшениям. Она круглая и восьмиугольная, с чудесною резьбой, походит на башню Эмессы, но еще красивее, высока, со многими арками кругом, над которыми возвышаются другие арки, еще изящнее. Ее купол высокий, приподнятый, восьмиугольный. На этой колокольне висят двенадцать больших и малых колоколов, коих звон гудит подобно грому. Внутри её есть железные часы в каморке. Когда наступает время бить полчаса, они ударяют двумя молоточками по двум малым колоколам три раза; когда же истечёт час, то оба молоточка ударяют о колокола двадцать шесть раз – это называется будильником; затем бьёт известное число часов другой большой молоток по другому большому колоколу. Часы дня и часы ночи отбиваются отдельно. В конце текущего августа месяца часы били четырнадцать часов для дня и десять для ночи; в сентябре ночь и день сравнялись.

Крыша как этой церкви, так и всех вышеупомянутых церквей, походит на кедровую шишку или на артишок; она не плоская, и не горбообразная, но с каждой из четырёх стен церкви есть нечто в роде трёх арок, над которыми другие, поменьше, потом ещё меньше кругом купола – очень красивое устройство. Всё покрыто досками для защиты свода от дождя и снега, дабы он не портился. Под этою церковью много склепов и подвалов. Над нартексом есть еще ярус, где помещается казнохранилище епископа; мы видели его богатство – несколько сундуков, полных серебряными и золотыми монетами. Все это находится в обладании царя, как мы потом об этом расскажем".

О конструкции колокольни судить трудно (хотя отмечены по крайней мере два яруса "круговых арок", то есть кокошников), но с собором устройство завершения яснее: над четвериком с каждой стороны света по три арки (итого 12), над ними – "другие, поменьше" (12), "потом ещё меньше кругом купола". $\sum$ 32.

Пока ничто не говорит о появлении диагональных кокошников.

Преемник И.В. Трофимова в Троице-Сергиевом монастыре В.И. Балдин прекрасно знал эту цитату из описания путешествия патриарха Макария (*Балдин В.И., Макушина Т.Н.* Троице-Сергиева лавра. М., 1996. С. 25): «Троицкий собор представляет собой относительно небольшую четырехстолпную церковь с одной главой и тремя невысокими апсидами; строгую гладь ее стен завершают полукружия килевидных закомар, форму которых повторяют два ряда кокошников, организуя переход к башнеобразному барабану с шлемовидным куполом и крестом простого рисунка». То есть те же 12 закомар + 2 ряда кокошников (12+8), итого 32. Никаких диагоналей.

В 1510 году летописно зафиксировано покрытие Троицкого собора «белым железом». И после этого в существовании диагональных кокошников (или закомар) уже никто не сомневается, так же, как и в 10 окнах высокого барабана, в прямоугольном постаменте над световым кольцом. Для того, чтобы предпринять уменьшение числа кокошников с 32 до нынешних 16, то есть вдвое – должна быть причина более

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 79

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 80

Духовская церковь после реставрации

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 81

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 82

основательная, чем упрощение уборки снега с меньшего числа изгибов крыши, что-то, заставившее переустроить покрытие заново. В XV веке барабаны известных соборов стремились в диаметральном сечении к квадрату, сужение и вытягивание в высоту более характерно для XVI века. Когда именно произошла перемена – неизвестно, но можно считать установленным, что диагональные кокошники не изначальны.

Следующий архитектор-реставратор, споткнувшийся о диагональные кокошники, – В.В. Кавельмахер. Надо быть точным (*Кавельмахер В.В.* Заметки о происхождении «Звенигородского чина»// Древнерусское искусство. Сергий Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб, 1998. С. 196–216):

«Доступный нам сегодня уровень историко-архитектурных знаний позволяет утверждать, что Успенский собор [на Городке. – И.Н.К.] некогда имел не менее прекрасные резные деревянные паперти. Снабженная диагональными закомарами крыша собора напоминала, по удачному выражению Павла Алеппского, ‘раскрытую шишку’. Успенский собор – первый среди памятников архитектуры московского периода, чей барабан был обведен над кровлями венцом крупных кокошников. Об этой уникальной для столь ранней архитектуры детали нам еще предстоит вспомнить».

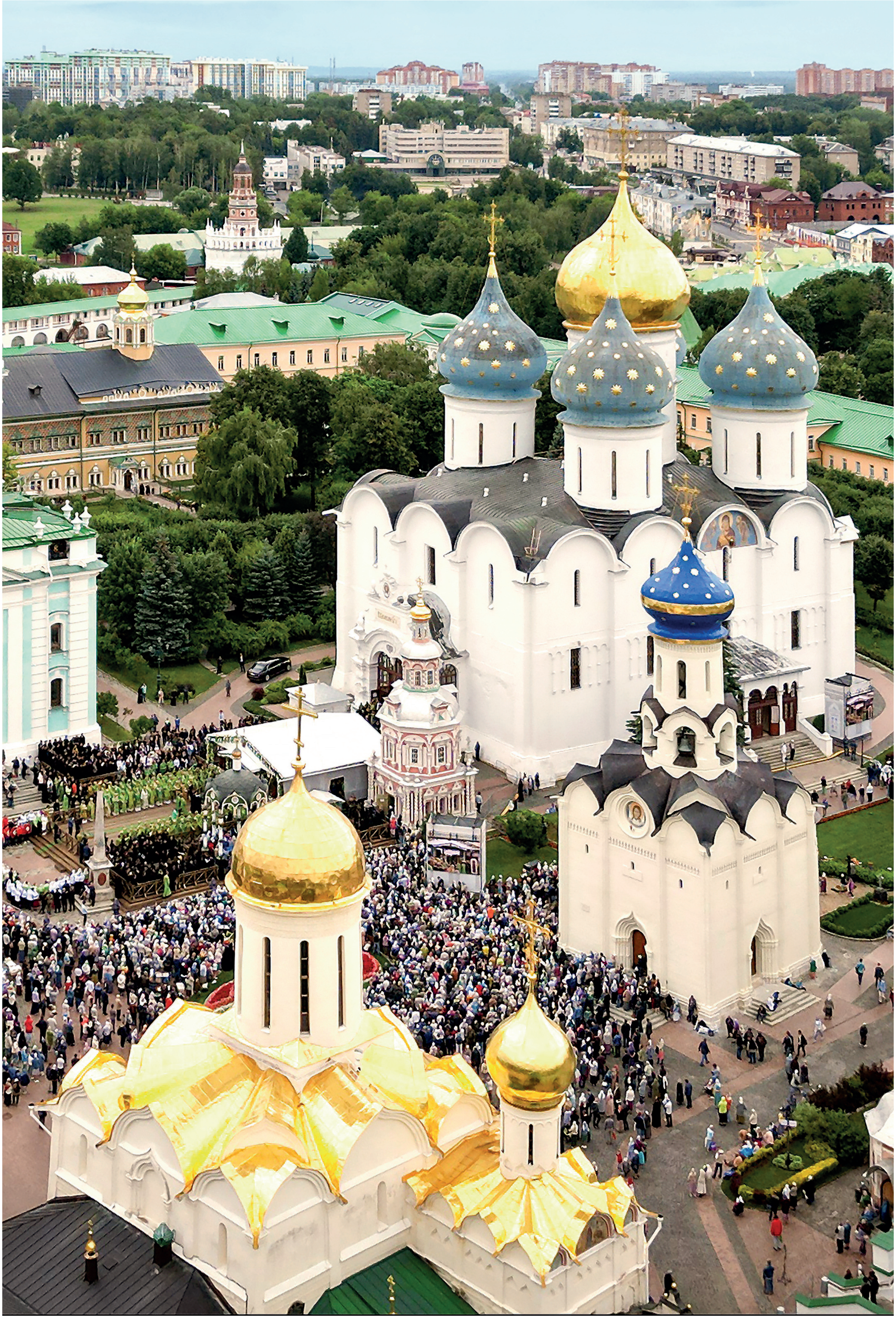
У Павла Алеппского, как мы помним, про «раскрытие» шишки ни слова – просто «шишка или артишок». В соборе, таким образом – по крайней мере 24 закомары вместе с кокошниками (16+8). В.В. Кавельмахер «раскрытием» заменяет отсутствующий, но необходимый для уподобления шишке средний ряд кокошников.

И ещё чуть позже В.В. Кавельмахер в той же статье (уже про Троицкий собор):

«...в технике фрески был написан храмовый образ Троицы. Последний встречал богомольцев ‘с приезду’, от села Климентьева, со старой московской дороги. Как и двух звенигородских памятниках, крыша собора напоминала ‘раскрытую шишку’, что достигалось устройством на ее сводах диагональных закомар». Диагональные закомары после реставраций Спасского собора, Успенского и Рождественского соборов в Звенигороде, на фоне таких же закомар Рождественского собора Рождественского монастыря в Москве (1505), то ли построенного, то ли перестроенного в XVI веке – стали привычными, словно Павел Алеппский писал про такие именно закомары или такие именно кокошники (у него – арки или что-то похожее на арки, как это звучит в арабском наречии – трудно сказать, но А.И. Некрасов признавал перевод очень точным и правильным), хотя он имел виду совершенно другую конструкцию, артишок или шишка рождалась в мысленном взоре не благодаря диагоналям, а благодаря переходу после второго яруса к круглому возвышению барабана, окружённого меньшим количеством кокошников (8, и не 12, как во втором ярусе).

Так потерялся образ Троицкого собора первых десятилетий существования, так перестройки и плоские крыши последующих веков (в том числе и самого собора, а не только его копий в разных местах) позволили восторжествовать убогой якобы просвещёной архитектурной мысли XVIII–XIX веков над непонятой элегантностью дремучих предков, так реставраторы всего XX века, включая самых проницательных, не могли видеть, с какого образца производится в 1476 году копия, которая должна была быть и копией, и другой обликом церковью, сохраняя всё же главное, оставаясь Троицкой, поскольку строилась на месте недавней (1411) деревянной церкви, в которую на время строительства и росписи Троицкого собора (1423–1427) перенесли гроб Сергия Радонежского. Какова была деревянная – сказать нельзя, а вот новая, вторая Троицкая церковь (в которой после перенесения мощей в раку Троицкого собора оставался его гроб) , вероятнее всего, не могла не впитать в себя выставленную напоказ тайну, вряд ли сокрытую от псковских строителей второй каменной Троицкой церкви, которая вскоре станет Духовской. Если число «33» (12 закомар, 12+8 кокошников, глава тех же очертаний) присутствовало в Троицком соборе, то и в Троиц-

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 83



Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 84

кой церкви оно должно было отразиться в новом виде, новом счёте, ещё надёжнее спрятанное.

В Благовещенской Ферапонтова монастыря секрет прятался при помощи огромной трапезной, прислонённой к церкви, и двух маленьких «лишних» кокошников с севера и с юга, вплотную к трапезной; эти «лишние» восполняли нехватку кокошников на барабане Благовещенской – там тоже 6 кокошников. Вероятно, какой-то объём должен был примыкать и к Троицкой (Духовской) церкви – крыльца с рундуками, колокольня, трапезная, или ещё что-то, позволяющее подняться наверх. Что – неизвестно. Но в Духовской набор чисел тот же – 12+14+6+1. И очень вероятно, что то сооружение, что служило для подъёма звонарей наверх, имело и вторую, скрытую задачу – сбить с толку, затруднить подсчёты «от нечего делать», праздно любопытствующим и так же шатающимся.

Увеличенная часть прориси иконы 30-х годов XVII века (Е.Е. Голубинский) не позволяет усомниться в том, что на месте предполагаемых диагональных кокошников – над закомарами стоят в ряд по прямой три кокошника второго ряда, не один или два наискосок, а все три повторяют линию, образованную внизу. Правда, есть и обескураживающее размещение колоколов, прямо во втором ярусе, а не в барабане, но нельзя же требовать от иконописца точности – ему важен образ, и тут невозможность диагональных кокошников подтверждается именно образом: линия, отделяющая четверик от закомар, проходит по середине силуэта и на изображении, и в камне, колокола и там, и там висят в проёмах подвышенных кокошников, это надо было передать, а в узком барабане или в широком ярусе кокошников ниже – не так уж важно; важно только то, что увидеть сразу три кокошника на барабане не удастся – луч взгляда не умеет огибать рассматриваемый предмет, было бы кокошников восемь – три штуки с любой стороны видны, но при шести – никак, видны только два. Но это, конечно, аргументация не победительная, может быть, три, а может быть, и два, это – как посмотреть.

Для внимательного взгляда – две схемы, нарисованные для показа отличий конструкции с 32 кокошниками от конструкции с 20 кокошниками. Урезанная конструкция хоть сверху, хоть сбоку – неполноценна именно образом, нелогична, неплавна, неживая, не растёт, как зелёный росток, при взгляде сбоку не хватает перехода от четверика к барабану, после закомар крыша в сущности плоская, диагональные кокошники нельзя сделать ни крупнее, ни выше, нельзя ни поднять дальше, ни опустить ниже, они не втискиваются в облик, точнее, вписываются только одним способом – незаметностью, что есть, что нет их – никакой разницы, они ни для чего не нужны. И напротив, конструкция с 32 кокошниками заметно выигрышнее: даже если толщину закомар оставить равной толщине стен под ними (≈1,6 м), второй ярус можно облегчить, сделав потоньше, хватит и метра (полсажени), а тогда между основанием барабана и вторым ярусом кокошников в плане остаётся круговой ход шириной больше аршина, что-то около метра, а этого уже достаточно, чтобы звонить, раскачивая не язык, а колокол. Правда, не очень понятно, зачем, тяжело ведь. Для обзора и дозора круговой ход годится, а звонить сподручнее изнутри, из-под барабана.

Если звонари попадали наверх снаружи, с примыкающих или недалеко поставленных сооружений, то и одолевать подъём от закомар к барабану проще, когда нет протяжённых, чуть ли не по четыре метра, косо поставленных скатов диагональных кокошников, чем бы они ни были покрыты, трапы легче размещать по прямой.

Прав ли был В.И. Балдин, восстанавливая Троицкий собор на состояние после 1510 года? Решение было не только его, но и начальства, но неправильное. Оно продолжило обман, длящийся несколько столетий. Ничьей вины нет, а обман есть.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 85

Про «33» – полтысячелетия почти никто не знает. А это одна из отличительных черт русской сакральной архитектуры эпохи Возрождения. Отличие – не самое подходящее слово, оно выделяет из ряда, а надо бы ставить в ряд, потому что авторы не выделялись, а полноправно стояли в строю ренессансных достижений, не пытаясь сопоставить себя с кем-нибудь, а не сомневаясь в своём праве сидеть за одним столом.

Поскольку история путанная, предоставим лучше слово тому, кто лучше знает – В.В. Кавельмахеру (Заметки о происхождении «Звенигородского чина» // Древнерусское искусство. Сергий Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб, 1998):

Выдающийся памятник древнерусской живописи – «Звенигородский чин» – был найден экспедицией Центральных реставрационных мастерских в Звенигороде вблизи Успенского собора на Городке случайно. Целью экспедиции, организованной в 1918 г. по инициативе и под руководством Н.Д. Протасова, было раскрытие и консервация незадолго до того обнаруженной на западных гранях восточных пилонов Успенского собора первоначальной фресковой росписи. Протасов счел возможным приписать эту живопись Андрею Рублеву на основе присущих ей стилистических признаков. Однако, поскольку этой точке зрения «не хватало доказательности», как писал впоследствии И.Э. Грабарь, то для подтверждения выдвигаемой атрибуции «хотелось иметь (относящиеся к собору) образцы станковой живописи» (т. е., современные собору иконы). Так как осмотр местных икон и иконостаса Успенского собора (относящегося к первой половине XVII в.) не дал ожидаемых результатов, члены экспедиции предприняли осмотр расположенных вблизи собора кладовок и сараев. Каково было их изумление, когда в одном из дровяных сараев[1] они обнаружили три чиновых доски, покрытых живописью высочайшего качества, имевшей к тому же явное сходство с единственным бесспорным произведением Андрея Рублева – иконой «Троица» 10—20-х годов XV в. из Троице-Сергиева монастыря. Этот эпизод предстал торжеством исследовательской интуиции в глазах самих исследователей и современников. То, что «Деисус письма Рублева» был найден вблизи собора, построенного при жизни Рублева (в 1390-е годы) и Рублевым предположительно расписанного, на земле звенигородского князя, современника Рублева и ктитора Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря, также связанного с Рублевым, – не могло быть простым совпадением. Перед исследователями были произведения не только одного времени и одного происхождения, но и одного качества. Недоставало только абсолютных датировок, как, впрочем, недостает их и сейчас. Однако для исследователей той эпохи перечисленных совпадений было достаточно. И фрески на западных гранях восточных пилонов, и найденные иконы деисусного чина без каких-либо уточнений были отнесены к одному времени и к одному ансамблю. К принятию таких выводов исследователи были подготовлены самими условиями и практикой традиционного русского собирательства, редко сопровождавшегося архивными изысканиями и почти никогда – натурными исследованиями. Изложенная в 1926 г. И.Э. Грабарем первая атрибуция «Звенигородского чина» получила всеобщее признание[2]. С момента сенсационной находки и вплоть до середины XX столетия ни у кого не возникало сомнений, что три извлеченных из «дровяного чулана» чиновых доски происходят из Успенского собора и являются остатками его древнего «Деисуса».

Последующие годы нанесли атрибуции памятника сокрушительный удар. Приписывая чин Успенскому собору, первые исследователи упустили из виду, что найденный «Деисус», если его реконструировать по канонической схеме семифигурного, например, состава (т. е., с учетом иконы апостола Павла) и поместить

[1] Такова официальная версия. Однако сегодня, по прошествии 80 лет, мы вправе узнать истину. На посвященной 1000-летию крещения Руси научной конференции в Институте искусствознания О. И. Подобедова в специальном, под фонограмму, выступлении рассказала, как все происходило в действительности. В момент приезда экспедиции в Звенигород собор был на ремонте и все иконы, в том числе иконы из «Звенигородского чина» действительно находились в кладовой. Однако не члены экспедиции обратили на них внимание первыми. Иконы «Звенигородского чина» были из рук в руки переданы московским реставраторам молодым интеллигентным священником о. Дмитрием Крыловым, прекрасно сознававшим, что перед ним – шедевры древнерусской живописи. О. Дмитрий действовал исключительно на свой страх и риск, без благословения благочинного или архиерея. Поступок такого рода в малообразованной клерикальной среде провинциального прихода мог привести к нежелательным для него последствиям. У молодого священника, находившегося в Звенигороде, судя по всему, на стажировке, тот же час начались неприятности. Чтобы не испортить ему жизнь окончательно, и была – специально для печати – придумана вышеизложенная легенда.

[2] Грабарь И.Э. О древнерусском искусстве. М., 1966. С. 190–192.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 86

над алтарной преградой, должен будет закрыть собою расположенные на восточных пилонах фрески, которые считались современными «Деисусу». В годы, о которых идет речь, никто не задавался целью связывать древние Деисусы посредством промеров, составляющих ряд досок, с храмовыми трансептами, для которых они предназначались. Исследования подобного рода получили распространение только в самое недавнее время, одним из первых объектом таких исследований сделался «Звенигородский чин».

В конце 40-х—начале 50-х годов В.Г. Брюсова, работая над фресками Успенского собора, произвела необходимые измерения. Как и первые исследователи, она исходила из предположения, что фрески на восточных пилонах Успенского собора и «Звенигородский чин» – памятники одного времени и одного мастера и, значит, – одной даты. Результаты ее исследований показали, что семифигурный «Звенигородский чин» при средней ширине одной чиновой доски около 107–108 см не мог поместиться в трансепте Успенского собора, не нарушая при этом облика интерьера древнерусского храма[1]. Он не мог стоять ни в простенках восточных столбов, расстояние между которыми равно 4 м, ни в трансепте перед столбами: в этом случае он, во-первых, закрывал бы живопись восточных пилонов, а во-вторых, все равно не заполнил бы собою всего трансепта, поскольку ширина последнего – 10,08 м (по другим данным – 10,03 м) – значительно превышает его собственную ширину[2]. Не мог он быть поставлен в соборе и каким-либо иным способом, например «с разрывом»[3].

На основании изложенного, В.Г. Брюсова пришла к выводу, что «Звенигородский чин» для Успенского собора не предназначался и что попал он в собор на Городке из другого храма. Точка зрения исследовательницы стала общепринятой.

В последующие годы было сделано несколько попыток атрибутировать «Звенигородский чин», исходя уже из идеи его перемещения из другого храма. Сама В. Г. Брюсова высказала предположение, что чин происходит из собора Рождества Богородицы соседнего Саввино-Сторожевского монастыря, откуда он был перенесен в храм на Городке в связи с обновлением его иконостаса царем Алексеем Михайловичем. Ошибочность этого взгляда была убедительно доказана М.А. Ильиным[4]. Произведя подробные промеры, М.А. Ильин выявил ситуацию, аналогичную Успенскому собору в Городке. Как и в Успенском храме, средняя часть западных граней восточных пилонов Рождественского собора несет на себе фресковые изображения, как и там, расстояние между столбами близко четырем метрам (точнее, 4,26 м), а ширина храмового трансепта оказалась здесь даже на целый метр шире (около 11 м).

Несмотря на то, что мнения исследователей относительно времени росписи восточных пилонов Рождественского собора расходятся, нет серьезных оснований сомневаться, что здесь, как и в Успенском соборе, мы имеем дело с остатками первоначальной декорации, исключающей (если следовать логике самой же В.Г. Брюсовой) возможность того, что «Звенигородский чин» мог быть написан для этого храма.

[1] Брюсова В.Г. Фрески Успенского собора на Городке гор. Звенигорода: Автореф. дис. ... канд. искусствовед. М., 1953 (рук. М.В. Алпатов) (далее – Брюсова, 1953). В настоящее время В.Г. Брюсова отказалась от идей своей юности. См.: Брюсова В.Г. Андрей Рублев. М., 1995. С. 22—26, 82—92 (далее – Брюсова, 1995). Последнее, однако, не должно нас смущать: разъяснению данного затянувшегося недоразумения и посвящена настоящая работа. Ранняя аргументация В. Г. Брюсовой, за исключением одного несущественного момента, была с нашей точки зрения безупречна.

[2] Ширина (общая длина) гипотетического семифигурного «Звенигородского чина» при средней ширине доски 108 см равна: 108 × 7 = 7 м 56 см (7 м 49 см).

[3] Имею в виду оригинальную теорию «разомкнутого Деисуса», которую некоторое время тому назад развивал Л.В. Бетин (ему вторил М.А. Ильин, сейчас – В.В. и С.В. Филатовы). См.: Бетин Л.В. Об архитектурной композиции древнерусских высоких иконостасов // ДРИ: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств: XIV—XVI вв. М., 1970. С. 42–56; Он же. Исторические основы древнерусских высоких иконостасов // Там же. С. 57–73; Ильин М.А. Иконостас Успенского собора во Владимире Андрея Рублева // Там же. С. 29–40; Филатов С.В. Реконструкция алтарной преграды Успенского собора в Звенигороде: Доклад на конференции в Звенигороде в 1992 г. (далее – Филатов. Доклад, 1992). Л.В. Бетин и упомянутые авторы допускали, что древнерусские деисусные чины размыкались перед восточными пилонами крестовокупольных храмов для «демонстрации» фресковых изображений. Ученым миром эта идея принята не была, прежде всего, потому, что не была доказана. Отдельные чиновые иконы могут разделяться нейтральными столбиками, арочками и пр., но не другими священными сюжетами (да еще исполненными в другой технике – написанными на левкасе). Теория «разомкнутого Деисуса» родилась в 60-е годы нашего века из переживаемых наукой внутренних трудностей и является лукавой попыткой обойти реальные противоречия исследовательского процесса. Век этой теории был краток, и сейчас она сдана в архив.

[4] Ильин М.А. К датировке Звенигородского чина // ДРИ XV – начала XVI вв. М., 1963. С. 83–92 (далее – Ильин, 1963).

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 87

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 88

Пытаясь спасти ситуацию, М.А. Ильин остановился на предположении, что подобный звенигородскому семифигурный «Деисус» вообще не мог быть написан для каменного крестовокупольного храма, и высказал мнение, что он предназначался для бесстолпной церкви. Поскольку же, согласно житийному источнику, первой церковью Саввино-Сторожевского монастыря была деревянная (предположительно, бесстолпная) церковь Рождества Богородицы, автор пришел к заключению, что «Звенигородский чин» был написан для нее. Точку зрения М.А. Ильина поддержал В.А. Плугин[1].

Недостатки концепции М.А. Ильина очевидны. Во-первых, «Звенигородский чин» по размерам своих досок – один из самых больших поясных чинов Древней Руси, М.А. Ильин же «помещает» его в «малую» деревянную церковь только что основанной пустыни. Во-вторых, это один из самых ранних памятников такого рода, и логично было бы предполагать, что подобные новаторские произведения должны были бы появиться в богатых каменных церквях. В-третьих, исследователь произвольно ограничивает состав «Звенигородского чина» семью чиновыми досками, тогда как он мог быть и большим, остальные иконы могли до нас просто не дойти. И, наконец, им оставлено без объяснения, где чин из деревянной церкви мог находиться в течение 300 лет, после того как эту деревянную церковь сменил существующий каменный собор (самим М.А. Ильиным было доказано, что в новом соборе чин не ставился)[2].

Самая труднодоказуемая точка зрения на происхождение «Звенигородского чина» принадлежит В.И. Антоновой и Н.Е. Мневой[3].

Не опровергая основных выводов В.Г. Брюсовой о том, что чин украшал какое-то время алтарную преграду Рождественского собора (по Брюсовой, он был для нее написан), они сочли возможным усомниться в его звенигородском происхождении и сделали попытку разработать «московскую» версию. Исследовательницы обратили внимание на особую разрушенность памятника. Опираясь на хранящиеся в архиве ГТГ реставрационные отчеты, они установили, что чин получил свои основные повреждения не в мифическом «дровяном сарае или чулане» в последний период своего нахождения на Городке, а за 250–300 лет до этого, поскольку уже в XVII в. (приблизительно) он капитально поновлялся. По мнению авторов, памятник не мог получить такого рода повреждения в апостольском ряду соборной церкви Саввино-Сторожевского монастыря. Значит, он попал туда из какого-то третьего места, например, из бедной, но когда-то славной обители. Такую обитель они нашли в ближайших пригородах древней Москвы – в Высоцком Воскресенском монастыре на Тверской, игумены которого, по данным 70-х годов XV в., были старшими «над загородными попами», т.е. соединяли в своих руках игуменство и протопопство. Этот, кстати, много горевший и оставшийся до конца деревянным монастырь в 1651 г., по царскому указу, вместе с другими 19 оскудевшими обителями был приписан к Саввино-Сторожевскому монастырю для устройства в нем монастырского подворья. За высокие художественные достоинства чин был взят в Саввино-Сторожевский монастырь, починен и, в конце концов, отдан в собор на Городок. Эта версия, построенная целиком на допущениях и предположениях, пользуется сегодня – и закономерно – наименьшим успехом.

Однако два момента в сложных построениях В.И. Антоновой и Н.Е. Мневой представляются нам заслуживающими внимания. Во-первых, в какой-то период времени, предположительно, в XVII в., «Звенигородский чин» очень плохо содержался. С полным правом, но, разумеется, условно, мы можем связать этот период с польско-литовской интервенцией и последовавшей за нею разрухой. Во-вторых, и это особенно важно, «Звенигородский чин» происходит из бедного, но когда-то знавшего лучшие времена храма

---

1 П л у г и н В.А. Мировоззрение Андрея Рублева. М., 1974. Гл. 4: Звенигородский чин. С. 79–83 (далее – Плугин, 1974). В докт. дисс. В.А. Плугин, как и В.Г. Брюсова, возвращается к идее И.Э. Грабаря о происхождении «Звенигородского чина» из собора на Городке – в качестве местного «Деисуса», полностью игнорируя при этом проблему восточных пилонов. См.: П л у г и н В.А. Андрей Рублев и духовная жизнь Руси конца XIV – первой трети XV веков: Комплексное исследование изобразительных и письменных источников: Автореф. ... дисс. докт. ист. наук. М., 1994. С. 22–24 (далее – Плугин, 1994).

2 Ильин, 1963. (Статья вышла с приложением: Б о я р О.М. К вопросу о Звенигородском чине. С. 93, где ошибочно утверждается, что в расходной монастырской книге за 1758 г. якобы написано: «куплено к деланию иконостаса Рублева клею пуд» (в действительности – «рыбьего клею пуд»). По замыслу публикаторов, данная заметка должна была послужить косвенным подтверждением монастырского происхождения «Звенигородского чина»).

3 А н т о н о в а В.И., М н е в а Н.Е. Каталог древнерусской живописи: [ГТГ]. Опыт историко-художественной классификации. М., 1963. Т. 1. Кат. 229. С. 283–285 (далее – Антонова, Мнева, 1963).

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 89

(у В.Г. Брюсовой получалось несколько иначе – из богатого, с последующим «жизненным» крушением самого чина). Ниже мы представим этому, как нам кажется, прямые доказательства.

Последней, кто высказался по поводу «Звенигородского чина», была Т.В. Николаева[1]. Несмотря на солидную критическую аргументацию М.А. Ильина в адрес концепции В.Г. Брюсовой, она вновь нашла возможным поддержать ее версию о происхождении чина из каменного Рождественского собора. Для этого ей пришлось пойти на допущение, что роспись восточных пилонов собора Рождества Богородицы относится к более позднему времени и появилась позднее чина. В таком случае последний мог на раннем этапе существования памятника стоять перед столбами. К сожалению, заявление это сделано без какого-либо знакомства с реальной строительной историей алтарной преграды Рождественского собора и его восточных столбов. Т.В. Николаева обошла также вопрос о составе «Звенигородского чина» и о его физических размерах, что, по нашему мнению, было наиболее ценным в концепции М.А. Ильина. Интересно, хотя и не во всем справедливо, замечание Т.В. Николаевой о том, что для деревянной церкви «Звенигородский чин» слишком монументален.

Не будет преувеличением сказать, что проблема «Звенигородского чина» окончательно зашла в тупик, выхода из которого не видно. Складывается впечатление, что, вынося свой приговор классической атрибуции памятника, наши предшественники допустили какую-то ошибку. Никаких, однако, принципиальных ошибок в их рассуждениях нет, и картина, ими нарисованная, близка к истине: «Звенигородский чин» явно не вписывается ни в тот, ни в другой из звенигородских соборов. Его связь с Звенигородом в действительности более опосредованная, а наша неудовлетворенность открывшейся картиной вызвана в первую очередь неконкретным характером упомянутых исследований. Их авторы имели смутное представление об «археологии» памятников, как о древних зданиях Звенигорода, так и о самих досках «Звенигородского чина». Они искали для «Звенигородского чина» храм-«носитель», не имея твердого представления ни о составе чина, ни о его физических размерах.

***

Современные исследователи (кроме, насколько мы знаем, И.А. Кочеткова) определяют состав «Звенигородского чина» в семь чиновых икон[2]. Основанием для подобной реконструкции служит наличие среди трех сохранившихся досок иконы «Апостол Павел». Однако нетрудно заметить, что «Деисус» мог быть и большего состава, и его следующие по чину иконы, например, «Василий Великий» и «Иоанн Златоуст» или «Николай чудотворец», могли до нас просто не дойти, как не дошли четыре иконы предполагаемого семифигурного состава: «Богоматерь», «Иоанн Предтеча», «Архангел Гавриил» и «Апостол Петр». Вопрос о составе «Звенигородского чина» имеет для нас первостепенное значение. Только ответив на него, мы сможем узнать примерную ширину трансепта, для которого чин был написан, а возможно, сооружен и сам храм.

При неполной сохранности самого чина ответить на вопрос о его истинном составе можно только опираясь на источник. По счастью, такой источник существует. В своей диссертации В.Г. Брюсова ссылается на хранящееся в РГАДА «Дело по челобитью звенигородского протопопа Андрея 1697—1698 гг.» о ремонте соборной церкви в Звенигороде «по причине великой ветхости и невозможности больше уже продолжать божественные службы»[3]. В деле, содержащем в себе челобитья звенигородского протопопа Андрея Трифонова за разные годы с просьбой помочь отремонтировать пришедшую в крайнюю ветхость соборную церковь и переписку Приказа Большого дворца по этому поводу с звенигородскими властями, находится старая приказная справка (доклад и смета) с краткой описью Успенского собора. Опись сделана приказным

1 Николаева Т.В. Древний Звенигород: Архитектура. Искусство. М., 1978. С. 75, 86, 87.

2 Такова была ситуация еще в середине 1980-х годов. Сегодня признание «Звенигородского чина» девятифигурным (см. ниже) – факт свершившийся. См.: Плугин, 1994; Брюсова, 1995 и др. В 1990 г. на Лазаревских чтениях мною был прочитан доклад на эту тему.

3 Брюсова (1953. С. 163) считает себя первооткрывателем этого источника, однако, как любезно сообщил нам И.А. Кочетков, источник был полностью опубликован в 1889 г. И.Ф. Токмаковым: Сб. материалов для VIII Археологического Съезда. М., 1889. Вып. 4: Московская губерния и ее святыни (история, археология и статистика). С. 13 и сл. Подлинник хранится: РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. Оп. 7. Ч. 9. 1697 г. № 24. Л. 1–19 (Дело по челобитью звенигородского протопопа Андрея...)

подьячим Кузмою Журавлевым 13 октября 1693 г. Из нее следует, что в том году в соборе, помимо высокого трехтяблового иконостаса, состоящего из «Деисуса», праздников и пророков, среди местных икон находилось некоторое количество икон еще одного «Деисуса». Рассмотрим эту опись: «...а по осмотру и по описи в той церкви црские двери, три пояса деисусов, да местных образов образ Всемилостивого Спаса, (два) образа Успения Прсвтыя Бдцы, образ Апостола Павла, образ Живоначальные Троицы, образ Прсвтые Бдцы Одегитрие, образ Василия Великого, да у крылосовъ – правого столпа образ Всемилостивого Спаса, образ Иоанна Предтеча, образ Архангела Михаила, у левого столпа образ Прсвтые Бдцы Умиление, образ Апостола Петра, образ Архангела Гавриила, все в ветхости без окладов»[1].

Расшифровать эту опись не представляет большого труда: образ «Всемилостивого Спаса», две иконы «Успение» (видимо, большой и малый храмовые образы) и «Апостол Павел» – стояли справа от царских врат, три иконы – «Троица», «Одигитрия» и «Василий Великий» – слева. Остальные, как сказано в описи, – по столпам, с их восточной, южной и северной сторон.

Зафиксированный описью перечень местных икон необычен. Из 13 названных икон принятому в XVI—XVII вв. и позднее составу местного ряда отвечают только шесть: первый по порядку «Спас Вседержитель», два образа «Успение», иконы «Троица» и «Богоматерь Одигитрия». Не вошла в местный ряд иконостаса только икона «Богоматерь Умиление». Для нее слева от царских врат места не нашлось, и ее поставили к северному столбу. Остальные семь единоличных изображений вне деисусного ряда в церковных описях XVI— XVII вв. не встречаются. Они могут встречаться там по отдельности, но никогда – вместе. Их совмещение в полупустой, влачащей жалкое существование ружной церкви может означать только, что они – из чина. К этому (с нашей точки зрения, вполне обоснованному выводу В. Г. Брюсовой) остается добавить, что поскольку иконы из чина употреблены в качестве местных, причем две из них – непосредственно в иконостасе, – описанный чин, вероятнее всего, – поясной. Не согласны мы только с предполагаемым В.Г. Брюсовой перечнем собственно чиновых икон. Исследовательница насчитала их семь: второго «Спаса», «Иоанна Предтечу», «Архангела Михаила», «Архангела Гавриила», «Апостола Петра» и «Апостола Павла». Однако в качестве седьмой иконы она под вопросом назвала икону «Богоматерь». С последним невозможно согласиться: из двух названных описью икон Богоматери типа Одигитрии и Умиления ни та, ни другая в деисусный чин входить не могли. В действительности же могущая войти в деисусный чин седьмая икона – «Василий Великий» – осталась В. Г. Брюсовой не замеченной. Согласно описи, она стояла слева от царских врат, рядом с дверями в жертвенник, последней в ряду. Не нужно напоминать, что «Василий Великий» пишется в левом повороте. Справа, ему в пару и тоже – последним в ряду – стояла икона «Апостол Павел» (изображение пишется в правом повороте).

Данные выводы поддаются частичной проверке. За исключением центральной иконы любого деисусного чина – «Спас Вседержитель», все остальные входящие в Деисус изображения должны быть непременно представлены в левом или правом повороте. «Василий Великий» и «Апостол Павел» поставлены с учетом этой их особенности, как мы убедились, – правильно. По тому же принципу размещены, согласно описи, и остальные иконы вокруг столбов («у клиросов»): у правого столба – напротив иконостаса – единственная фронтальная икона «Спас Вседержитель», справа от нее – перед южным входом в церковь – икона «Архангел Михаил» в левом повороте (т. е. лицом к иконостасу). Позади – на внутренней стороне столба – обращенный к иконостасу деисусный «Иоанн Предтеча» в правом повороте. У левого столба – напротив иконостаса склоненная вправо местная икона «Богоматерь Умиление», перед северным входом в церковь – деисусный «Архангел Гавриил» в правом повороте. На противоположной, обращенной в центральный неф южной грани того же столба – «Апостол Петр» в левом повороте. Совпадение «моленных поз» с планом собора, как видим, полное.

Итак, следом за В. Г. Брюсовой, мы полагаем, что это был известный нам сегодня «Звенигородский чин». Упомянутая же описью икона «Василий Великий» говорит, что он был девятифигурный. Кроме «Василия Великого», в него должна была входить несохранившаяся к моменту описи икона «Иоанн Златоуст» (или «Никола Чудотворец»). Эта последняя, как и бесследно исчезнувшая икона «Богоматерь», могли к моменту составления описи находиться среди обветшавших икон в рухлядной или были уже «опущены на воду» и в соборе не стояли.

1 Дело по челобитью звенигородского протопопа Андрея... Л. 3, 4.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 91

Таким образом, одно из препятствий, мешавших некоторым исследователям, в том числе В.Г. Брюсовой, видеть в «Звенигородском чине» «Деисус» Успенского собора на Городке, формально устранено. Размер девятифигурного чина при средней ширине доски 107 см равен (условно) 9,63 м. Разницу между величиной чина и шириной трансепта около 50 см следует признать величиной допустимой, тем более что однотябловый «Деисус» (если он был однотябловым) требовал дополнительных столбиков для поддержания икон. «Звенигородский чин» мог стоять в Успенском соборе, не нарушая облика древнерусского храма. Разумеется, его установка в соборе означала перемену в принципах убранства алтарной преграды (прежде всего, отказ от украшения преграды эффектными композициями Голгофских крестов на фоне Иерусалимской стены, которые теперь закрывались до половины высоты досками «чина» (см. потертости на обеих фресках), но само его появление в Успенском соборе не несло в себе ничего необычного. «Чин» мог быть и, скорее всего, и был его «Деисусом».

Картина, нарисованная описью 1693 г., знакома любому исследователю. Именно так выглядел интерьер едва ли не каждой второй русской церкви, построенной до середины XVIII в. и хотя бы однажды подвергшейся модернизации. В их число входили сразу два «Деисуса»: старый – по стенам, и новый – в иконостасе. Случаи временного соединения в храме двух разновременных иконостасов отмечают и многочисленные церковные описи Монастырского приказа за 1701—1702 гг., и более поздние так называемые «офицерские описи» 1760-х годов. Для России нового времени это была едва ли не норма. Поэтому вполне логично предположить, что доски «Звенигородского чина» попали в местный ряд и на клиросы Успенского собора оттуда, откуда им естественнее всего было попасть, – из «Деисуса» тут же в соборе, а не видеть в факте их использования не по назначению доказательство их позднего поступления в собор, как в свое время решила В.Г. Брюсова. Именно так некогда воспринял данную ситуацию И.Э. Грабарь, искренне считавший, что «Звенигородский чин» есть обветшалый «Деисус» Успенского собора. О том, что чин по бедности храма использовался в местном ряду, Грабарь, не знакомый с публикацией И. Токмакова, не знал.

Поскольку новый иконостас Успенского собора датируется первой половиной XVII в., демонтаж старого «Деисуса» должен был иметь место приблизительно тогда же, т.е. в ближайшие десятилетия после литовского разорения, когда правительством по всей стране приводились в порядок находящиеся на казенном содержании ружные храмы, считавшиеся, по традиции, личным царским богомольем. Совершенно естественно, что предназначенные на роль местных икон доски «Звенигородского чина» при этом поновлялись и вычинивались.

Итак, «Звенигородский чин» по всем признакам есть старинный «Деисус» Успенского собора, снятый с тябла только в середине XVII в. Не будучи для него написан, как справедливо, по нашему мнению, доказала В.Г. Брюсова, он в течение длительного времени разделял с храмом-«носителем» его нелегкую судьбу. Установить хронологические рамки пребывания чина в соборе нам должно помочь следующее наблюдение.

«Звенигородский чин» – блестящий аристократический памятник, олицетворяющий собой новые идеи оформления алтарной преграды. Его вместилищем могла быть только большая архиерейская, монастырская или княжеская церковь, в данном случае – Успенский собор, где он использовался не один десяток лет, а может быть, и не одно столетие. Между тем его чиновые доски не имеют следов гвоздей: они никогда не знали оклада! Для памятника такого класса это почти невероятно. Писцовые и описные книги XVI—XVII вв. показывают, что деисусные чины, в отличие от домовых моленных и местных икон, стали обиваться басмами относительно поздно, с начала XVI в., но уже к концу этого века басмами оказались обиты «Деисусы» всех больших монастырей, архиерейских церквей и соборов. Не получили басменных окладов только «Деисусы» нищих приходских и ружных бесприходных церквей, т.е. получавших содержание исключительно от казны и не имевших обычных церковных доходов. В числе ружных церквей, бравших ругу в Приказе Большого дворца на протяжении XVII (а значит, и XVI) в., был и Успенский собор. Лишенный с середины XV в., с момента прекращения феодальной войны, поддержки ктиторов, он ведет нищенскую жизнь рядовой великокняжеской ружной церкви. Его протопопы едва сводят концы с концами. О нищете Успенского собора говорят их челобитья за целое столетие (с 1650-го по 1740-е годы), а также ранее цитированная опись Кузмы Журавлева[1]. Обить «Деисус» соборной церкви басмами мог только кто-

[1] Там же. Л. 5.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 92

нибудь из прихожан или вкладчиков. У звенигородской соборной церкви, о чем прямо сказано в одном документе, таковых не было. Об отсутствии ктиторской поддержки косвенно говорит его особая, исключительная даже для памятника с 500-летней историей разрушенность.

На протяжении XVII—XVIII вв. Успенский собор находится в состоянии, близком к катастрофическому, его своды текут, раствор из сводов вымывается, шелыги провисают и угрожают падением. В 1693 г. четыре камня висят в своде над престолом, в непосредственной близости уже от нового «Деисуса», – деталь слишком точная, чтобы быть риторическим украшением. Особая разрушенность центральной чиновой иконы «Спас» вполне может быть сопоставлена с этим фактом. Из аварийного состояния собор был выведен только в процессе капитального ремонта 1830-х годов, осуществленного на средства частного лица.

Таким образом, судьба «Звенигородского чина» на протяжении огромного исторического периода целиком прочитывается в контексте судьбы Успенского собора, а значит – и всей звенигородской истории. Это коренной, местный памятник, созданный в уделе и в уделе окончивший свои дни. Здесь, в уделе или в уделах, мы обречены теперь искать его материальные следы. Оставаясь при всех вариантах выдающимся памятником живописи и архитектуры (в качестве важнейшего элемента алтарной преграды), чин мог происходить только из особо чтимого, богато украшенного местного храма, созданного в эпоху Юрия Дмитриевича Звенигородского и пользовавшегося щедротами этого князя.

Обретение «Звенигородского чина» в личной домовой церкви этого князя – надо полагать – не случайность. Таких храмов мы знаем четыре: два звенигородских и два троицких. Звенигородские – это вышеупомянутые соборы Успения на Городке и монастырский Рождественский, троицкие – каменный собор Троице-Сергиева монастыря 1420-х годов и его деревянная предшественница – Троицкая церковь 1411 г. Три каменных храма, начиная с Успенского, прекрасно сохранились вместе с элементами современного им алтарного убранства, деревянная же церковь до нас не дошла. Однако некоторые ее параметры были сохранены при сооружении на ее месте нового каменного храма, так что разговор о ней в принципе возможен. Три алтарных преграды трех соборов принадлежат к самым выдающимся памятникам русской церковной археологии. Их уцелевшие фрагменты – сами преграды, фрески, отдельные иконы и даже один целый иконостас – позволяют проследить ту недостающую динамику в развитии русской алтарной преграды и ее иконостаса, без которой любые попытки подойти к проблеме атрибуции «Звенигородского чина» обречены на неудачу.

***

Проблема «Звенигородского чина» настолько сложна, что у нас нет других возможностей, как заново проштудировать весь связанный с названными памятниками архитектурно-археологический материал, начиная с архитектуры самих зданий и кончая архитектурой их алтарных преград с привлечением результатов новейших исследований.

Первым каменным зданием, построенным в уделах, был Успенский собор на Городке. Дата его постройки неизвестна. Архитектурная датировка указывает на 90 годы XIV в. Сегодня это древнейшая из целиком сохранившихся построек Подмосковья и единственный крупный памятник раннемосковской архитектуры, не изуродованный реставраторами. Здание выстроено той же строительной артелью, что и церковь Рождества Богородицы в Московском Кремле 1393—1394 гг., возведенная на женской половине дворца вдовой Дмитрия Донского. На кремлевское происхождение создателей памятника указывает резьба его фасадных капителей в виде чешуи и листьев астрогала, трехлопастные очертания арок в стенных нишах и дверных проемах и розеточные щелевидные окна. Заказчиком собора был второй сын Дмитрия Донского и крестник Сергия Радонежского Юрий Дмитриевич Звенигородский. О ктиторстве Юрия Дмитриевича говорит посвящение ктиторского придела в дьяконнике его тезоименитому святому великомученику Георгию. Успенский собор является домовой княжеской церковью крестово-купольной конструкции с приделами на полатях. Приделы, за исключением одного – в северо-западном углу полатей, до нас не дошли и их посвящения неизвестны.

Успенский собор выстроен из тесаных белокаменных квадров с подчеркнутым изяществом и артистизмом. Он высок и пропорционален, у него необыкновенно стройные трехчастные, с длинными щелевидными окнами, украшенные колонками апсиды и восходящие к домонгольской архитектуре тонко прорисованные пучковые лопатки. Его изящно иссеченные орнаментальные пояса напоминают прекрасные бас-

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 93

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 94

менные оклады моленных икон и напрестольных Евангелий конца XIV в., составляющих высшее достижение русского средневекового прикладного искусства. Доступный нам сегодня уровень историко-архитектурных знаний позволяет утверждать, что Успенский собор некогда имел не менее прекрасные резные деревянные паперти. Снабженная диагональными закомарами крыша собора напоминала, по удачному выражению Павла Алеппского, «раскрытую шишку». Успенский собор – первый среди памятников архитектуры московского периода, чей барабан был обведен над кровлями венцом крупных кокошников. Об этой уникальной для столь ранней архитектуры детали нам еще предстоит вспомнить. В качестве патронального княжеского храма Успенский собор оказал огромное воздействие на церковное строительство в уделах, прежде всего, на архитектуру Троице-Сергиева монастыря, лежащего в непосредственной близости от Звенигорода, на землях Боровско-Серпуховского удела. Вскоре после его постройки, хотя неизвестно когда, Успенский собор был расписан.

Благодаря сохранности значительных фрагментов этой фресковой росписи мы имеем возможность реконструировать его алтарную преграду. Дело в том, что, в отличие от всех ранних крестовокупольных храмов Московской Руси, включая второй звенигородский, алтарная преграда Успенского собора была деревянной. Именно на деревянную, а не каменную преграду указывает, прежде всего, редкая для Москвы крещатая форма восточных столбов собора. Впервые следы этой преграды были открыты в начале века, тогда же, когда были обнаружены фрески на западных гранях восточных столбов, однако их первая квалифицированная интерпретация была сделана в наши дни художником-реставратором В.В. Филатовым[1]. Следы преграды отчетливо читаются на обоих восточных пилонах и в закрестьях столбов благодаря подходящему к ней со всех сторон изначальному живописному левкасу.

Что они собой представляют? На высоте чуть больше сажени от современной солеи[2] на западных плоскостях пилонов, между двумя – верхней и нижней – штукатурками ясно читается отпечаток горизонтальной балки или бруса, шедшей некогда от стены до стены. Высота балки около 20 см. На северной стене собора, напротив отпечатков, В.В. и С.В. Филатовыми было раскрыто вырубленное гнездо для заведения конца балки в стену. Отпечаток балки, как две капли воды, напоминает известные по другим памятникам следы-отпечатки тябловых конструкций высоких иконостасов, что в свое время побудило нас считать их за след тябла первого большого «Деисуса» Успенского собора[3]. Этот след замечательно демонстрирует последовательность работы мастеров по сооружению в соборе алтарной преграды, дает редчайшую возможность восстановить последовательность событий. В тот момент, когда писались кресты на пилонах (что соответствует второму снизу регистру живописи), ни бруса, ни самой алтарной преграды в соборе еще не было: левкас Голгофских крестов (верхняя штукатурка) сходит на нет и последним движением мастерка растерт по столбу. Затем к этому месту (которое соответствует высоте алтарной преграды) был приложен брус или балка, ранее принимаемый нами за тябло, и стали левкасить столб под брусом, притирая к нему раствор снизу (нижняя штукатурка). Брус, как показывают отпечатки раствора, был утвержден на четырех деревянных столбах-стойках, вложенных в закрестья столбов с каждой из сторон. Существование стоек было доказано В. В. Филатовым, обнаружившим при расчистке и укреплении живописи, заходящие на них края первоначального левкаса. И левкас, и живопись по нему по обе стороны бруса – едины. К стойкам в закрестьях столбов следует добавить несохранившиеся стойки (также помещавшиеся некогда под брусом) для навески дверей жертвенника, царских дверей и дверей в Георгиевский придел в дьяконнике, и мы получим законченную конструкцию прислоненной к столбам дощатой алтарной преграды[4].

1 Доклад В.В. Филатова на научной конференции в Звенигороде 23 июня 1988 г. О н ж е . Описание фресок Успения на Городке в Звенигороде (Новые открытия) // ДРИ: Балканы. Русь. СПб., 1995. С. 398, 399 (далее – Филатов, 1995). Как и мы в своем докладе, Филатов называет некогда прижатый к столбам темплон «тяблом». Аналогичным образом историю алтарной преграды Звенигородского собора трактует С.В. Филатов. См.: Филатов. Доклад, 1992). В отличие от В.В. Филатова, который благоразумно помещает «Деисус» между центральными пилонами, С.В. Филатов устанавливает первый «Деисус» – от стены до стены – «с разрывом». См. примеч. 5.

2 Филатов. Доклад, 1992.

3 Наш доклад на Лазаревских чтениях 2 февраля 1990 г.

4 Существование в древних каменных крестовокупольных храмах деревянных (дощатых) алтарных преград не требует в настоящее время специальных доказательств. Следы изначальных преград зафиксированы практически во всех храмах Новгорода, Владимира, Смоленска. Каменные алтарные стенки в памятниках этих регионов в буквальном смысле этого слова – уникальны (один–два случая, не более). Для памятников же Москвы конца XIV–XVI в. они, напротив, – норма. Деревянные преграды встречаются в Москве исключительно в бесстолпных храмах – шатровых, ок-

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 95

Возникает вопрос, чем был в этом случае исчезнувший брус: тяблом, как мы думали когда-то, или архитравом-«темплоном» алтарной преграды? Все, что мы знаем о ранних алтарных преградах, а также очевидный факт его синхронной установки с росписью верхних регистров – заставляют признать, что это был все-таки темплон, т.е. накрывная конструкция самой преграды, ее как бы деревянный архитрав (с карнизом или без), но только не полка для «Деисуса» от стены до стены! На темплоне между восточными столбами и в нефах вполне могли быть предусмотрены гнезда для столбиков, в которые закреплялись иконы первого малого «Деисуса» (вероятно, типа оглавного). Он, по-видимому, и был первым «Деисусом» звенигородского Успенского собора. Никаких иных чинов, в частности, типа «от стены до стены», этот древнейший крестовокупольный памятник Звенигорода не знал.

Таким образом, точка зрения В.Г. Брюсовой была справедлива: «Звенигородский чин» появился в соборе уже после завершения его росписи и установки в нем данной алтарной преграды, по прошествии какого-то времени, в другом культурном и историческом контексте. Он означал смену стиля, перемену алтарного убранства и новое понимание иконостаса, а его несовпадающие с шириной трансепта размеры (9,63 м против 10,08 м) более всего остального убеждают, что он даже не был для него написан! Этот памятник принадлежит другой художественной системе и другому зданию. В Успенском соборе он вторичен. Сказанное не исключает того, что в момент появления в соборе чин был поставлен именно на этот темплон (т.е. алтарную преграду), который и был при этом переоборудован (снабжен новыми разделительными столбиками). Следов иных алтарных преград или иных иконостасных конструкций, за исключением иконостаса времен Алексея Михайловича, в соборе пока не обнаружено.

Следующий храм, косвенно причастный к эпопее «Звенигородского чина», – уже упоминавшийся крестовокупольный собор Рождества Богородицы Саввино-Сторожевского монастыря. Памятник имеет хронологически близкую Успенскому собору дату (что в настоящее время оспаривается) и даже приближается к нему в характере декоративного убранства, но он разительно от него отличается. В плане он больше патронального храма, однако, выстроен при этом приземистым и грузным. Последнее объясняется тем, что собор Рождества Богородицы был храмом монастырского типа – без хор или полатей и с расширенным для соборного служения алтарем, он явно грубее, чем предшествующий собор на Городке. У него огромный барабан без кокошников в основании[1], более широкие центральное прясло и плоские лопатки с массивными двухъ-

тагональных и придельных. Раскрытие подлинных следов деревянных дощатых преград происходит, как правило, в процессе археологических раскопок и при выполнении архитектурных шурфов. Получить понятие о конструкции их верхних частей уже сложнее. Замечательные следы разных типов деревянных алтарных преград, помимо преграды Успенского собора на Городке, зафиксированы: в Успенском соборе во Владимире (западная плоскость обращенного в храм юго-восточного пилона (на уровне алтарной преграды) сохранилась нетронутой со времен Всеволода Большое гнездо. Это означает, что в 1408 г. она закрывалась досками преграды). Как и в Звенигороде, выше алтарной преграды восточные пилоны были расписаны в хорошо известном исследователям соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, где столбы в местах примыкания «Деисуса» и преграды оставлены мастерами Дионисия под побелкою. Последнее означает, что дощатая алтарная преграда и иконостас составляли здесь в конструктивном отношении – одно целое: темплон был тяблом, а тябло – темплоном. В момент росписи собора преграда и «Деисус» закрывались рогожами. Отличие этого памятника от всех других заключается еще и в том, что и преграда, и «Деисус» в нем не доходили до северной стены собора: посредством врубленных в деревянные полы стоек они крепились только перед центральным и южным нефами; дощатая алтарная преграда собора Рождества Богородицы Возмищенского монастыря в Волоколамске интересна тем, что была приложена к кирпичным пилонам уже в процессе возведения храма – до его побелки или росписи; единственный сохранившийся «in situ» образец дощатой, но уже межалтарной перегородки мы встречаем в надвратной Преображенской церкви конца XVI в. в Кирилло-Белозерском монастыре.

[1] После реставрации конца 1960-х—начала 1970-х годов вокруг барабана Рождественского собора появились белокаменные кокошники с острыми килями. Их выложил без серьезных обсуждений и согласований архитектор-реставратор собора ныне покойный Л.К. Россов. Вместе с архитектором-реставратором М.Б. Чернышевым я был послан в командировку в Звенигород в помощь Л.К. Россову, который не мог обнаружить на чердаке собора следов кокошников вокруг барабана. Считалось, что таковые должны быть у всех памятников московского круга. Л.К. Россов готовил проект замены относящихся к XVIII в. металлических вальмовых кровель кузнечной работы на аналогичное древнему позакомарное покрытие по деревянным журавцам. По приезде мы убедились, что его доводы были в высшей степени логичны: следов (по крайней мере, явных) действительно не было. Мы обратили внимание Л.К. Россова на неизвестный ему факт, что широкий неправильной формы (слегка овальный), архитектурно необработанный постамент под барабаном не был покрыт древним камнем: цилиндр барабана оказался местами поставленным прямо на забутовку постамента – с заметным отступом от его внешней облицовки. Было понятно, что обычных деревянных кровель для защиты столь небрежно выложенной конструкции явно недостаточно. Древние должны были чем-то покрывать постамент (возможно, толстой с напуском лещадью). Для покрытия обреза постамента, рассуждали мы тогда,

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 96

ярусными, лишенными резьбы капителями, и низко посаженные орнаментальные пояса. Его расположенные в два света окна лишены заостренных врезных наличников звенигородского памятника. Будучи «младшим современником» Успенского собора, он не только выстроен другой артелью, но и принадлежит другой – монастырской – культуре. Его план доказывает, что он строился под святые мощи: его южный портал сильно сдвинут к западу, как будто с тем, чтобы освободить место на клиросе для будущей раки с мощами преподобного Саввы. Получается, что сам донатор при жизни как бы обдумывал свою будущую канонизацию, что представляется маловероятным. Если бы не выведенная историками дата постройки Рождественского собора (1405 г.), мы могли бы предположить, что он строился после возведения собора Троицкого монастыря в 20–30-е годы XV в. Но данных, подкрепляющих эту точку зрения, нет. Многие современные исследователи (Н.К. Голейзовский, С.С. Подъяпольский и др.) отождествляют Савву Сторожевского с третьим игуменом Троицкого монастыря Саввой, сменившим Никона Радонежского в 1427 г. Если это так, то мы получаем объяснение, почему Савва был, вопреки обычаям, погребен в соборе.

Вместе с тем ряд элементов подтверждает раннюю дату памятника. В их числе – сильно заостренные, почти «стилизованные» килевидные закомары, необычные, с вытесанными на них килями «лбы» подпружных арок в интерьере, отсутствие надпортального киота над западными дверьми (как в домовой княжеской церкви на Городке; в церкви над гробом Сергия Радонежского в Троицком монастыре такой киот уже есть) и глубоко архаичная алтарная преграда.

Алтарная преграда Рождественского собора – выдающийся памятник русской церковной археологии[1]. Она была сложена в процессе строительства собора в той же белокаменной технике, что и само здание, – вприкладку к основным его конструкциям. В момент окончания строительства преграда состояла из трех каменных простенков толщиной 54–52 см с тремя проходами, приложенных к стенам и восточным столбам заподлицо с их западными плоскостями. До нас дошел только центральный простенок, простенки в боковых нефах были разобраны, южный – в XVII в., северный – в XVIII—XIX вв.[2] И столбы, и уцелевшее прясло преграды хранят на себе остатки первоначальной росписи собора. Все выводы, касающиеся устройства алтарной преграды и ее трех последовательно сменявших друг друга иконостасов, сделаны исключительно на основании изучения этого крупного архитектурного фрагмента и остатков покрывающей его живописи. Центральный простенок сохранил изуродованные врубками четверти дверного проема царской арки с разобранной еще в XVII в. перемычкой неизвестной формы[3] и следы стесанной в два прие-

---

лучше всего подошли бы «пущенные по кругу» вокруг барабана кокошники. Однако среди извлеченного из поздних закладок материала вторичного употребления остатков подобных – малых – кокошников обнаружено не было, за исключением небольшого фрагмента тимпана с маленьким килем, который и был вручен Л.К. Россову в качестве возможного элемента такого гипотетического кокошника (фрагмент хранится в местном музее). К сожалению, Л.К. Россов без достаточных оснований использовал наши предположения при реставрации собора.

Данный трагический эпизод – не единственный. Тогда же на чердаках собора нами лично производилась пробная разборка поздних, XVIII в., закладок между закомарами. Обложенные с лица кирпичом, закладки оказались доверху забученными сегментами снятых с закомар соборных архивольтов – «валов» и «полок» – в виде крупных, красиво выгнутых элементов – и прекрасной сохранности. Количество извлеченных тогда из закладок подлинных обломков было ошеломляющим – не менее 90% от общего их количества. Мы были убеждены, что Л.К. Россов найдет способ возвратить эти обломы на свои места и восстановить соборные архивольты в первозданном виде. Однако при реставрации, как подтвердил сам Л.К. Россов, ни один архивольт не был возвращен на место. Судьба подлинных архивольт собора неизвестна. Ни один из них, кроме вышеупомянутого фрагмента тимпана, в музей не поступал.

Л.К. Россов не воспрепятствовал осуществлению «очистки» белокаменных стен собора шлифовальной машиной с гибким шлангом; корундовыми дисками были ободраны не только стены ниже орнаментальных соборных поясов (выше поясов очистку стен мы запретили), но профилированный цоколь памятника и даже капители северного портала.

В целях защиты от возможных протечек соборных фресок и прочего Л.К. Россов обложил постамент под барабаном со всех сторон дополнительными каменными обкладками, сделав его значительно более мощным, чем тот был на самом деле.

1 Бетин Л.В., Шередега В.И. Алтарная преграда Рождественского собора Савво-Сторожевского монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1982. Вып. 1. С. 52—55.

2 Пустовалов В.М. Проект реставрации и приспособления памятников архитектуры XV– XVII вв. Рождественского собора Савво-Сторожевского монастыря в г. Звенигороде Московской области. М., 1992. Ч. 2, т. 4: Натурные исследования и предложения по реставрации алтарной преграды и иконостаса Рождественского собора (Архив АО «Мособлстройреставрация», инв. № 001 – 93).

3 Судя по сохранившимся на высоту преграды внутренним дверным откосам, Царские двери могли висеть в каменных четвертях на металлических подставах, как вешались в наших памятниках обычные дверные полотна. Однако обнаружить кулачки подставов нам пока не удалось.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 97

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 98

ма архитектурной декорации самой преграды. До своего уничтожения последняя состояла из четырех лопаток с капителями, несущими на себе архитрав с карнизом. Облом капителей имел форму «гуся» (повторял профиль верхнего яруса портальных капителей), профиль архитрава не установлен (он мог, к примеру, иметь форму выкружки, как на поздних деревянных корунах от царских врат), рисунок баз не сохранился. Аналогичным образом были декорированы боковые простенки преграды, только там могло быть не более двух лопаток. В местах примыкания к столбам архитравы креповались. Об этом говорят две одинаковых узких вставки белого камня между соборными столбами и основным блоком стесанного архитрава. Это хвостовые части некогда прилегавших к столбам угловых креповок, которые примазывались, таким образом, к плоскостям столбов, – пример часто встречающейся в белокаменном строительстве архаичной технологии.

Из сказанного следует, что западные плоскости восточных столбов были сверху донизу открыты для сюжетной росписи, тогда как первоначальная роспись самой архитектурно решенной преграды могла носить и внесюжетный характер. На архитраве центрального простенка лежало короткое тябло, крепившееся к нему посредством деревянных шипов, и стоял малый, вероятнее всего, поясной «Деисус» (на крышке архитрава, в углу около северо-восточного и юго-восточного столбов сохранились аккуратные глубокие пазы для шипов). Аналогичные тябловые конструкции могли быть установлены и в боковых простенках. Однако последнее, по понятным причинам, не поддается проверке. По истечении некоторого времени после постройки собора и установки «Деисуса» последовала первая роспись собора. От этой росписи остались фрески Голгофских крестов на фоне Иерусалимской стены на западных плоскостях восточных столбов (т. е. те же композиции, что и в соборе на Городке, только «сдавленных» пропорций) и остатки фигур Константина и Елены над ними.

К сожалению, левкас нижней части крестов безвозвратно погиб в XVII в. Сюда было врублено нижнее тябло иконостаса царя Алексея Михайловича, и мы лишены возможности судить, на какой отметке оканчивались обе фрески: спускались ли они ниже отметки алтарной преграды или останавливались на ней, как в соборе на Городке? Установить это по остаткам крестов не удается из-за общей «сдавленности» пропорций всех элементов внутри и снаружи здания, в том числе – живописных регистров. Возможны оба варианта. Если нижний край композиции крестов опускался ниже верха алтарной преграды, то вся живопись столбов была по отношению к звеньям алтарной преграды самостоятельна. В отличие от крестов, погибших только в XVII в., живопись самой преграды в составе двух регистров (включая нижние ярусы столбов) была утрачена еще в древности. Она была уничтожена при реконструкции алтарной преграды, предпринятой в связи с появлением в соборе большого «Деисуса» «от стены до стены».

Следы на преграде показывают, как это происходило. После удаления первого «Деисуса» и скрепленного с белокаменным архитравом тябла сам архитрав и две лопатки у столбов были стесаны заподлицо с алтарной стеной. Центральное же звено архитрава с двумя лопатками по сторонам царских врат было сохранено. На выступающий карниз этой конструкции было положено большое тябло во всю ширину трансепта. В отличие от первого короткого тябла, задвинутого и посаженного на шипы между столбами, большое тябло было прижато к столбам снаружи, а его концы вложены в специально вырубленные для этого гнезда в стенах собора. Аналогично были стесаны звенья архитрава и в боковых нефах. Однако мы лишены возможности узнать, какие именно лопатки там были стесаны, какие сохранены.

После того как тябло было положено, вся плоскость стены ниже тябла, включая нижние части столбов и сохраненный вокруг царских врат фрагмент алтарной декорации, была вновь залевкашена и расписана фреской с изображением преподобных отцов восточного монашества. Этот левкас вместе с живописной окантовкой и нимбами преподобных «заворачивает» и к ныне несуществующему таблу, и к сохраненным лопаткам по сторонам царских врат. Таким образом, прежняя система декорирования алтарной преграды – с громадными Голгофскими крестами по сторонам алтаря и с малым «Деисусом» на темплоне – была полностью упразднена, поскольку появление в соборе тябла «от стены до стены» означало здесь установку нового громадного, во весь трансепт, «Деисуса», причем, вероятнее всего, не поясного, а «в рост», как в Троицком соборе соседнего Троицкого монастыря, который и должен был навсегда закрыть кресты от глаз молящихся. И это был, как доказал М. А. Ильин, не «Звенигородский чин», а специально написанный для Саввино-Сторожевского монастыря иконостас неизвестного состава.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 99

Как датировать эту перестройку? Неизвестный инок, обративший в середине XVII в. внимание на это изображение преподобных на алтарной преграде, знал из местных источников, что собор был расписан при «великом князе Георгии Дмитриевиче, и назвал эту роспись «первым письмом»[1]. Этим источником могла быть, например, не дошедшая до нас храмозданная надпись на левкасе на стене собора и говорившая, конечно, об основной росписи всего собора, т. е. о том «письме», которое сохранилось на столбах. Однако мы, в отличие от инока, насчитываем в соборе не одно, а «два письма»: к первому мы с полным правом относим письмо на столбах, ко второму – письмо на алтарной преграде, связанное, как ясно показывает «заворачивающийся» к нему левкас, с установкой сплошного, во весь трансепт, тябла. Разумеется, и первое, и второе (неведомое и незначительное по объему) письмо могли быть выполнены при том же «великом князе», поскольку по всем признакам между первым (малым) и вторым (большим) «Деисусом» прошло слишком мало времени. Датировать перестройку преграды можно было бы посредством анализа живописи преподобных, но из-за плохой ее сохранности (левкас за последние десятилетия почти полностью «съеден» ямчугой[2]), это представляется малоперспективным и спорным[3].

Остается «историческая» датировка: «Деисус» «от стены до стены» или высокий иконостас должны были появиться в соборе, совершенно очевидно, уже после того, как подобный иконостас был сооружен у гроба Сергия Радонежского в Троицком монастыре, т.е. после 1425–1427 гг. Это первое. Кроме того, есть все основания связывать сооружение большого тябла в соборе с установкой не просто большого «Деисуса» типа «Звенигородского чина», но – высокого, трехтяблового, с «Деисусом» в «рост», «с праздники и пророки», – как в Троицком соборе. В свое время Н.Н. Померанцевым в ружной церкви Рождества Христова, соседней с монастырем Рождественской слободы, была найдена икона «Рождество Христово» из праздничного чина (единственная известная нам древняя икона, которую можно приписать Саввино-Сторожевскому монастырю, и которую специалисты датируют первой третью XV в., т. е. эпохой Рублева и Юрия Звенигородского[4]. Размеры иконы – 73 × 53 см, письмо аналогично письму иконостаса Троице-Сергиева монастыря; в трансепте монастырского собора можно было установить 21 такую икону. Произведение тех же живописных достоинств, что и иконы Троицкого собора, но не тех, что «Звенигородский чин»! Исходя из этого можно полагать, что при реконструкции алтарной преграды Рождественского собора в нем был поставлен высокий трехъярусный иконостас, и произошло это в первой трети XV в. или чуть позже, сразу вслед за освящением Троицкого собора, т. е. «по горячим следам» и, весьма вероятно, мастерами того же круга. «Звенигородский чин» к этому иконостасу не имеет отношения. Очевидно, что он не из Звенигорода. Но тогда откуда?

***

В нашем обзоре не затронуты каменный Троицкий собор и предшествующая ему деревянная Троицкая церковь 1411 г. Поскольку основными для нас являются вопросы эволюции алтарной преграды, а деревянная церковь Троицы не сохранилась, рассмотрим вначале Троицкий собор, где эта преграда сохранилась «in situ».

Троицкий собор – центральный памятник удельного времени, главное архитектурное сооружение оппозиции, ее символ и знамя. Построенный на землях старинного Серпуховского удела (Радонеж был «благословением» бабки Владимира Андреевича Серпуховского княгини Ульянии) трудами и усердием главы удельного клана – крестника Сергия Радонежского – Юрия Дмитриевича Звенигородского, Троицкий собор воспроизводит основные характеристики собора Саввино-Сторожевского монастыря, видоизменяя и даже гиперболизируя его образ. Это, безусловно, памятник того же ктитора и той же архитектурной школы, а его

---

1 ОР РГБ. Ф. 310. Собр. Ундольского, № 615. Л. 261, 261 об. Запись обнаружена и опубликована Г.И. Вздорновым. См.: Вздорнов Г. И. Фресковая роспись алтарной преграды Рождественского собора Савво-Сторожевского монастыря в Звенигороде // ДРИ XV—начала XVI вв. М., 1963. С. 75—82.

2 В настоящее время остатки фресок сняты реставраторами и хранятся в Звенигородском музее.

3 Реставраторы-фрескисты не берутся, как мы убедились, датировать древнюю живопись исключительно по левкасу.

4 Антонова, Мнева, 1963. Кат. 231. С. 290—201. Ил. 193. Кроме этой иконы, тому же иконостасу атрибутируется еще одна праздничная икона. См.: Попов Г. В. Иконы праздничного ряда Благовещенского собора // Уникальному памятнику русской культуры Благовещенскому собору Московского Кремля 500 лет: Тез. конф. М., 1989. С. 41.

сохранившаяся алтарная преграда дает основной материал для уяснения динамики формирования раннемосковской алтарной преграды и ее иконостаса.

Троицкий собор был заложен в 1422 г. (о чем говорит известная из источников дата обретения мощей Сергия Радонежского), а завершен «со всем», т. е. с окончательной отделкой, перед смертью донатора – игумена Никона – в 1427 г., когда в монастыре был отлит большой колокол в память преподобного. Троицкий собор был построен в качестве каменного реликвария для береженая, почитания и прославления мощей преподобного Сергия, пролежавших в земле 30 лет «под спудом» и совершавших исцеления. Для своего времени собор представляется огромным, он имеет те же габариты, что и соборная Воскресенская церковь Волоколамска конца XV в., однако его пропорции и оригинальная архитектоника не дают это почувствовать. Как и церковь Саввы Сторожевского, Троицкий собор – «заземленное» здание. У него низкие, с заметным пирамидальным наклоном гладкотесанные стены и огромный, по высоте равный четверику, слегка конусовидный, 10-оконный барабан на голом постаменте. Барабан и трансепт резко смещены к востоку. Между западной парой подкупольных столбов и передней стеной расположен огромный, чуть меньше трансепта, нартекс. «Пирамидальность» собора ясно читается в интерьере. Собор как бы «распластан» над священным участком земли, из которого были извлечены целебноносные мощи преподобного. В отличие от собора Саввина монастыря, храм стилистически принадлежит уже XV в. В мотивах его орнаментальных поясов, наряду с уходящими в языческую древность орнаментами из пальметт (символизирующими вечное движение), впервые появляются христианские мотивы (кресты в переплетающихся кругах). Его капители, как и в Саввине монастыре, оставлены в болванках, а его западный фасад – также впервые в московской архитектуре – снабжен огромным надпортальным киотом. В нем в технике фрески был написан храмовый образ Троицы. Последний встречал богомольцев «с приезду», от села Климентьева, со старой московской дороги. Как и в двух звенигородских памятниках, крыша собора напоминала «раскрытую шишку», что достигалось устройством на ее сводах диагональных закомар.

Вскоре после постройки Троицкий собор был расписан. Расписали его Даниил Черный и Андрей Рублев. Роспись была сбита при ее «поновлении» в 1635 г., а вот алтарная преграда собора и иконостас дошли до нашего времени почти нетронутыми. В Троицком соборе раннемосковская каменная алтарная преграда завершила свою эволюцию, и произошло это через 20 лет после предполагаемой постройки савинского мемориала. В ней совершилось преобразование (думаем, что окончательное) малого «Деисуса» на темплоне в большой «от стены до стены» многотябловый иконостас.

Алтарная преграда Троицкого собора представляет собой гладкую каменную стенку толщиной чуть более 50 см и высотой около 3 м, устроенную во всю ширину трансепта, заподлицо с восточными столбами. Длина преграды от северной до южной стены – 13 м. Алтарная преграда Троицкого собора никогда никем всерьез не изучалась (исследователь и реставратор памятника В.И. Балдин посвятил ей всего две строчки) и исследованию недоступна. Преграда сложена из белокаменных гладко притесанных квадров. Какое-либо архитектурное оформление преграды отсутствует, нет ни лопаток, ни архитрава. На фотографиях различимы только три импоста, грубо изваянных со скошенной нижней плоскостью, под нижнее тябло иконостаса (четвертый импост скрыт на фотографиях лесами, общее их количество неизвестно). Располагаются импосты по обе стороны столбов, на тех местах, где в Рождественском соборе находились притесанные к столбам лопатки. Импосты помещены на ряд камня ниже обреза преграды, как это мы находим в Успенском соборе Московского Кремля 1479 г. Западные грани восточных пилонов и преграда лишены какого-либо левкаса, однако, сами импосты окрашены. Был ли левкас срублен или столбы и преграда вообще никогда не левкасились – понять по фотографиям невозможно. Мы вправе предполагать, что изначально закрытые иконостасом столбы никогда не левкасились (известны подобные примеры)[1], а сама преграда и ее импосты, вероятнее всего, были расписаны. Пустые, не закрашенные плоскости столбов (как и импосты) не оставляют сомнений, что иконостас Троицкого собора с момента его создания был высоким. Этот иконостас сохранился. Основу его составляет «Деисус» из 15 чиновых икон «в рост», высотой около 189 см и шириной

[1] Лучший пример – все тот же собор Ферапонтова монастыря. Здесь же в соборе осталось незалевкашенным место у столба, где стоял клирос. Особую ситуацию мы наблюдаем в Успенском соборе Фиораванти, который был сразу после постройки покрыт левкасом, но без росписи, как показывает его скрытая за иконостасом алтарная преграда. Расписан собор был, согласно летописи, через 35 лет после постройки – в 1513—1515 гг. – по старому белому левкасу с насечками под новую роспись.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 101

от 73 до 92 см («Спас в силах» имеет ширину 136,2 см, суммарная ширина «Деисуса» – 12,75 м), 19 «праздников» высотой около 88 см и шириной от 62,2 до 68 см (суммарный размер – 12,97 м) – что не оставляет никаких сомнений в «заказанности» данного иконостаса для данного собора, и 7 икон пророков, столь же хорошо вписывающихся в размер трансепта (центральная икона этого ряда заменена в XVIII в., их суммарный промер может не приниматься во внимание)[1].

Все три чиновых ряда (за указанным исключением) написаны в 1420-х годах. Несмотря на значительные утраты, живопись иконостаса основательно изучена. Большинство современных ученых полагает, что она не принадлежит Рублеву. Как известно, здесь же в соборе исстари находился его храмовый образ – «икона Троицы письма Рублева» – общепринятый шедевр русской иконописи, эталонное произведение этого мастера. Манера, в которой выполнен иконостас, – иная, нежели манера «Троицы». Являясь произведениями одного времени и одного масштаба, иконостас и храмовая икона написаны разными мастерами, в разном колорите и, может быть, даже разным составом красок, что дает повод некоторым ученым считать «Троицу» произведением другого храмового ансамбля[2], а значит, делает сомнительным само участие Рублева в написании одного из первых монументальных иконостасов Московской Руси. Видимо, Рублев участвовал только в росписи собора. Его участие в написании местных икон, таким образом, также остается под вопросом.

Как уже говорилось, в Троицком соборе раннемосковская алтарная преграда полностью завершила свое развитие и стала именно такой, какой мы ее находим во всех без исключения крестовокупольных хра-

---

1 Метрические сведения об иконостасе Троицкого собора мы черпаем из каталога собрания икон Загорского музея-заповедника: Николаева Т.В. Древнерусская живопись Загорского музея. М., 1977. С.45—67.

2 Сегодня проблема храмового образа Троицкого собора приобрела неожиданный ракурс. В.А. Плугин приписывает звенигородскому Успенскому собору не только «Звенигородский чин», но еще и «Троицу» Рублева, вычерчивая предполагаемый сложный путь ее миграции: из Звенигорода в Москву в Благовещенский собор после пожара (жалобница Сильвестра), а оттуда, возможно, в связи с полоцким взятием – в качестве царского вклада – в Троицкий собор (Плугин, 1974. С. 39—44). Таким образом, Плугин полагает, что, несмотря на некоторое колористическое несходство, «Звенигородский чин» и «Троица» – памятники одного храмового ансамбля. Усомниться в прежней атрибуции «Троицы» ученому позволяет текст большой Вкладной книги Троице-Сергиева монастыря XVII в., где встречается нередкая в документах такого рода двусмысленность: «Государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии вкладу написано в отписных ризных книгах 83 (1575) году... образ местной живоначалъные Троицы обложен златом (далее – описание оклада)...». Исследователи до сих пор полагали, что в этой грамматической конструкции «вкладом» является не «образ местный», а «обложен златом», т. е. не сам образ «Троицы», а его золотые ризы. В.А. Плугин это традиционное чтение отвергает. Думаем, однако, что данное выражение Вкладной книги возникло из механического соединения принадлежащего редактору-составителю грандиозного свода Вкладной общей рубрики («Государя царя – вкладу») – с неправленым текстом реальных «отписных ризных книг 83 году». Таких книг известны сотни. Назывались они «книгами ризной казны» (в отличие от книг казны «денежной») и писались на очередного ризничего монаха при передаче ему ризницы. Записывались в них, как правило, не сами иконы, а оклады к ним. Принявший ризницу монах отвечал не за иконы, а за «соборное серебро». Скрупулезное перечисление в ризных книгах монастырских икон (для чего использовались обычные «описные книги монастырского имущества») – служило всего лишь целям удобной и быстрой идентификации иконного оклада, избавляло от необходимости обмерять его и взвешивать. Ризные книги начинались, как правило, с описания местной храмовой иконы и ее оклада, затем следовали прочие местные иконы. Огромное место занимала описание собственно ризницы. Нередко в книгах отмечалось имя вкладчика, а иногда и год вклада.

Цитируемая В.А. Плугиным Вкладная книга – поздний, сложного состава, компилятивный источник. В основу его легли случайно уцелевшие после монастырских пожаров документы, среди которых легко угадывается монастырская кормовая (известная в трех некачественных списках), вкладная «денежной казны» и – единственная из сохранившихся в монастыре – «отписная ризная книга 83 году» и т.д. Ясно, что других источников в руках у переписчиков не было. (Состояние древнего архива Троице-Сергиева монастыря, за исключением так называемых копийных книг – самое плачевное, по словам С.Б. Веселовского.) Создавались такие Вкладные по благословению архимандрита не в качестве учетного документа, а в качестве «книги памяти». Это был прекрасно оформленный фолиант с именным перечнем поминаемых лиц и их родов, – своего рода «синодик». Хранили этот шедевр каллиграфического искусства и памятник благочестия если не в самой церкви, то, по крайней мере, в церковной ризнице, а подобные документы малодостоверны. Такие Вкладные не следует путать с так называемыми Записными книгами вкладов, куда вклады записывались келарем или игуменом. Последние (особенно черновые) – источник первоклассный. «Омолаживая» с помощью Большой Вкладной биографию храмовой иконы «Троица», В.А. Плугин не прав еще и потому, что в соседнем с монастырем Покровском соборе Александровской слободы (скопированном с монастырского Троицкого собора) уже в 1513 г. стоял местный образ «Троицы», прототипом которой была «Троица» Рублева (Евсеева Л. М. Иконы из первоначального иконостаса Покровского собора Александровской слободы // Александровская слобода: Материалы научно-практич. конференции. Владимир, 1995. С. 125 и сл.). Думаем, что самому ученому известны и другие подобные примеры.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 102

мах XV—XVI вв. и первой половины XVII в. и так до самого конца древнего периода нашей истории, до возникновения в эпоху барокко новых принципов и систем церковного убранства. Произошло это, как видим, очень быстро: постройку собора Рождества и постройку Троицкого собора разделяют около 20 лет (с точки зрения «вызревания» художественной формы срок ничтожный), между тем как в оформлении алтарной преграды произошла настоящая революция. Там – малый «Деисус» на темплоне, здесь – огромный трехъярусный иконостас новейшей системы и конструкции, начисто отгородивший алтарь от трансепта. Ясно, что параллельно с этой исподволь вызревавшей формой, где-то здесь, в московских и звенигородских пределах, долго бытовали иные, промежуточные, формы древнерусского иконостаса – типа поясного Деисуса «от стены до стены», по неизвестным причинам утратившие свои храмы-«носители». Одним из таких замечательных поясных «Деисусов», утративших свой храм, является «Звенигородский чин». Из сопоставления этих фактов однажды уже родилась теория, сформулированная, в частности В.А. Плугиным: о происхождении или бытовании памятников данного рода из бесстолпных деревянных церквей[1].

Попробуем вернуться к этой точке зрения. Нами уже рассмотрено три каменных памятника, построенных при участии второго сына Дмитрия Донского Юрия Звенигородского, а найденный в его домовой церкви «Звенигородский чин» так и не нашел себе пристанища. Однако остался нерассмотренным еще один очень важный памятник, построенный при ктиторстве того же Юрия Дмитриевича, – деревянная церковь Троицы 1411 г. Известно, что каменный Троицкий собор сменил эту церковь, возведенную игуменом Никоном сразу после нашествия Едигея. На Руси, как мы знаем, при постройке новой церкви на месте старой в нее переносили не только местные иконы (в первую очередь, храмовую), но часто и старые Деисусы, однако, каменный Троицкий собор был построен сразу в ансамбле со специально для него, «в его место» написанным «Деисусом».

Что стало с «Деисусом» деревянной Троицкой церкви? Необходимо подробно рассмотреть эту историю. Ведь Троицкий храм возводился на месте церкви, построенной всего десятью годами ранее, а значит, находившейся в момент обретения мощей Сергия Радонежского в абсолютной сохранности (разумеется, со всем, что в ней было). Что нам о ней известно?

Деревянная Троицкая церковь была освящена 25 сентября 1411 г.[2] Церковь была поставлена на месте предыдущей деревянной церкви самого преподобного, сожженной в 1408 г. Едигеем. Ктитором нового деревянного храма, как и сменившего его, затем каменного, был Юрий Звенигородский, сделавшийся в тот момент, в связи со смертью Владимира Андреевича Серпуховского, старейшим среди удельных князей. На солидные размеры церкви и добротность постройки указывают немалые сроки, понадобившиеся для ее возобновления, – 3 года. Для деревянного храма это срок серьезный. Церковь была поставлена на старом месте, возле могилы преподобного Сергия, который пролежал в земле уже около 20 лет и был не единожды прославлен совершающимися над ним чудесами. До извлечения праха Сергия из земли оставалось 10 лет. «Явление мощей» – вещь, как известно, прогнозируемая, и ни о каком «упадке» местно почитаемой могилы и храма при ней в данном случае речь идти не может: вновь сооружаемая церковь своей архитектурой должна была поддержать растущую славу чудотворца, привлечь к месту его погребения паломников и т.д. Думаем поэтому, что деревянная Троицкая церковь 1411 г. представляла собой капитальную постройку, может быть, даже «на каменное дело», хотя доказать это мы, разумеется, не в состоянии. Как любое почитаемое игуменское погребение при храме, могила Сергия находилась «одесную алтаря», снаружи у южных дверей. При копке фундаментных рвов под каменный мемориал в 1422 г. могила была вскрыта и ожидаемое обретение мощей состоялось. В древности закладывание новых храмов происходило в отдельных случаях при сохранении старой церкви, посредством обкопки ее стен. При этом в самой церкви продолжалось богослужение, в ней молебствовали одновременно с работами во рвах, до тех пор, пока заступ рабочего не кос-

[1] Плугин, 1974. С. 80. В настоящее время (при наличии предположительно датируемого концом XIV в. «Высоцкого чина») позиция автора изменилась. Как уже упоминалось, В.А. Плугин допускает, что чин был создан для Успенского собора с уже расписанными восточными пилонами, как можно понять, – после нашествия Едигея (Плугин, 1994. С. 25). В докладе, прочитанном на Лазаревских чтениях в 1990 г., автор этих строк пытался доказать, что чин был приложен к восточным пилонам «в процессе отделки интерьеров» или «чуть позже». Первая алтарная преграда Успенского собора и «Звенигородский чин» принадлежат разным декоративным системам.

[2] Анализ относящихся к Троицкому собору исторических сведений и исчерпывающий обзор источников см.: Вздорнов Г.И. Новооткрытая икона «Троицы» из Троице-Сергиевой лавры и «Троица» Андрея Рублева // ДРИ: Художественная культура Москвы и принадлежащих к ней княжеств: XIV—XVI вв. М., 1970. С. 115 и сл.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 103

нется гроба. Сам каменный храм закладывался таким образом, чтобы могила преподобного оказалась внутри новых стен перед алтарем. Над нею позднее сооружалась надгробница, если мощи предполагалось оставить «под спудом», или устанавливалась рака, если они выставлялись для всеобщего поклонения. Рака ограждалась решеткой, над нею ставилась сень и т.д. Огромные размеры нового собора, его подчеркнутая «колоколообразность» вполне могли быть результатом этого «покровения» могилы с церковью каменными сводами как второй сенью. После извлечения гроба с прахом Сергия деревянная Троица со всем, что в ней было, т. е. с иконами, утварью и «Деисусом», была перенесена на восток от строящегося собора, за алтари и за кладбище при них, на то место в центре монастыря, где сейчас стоит церковь Сошествия Святого Духа, так называемая Духовская. В нее был внесен и впервые «открыто» поставлен гроб с обретенными мощами – на все 3 года, пока строился каменный собор. Перед гробом денно и нощно совершались богослужения, происходили исцеления, к нему стекались толпы паломников. После того как собор был закончен, мощи преподобного Сергия были переложены в специальную раку и состоялся их торжественный перенос в собор к месту вечного успокоения, на солею перед Похвальским приделом в дьяконнике, где они стоят до сего дня, а в деревянном храме был оставлен пустой гроб для поклонения, «Деисус» и, может быть, еще некоторые иконы. Другая часть местных икон и утварь были, вероятно, перенесены в новый собор.

Относительно же храмового образа Троицы достоверно ничего не известно: некоторые ученые считают, что он был перенесен вместе с мощами в каменную церковь и стал храмовой иконой нового собора, другие, напротив, полагают, что он был оставлен в деревянном храме, а для каменного собора был написан новый. В зависимости от точки зрения на этот предмет храмовый образ Троицкого собора (а это и есть «Троица» Рублева) датируется или 1411 г. или 1420-ми годами. Те ученые, которые считают, что храмовый образ был оставлен в деревянном храме, принимают за него большую местную икону «Троица» в варианте «Гостеприимство Авраама» первой четверти XV в., найденную уже в нашем веке при инвентаризации монастырского имущества. Эту точку зрения пытался обосновать Г.И. Вздорнов[1]. Мы убеждены, что храмовая икона обязательно должна была быть внесена в новый собор вместе с мощами в качестве местной святыни, своего рода палладиума. В результате деятельности игумена Никона и усердия владельческой семьи, московских и удельных князей в Троицком монастыре к 1425 г. появилось две Троицких церкви, а в них две реликвии: целебноносные мощи Сергия чудотворца и его пустой, без крышки, подающий исцеления гроб (крышка гроба была отдана на создание икон). Отныне каждая из реликвий оказалась помещенной в свой храм-реликварий. Никаких сомнений в том, что прежняя деревянная церковь была в состоянии играть эту новую роль, ни у кого, как видим, не возникло. Видимо, деревянный храм 1411 г. был в меру репрезентативен и богат, его убранство в полной мере отвечало своему новому назначению. В нем стоял неизвестный нам «Деисус» 1411 г.

О почитании мощей преподобного Сергия известно, в первую очередь, из летописей: на гроб Сергия (под «гробом» в этих случаях понимался не пустой гроб в деревянном храме, а рака с мощами в Троицком соборе) клались при крещении венценосные младенцы, у него просили защиты (Василий Темный), перед ним молились, уходя на войну, и с войны возвращаясь, и т. д. О почитании второй реликвии – гроба – напротив, ничего не известно.

Деревянный храм Троицы простоял в монастыре до 1476—1477 гг., пока в замену ему на том же месте не была построена новая каменная Троицкая церковь под колоколы, так называемая Средняя, переосвященная в начале XVI в. в Духовскую, ставшая поминальным храмом монастыря, своего рода монастырской часовней для отпевания братии и вкладчиков. Строила Духовскую церковь известная по источникам псковская артель каменщиков, работавшая в 70–80-е года XV в. в Москве у великого князя, митрополита и по монастырям. Отслужившая свой век деревянная Троицкая церковь была передана в одно из сел, где и исчезла.

Духовская церковь – сооружение уникальное, в ней заключена для нас тайна деревянной церкви 1411 г. Какие ее характеристики она воспроизводит? Правильно ли вообще мы ставим вопрос? Что может быть общего между сухим кирпичным крестовокупольным храмом XV в., с пучковыми лопатками на углах и ори-

---

[1] Не вступая в спор с Г.И. Вздорновым, отметим со своей стороны, что характер повреждений, полученных иконой в Троице-Сергиевом монастыре, указывает, что она длительное время находилась снаружи храма (была надвратной или надпортальной) и едва ли в этом случае могла быть когда-нибудь храмовой.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 104

гинальным завершением в виде барабана-колокольни, и гипотетической деревянной церковью эпохи, от деревянного строительства которой не осталось ни материальных следов, ни исторических свидетельств? Разумеется, мы вправе предполагать, что в Духовскую церковь при ее постройке были «вживлены» те местные иконы и «Деисус», которые в 1425 г. не были взяты в каменный Троицкий собор и в течение 50 лет составляли убранство деревянной церкви. Но какие для этого могли быть мотивы? Какие черты старого храма или его интерьера и почему троицкие власти захотели сохранить?

Необходимо присмотреться повнимательнее к Духовской церкви. Ведь ширина трансепта этого малодоступного и редко посещаемого Троицкого храма – 9,45—9,5 м (храм обмерялся в штукатурке и не нами) – близка суммарной ширине девятифигурного «Звенигородского чина» – 9,63 м, выведенной нами ранее на основании промера четырех сохранившихся чиновых досок[1]. Что если какие-то скрытые от нас характеристики исчезнувшего здания нашли в нем свое отражение? Духовская церковь – одно из самых загадочных сооружений древнерусского зодчества, архитектура которой все еще ждет истолкования. Ее датировка 1476 г., как и ее первоначальное посвящение Троице, были доказаны в 1943 г. В.П. Зубовым в работе, оставшейся неопубликованной (рукопись в местном музее). О том, что это оригинальный памятник подколоколенного типа, историки русской архитектуры узнали только перед самой войной из исследований П.Д. Барановского. Относительно хорошо сохранившееся внутри обстройки XIX в. (последняя снесена при реставрационных работах в 1940-е годы[2]) здание Духовской церкви самым досадным образом (при устройстве отопительной системы и в связи с растеской окон) потеряло все свои наиболее выразительные в историко-архитектурном отношении элементы[3].

По нашему мнению, Духовская церковь является своего рода «архитектурной цитатой», поскольку отсылает нас к другому, совершенно конкретному памятнику. Сложенная из превосходной плинфы и некоторого количества белого камня, она спроектирована псковичами не по-псковски и не по-московски, а как бы по-звенигородски. Она есть вольная копия патронального храма Звенигородского княжества – Успенского собора на Городке, – одетая снизу доверху листовидными орнаментами, просверленная звонами и пр., но все же копия[4]! И – одновременно – апофеотический монумент празднику Троицы, исполненный

1 Четвертая из сохранившихся досок «Звенигородского чина» – переписанная в XVIII в. икона «Иоанн Предтеча» – сейчас стоит у южной грани юго-восточного столба.

2 Кавельмахер В.В. Об окнах-розетках Введения на Подоле в Загорске // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1982. Вып. 2. С. 219—222. В статье доказывается, что выявленные автором на церкви Введения на Подоле 1547 г. три круглых окна с белокаменными обрамлениями в форме розеток были скопированы строителями Подольного монастыря с Духовской церкви.

3 Утраты Духовской церкви невосполнимы. От резных белокаменных бровок центральных окон южного и западного фасадов сохранились только жалкие остатки. Некоторое понятие об утраченном декоре памятника, помимо пышного цоколя, могут дать не до конца стесанные листовидные украшения западного портала. К сожалению, современные исследователи памятника (архитекторы-реставраторы И.В. Трофимов и В.И. Балдин) не уделили внимания утраченному декоративному убранству Духовской в своих публикациях. Нами опубликована графическая реконструкция Духовской церкви, явившаяся результатом сравнительного исследования ее и Введенского храма в сб.: Колокола: история и современность. М., 1985. С. 55. Система и тип окон верхнего света восстановлены на рисунке более или менее достоверно, однако на 99% утраченные орнаменты изображены условно. Единственным графическим источником, передающим первоначальный храмовый декор, остается дошедшая до нас в двух списках «подарочная» икона первой половины XVII в. с изображением Троице-Сергиева монастыря, написанная по образцу известной в десятках списков аналогичной соловецкой иконы (инициатором писания таких икон мог быть келарь монастыря «соловянин» Александр Булатников). На троицкой иконе в центре западного фасада изображено огромное прямоугольное надпортальное окно с пышным кокошником. Поскольку западное надпортальное окно памятника до своего уничтожения в новое время никогда не растесывалось, этот рисунок, вероятно, передает реально существовавшую форму.

Первым известным нам подколокольным храмом была октагональная в плане церковь Ивана Лествичника 1329 г. на Соборной площади в Московском Кремле. Ее остатки были обнаружены в 1913 г. См.: Кавельмахер В. В., Панова Т.Д. Остатки белокаменного храма XIV в. на Соборной площади в Кремле // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995. С. 66—83.

4 У нее такой же план и внешние габариты (длина и ширина четверика равны 13 м), близкая высота четверика, сходный рисунок пучковых лопаток с двухъярусными древнего типа капителями, подобные украшенные колонками трехчастные апсиды и такие же восходящие к формам XIV в. окна-розетки, утрата которых помешала отождествлению этих двух памятников. И, наконец, только из идеи венца кокошников под барабаном (а такой венец был только на Успенском соборе) могла родиться ее необыкновенная звонница. И только замысел храма-колокольни заставил строителей конструктивно усилить стены и столбы церкви (стены – от 120 см в Успенском соборе до двух аршин – около 142 см в Духовской), подарить ему пышный и необычайно развитый цоколь, сделать более рельефными фасадные прясла –

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 105

необычными в русской архитектуре средствами. Это Успенский собор на Городке в «одеждах» Троицына дня.

Если «троицкие одежды» и мемориально-погребальный характер соединенного со звонами храма как-то объяснимы (например, ролью временной гробницы, которую в течение двух-трех лет играла в монастыре предшествующая Духовской деревянная Троицкая церковь), то выбор объекта копирования поражает: почему Звенигород? По логике вещей, строители Духовской церкви должны были воспроизвести деревянную церковь 1411 г., а не физически и хронологически далекий Успенский собор на Городке! И когда? В 1476 г.?

Допустимо ли думать, что после окончания феодальной войны и полной победы московских князей, при Иване III, мог быть построен столь ретроспективный, ультразвенигородский памятник? Если принять это допущение, Духовская церковь приобретает значение храма-символа, памятника великому удельному прошлому и знака верности монастыря своему сюзерену. Едва ли так было на самом деле. Оппозиционность троицких властей Москве естественна и понятна, но для столь позднего времени эта мысль требует дополнительных доказательств, которых нет. Поэтому оставляем этот вопрос открытым и обратимся к самому беспрецедентному факту копирования. Какой смысл древние вкладывали в усердное копирование неких образцов и что копировали в Троицком монастыре? Дальнейшая строительная история монастыря кое-что в этом вопросе проясняет. На протяжении XV, XVI вв., первой половины XVII в. воссоздание благочестивых копий-повторов составляет внутреннюю логику и тайный смысл архитектурной школы троицких зодчих[1]. Сакрализация объектов веры, начиная с чудотворных мощей и кончая прикосновенными к священной памяти монастырских праведников материальными предметами, насквозь пронизывает строительную практику Троице-Сергиева монастыря и его округи. Духовская церковь – священный памятник Троице-Сергиева монастыря, воспроизводящий – прямо или опосредованно – деревянную церковь 1411 г. Не Троицкий собор

внести в него остальные коррективы, что обузило трансепт здания, сделав его на 50—60 см уже звенигородского. Однако из священных габаритов патронального храма храм-копия не вышел ни на иоту!

[1] Начиная с 1547 г. (т.е. по прошествии 70 лет после постройки Духовской церкви) в монастыре создается еще ряд копий, цитирующих или саму Духовскую церковь или ее отдельные объемы, в первую очередь – алтари («копии с копий»). Так, под стенами монастыря на Подоле власти с благотворительной целью строят «убогий» Введенский монастырь для пострижения неимущих. Его каменный соборный храм представляет собой откровенную копию с Духовской церкви (но уже, вероятно, без звонницы – верхи храма не сохранились). В нем тема Гробницы в качестве первенствующей монастырской реликвии звучит совершенно открыто. За Введенской церковью последовали другие. Архитектура Духовской церкви отразилась в надгробном храме преподобного Никона 1623 г., в алтарях, закомарах и декоре больничной церкви Зосимы и Савватия Соловецких 1643 г., в соборе Киржацкого монастыря 40-х годов XVI в. Нечто от Духовской было в недошедшей до нас трапезной поминальной церкви Михаила Малеина 1621 г. Сам же Троицкий собор в других постройках монастыря прямо никогда не цитировался—ни в самом монастыре, ни в приписных, ни в округе, за единственным исключением: его архитектура была открыто воспроизведена в 1513 г. в соборной церкви Покрова в загородной троицкой резиденции Василия III в соседней Александровской слободе. Вторую каменную монастырскую Троицкую церковь (гробничную Духовскую) использовали почему-то чаще и охотнее, чем соборную!

О том, что мы имеем дело именно с сакральным, а не политическим копированием, надежно свидетельствует следующий факт: в 1558 г. царь Иван Грозный – сначала обдумывает, а потом и приступает к осуществлению самого грандиозного в русской истории замысла по прославлению Троицы и преподобного Сергия. Посреди монастыря он закладывает третью, на этот раз «великую» – Троицкую церковь и задумывает перенести в нее мощи преподобного. Иначе говоря, царь покушается соорудить в его память новый достойный чудотворца колоссальный мартирий. Эта идея была осуществлена, мартирий был построен, однако мощи Сергия были оставлены на прежнем месте. В новый храм был перенесен только гроб из Средней (Духовской) церкви, а в нее же в царствование Федора Ивановича поставили старую раку преподобного, поскольку как раз в это время мощи перекладывались в новую серебряную раку. Новый огромный храм в 1585 г. был освящен как Успенский. Но не размеры храма потрясают воображение, а то, что вновь выстроенный Успенский собор был тоже копией, причем, в отличие от Духовской церкви, очень близкой. Для его сооружения был скопирован мартирий Петра – митрополита в Московском Кремле, – кафедральный Успенский собор! Таким образом, преподобный Сергий, к которому царь Иван испытывал, как известно, особое «доверие», как бы достиг в оказываемых ему почестях степени митрополита Петра – первого по рангу московского святого. Ничего иного власти, мы уверены, сказать этим выбором объекта копирования не хотели. Не Звенигород и его давно умерший князь были тому причиной, не политические пристрастия, а откровенное религиозное собирательство предопределило логику всех монастырских, как промосковских, так и прозвенигородских, построек, хотя в этом чисто религиозном копировании можно обнаружить и некий общественно-политический смысл, а именно: одной из Троицких церквей – каменному Троицкому собору – образцом послужила церковь троицкого и звенигородского святого Саввы Сторожевского, другой – Средней – патрональный собор Звенигорода, третьей – самой великой – кафедральный собор Москвы.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:09 Страница 106

с его открыто положенными мощами чудотворца, а именно Духовская служит на протяжении десятилетий предметом подражания Троицким зодчим, она, а не Троицкий собор, становится объектом копирования, играет в монастыре роль великой монастырской гробницы. Чем был и что значил для древних ее интерьер? Все, что выше говорилось о внешнем облике храма, может быть с полным основанием перенесено и на ее интерьер. Интерьер Духовской церкви в еще большей степени, чем ее гипотетический для нас облик, должен был передавать пространственные или вещественные характеристики гробничной церкви чудотворца. Все его предметы, вся священная утварь и иконы должны были бережно сохраняться. Религиозное чувство безболезненно расстается с первоначальным объектом поклонения и легко подменяет его.

***

Одним из самых важных и почитаемых предметов интерьера подлежащей разборке церкви 1411 г. был ее старый «Деисус», уже однажды менявший место вместе с церковью и гробом. Мог ли он быть перенесенным в каменную церковь и на этот раз? Начнем с его места в истории иконостаса, иначе говоря, – с его типа. В 1425 г. этот «Деисус» не был взят в только что построенный каменный собор по двум, надо полагать, причинам. Во-первых, он был на 3—3,5 м короче его трансепта, и, во-вторых, он был, как и «Высоцкий чин», вероятнее всего, поясным, т.е. уже не отвечал новым требованиям оформления алтарной преграды – высокому многотябловому иконостасу с Деисусом «в рост». Его место в истории русского иконостаса где-то между малыми «Деисусами» двух каменных звенигородских соборов и большим «Деисусом» каменного Троицкого. Он – недостающее звено выстроенного нами на материале звенигородских памятников ряда. Согласно В.А. Плугину, он – «из деревянного храма». Последнее означает, что он был «большим», и при суммарной ширине около 9,5 м скорее всего девятифигурным. Можно также смело предполагать, что он был «вкладным», т. е. княжеским, а не монастырским, а его заказчиком после смерти в 1410 г. Владимира Андреевича Серпуховского вполне мог быть звенигородский князь – старейшина среди удельных. И, наконец, он был написан одним из выдающихся иконописцев своего времени из числа обслуживающих великокняжескую семью, и т. д.

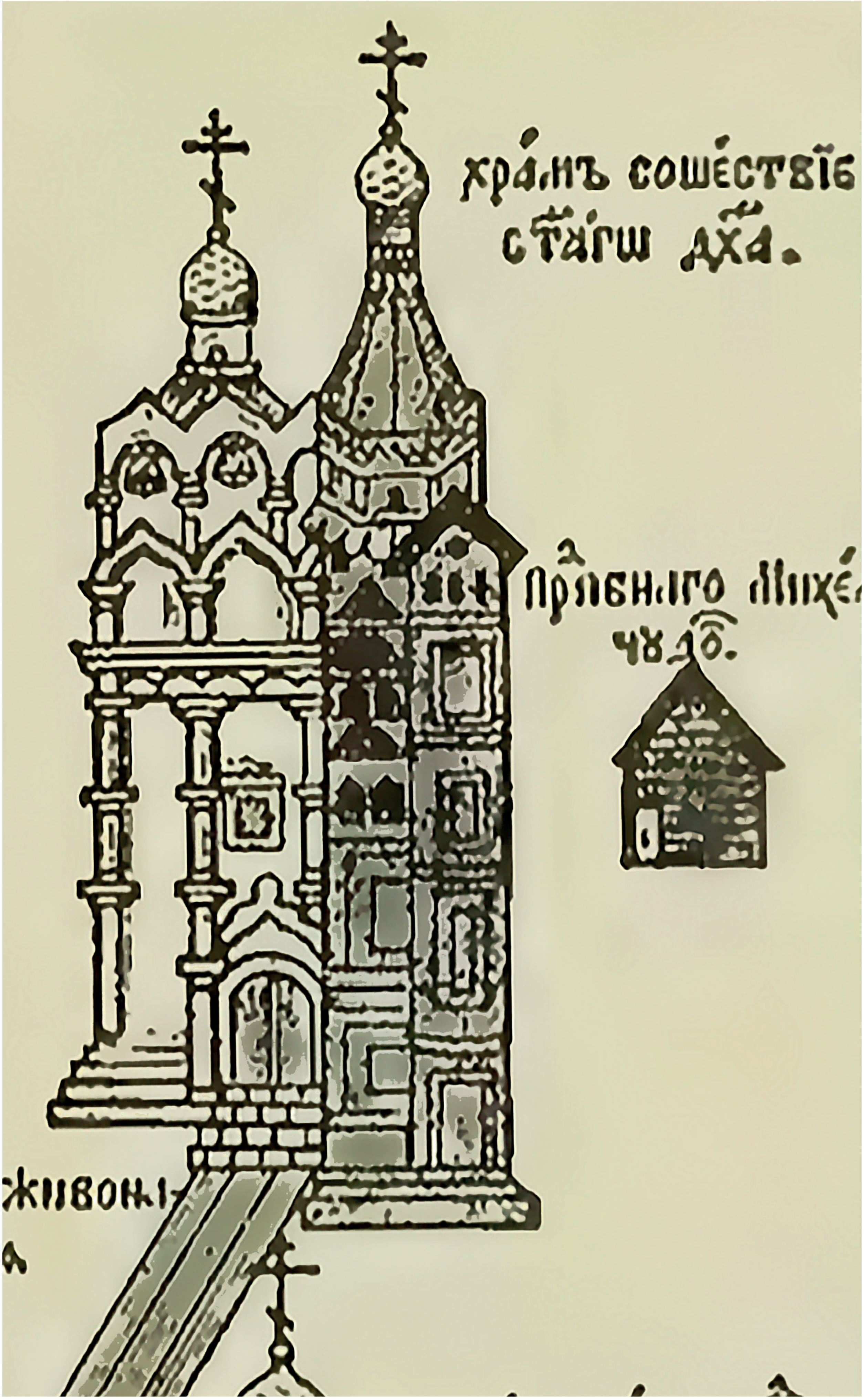
Всем этим характеристикам в их совокупности отвечает только один русский деисусный ряд – «Звенигородский чин»! Только последний имел сходную суммарную ширину, был поясным, пропорционально сниженным, вполне вероятно, однотябловым (праздничных и пророческих икон его «пошиба» мы не знаем), был заказан лично Юрием Дмитриевичем Звенигородским (иначе он не мог очутиться в его домовом храме, не будучи для него написан). Только он один имеет поразительное сходство с единственной бесспорной иконой Андрея Рублева – храмовой иконой Троицкого собора.

Мог ли этот или подобный ему «Деисус» быть перенесен в 1476 г. в Духовскую церковь при ее постройке? Мог, но только при двух условиях: при сохранении в новом здании величины трансепта деревянного храма и при том, что он удовлетворял новым принципам иконостасного убранства.

Оба условия оказались в 1476 г. нереализованными. По причине, оставшейся неизвестной, в Духовской церкви в первую очередь копировался не трансепт, а внешние габариты Успенского собора на Городке – 13 × 13 м. Поскольку Духовская церковь была надстроена высокой звонницей, ее трансепт при заданном внешнем размере оказался величиной детерминированной. Обращая стены крестово-купольного здания в опоры колокольни, древние увеличили толщину столбов и стен всего на 15 см (1,27 м в Успенском соборе и 2 аршина (142 см) – в Духовской). При переводе фасадной пластики белокаменного собора на язык плинфы (материал Духовской) рельеф стенных прясел между пучковыми лопатками был углублен до 35 см, против 20 в звенигородском соборе. В итоге величина трансепта, равная в Успенском соборе 10,3—10,8 м, сократилась в Духовской при тех же габаритах как раз на те самые 60 см – до 9,5 м. Произошла некоторая деградация внутреннего пространства, т. е. «Звенигородский чин» (если это был он) в трансепте Духовской уже уместиться не мог. Практические соображения победили все прочие[138].

[1] Не знаем, нужно ли подсказывать читателю, что разницей между величинами 9,5 м (ширина трансепта Духовской церкви) и 9,63 м (условная ширина «Звенигородского чина») в контексте принятых в данной работе рассуждений – можно пренебречь. А если так, то Духовская церковь могла синтезировать в себе оба храма – Успенский собор в Звенигороде (внешние габариты) и Троицу 1411 г. (трансепт), из чего следует, что и чин мог какое-то время стоять в Духовской. Настаивать на этом в тексте статьи нам казалось некорректным.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:10 Страница 107



Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:10 Страница 108

Что касается второго условия – соответствия «Звенигородского чина» или любого поясного однотяблового «Деисуса» новым воззрениям церковного клира на иконостас, то по прошествии 50 лет со времени постройки каменного Троицкого собора его «моральное» ветшание должно было принять необратимый характер. Новая церковная мода требовала для вновь выстроенного помпезного храма-реликвария высокого многотяблового иконостаса с «Деисусом» в «рост». В результате старый «Деисус» сделался в своем родном монастыре лишним.

Его дальнейшая судьба легко угадывается. В 1476 г. все в Троицком монастыре должны были знать, чьим вкладом был «Деисус» деревянной церкви. В связи с этим вспомним вкладные и дачные книги Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. и знаменитую опись его ризницы 1544 г. (и другие аналогичные источники), где не только церковная утварь и иконы, но даже вкладные денежные суммы были персонифицированы и расписаны за дарителями! Принимая вклады, монастырь брал на себя многообразные поминальные обязательства, и тренированная память соборных старцев и игумена цепко удерживала обстоятельства их поступления. Помнила она, разумеется, и заказчика троицкого «Деисуса», и мы беремся предположительно, конечно, назвать его имя: это был к тому времени уже покойный вождь феодальной фронды, захвативший в 30-е годы XV в. великое княжение, Юрий Дмитриевич Звенигородский. Чин (а это был, вероятнее всего, «Звенигородский чин») был его персональным богомольем, предметом высокой материальной и художественной ценности. Ставший в монастыре ненужным, он не был, тем не менее, отдан «в села», но со всем уважением возвращен в Звенигород покойному владельцу, т.е. по принадлежности. Только таким образом, не впадая в противоречие, можно объяснить его появление в звенигородском Успенском соборе.

Итак, «Звенигородский чин» происходит, вероятнее всего, из Троицкой церкви 1411 г. К этой церкви большинство исследователей относит и «Троицу» Рублева – храмовую икону каменного Троицкого собора. Круг, таким образом, замкнулся. Два знаменитых памятника могли происходить из одного храма, могли принадлежать одному храмовому ансамблю. Среди тысяч русских икон только эти два произведения близких по мастерству, похожи друг на друга, как дети одной матери. Нет больше на Руси икон – с этим свежим колоритом «летней холодной зари», этой пронзительной, почти едкой, яркости красок, «близких к краскам троице-сергиевских полевых и луговых цветов в июне», этого тонкого изящества при пугающей крупномасштабности огромных храмовых досок, этой нервной психологической усложненности и чисто византийского шарма! Разумеется, факт общего авторства ничего всерьез в нашей проблеме не решает. Рублев, как мы и думали когда-то, мог писать эти иконы и для разных храмов. И все же у нас нет данных, что Рублев когда-нибудь работал в Звенигороде, но есть, что он расписывал каменный Троицкий собор и написал (согласно позднему и некачественному источнику) вышеупомянутую икону, т.е. что он, по крайней мере, работал в Троице (пусть и не в те же годы). И при этом он не писал его иконостаса! Последнее можно понять и так, что в монастыре уже был «Деисус» письма этого художника. Агиографы Сергия Радонежского и Никона, как все вообще агиографы, были невнимательны к этим подробностям. Они, как мы видим, ни словом не обмолвились о существовании в Троицком монастыре второго деревянного храма, чью феерическую судьбу мы проследили на этих страницах. Перечисленные совпадения и несовпадения слишком очевидны, чтобы продолжать говорить исключительно об авторстве икон и не ставить вопроса об их общем происхождении. Разумеется, аргументация Г.И. Вздорнова, В.И. Антоновой и др. в пользу более поздней датировки «Троицы» сохраняет до поры (и вероятно, долго будет сохранять) свою силу, а вся проблема долго еще будет носить открытый характер. И все же при столь феноменальном сходстве памятников опыт новой «троицкой» атрибуции «Звенигородского чина» вполне уместен.

«Главною тайной» Духовской церкви, о которой пишет В.В. Кавельмахер, главным элементом для копирования и подражания, главным общим «геном», роднящим звенигородские и троице-сергиевские (и кирилловские, и ферапонтовские, и спасо-прилуцкие) церкви вполне могло быть число «33» в завершении сооружений. Повсеместное, повальное отсутствие (за редкими исключениями) его почти повсюду из просто досадного факта превращается в катастрофу национального масштаба: не так уже важно, сколько народу число увидит и поймёт, – важно, что нет даже самой возможности увидеть и понять, всё спрятано или уничтожено. Главного – нет.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:10 Страница 109

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:10 Страница 110

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:10 Страница 111

В Николо-Пешношском соборе (на взгляд – XVI век, вряд ли поздний) две загадки теснятся перед глазами наблюдателя, отталкивая друг друга, чтобы обескуражить первой, а не второй.

Красно-белую кавалергардию со всех сторон, кроме востока, разглядывать не стоит – мало архитектуры, лезет в глаза отменный руст, очень уместный именно здесь, в низком единственном этаже того, что должно было быть гульбищем, но стало убежищем для размещения пары десятков усталых конников.

Первая загадка – сколько восстановлено кокошников под барабаном? Они, следуя логике размещения окон в барабане (чтобы щипцы поместились как раз между щелями окон) повёрнуты таким образом, чтобы ни один из восьми не смотрел ни на одну сторону света – так ориентированы сами окна, а массивные, глубокие кокошники своими выдвинутыми металлическими козырьками так далеко отошли от цилиндра барабана, что начинает мерещиться, будто их больше, чем на самом деле, потому что иногда видны сразу четыре, а то и пять штук. Их сделали такой избыточной, чудовищной толщины для того, чтобы скрыть, уменьшить, хоть чем-нибудь заполнить пространство между закомарами и барабаном. Во время проектирования реставрационных работ, вероятно, стало оче-

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:10 Страница 112

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:10 Страница 113

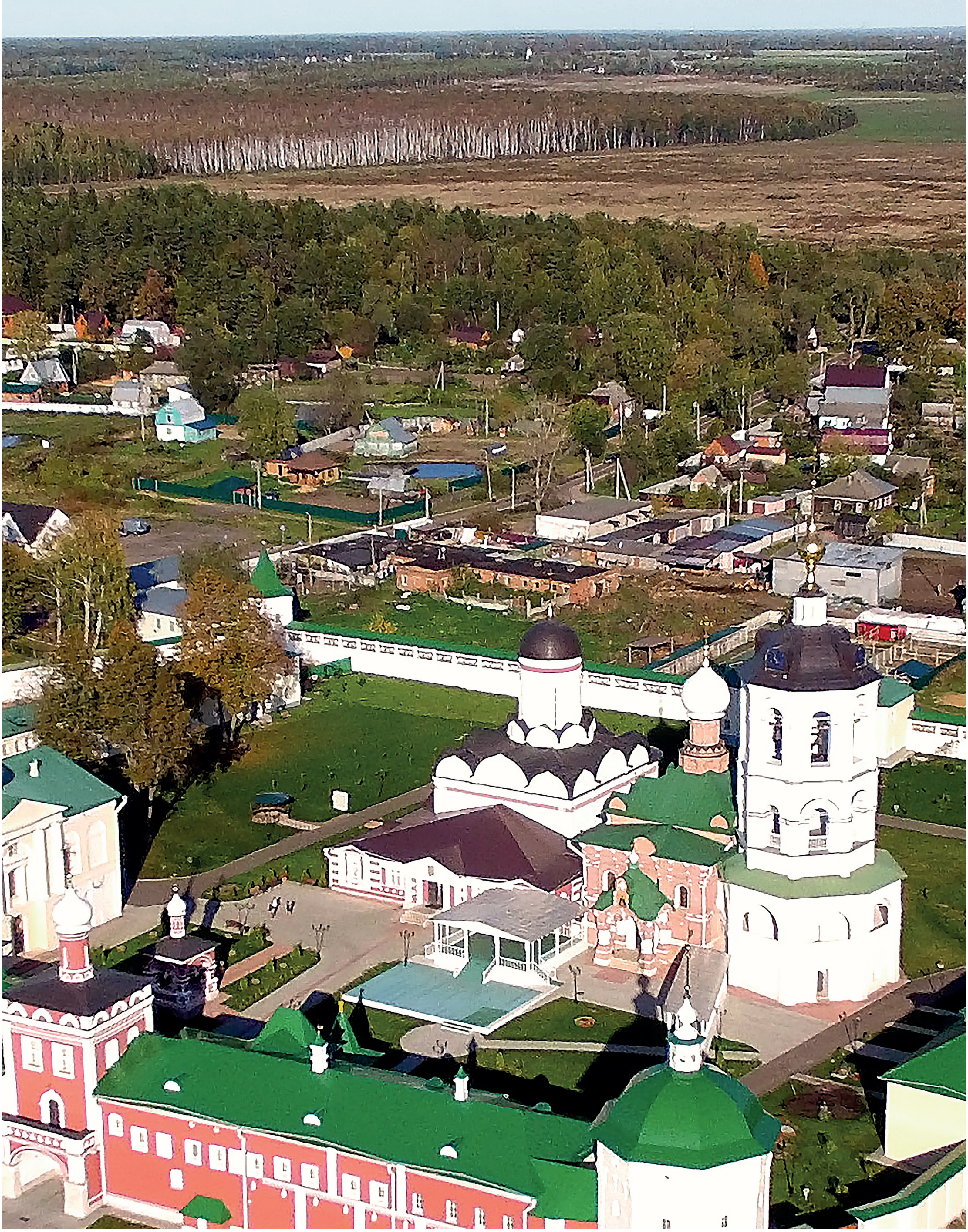
видно, что щёки скатов под щипцами закомар, ведущие к барабану, получаются слишком протяжёнными, они тяжёлыми морскими волнами плавно и лениво ложатся на собор, превращая покрытие в плоскую крышу с некрасивыми горбами, которые ничем никак не прикроешь. Нависающие, почти наклонённые козырьки кокошников на барабане чуточку исправляют впечатление, уменьшают простор между закомарами и барабаном, но порождают вторую загадку.

Как могли реставраторы, зная о коломенском Введенском соборе 1382 года по рассказу Павла Алеппского (а не знать они не могли), имея перед глазами многие примеры XV и XVI веков, не вставить между закомарами и барабаном ещё рядок из 12 кокошников, они просятся туда сами?

Ответ очевиден. Стараниями двух или трёх предыдущих веков бесследно сгинули все материальные остатки промежуточного ряда, не от чего отталкиваться, а эстетическая логика недостойна внимания научной реставрации – мало ли что так красиво, правильно и хорошо, всем положено и все должны уважать мнение тех, кто так тщательно уничтожил мысль авторов собора первой четверти (скорее всего не позже) XVI века. Близкие по времени создания Рождественский собор в Ферапонтове (1490), Успенский собор в Кириллове (1497), почти не тронутые улучшателями XVIII и XIX веков, во внимание принимать нельзя: нет остатков – значит, нет и восстановления. Отрубили ногу тридцатилетнему человеку выше колена, без остатка, стало быть, не надо и восстанавливать, мы же не знаем, какой была именно его коленная чашечка, а куда ж мы без чашечки, пусть уж прыгает на одной, зато научно и ни полслова не придумано, только своё.

На Никольском соборе в конце XVII века поставили 4 экстраординарных главы. Как уж строители объясняли хотя бы самим себе необходимость водружения дополнительных барабанов и глав – можно не пытаться вообразить и нафантазировать. Кому станет лучше и легче от превращения пятиглавия в правило и норму – если такая мотивация присутствовала – ни угнетённый неверием, ни просвещённый воцерковлённостью мозг постичь не в силах, никакая нумерология не объясняет преимущества пятёрки над единицей. Как бы то ни было, пять глав появились, вероятнее всего, центральная подросла на несколько десятков сантиметров, когда-то скатная крыша с изысканнейшими фронтонами сменила закомары и прочие излишества нехорошие, вроде восьми кокошников у основания барабана центральной главы. Четыре молодых главы поставлены не без выдумки. С запада на восток общие два ската объединяют четверик и притвор на западе, конёк выведен одной линией. Восточные малые главы отстоят от конька дальше, чем западные, и восточная пара ближе к об-

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:10 Страница 114



Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:10 Страница 115

рыву восточной стены над апсидами, чем западная (совсем немного) к западной. Предположить, зачем проявлена такая изобретательность – трудно; столпов в этих местах, около стен, не предполагается, они нужны центральному барабану. Для установки глав и фронтонов надо было избавиться от всех закомар и кокошников (они давно опостылели зодчим фронтонов из-за дороговизны кровельных работ и трудностей уборки снега), что и было исполнено. От закомар остатки пригодились, на них улеглись украсно украшенные кирпичные фронтоны, и от кокошников под барабаном остатки можно отыскать, а от промежутка между ним – ничего нет именно из-за появления четырёх малых глав на месте среднего ряда из двенадцати кокошников.

Негодный из-за этой лакуны силуэт собора своей вопиющей ущербностью повелительно требует восстановления правды, но мешает ещё одна беда с трёх сторон. Нет смысла выяснять, кто, в каком веке, для чего построил кавалергардию под видом гульбища. Она уродлива и сама по себе, и в соседстве с собором, сверху, сбоку, отовсюду. Если фамилии авторов будут названы, позор смыть будет невозможно, торжество эстетической беспомощности и незрячести ляжет пятном на целые эпохи и века. Беречь эту архитектурную гримасу – всё равно что наслаждаться зрелищем красных трусов с белой надписью «Adolf Daßler» на античной статуе.

Реставрация начала XXI века преобразила собор. Но скупость остатков декора и тщательность прошлых перестроек не оставила возможности восстановить главное – общий образ. Уже сейчас белая махина собора начала XVI века, современника Василия III, цепляясь слабыми пока руками, карабкается в ряд безусловных шедевров не только этого столетия, которых отнюдь не сотни осталось, чтобы можно было пренебрегать строительными нормами того времени просто потому, что нет остатков. При таком подъёме восьмёрки, при таком расстоянии от закомар до барабана в короне кокошников, что там можно поезда пускать, – просто не может не быть среднего ряда, по три с каждой стороны света, согласованные размерами с закомарами пониже и с восьмёркой повыше.

Вот когда этот ряд появится, собор распрямится, встанет во весь рост, расправит плечи, оглядится окрест, улыбнётся про себя, подумает и даже прошепчет: «Ну наконец-то!» И больше не будет причитаний про «массивность, тяжеловесность, грузность силуэта».

И как могла бы преобразиться странноватая простой кубической немотой Преображенская надвратная церковь (1689) почти напротив западного входа в Никольский собор, если бы вместо плоской и низкой четырёхскатной крыши пространство между внешним рядом кокошников (уже не закомар, они стали частью декора, но ещё должны иметь соответствующую толщине стен глубину, это создаёт темп возвышения и удаления от внешнего ряда) и короной под барабаном заполнили ещё 12 таких же (чуть поменьше размером) декоративных кокошников; в конце XVII века уже не стали бы стесняться прямого повторения приёма с 33 округлостями в завершении сооружения, прямой переклички со старым Никольским собором, в котором то ли уже выросли, то ли вот-вот появятся ещё четыре аппендикса (главы), вытесняющие второй ряд кокошников Никольского.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:10 Страница 116

Борисоглебский собор под Ростовом так основательно обижен его временными владельцами и распорядителями судеб, что его надо раскапывать из пепла забвения, как Геркуланум из остывшей пиропластической массы. Освящён в 1523 году, через два с половиной века в 1779 году украшен поставленной на барабан консервной банкой меньшего диаметра, чем сам барабан, и маленькой главой, придушенной и бездыханной, потому что горло перехвачено жестокой рукой, хозяин которой твёрдо уверовал, что именно под главой должна быть талия, желательно потоньше, ещё тоньше, совсем тонкой, уже после того, как дыхание давно перехватило. Много народу старалось, но автор начала XVI века не перестаёт побеждать. Западный притвор уродлив, но он сам отваливается от четверика, крепкая крыша гонит прочь воду и снег вместе с спрятанной под ней красотой, но окна-то никуда не делись, такие аркосолии помогают освещению не хуже косяков, и никакие кирпичные закладки между закомарами не могут спрятать сами закомары. Они меньше полукруга, их горизонтальные диаметры ниже антаблемента, и пусть верхушки центральных срублены для размещения ценных мауэрлатов, в которые упёрлись стропила крыши, размерность и форма не оставляет сомнений – мастер был не без

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:10 Страница 117

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:10 Страница 118

итальянской крови, глубокие порталы для двух створок тоже имеют полукруг наверху. Строитель сделал западные прясла северной и южной стен самую малость меньше центральных и почти вдвое больше восточных – но очень широкие лопатки съели эту разницу для глаз, неравенство почти незаметно, особенно если хоть немного выглядывают апсиды, увеличивая горизонтальный размер к востоку.

Когда строительство собора было закончено, до рождения будущего Иоанна IV, первого царя (с 1547 года) оставалось примерно семь лет. Василий III отстроил недавно Александровскую слободу, а в ней то ли обновил, то ли заново построил собор по образцу Троицкого в Сергиевом монастыре, размером – больше Борисоглебского, но грузность и приземистость у них – общая черта, без устали отмечаемая уже несколько веков наблюдателями, за дело ругающими передельщиков, постаравшихся со всех сторон, кроме разве что нижней. Её не трогали – хлопот много. У обоих соборов торжествующая распластанность и антистройность объясняется одной причиной: и у того, и у другого отняли 32 полукруга и нормальную главу в завершении. И Борисоглебский собор именно своей схожестью с александровским Троицким может сослужить великую службу благодаря давности и доб-

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:10 Страница 119

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:10 Страница 120

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:10 Страница 121

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:10 Страница 122

Борисоглебский собор в 1925 году. Фото Ростовского музея.

ротности перемен. В 1925 году П.Д. Барановский освободил углы от незаконнорожденных малых глав; тогда же в литературу вошла цифра 10 – столько кто-то насчитал кокошников вокруг барабана; на самом деле их только восемь. Сократив высоту барабана до правильного почти квадратного сечения, разобрав крышу и забутовку, между барабанными кокошниками и закомарами придётся обнаружить или правильные (поскольку есть сдвиг трансепта к востоку) 12 кокошников второго яруса по три в рядок с каждой стороны в остатках, которые были разрушены для устрой-

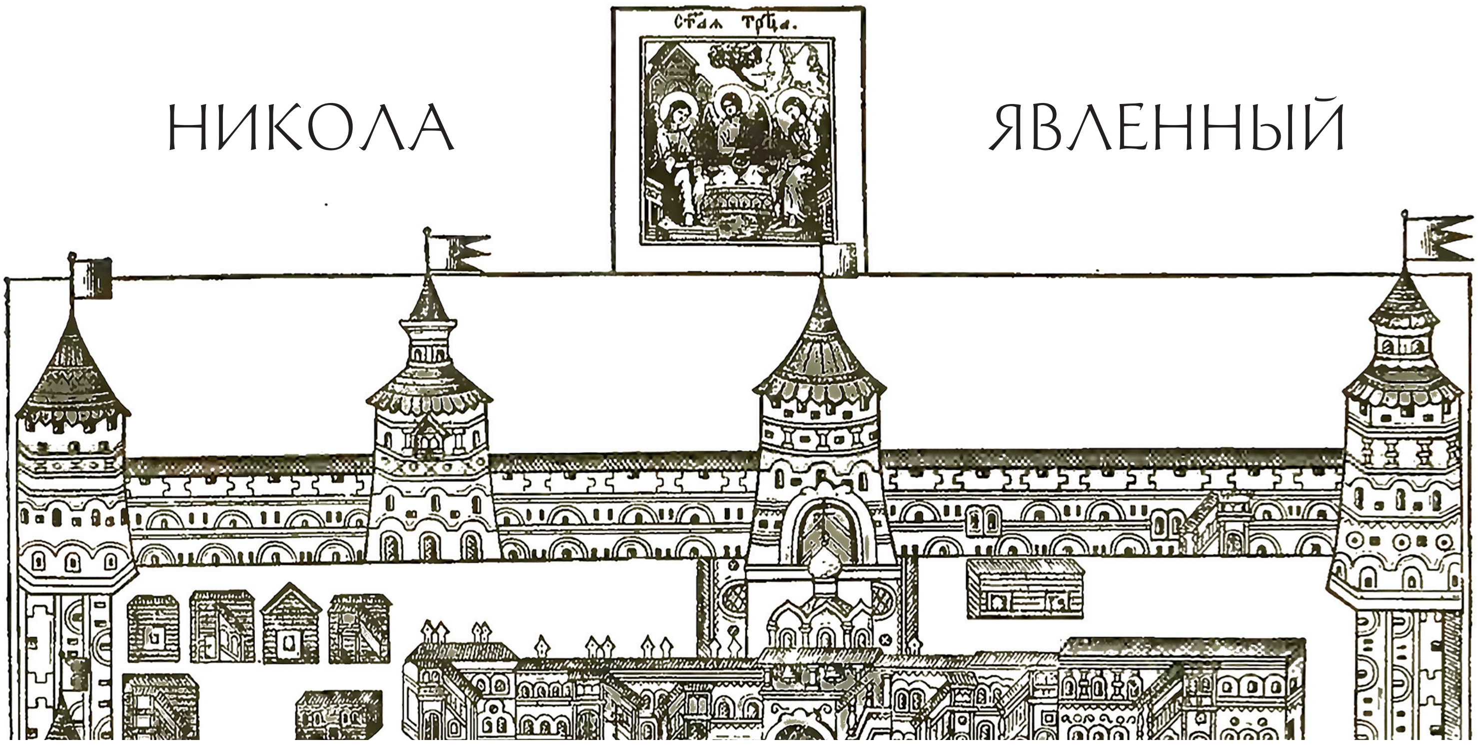
Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:10 Страница 123

ства крыши, или, как, вероятно, хотелось бы адептам диагональных закомар повсюду, где можно и нельзя, вариации на тему гнутых тоннелей от диагональных закомар к барабану, может быть, даже с промежуточными, если передельщики успели их поставить, а не просто сломали то, в чём ничего не понимали и не видели ни символического значения числа «33», ни строительной амальгамы от кубического к шарообразному. Но что-то между барабаном и закомарами было. Давность переделки вкупе с сохранностью кокошников требует продолжения исследований.

Апология_Троицы_2_31-124.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:10 Страница 124

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:12 Страница 125

НИКОЛА ЯВЛЕННЫЙ



Церковь Николы Явленного (1594) на Арбате – одна из нескольких церквей на Арбате в Москве. Кроме той, что у В. Поленова (в Московском дворике), уцелевшей в Спасо-Песковском переулке (1711), был ещё Никола в Плотниках (1630-е). То, что два Николы погибли при советской власти от рук злых людей – огорчает, но почти не удивляет, мало ли чего они ещё натворили, камни хоть не кровоточат. Удивляет то, что главное украшение Арбата, самую старую и важную его церковь, временами даже именованную Собором, погубили вовсе не большевики, а при Николае I просвещённые и даже передовые радетели о расширении молитвенных пространств с разрешения митрополита Филарета, весьма славного в отечественной церковной истории. В 1846 году началось возведение новой церкви при сохранении колокольни XVII века, знаменитой на весь город, как, впрочем, и сама старая церковь. Она радовала глаз А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина и многих других. Её пропажа в середине XIX века особенно обидна, поскольку русский стиль стараниями императора и министра просвещения только начинал подумывать о том, когда бы ему проснуться, черты его были ещё неопределённы, даже новопостроенная на месте старой вполне заурядная и скучная церковь современниками воспринималась как подхватившая упавшее знамя, по-новому поддержавшая традицию, удачная и достохвальная. Победительные либерал-прогрессисты, от сторонников А.И. Герцена до неистового Виссариона (Белинского) и петрашевцев, были так убедительны для не очень многочисленного общества, что жажда нового во всём отнимала у нестойких умов способность видеть старое как ценность просто потому, что следующие поколения якобы должны быть умнее предыдущих – а это предположение, не только не доказанное, но и ни на чём не основанное. Когда полноправному наследнику этих настроений ума, В.И. Ульянову, исполнился 21 год, в 1891 году псаломщик новой церкви Николы Явленного Пётр Петропавловский (судя по способу образования фамилии, унаследовавший духовное звание от предков, хотя она могла быть и псевдонимом) напечатал в типографии А.И. Снегирёвой, расположенной в собственном доме на Остоженке, в Савёловском переулке, книжицу объёмом меньше ста страниц под названием «Историческое описание храма свят. и чуд. Николая, именуемаго Явленным, что на Арбате, в Москве». Титульный лист с акцидентным набором выполнен со вкусом конца века, а бумагу взяли плохо сваренную, не очень высокого качества, скоро пожелтевшую, но сохранившую рассказ о внешнем виде старой церкви («Чтения ОЛДП», 1890).

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 126

10/974

Церковно-археологический О.Л.Д.П. отдѣлъ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

ХРАМА СВЯТ. И ЧУД. НИКОЛАЯ,

ИМЕНУЕМАГО ЯВЛЕННЫМЪ,

что на Арбатѣ, въ Москвѣ.

МОСКВА.
Типографія А. И. Снегиревой.
Остоженка, Савеловскій переулокъ, собств. домъ.
1891.

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 127

Ильича вспомнили только затем, чтобы подчеркнуть лишний раз, что всё связано со всем и просто так ничего не случается, причины надо уважать, потому что иногда латинская мудрость про то, что «после того – не обязательно вследствие того» может быть не просто неверной, а ровно наоборот, именно «после того – непременно значит вследствие того», из-за того, по причине того. Тот, кого разбудили декабристы, имел самое прямое отношение к тому, что всего через несколько десятков лет после «Исторического писания храма...» будут написаны строки «Муж в могиле. Сын в тюрьме. Помолитесь обо мне». Ни одному из великих поэтов первой половины XIX века не удалось бы так выговорить, не потому что дарование так распорядилось, а потому что общий «бедлам нелюдей» был рукотворным, самодельным, логичным, неслучайным, заслуженным и устроенным теми, кто начал с разрушения церкви Николы Явленного задолго до Ильича, с умонастроением самым прогрессивным и либеральным, даже человеколюбивым («Укажи мне такую обитель...»), даже «в целях увеличения пространства молельного помещения». Итак, как он выглядел, храм Николы Явленного.

С северной стороны к сей главной церкви пристроена была зимняя церковь с приделом во имя Покрова Божией Матери, имеющая также два входа: из трапезы и с северной наружной стороны; с западной стороны обе церкви имели одну общую трапезу, к южной стене которой был пристроен придел во имя Ахтырской Богоматери. По приблизительному расчёту, ранняя Николаевская церковь с алтарём в длину была 6 саж. и 2 арш., шириною 3 саж. 2 1/2 арш. Покровсская церковь с алтарём 5 саж. 2 1/2 арш. имела длины и 3 саж. 1 арш. ширины; Ахтырский придел с алтарём длиною 6 саж., шириною 2 саж. Длина трапезы равнялась 6-ти саж. и 1 арш., ширина 7 саж. и 2 арш.

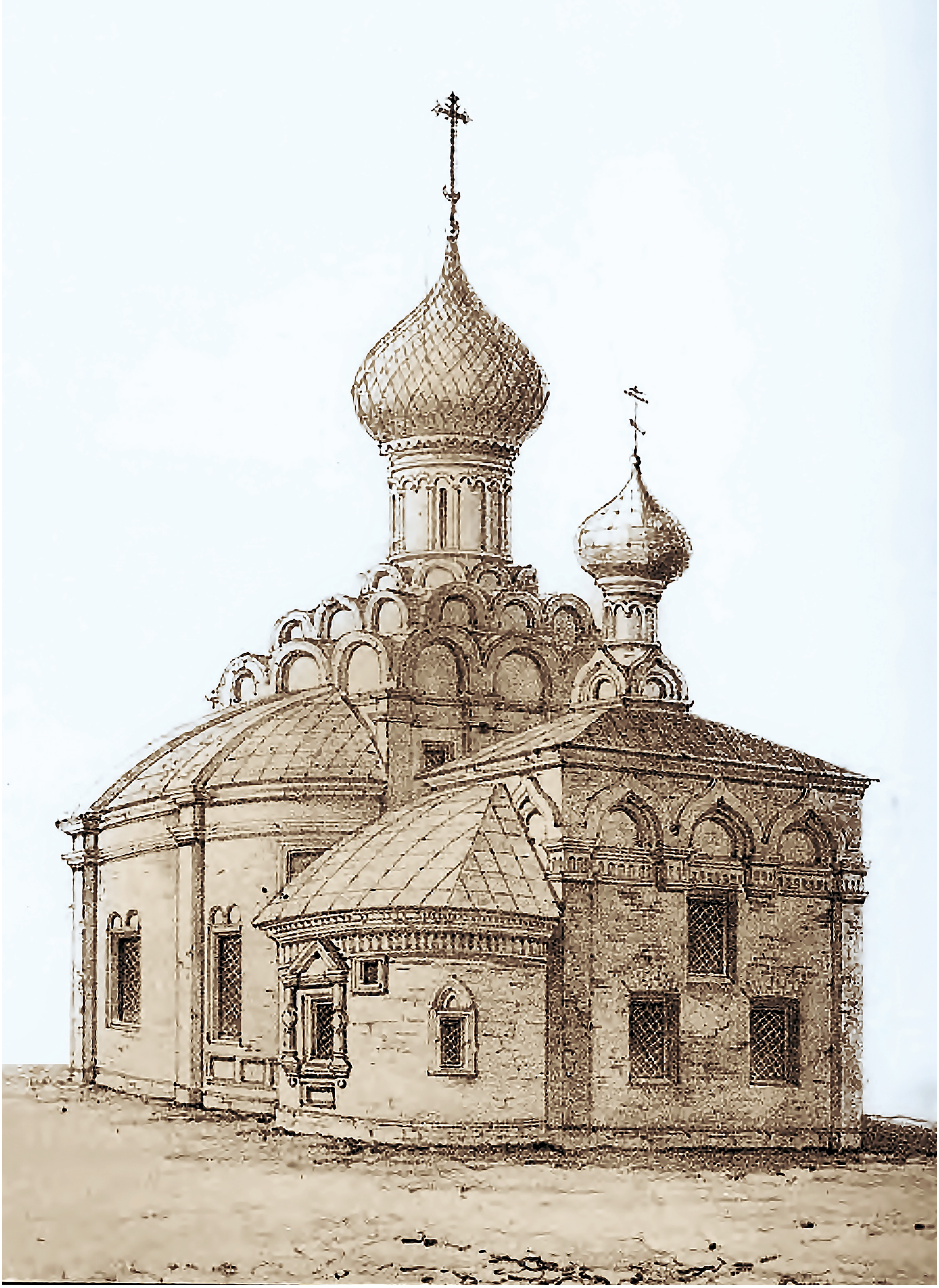
О наружном виде старого храма можно составить понятие по фотогравюре, сделанной Шерер–Набгольц и Ко, а также по фасаду, снятому с церкви архитектором Козловским. Судя по этим данным, хранящимся в церковной ризнице, можно безошибочно сказать, что архитектура старого храма весьма много удержана на нашем теперешнем храме, летнем. Как и нынешний храм, старый имел одну главу, которая, подобно всем храмам 17 века, суживаясь постепенно к верху, украшалась полукруглыми, в три яруса, углублениями, на подобие окошечек. Высота старой Николоявленской церкви с крестом была 14 саж.; Покровской придельной церкви с крестом же 8 саж. Для наглядного ознакомления с видами старого Николоявленского храма, мы помещаем их в начале нашего исторического описания [не обнаружено, возможно это была не вошедшая в пагинацию {с 9 полосы, титул на 7} вкладка. – И.Н.К.].

В дополнение ко всему сказанному о внешнем виде храма считаем не лишним здесь привести все то, что говорит об этом же предмете г. Снегирев в составленной г. Мартыновым книге «Русская старина в памятниках церковнаго и гражданскаго зодчества».

«Древний стиль церкви (Николы Явленного), сходство с соборной церковию в Московском Рождественском монастыре, удостоверяют, что она относится не позже как к началу 17 века и составляла в древней столице один из замечательных памятников храмового зодчества времен царя Михаила Феодоровича, переживший с лишком два столетия. Толстые стены, прочно складенные из тяжеловесных кирпичей, ручались за долговечность здания, своды храма были крестовые, над ними возвышалась шея или барабан главы, утвержденной на трех кружалах, или теремках; Алтарь был с тремя полукружиями. <...>» [Далее – о переменах в петровской архитектуре и о возвращении «очищенного византийской стиля» при Николае I].

У строителя нового здания церкви Николы Явленного вопрос формообразования свёлся к соединению элементов архаики с модерном без понимания того и другого, хотя модерн ещё и сам себя не понимал – и именно потому, что пока не внял архаике. Сопоставление архитектуры двух зданий, старого и нового – неутешительно, даже удручающе. Как можно было наблюдать в новом прогресс – непонятно. Это какое-то особое, глубинное состояние умонастроений торжествующего легкомыслия и поверхностности суждений. Дело не только в таланте зодчего XVI века и способностях архитектора XIX века. Дело скорее в утрате жажды красоты, стремления и умения её создавать и видеть, потеря способности к глубоким

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 128



Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 129

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 130

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 131

суждениям, основанным на понимании. Мелкотравчатость от крупнотравчатости отличается размером потравы – так вот даже потрава, что-то безусловно нехорошее, и та негодна, мелковата. Смотреть на старую церковь Николы Явленного надо с ножом в руках, если требуется понять, в чём суть претензий к добавкам следующих после XVI веков. Первым отрезается северный придел, он закрыл старый вход и окна, в нём слишком громадные даже для него оконные проёмы, четырёхскатная крыша привычно безобразна, маркиза над апсидами, прячущая закомары до самого верхнего карниза, повторяет ту, что над апсидами основного храма, тоже слишком высокую. А потом уже можно заметить луковичную главу, диаметр которой чуть ли не вдвое больше ширины барабана, а общая высота церкви едва ли не точно делится пополам линией антаблемента, все 12 закомар и оставшиеся 20 кокошников имеют тянущуюся вверх полукруглую форму, и второй ряд не просто виден – он категорически и катастрофически необходим: катастрофически потому, что если его убрать и чем-то заменить – крах неминуем, пропадает всё, никакие загогулины, повороты и диагонали завершение церкви не спасут, между стенами и барабаном чёрная пустота в солнечный день, гулкое ничто, которое остаётся только накрыть плоской крышей.

Два сноса (1846 и 1931 годы) Николы Явленного надёжно стёрли его облик не только из памяти обывателей, но и, надо полагать, архитекторов-реставраторов. Хотя последнее обвинения голословно, не исключено, что знание о старой церкви Николы Явленного присутствовало в истории архитектуры, но как изолированный факт, вне связи с типологией соборов XV и XVI веков.

А между тем такая связь есть.

Она документально установлена С.П. Шевырёвым в книге «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году». (М., 2009. С. 22).

На другой день, после литургии, осмотрел я соборную церковь. Она об одной главе. Наружною архитектурою напомнила она мне бывшую церковь Николы Явленного на Арбате, несомненно строенную при Иоанне Грозном, которая недавно была сломана. Только размерами она гораздо пространнее. Время строения положительно неизвестно; но есть признаки, что также при Иоанне Грозном. Одноглавые церкви у нас вообще древнее пятиглавых, но и пятиглавие ведет начало свое от глубокой древности. В 1158 году Князь Андрей Боголюбский во Владимире «заложи церковь камяну святой Богородици... сверши же церковь 5 верхов, и все верхы золотом украси, и створи в ней епископью». Верхи здесь конечно означают главы. Но многие церкви, как Переславский собор, как Спас на Бору, были одноглавыя. Любопытнее вопрос: когда у нас, с каких пор, начали перестраивать древние одноглавыя церкви в пятиглавыя и тем искажать красоту размеров и внутреннее освещение храмов, и с какою целию эти переделки совершались? А в истории нашего храмового зодчества это искажение церквей – факт несомненный.

Здесь единоглавие, к счастью неискаженное, представлялось мне во всем своем превосходстве касательно внутренняго действия храма. Свет падал сверху из продольных стекол шеи купола и чудно озарял весь иконостас: давно не испытывал я подобного впечатления. Вся великая тайна Бога Слова, предвечно рожденнаго, земное воплощение, Царь мира и сонмы небесные Церкви, склоняющиеся с обеих сторон пред неисповедимою тайною Христовой Веры: Богоматерь, Предтеча, Ангелы, Апостолы, мученики, исповедники, праотцы, в лучах дневного света, являлись мне во всех подробностях и производили на меня то впечатление, которое должен производить иконостас храма – это видимое таинственное небо нашей Церкви. В других храмах недостаток света, или золотые украшения, в которых самоуслаждалась или личность золотых дел мастера, или щедролюбивое усердие доброхотного дателя, мешают тому высокому созерцанию, которое так необходимо для молитвы. Здесь же мне все было ясно, доступно, близко.

Игнорировать сообщение С.П. Шевырёва о сходстве завершения церкви Николы Явленного и Троицкого собора в Александровской слободе легко. Они совершенно не похожи. Церковь – маленькая, собор – огромный, у него необычная шароподоб-

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 132

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 134

ная выпуклая крыша, 4 и 5 апсиды приделаны одновременно со строительством, общего непрерывного антаблемента нет; одна приходская, другая монастырская, словом, ничего общего.

И всё-таки несходство – плод того самого двойного сноса с перерывом на почти сто лет, когда второй снос, 1931 года, пришёлся на долгий период «окаянных дней», когда стирался уже не только камень, но и память о камне, когда знание о правдивом рисунке могло стать опасным. С 1933 по 1936 год П.Д. Барановский был в Сибири не по своей воле, В.В. Кавельмахер с 4-лет до 17-летнего возраста пробыл в ссылке с матерью в Воркуте, чаша сия редко кого миновала из реставраторов и архитекторов, если даже А.В. Щусев не чувствовал себя в безопасности. Такие мелочи, как черты сходства далеко друг от друга расположенных объектов, требуют другого состояния ума и души, покоя и сосредоточенности – желательно на фоне благополучия при наличии досуга – его нелегко достичь в обстановке исступлённого строительства новой жизни.

К отмеченному С.П. Шевырёвым сходству, подобию, родству с полным правом можно присовокупить свидетельство И.М. Снегирёва из «Русской старины» о поразительной аналогии с Рождественским собором Рождественского монастыря в Москве. Оно (свидетельство) протягивает крепкую нить связи между «горками кокошников», ставшими привычными в XVII веке, к Рождественскому собору XVI века, к Спасо-Адроникову собору, от которого рукой подать до церквей Юрия Звенигородского рубежа XV–XVI веков и даже до Введенского собора Дмитрия Донского в Коломне (1382). Черт сходства можно, вероятно, найти немало, но главная, самая наглядная, самая сильная черта сходства – 33 округлых элемента в завершениях церквей и соборов, от Дмитрия Донского до Фёдора Алексеевича и даже молодого Петра Алексеевича (Богоявленская над Которослью в Ярославле при въезде в город). Мерцающее знание о 33 элементах, то ярко вспыхивающее время от времени то тут, то там, то пропадающее из виду на десятилетия, – самый верный маркирующий Возрождение в России признак. Люди, строившие так, ни разу не задумывались над тем, чтобы причислить себя к какому стилистическому направлению, – понимание стилистической общности начинает образовываться существенно позже, но не маркируется названием, только выделяется в нечто «со своими стилистическими особенностями», как правило, убедительно описанными, но не названными одним словом. Это слово – Возрождение, от XV до XVII века включительно. Какое там название! Весь XIX век мучительно вырабатывался «русский стиль» (что бы это ни значило), весь XX век ушёл на одоление всех стилей для выработки нового или новых, до названий ли тут для скучных прошлых эпох.

Рождественский собор (как и Спасский в Андрониковом монастыре, но там чуть сложнее из-за нового высокого барабана) тщательно уворачивается от постановки в ряд разновременных построек с 33 полуокруглыми элементами: даже после отделения четверика от обширного гульбища с его размашистыми закруглениями, подсчёт даёт неутешительные цифры, никак не меньше 36, четыре штуки лишних, как ни считай. После повторного и третьего огорчительного подсчёта надо, пригорюнившись, подумать. И, о чудо, всё складывается. Оказывается, надо верить своим глазам, и ничему больше. Первый ряд закомар с разорванным из-за задранного центрального полукруга антаблементом – как и положено, 12. В следующем ярусе – главный фокус. Трёхлопастный фронтон, который является повторением «вознесенского покрытия», например, у ростовского Исидора Твердислова, состоит из трёх частей, но нижние две – это тот же единственный верхний, просто разорванный по вертикали пополам и раздвинутый в стороны; считать этот ярус надо, умножая стороны света не на три, а всего на два, две четвертинки круга слева и справа составляют одну

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 135

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 136

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 137

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 138

половинку, равную верхней. Следующее новшество – исключительно остроумная находка. Та самая верхняя половинка вознесенского покрытия по размеру и высоте расположения под барабаном полностью соответствует соседним семи. Восемь нижних четвертинок прибавляются к восьми половинкам (итого опять 12). Но отдыхать наблюдателю не приходится. Пока все 24 элемента ориентированы по сторонам света. А верхний ярус (тоже из восьми, как и часть второго, но без четвертинок, только поменьше) – весь повёрнут вокруг оси на 22,5°.

Всё вместе создаёт необычайно живую, почти движущуюся, танцующую композицию масс, лишённых земного притяжения. Прилагательное «пламенеющая» часто применяется при описаниях готических соборов, и так часто используется, что отпечаток на аверсе и реверсе этой монеты чистого серебра почти стёрся, не ощущается пальцами, она стала плоским кругляшом. А на этом, Рождественском соборе, огонь горит так, что обжигает руки, здесь пляска, как и ласка, обжигает и восторгает, это архитектурный факт вселенского масштаба, которому равных, кажется, не скоро можно и сыскать. И для достижения такого эффекта не понадобились циклопический размер, высота, уходящая в небо, ажурные аркбутаны, прекрасные, на зависть, витражи и очень, очень многие настоящие и неподдельные красоты. Через примерно сто лет после Рождественского собора в Звенигороде мастерство возрожденческих строителей поднялось до непревзойдённых уровней, сохраняя и развивая гибкий модуль «33» не то чтобы как гарантию верного успеха, но как надёжный инструмент в руках опытных зодчих. Родена нельзя назвать вторым Фидием, каждый из них – первый. И творчество каждого забудется, и лишь много лет спустя станет возрождаться, и опять следующий станет первым. И модуль «33» после начала XVIII века будет прочно, почти бесследно забыт на три сотни лет.

Поэтому не приходится удивляться, что на склоне лет, в стеснённых по разным причинам обстоятельствах в проект реставрации В.В. Кавельмахера вкралась очень досадная ошибка. Верхи центральных закомар в проекте вплотную подходят, достают до верхнего края светового кольца и почти дотягиваются до барабана. На деле там есть место, и довольно много, для второго ряда кокошников, и даже чуточку остаётся для восьмёрки под барабаном, если она, восьмёрка, основной своей высотой поместится между его окнами. В проекте нет высоты, занятой куполообразной крышей, хотя сам В.В. Кавельмахер писал о том, что видел закомары второго ряда (статья «Троицкий собор Александровой слободы и его место в истории русской архитектуры XVI века», собранная из подготовительных отрывков уже без него его сыном).

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 139

Сдержанный, а то и откровенно критический тон в отношении Троицкого собора Александровой Слободы – уже традиция нашей специальной литературы. Временами кажется, что историки архитектуры просто сдерживают себя перед вынесением окончательного приговора этому «малоудачному», с их точки зрения, памятнику русского зодчества. В многотомных монографических трудах по истории русского искусства и архитектуры, выходивших на протяжении первой половины XX в., где на огромном, в том числе периферийном, материале анализируются пути русской архитектуры за десять столетий, о Троицком соборе, как правило, нет упоминаний.

Отсутствие интереса со стороны жадной до фактов большой теории – верное свидетельство невостребованности памятника. Внутренней необходимости в Троицком соборе академическая наука не испытывает и по сей день. Он ей ничего не говорит, а если и говорит, то отнюдь не то, что она хотела бы слышать.

Историки русской архитектуры познакомились с Троицким собором более ста лет тому назад, и к моменту выхода из печати первых томов «Истории русского искусства» под редакцией И.Э. Грабаря (1910 гг.) уже составили о нем свои первые представления. Но в конце XIX – начале XX в. ученые еще не имели каких-либо объективных сведений о соборе и в своем понимании памятника были лишены возможности опираться на источники. Не было у них и никакой сопутствующей информации. Ни истинное посвящение памятника, ни точная дата его постройки им известны не были, и составить представление о памятнике в те годы можно было лишь на основании его визуального осмотра. Соответственно, применялись только методы стилистического анализа, что далеко не всегда приводит к успеху. Особенно трудно было им вынести суждение о его оценке, т. е. понять его место в ряду других подобных сооружений. Им приходилось самостоятельно решать вопрос о его датировке и судить о нем без опоры на источники.

У ученых того времени впервые возникли сомнения в эстетических качествах памятника и родилось «сдержанное» отношение к нему – при том, что подобные сомнения посещают исследователей крайне редко.

У такого неприятия были фундаментальные причины. Ученые нашли природу Троицкого собора двойственной и отсталой. У памятника они находили черты столичного сооружения, однако его конструкцию видели архаичной, принадлежащей началу XV в. Памятник не привлек к себе внимания ни в качестве здания раннего XVI в., построенного «при участии итальянских мастеров» (как до сих пор любит выражаться осторожная часть наших ученых), ни в качестве грандиозного дворцового храма «на Сенях» – третьего в иерархии церквей Государева двора (после Благовещенского и Архангельского соборов), ни в качестве усадебной великокняжеской церкви «первого поколения» (т. е. построенной до церквей Вознесения в Коломенском, Преображения в Острове и Бориса и Глеба в Борисовом городке, – внутри, а не снаружи укрепленной усадьбы), – ни в каком-либо ином качестве.

То, что здание «не понравилось» исследователям, понять можно, и мы постараемся показать, почему.

На первый взгляд собор эстетически неблагополучен. У здания – дурные пропорции: оно широко и коротко одновременно. У него плавные величественные закомары, громадная мощная глава, и – короткое, буквально вдавленное вниз тело. От шокирующего впечатления приземистости нас не спасают даже распластанные под собором самые пространные на Руси белокаменные церковные подклеты на коротких столбах с низко посаженными пятами.

При этом собор огромен (размеры 19,5×19,5 м, высота с закомарами – около 16 м от уровня земли, высота четверика в строгом смысле – 10,5 м, т.е. его высота относится к ширине почти как 1 : 2). Размеры собора в полтора раза превышают размеры среднего четырехстолпного крестовокупольного храма. По своим массам Троицкий собор тянет на шестистолпный, однако у него одна глава вместо, как минимум, трех и три боковых прясла вместо, как минимум, четырех. Эти прясла – огромные, подстать собору, но полупустые. Окна невелики и редки. Окруженный папертями четверик, имеющий габариты архиерейской церкви, освещается всего в один свет.

Может показаться, что Троицкий собор – это в каком-то смысле нагромождение несообразностей, причудливая смесь новых, не очень новых и совсем не новых форм. Подобных размеров здание никогда еще не ставилось на подклеты. У здания – верхи из далекого прошлого, конструкция перекрытий приблизительно столетней давности, и только низы принадлежат своему времени. Со всеми этими несообразностями плохо мирится воспитанное на памятниках античности чувство гармонии.

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 140

Если подклеты под храмом и папертями художественно и конструктивно принадлежат новому времени, то конструкция четверика совершенно архаична: толстые столпы, мясистые, без импостов и лопаток, малые подпружные арки, пониженные угловые компартименты. Если не принимать во внимание аттические базы столпов, то крестовые своды угловых компартиментов – единственная дань, которую четверик собора платит новому времени. Все остальное принадлежит раннему XV в.

Интерьер собора темен и пещерообразен. Это интерьер сильно увеличенного маленького храма. Архаичная конструкция сводов не соответствует архитектонической схеме фасадов. Принадлежащие великому домонгольскому художественному прошлому закомары скрывают за собой обширные (особенно над угловыми компартиментами) чердаки. XV веку принадлежит и несохранившееся первоначальное тесовое покрытие собора. Классический рисунок закомар в сочетании с тесовым покрытием и чердаками – очередной нонсенс.

Не лучше обстоит дело и с декоративным убранством памятника. Оно бросает вызов чувству вкуса. У храма, возведенного в эпоху, повсеместно менявшую архитектоническую декорацию фасадов, насаждавшую ордер, – применены орнаментальные пояса очень старой и очень одинокой в нашей истории монастырской постройки – собора Троице-Сергиева монастыря, старомодные и немыслимые в здании начала XVI в., диссонирующие с архитектурой этого времени. Причем пояса – белокаменные, тогда как за 15–20 лет до постройки Троицкого собора в ходу были пояса керамические. Эти скопированные с незначительными нюансами строчные орнаментальные пояса, дополненные на алтарях и барабане орнаментами итальянского Возрождения, создают ощущение почти что безвкусицы. Как минимум, непреодоленной старомодности.

Это нагромождение диссонансов можно перечислять долго. Впечатление дурного вкуса производят даже покрытые итальянскими орнаментами русские перспективные боковые порталы храма, а впечатление дефекта конструкции – низко положенные связи подклета.

Разумеется, зодчий собора пытался как-то согласовать все эти разноречивые элементы, гармонизировать их, и даже, наверное, не без успеха. Но для чего было включать их в свою поэтику?

Ученые начала XX в. были далеки от того, чтобы задаваться этими вопросами, как были далеки и ученые второй половины столетия. Говоря на языке современных понятий, все это воспринималось как эклектизм, граничащий с безвкусицей. Оставалось ощущение, что архитектор желал идти в ногу со временем, но мыслил категориями допотопной строительной технологии и испытывал какие-то сентиментальные чувства к находящемуся поблизости Троице-Сергиеву монастырю.

Словом, с какой бы стороны мы ни анализировали памятник, его природа демонстрирует редкостную двойственность и противоречивость. Не меньшую двойственность и противоречивость ученые находили, скажем, в московском Успенском соборе, но там это объявлялось результатом беспримерной модернизации и обновления интерьера, здесь – отсталости и несовершенства конструкции. Там – со знаком плюс, тут – со знаком минус.

И приговор был вынесен. Его произнес самый серьезный ученый грабаревской плеяды – Ф.Ф. Горностаев. Троицкий собор был назван «последним вздохом угасшего московского областного зодчества». Это нелицеприятное суждение осталось на памятнике, как клеймо, на долгие годы.

В 20–30-е годы нашего века памятник, до 1924 г. считавшийся Троицким собором, построенным то ли в начале–середине XV в., то ли в начале–середине XVI в., был успешно атрибутирован, получил имя и, – не побоимся сказать, – буквально завораживающую историка летописную дату: 11 декабря 1513 г. (день освящения храма; тремя годами раньше, в 1508 г., был закончен Большой Кремлевский дворец). Однако в научной судьбе памятника это мало что могло уже изменить: сдержанное отношение к архитектуре Троицкого собора сделалось своего рода нормой. В «Истории русского искусства» под редакцией И.Э. Грабаря, выходившей на протяжении первой половины XX в. дважды в полностью переработанном виде, как и в «Истории русской архитектуры» (трижды переиздававшемся вузовском учебнике 50-х гг.), собор не упоминается.

Единственная попытка ввести памятник в научный оборот, причем очень ранняя, талантливая и своевременная (хотя и фантасмагорическая по способу обращения с материалом), совпадает с выходом первой «Истории русского искусства» под редакцией Грабаря – 1916 г. Эта попытка была сделана профессором А.И. Некрасовым и, к сожалению, окончилась неудачей.

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 141

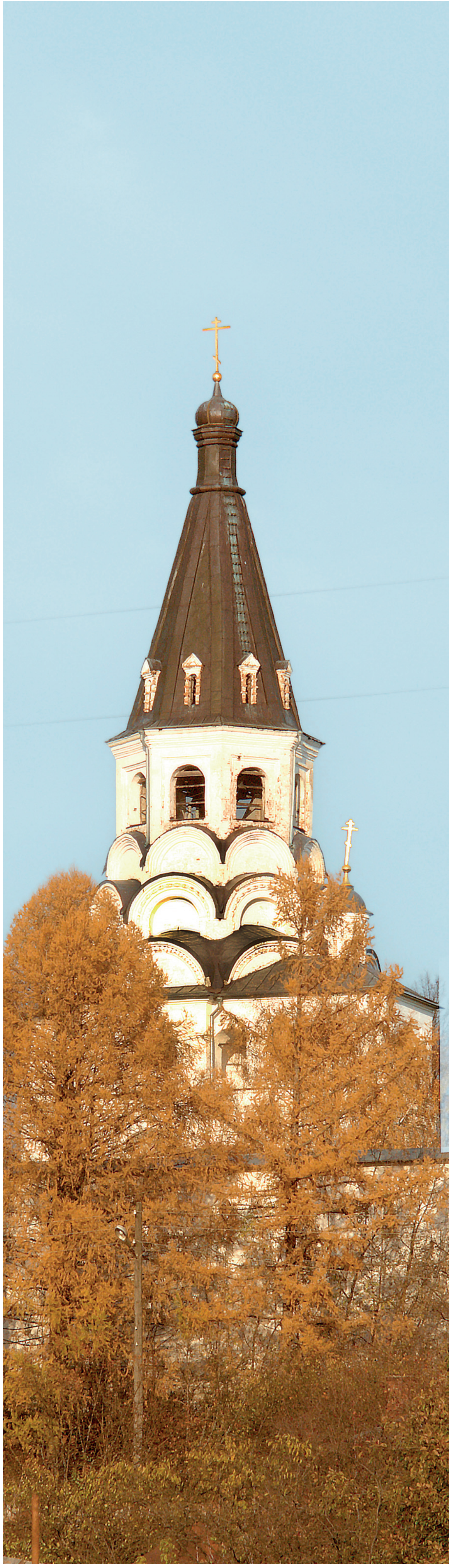
В глазах Некрасова здание собора, чью природу до того находили, по крайней мере, «двойственной», – непостижимым образом, как в оптическом приборе, «раздвоилось»: его белокаменные субструкции, безо всяких на то оснований, были отнесены ученым к одному времени, его кирпичные панно – заполнения и «докладки» – к другому. Техническая невозможность такой операции ученого не смущала: перед его умственным взором стояла летописная история перелицовки «гостем» Василием Ермолиным недостроенного белокаменного собора в Вознесенском монастыре Московского Кремля во второй половине XV в. входившим тогда в моду кирпичом. Встретив на стенах Троицкого собора кирпичные панно, аккуратно вложенные между белокаменных лопаток и орнаментальных поясов XV в., Некрасов вспомнил московский Вознесенский собор и вообразил, что и в Слободе имело место нечто подобное.

Яркая и интригующая статья Некрасова, основные положения которой исследователь повторил в посвященной памятникам Александровой Слободы рукописи 1948 г., продемонстрировала блеск и нищету кабинетного искусствоведения. Ученый ошибся в дате и не разобрался в обстоятельствах постройки. «Каркас», апсиды и пояса Некрасов отнес к эпохе Юрия Дмитриевича Звенигородского, а кирпичные панно и барабаны – к XVI в. В качестве даты постройки «белокаменной основы» здания собора Некрасов назвал 1428–1433 гг., т.е. время, когда великокняжеский престол занимал крестник Сергия Радонежского и паладин Троицкого культа Юрий Звенигородский.

Л. 72 рукописи Некрасова: «Мы можем признать, что ранее нами указанная дата строительства Юрия Звенигородского 1428–1434 гг. вполне справедлива, другому некому было строить здесь храм в стиле первой половины XV в. Художественный облик собора, по замечанию Горностаева, еще имеет в своих формах нечто от строгих общих масс и деталей, как бы «последний вздох угасшего московского областного зодчества». Л. 77: «Своими основными пропорциями храм не противоречит памятникам первой половины XV в., а скорее с ними связывается». Л. 105: «Самым существенным является наружная выкладка внешней стены кирпичом, причем на стене образуется филенка в каждой ее части, то есть и выше и ниже пояса». Л. 106: «Порталы высечены ‘гротесками’, пущенными в ход Пинтуриккио». Л. 108: «Вся восточная часть целиком сохранилась от Юрия Звенигородского».

Разумеется, статья Некрасова никого не убедила, скорее даже усугубила ситуацию вокруг собора. Ошибки такого рода не проходят бесследно.

Однако у причудливой и археологически несостоятельной статьи Некрасова есть и другие качества. Написанная большим ученым, она остается, при всех ее недостатках, достойным памятником научной мысли. Беспомощный в вопросах строительной техники, ученый обладал безошибочным чувством стиля: он разгадал непростую природу памятника.



Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 142

Он единственный понимал в те годы, что перед ним не жалкая провинциальная постройка, а шедевр архитектуры великокняжеской Москвы. И в статье 1916 г., и в рукописи 1948 г. Некрасов уверенно и с большим апломбом говорит об особой придворной фактуре памятника, об его кирпичных панно и белокаменной оторочке, указывая на это как на свидетельство «большого придворного стиля», на его столичное происхождение. По Некрасову, Троицкий собор – не жалкая провинциальная постройка, а архитектурное сокровище великокняжеской Москвы.

Некрасов полагал, что оценка памятника Ф.Ф. Горностаевым неверна в главном: категории «провинциального», «областного» к искусству средневековья вообще неприменимы. «На смесь итальянщины с раннемосковской орнаментацией уже обратил внимание Горностаев, но никаких существенных выводов не сделал, полагая, что перед нами просто запоздалый образ раннемосковского зодчества (т. е. XIV–XV вв.), но с внедрением итальянских орнаментаций». Для памятника великокняжеской усадьбы, рассуждает Некрасов, это объяснение выглядит слишком рискованным.

Еще одно важное замечание Некрасова: вначале Троицкий собор датировался 60–70 гг. XVI века по Васильевским вратам, которые могли попасть в него только при Грозном, т. е. дата была «не позже 1570-х». Но проходит немного времени, и «не позже» становится признанной датой.

И хотя Некрасов ошибочно «удревнил» Троицкий собор (к сожалению, ученый не отказался от своей датировки и после многочисленных контактов в 1948 г. с выдающимся исследователем памятников Слободы архитектором П.С. Полонским), он в указанном смысле не изменил истине.

После выступления Некрасова Троицкий собор надолго исчезает со страниц исследований. Как мы уже отмечали, в новой послевоенной редакции версии «Истории русского искусства» под редакцией И.Э. Грабаря он никак не фигурирует. Возможно, на судьбе памятника сказалась трагическая судьба самого профессора Некрасова, его защитника и пропагандиста: и сочинения, и само имя ученого сделались опальными. Клеймо второсортности после приговора Горностаева на соборе так и осталось. Памятник на долгие годы остался зданием с непроясненной архитектурной идеей и казался навсегда выключенным из большой науки как случайное явление, как недоразумение.

Следующая попытка должным образом оценить Троицкий собор, предварительно досконально изучив его, была предпринята архитектором-реставратором П.С.Полонским в 40-е годы нашего века. В научном плане Полонский был полным антиподом Некрасова. Он был докторантом Академии архитектуры, его научным руководителем считался А.В. Щусев. Он ставил своей целью неторопливое натурное изучение памятника, включая обмеры и зондажи. Работы начались в годы войны, когда памятник был выведен из ведения музея, в нем началось богослужение и он сделался приходской церковью города.

С сознанием необходимости охранных обмеров Полонский предпринял фундаментальное исследование всего ансамбля и до известной степени преуспел в этом. Однако на подготовительной фазе (были обмерены все здания, шло их интенсивное археологическое и архитектурное изучение) все оборвалось. Едва достигнув 40-летнего возраста, исследователь скончался. Чертежи и фотоархив ученого сохранились (некоторые графические материалы хранятся в архиве Музея архитектуры), но его текстовые материалы и пояснительные записки, за исключением двух, погибли.

Деятельность П.С. Полонского не ограничилась одними обмерами, исследованиями и раскрытиями. Ему принадлежит идея раскраски Троицкого собора в два цвета. Мы не знаем всех выводов исследователя, нам неизвестны и его общетеоретические воззрения, но предпринятая им двухцветная окраска фасадов собора (неудачная по исполнению, как вспоминают очевидцы) свидетельствует, что он верно понял природу этого явления и

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 143

пытался вернуть памятнику первоначальный вид. Долгие годы собор стоял двухцветным. Остается неизвестным, как именно Полонский представлял себе изначальную фактуру памятника: считал ли он его зданием изначально открытой фактуры или «окрашенным под кирпич» (часто применявшаяся поздняя технология).

Заслуживает упоминания и деятельность известного реставратора, одно время директора Александровского музея П.Д. Барановского, ставившего своей целью, где бы он ни работал, «освобождение» памятников от поздней уродующей обстройки. Он предпринял частичный слом поздней обстройки Троицкого собора и убрал ложное пятиглавие. Но, испытывая почти религиозный восторг перед всем, что видел, Барановский чуждался каких-либо теоретических идей и оценочных конструкций.

Как бы то ни было, и Некрасов, и Полонский, и Барановский в один голос высоко ставили памятник и всеми силами старались привлечь к нему внимание. Все трое были убеждены, что перед ними шедевр московского зодчества. Некрасов в своей рукописи сравнивал Троицкий собор с кремлевским Архангельским собором и церковью Вознесения в Коломенском. Полонский и Барановский тоже хорошо представляли себе класс памятника, знали дату его постройки, имя ктитора, имели все возможности хотя бы в имперсональной форме обозначить личность автора, но не сделали этого – может быть, испытывая давление со стороны общества, в котором жили.

После войны создавалась новая редакция «Истории русского искусства», выведшая Троицкий собор из «большой науки». Выключение первоклассного памятника русского зодчества из научно построенной истории этого зодчества, несомненно, было явлением идеологической жизни общества. Новая наука по заказу и под редакцией государственных идеологических учреждений писалась в «патриотическом» ключе, и за Троицким собором, как за памятником, лишенным «пафоса», окончательно закрепилась печать второсортности. Лишенный серьезной научной оценки, он стал жить в краеведческой и исторической научно-популярной литературе в качестве «местного» памятника.

Развернувшаяся в 60-е годы нашего века просветительская деятельность государственных издательств, поставившая своей целью знакомить читающую публику с памятниками древнерусского искусства, в том числе и с памятниками русской провинции, вновь пробудила интерес к Троицкому собору. У исследователей того времени, относительно благополучного, были значительные возможности. Выдающиеся московские ученые Г.Н. Бочаров и В.П. Выголов, работавшие в непростом жанре научно-популярной литературы, получили возможность ознакомить с памятником широкую публику. Благодаря обильному фотоиллюстрированию, прекрасным и благожелательным по тону текстам состоялось окрашенное симпатией, хотя и несколько поверхностное знакомство.

Бочаров и Выголов (необходимо поставить рядом и профессора М.А. Ильина) вновь пишут о Троицком соборе как о памятнике значительном. Это уже почти адекватное восприятие. В альбомной литературе появилась возможность не касаться главного, точнее, не углубляться в кажущиеся пороки этого памятника, но при этом воздавать ему должное. Это была хотя и восторженная, но внутренне скорректированная оценка.

Ильин для адекватной оценки памятника предлагает своим читателям выйти за ворота монастыря и отойти от него на известное расстояние (специально, чтобы оценить красоту его верхов). Это – квалифицированный совет. Так лучше чувствуется масштаб сооружения и его дух.

Но Бочаров и Выголов в своей книге в описании Троицкого собора более десяти раз употребили слова «архаичный», «традиционный». Второсортностью это уже не назовешь, но указание на тайное несовершенство присутствует.

К сожалению, в книге Бочарова и Выголова по прискорбному недосмотру издательства единственный раз опубликованный план собора был грубо искажен так называемой «обтяжкой» (это издательский термин, означающий перечерчивание в графике выполненных иллюстраций специально для печати), и одна из характеристик памятника оказалась, таким образом, потеряна для целого поколения читателей.

Строительная история памятника оказалась для этих ученых полностью закрытой книгой. Они писали про «аркаду на низких столбах-постаментах», не обратив внимания, что изнутри папертей те же столбы стоят на полу, на плоских аттических базах. У них были «появившиеся позднее» приделы, «поздно появившаяся западная обстройка», они подчеркивали «грузность» пропорций, видели памятник «изначально

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 144

открытым» и мечтали провести соответствующую «реконструкцию» (из недр Владимирской реставрационной мастерской в свое время вышел эскизный проект, «освобождающий собор от крытых папертей, поздних палат и приделов»).

Об архитектонике декора Бочаров и Выголов пишут, что она, «несмотря на традиционность, довольно-таки своеобразна», они считают, что «высота закомар всюду одинакова», и «благодаря этому интересному приему (выравненности) достигнут единый общий уровень высоты прясел и создано большое равновесие членений фасада», пишут про «равновеликие апсиды», считают, что «подобное стремление к гармоничной уравновешенности построения особенно характерно для архитектуры рубежа XV–XVI вв», что на апсидах «лучше всего ощущаются мощные, пластически упругие формы древней архитектуры собора». Ученые ошибочно считают белокаменными и столбы собора, и своды, и даже стены (в действительности – только до половины высоты). Непонятно, что они подразумевают под «основными сводами здания». Перевод орнаментальных поясов Троицкого собора в близлежащей Лавре эти авторы называют традиционализмом. Причины копирования ими не вскрыты.

И все же Бочаров и Выголов сказали много существенного и верного, причем по-исследовательски серьезно и обоснованно. Они уже говорят о дворце, высоко, хотя и несколько риторически, оценивают памятник. У них много верных суждений, в частности: «В кладке преобладает камень. Это придает собору уникальность. Ни в одном из современных ему памятников мы не находим в этом смысле сколько-нибудь близких аналогий… Нельзя не отметить превосходное качество кирпичной кладки наружных стен собора с тщательно обработанными в виде узких полос слоями раствора… Вероятно, первоначально стены не были побелены и на их общем красно-кирпичном фоне резко выделялись белокаменные детали, как бы выявлявшие всю тектонику здания. Подобная двухцветность, может быть, была характерной и для фасада Архангельского собора Кремля вскоре после его сооружения».

Бочаров и Выголов прямо вводят Троицкий собор в круг памятников начала XVI в., когда в Москве и вокруг Москвы работали итальянские мастера, но из-за понятной осторожности авторы некоторых слов и понятий не привносят. Время было подцензурное.

В памятнике, где, по их мнению, сталкиваются «традиционализм и новое», ученые вплотную приблизились к ответу на все основные вопросы. Они многое видят и многое понимают, но язык их связан. Ими был почти что пропет панегирик собору, они понимали всю правду об узорочье, итальянизмах и пр. «Итальянизмы ясно чувствуются на фасадах собора». Бочаров и Выголов пишут про зубчики-дентикулы, гусек с листьями аканта, ренессансные овы (полувалы), про то, что все порталы белокаменные, с обильной резьбой фряжского типа, с т. н. гротесками, про витые, подобно аркатуре на фасадах Благовещенского собора, архивольты, про пышные фряжские гирлянды в филенках, про «рыбью чешую» центрального портала.

«Лишь у Архангельского и Благовещенского соборов... мы находим близкие по формам порталы. С первым из них – работы Алевиза Нового – непосредственно связаны и рассматриваемые детали Троицкого собора. Об этом говорят и форма (особенно западный портал) и мотивы декора, перекликающиеся с орнаментикой соответствующих элементов алевизовской постройки. Однако меньшая «чистота» и легкость узора гротесков, их некоторая грубоватость, а также сочетание «фряжских» мотивов с исконно русской формой перспективной арки, дает основание считать эти порталы выполненными не итальянцами, а русскими мастерами-резчиками по камню».

И если некоторую осторожность выражений в отношении итальянизмов собора понять как-то можно, то вывод о «русских мастерах – резчиках по камню» принадлежит авторам, это их собственное изобретение, которое мы подробно рассмотрим ниже.

В целом же Бочаров и Выголов дали памятнику весьма высокую, почти адекватную оценку, но, перефразируя их самих, скажем так: в косной и еще несвободной форме. Они сделали славу не совсем тому памятнику: его не вполне верно описали.

С тех пор Троицкий собор занял свое почетное место в посвященной Александровской Слободе исторической и краеведческой литературе в качестве немого свидетеля разыгравшейся в Слободе в 60–70-е годы XVI в. драмы – опричного террора. Высокий, «европейский» уровень этой литературы, привлечение к написанию этих трудов (популярных путеводителей и художественных альбомов, посвященных памятникам русского искусства) первоклассных столичных ученых вырвали Троицкий собор из забвения, приблизили

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 145

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 146

его к читающей публике, создали ему славу памятника сложного и даже незаурядного, но в чем-то второстепенного, «не дотянувшего» до высшей степени, – словом, местного значения. И если общий тон в этих публикациях по отношению к памятнику заметно потеплел, то уровень его понимания, постижения его строительной истории оставались прежними, на уровне XIX в.

Сдвиг в научной судьбе Троицкого собора наметился в 80-е гг. Но проводимые Александровским музеем развернутые натурные исследования памятника в связи с социальными потрясениями последнего времени были в самом их начале оборваны. Музей передал памятник в т. н. «вечное пользование» вновь учрежденному девичьему монастырю. Собор выведен из нормального обращения, без устали белится. Отношения между музеем и монастырем ничем не регламентируются – обозначены на бумаге, но лишены конкретного содержания. К сожалению, эта ситуация установилась в России повсеместно.

Но по данным этих исследований были сделаны первые публикации, обозначившие новые контуры проблемы. Первые слова были, наконец, произнесены, и сегодня мы понимаем, какого уровня и качества памятник перед нами.

И все же тень неудачи висит над памятникам и по сей день. С Троицким собором, в связи с его передачей церковной общине в числе одного из первых, немногих памятников сразу после войны или еще в ходе войны (будем справедливы: может быть, это и спасло его от погрома и гибели), произошло то же, что со многими самыми известными памятниками русской средневековой культуры, такими, как церковь Покрова в Медведкове, Рождества Христова в Беседах и пр. – он выпал из научного обращения, пропал на несколько десятилетий, и уровень знаний о нем остался на уровне XIX в. Такова печальная реальность, как бы к ней ни относиться. Памятник не привлек к себе внимания ученых – ни в качестве здания раннего XVI в., построенного «при участии», – как любит выражаться осторожная часть наших ученых, – итальянских мастеров, ни в качестве дворцового храма «на Сенях» – третьего в церковной придворной иерархии после Благовещенского и Архангельского соборов, ни в качестве усадебной великокняжеской церкви «первого поколения» (т. е. построенной на укрепленном государевом дворе ранее церквей Вознесения в Коломенском, Преображения в Острове и Бориса и Глеба в Борисове городке), – ни в каком-либо ином, столь же уникальном качестве.

До сих пор сохраняется невидимая грань между некогда затерянным в глубине переславских лесов то ли «дворцовым», то ли «усадебным» великокняжеским храмом (спектр обозначений статуса памятника, как и данные о его «географическом» положении, достаточно широк – он «главный храм» то села, то усадьбы, то слободы с маленький буквы, то «резиденции», то двора) и судьбоносными для русской архитектуры памятниками столицы и ближайшего Подмосковья. Памятник находят любопытным, но противоречивым, неуловимо двойственным, косным и свежим, традиционным и новым, новаторским и архаичным, как в деталях, так и по существу. Троицкий собор оказывается «маргинальным», затейливым, но несущественным, построенным, так сказать, чуть-чуть не по делу.

Не последнюю роль в этой неудаче сыграли закрепившиеся за памятником «снижающие» топонимы – «село», «слобода», незаметным образом переключающие исследовательское воображение с «магистрального» на «запасные» пути художественного развития.

С церковью Вознесения в Коломенском этого, однако, не произошло. И дело не в том, что церковь вошла в черту Москвы и перестала писаться «в селе Коломенском», а в том, что ее автор Петр Аннибал совершил революцию в усадебном дворцовом строительстве, вырвав усадебный храм из контекста, поставив его далеко от жилища, доведя до апофеоза, придав качество монумента.

А Троицкий собор казался памятником-маргиналом, обозначающим боковую, второстепенную ветвь усадебного зодчества.

Сдержанный тон покидает исследователей, только когда они начинают говорить и писать о соборе как о «местном» памятнике, немом свидетеле жизни опричного двора, замысловатом, интересном, в чем-то невнятном, одновременно роскошным и ущербным, важным и второстепенном. Но происходит это, как правило, в литературе популярной, – литературе приподнятого, интригующего тона, где сам жанр к тому, что называется, обязывает.

Но если Троицкий собор в академической науке оказался памятником-неудачником и до последнего времени не мог найти, как принято выражаться сегодня, свою теоретическую нишу, то его судьба как памят-

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 147

ника архитектуры в собственном смысле слова не может не радовать: сегодня в России это один из немногих памятников русского зодчества, не изуродованный реставраторами, начисто лишенный ученых докомпоновок. Потомки еще не раз вспомнят об этом с благодарностью, поскольку такие изъятые из обращения памятники не были подвергнуты варварской реставрации в 60–70-х гг. XX века, в эпоху повального увлечения заново открываемой обществом русской архитектурой.

Вторжение в архитектуру Троицкого собора жестокого к памятникам XIX века тоже было достаточно локальным. Самыми большими утратами были крыльца с рундуками. Объем утрат был не чрезмерным, а докомпоновки, отчасти благополучно устраненные реставраторами, вполне терпимыми. То, что памятник приобрел, было счастливо отнято, за исключением западного портика. Четыре ложных «барочных» главы на углах четверика были сломаны П.Д. Барановским. Если почти все памятники древнерусской архитектуры дошли до нас в «обстройке», то Троицкий собор – едва ли не единственный – в «отломах».

Итак, Троицкий собор Александровой Слободы – крестовокупольный, четырехстолпный, трехапсидный, одноглавый храм на подклетах. Храм построен на лестницах, «на Сенях», в преддверии дворца, на белокаменных подклетах с тремя сходами-рундуками. Две лестницы являются парадными: первая – прямая, вторая – южным коленом, с далеко отставленным рундуком, с всходом с востока. Дальше на восток был обтекающий объем придельный проход, впервые отмеченный и описанный П.С. Полонским. Проход был узок, – мы предполагаем, что он вел не на дворец, а к государеву духовнику (по аналогии с Благовещенским собором).

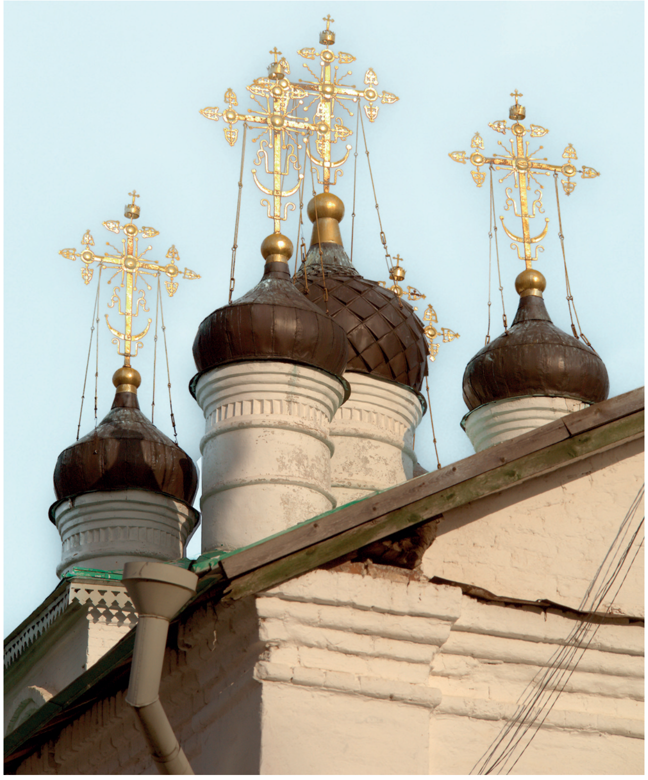
Большая главная парадная лестница фланкируется двумя палатами на подклетах. Подклеты под палатками, собором и лестницами – едины.

Троицкий собор окружали широкие дворцовые паперти, столь же просторные, как и паперти Благовещенского собора. Северная была затрапезной, ее архитектура беднее.

План четверика восходит к памятнику XV в. – Троицкому собору Троице-Сергиева монастыря, увеличен во все стороны на сажень. К лаврскому собору также восходят орнаментальные пояса, три апсиды, барабан.

Ширина прясел Троицкого собора с дугообразными выровненными закомарами и архивольтами превосходит все известные памятники своей эпохи. Центральное прясло в осях всего лишь на один метр уже, чем у Успенского собора Фиораванти. Вероятно, Троицкий собор служил модулем остальным зданиям ансамбля.

Барабан Троицкого собора, повторенный в соборе переславского Никитского монастыря, все еще не оценен учеными. Барабан немного сдвинут к востоку, хотя и не так сильно, как в Троицком соборе.



Стены выложены по отвесу, в отличие от того же Троицкого собора. Орнаментальный пояс против троицкого опущен.

Глава имела второй защитный сферический свод, обитый чернолощеной черепицей.

Судя по чертежу XIX в., окна барабана имели круглые перемычки. Мы, обнаружив ниши под кровлей (окна растесаны), сделали их в нашей реконструкции такими же, как на церкви Алексея митрополита. Это наше допущение, не более того. Карнизы – классические, в стиле итальянского Ренессанса, под ними московские орнаментальные пояса из пальметт. Кресты во втором поясе – латинские (в Троице – процветшие). Прясла обработаны кирпичными филенками.

Собор и приделы были красными, кирпичными, с белокаменными лопатками, архивольтами и оторочками. Паперти, подклет и все пять апсид – белокаменные. Во второй строительный

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 148

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 149

период существующего собора – 70-е гг. XVI в. – кирпичная кладка повторно расписывалась под кирпич. Белокаменные блоки очень крупны, главным образом, постелисты, хотя присутствуют и квадры. Белокаменные плиты при средней толщине до 30 см обычно достигают длины свыше метра. Из метровых камней сложены порталы всех четырех зданий Слободы. Иногда порталы режутся из горизонтальных плит, чаще – из вертикальных, иногда собираются из квадров. Ощущается «индустриализация» строительных приемов: все базы и все капители боковых порталов собора вырезаны в одном блоке, очень геометрично, очень четко, очень индустриально (видно, что строило одно ведомство).

Троицкий собор сохранил следы крепления деревянных кровель паперти (не первоначальных, но возобновленных на месте первоначальных в какой-то период существования собора). Ни церковь Вознесения в Коломенском, ни церковь Иоанна Предтечи в Дьякове, ни церковь Преображения в Вяземах таких внятных следов не сохранили. Это – замечательная деталь, поскольку вопрос, как и каким образом крепились кровли, имеет для русской церковной археологии выдающийся интерес. Обследование чердаков папертей показало, что кровли опирались в месте примыкания к стенам на жерди, а жерди врубались в лопатки, и что ниже орнаментальных поясов была обрешетка.

С наружной стороны тесовые кровли папертей опирались на круглые белокаменные колонны с базами и капителями, вырастающими из парапетов. Эти колонны были описаны Г.Н. Бочаровым и В.П. Выголовым неправильно: капители колонн и карниз палаток находятся на одном уровне. Колонны стоят на стенах обеих восточных палат. Пазухи между колоннами заложены кирпичом. Верхи капителей срезаны, – вероятно, на них стояли закомары. По крайней мере, такова логика этого мотива.

Две, как минимум, закомары второго яруса – по столбам папертей и палаткам –сохранялись до ремонта XIX в. Остальные или были разобраны ранее, или вообще не выкладывались никогда – этот вопрос остается открытым до исследований чердаков. Такие закомары, несколько иной модификации, известны – они были восстановлены реставраторами в соборе Троицкого монастыря 1516 г. в Суздале, известны у снесенного собора Павло-Обнорского монастыря, одна (недатированная) закомара под фреской сохранилась у собора Новодевичьего монастыря: она была поставлена над вновь устроенным входом после реконструкции собора Борисом Годуновым. Значит, вероятность существования этого яруса у Троицкого собора чрезвычайно велика.

Между колоннами ограждения папертей стояли тонкие пилоны с филенками, имевшие вид каменной решетки. Они несли каменные архитравы, на которых стояли каменные же закомары. Выравненность закомар создавала над углами чердаки. К трем закомарам (на западе – и к арке) Троицкого собора с трех сторон вели крутые коробовые тесовые кровли типа деревянных сводов, известных во всем мире и в Европе. Водометы могли быть дубовыми. Колонны папертей были скреплены брусом между собой и, по-видимому, с приделами.

Южный придел в дьяконнике, впервые описанный в рукописи П.С.Полонского, феноменален (об этом ниже). Оба придела по своей поэтике являются протогодуновскими. Это первая «пара» еще не симметричных, но уже по-своему «парных» приделов. Создана уравновешенная композиция, предвосхитившая композицию годуновских приделов без ложного членения на прясла (типа храмов на Северке).

Троицкий собор – один из немногих храмов, сохранивших свои антаблементы и карнизы ин ситу. Филенки, повторенные на других памятниках Слободы, – глубокие, мощно оттиснутые.

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 150

То, что Троицкий собор был во многом скопирован с Троицкого в близлежащей Лавре – факт общеизвестный. Меры Троицкого и Троицкого соборов:

– длина Троицкого собора от горнего места – 17 м, Троицкого – 19 м;

– ширина Троицкого собора – на сажень больше;

– длина интерьера от западной стены до вимы одинакова у обоих соборов – 13 м.;

– между столбами Троицкий собор на 1 м шире;

– высота барабана – 9 м в Троицком, 9,3 м в Троицком;

– высота от пола до замка подпружной арки – соответственно 12 и 12,4 м;

– столбы до верха капителей в Троице – 9 м, в Слободе – 9 с небольшим;

– от цоколя до пояса: Троицкий – 5,3 м, Троицкий – то же самое. Сами пояса: 35 см х 3 = 105 см;

– схожа высота повышенных подпружных арок – около 8 м;

– высота лопаток в Троицком – 10 м от цоколя, в Троицком – 9 м;

– верхняя половина лопаток с капителью в Троице – 3 м, у Троицкого – 3,5 м;

– даже с поднятым карнизом барабана Троицкий только на 1 м выше Троицкого (22 м, а Троицкий – 21 м, с подиумом – те же 22 м).

Нет сомнения, что копирование древнего памятника было вынужденным, сознательным и рациональным, так как обратная связь не восстанавливается. Это – стиль «ретро», более того – здание изначально строилось как Троицкий собор.

На том, что соборный храм Слободы строился как Троицкий, категорически настаивает М.А. Ильин в книге «Путь на Ростов Великий», причем вопреки многочисленным и, казалось бы, бесспорным фактам – сюжетам фресок (в т. ч. в надпортальном киоте). С точки зрения научной корректности, это было почти безобразием, что же касается интуитивной прозорливости покойного ученого, то тут ему нет равных: по самой сути, он, конечно, прав. Ему просто следовало объяснить, как это случилось, и связать факты между собой, как это делаем мы.

Покровскому собору нет большого смысла копировать Троицкий в Лавре, а Троицкому собору – прямой смысл. Загородная резиденция была посвящена Троице. Василий III – троицкий крестник – одновременно строит Сергиев надвратный храм сразу в двух местах. Государев двор строится для троицкого времяпрепровождения. А главное – постройка большого Троицкого собора была старым долгом московских государей. Иначе говоря, последние были в долгу у «Святой Троицы».

В Москве Троицких церквей, как известно, поначалу вообще не было. В Кремле – кажется, ни одной. На Посаде, когда – мы не знаем, – появляется Троица на Рву. Троица в Полях – по дороге в Троицу. Напрашивается вопрос: почему московские государи не имели у себя посвященных Святой Троице церквей? Ведь все они были прямыми или косвенными крестниками, «детьми» Сергия Радонежского.

Во всей Руси только Псков и удельный Серпухов, участие в жизни которого Сергия Радонежского доказано источниками, держали у себя кафедральный Троицкий собор. Несомненно, все это были опыты по насаждению культа Троицы. Троица в Пскове, как и София в Новгороде, говорят об учености, глубокомысленности клира этих старинных и «культурных» северных городов, об их особой ориентации. В прочих русских городах архиерейские церкви посвящались или Господским праздникам (Воскресению Христову, Успению, Благовещению и Рождеству Богородицы) или Преображению Спаса, или чудотворным образам (история архиерейских церквей в городах Руси говорит, однако, что храмы эти могли быть и не первыми).

Святая Троица в Пскове, как и Святая София в Новгороде, – два древнейших памятника на северо-западе Руси с богословскими посвящениями. Это кафедральные архиерейские соборы. «Маленьких» Троиц или «маленьких» Софий не было.

Выбор праздника для соборной церкви – в ведении архиепископа и соборного клира. Епархиальные центры не имели себе подобий, и единичность удесятеряла их значение. Большая значимая архиерейская церковь не должна была знать конкуренции. Согласно Семисоборной росписи Новгорода, в нем была только одна Троицкая церковь и несколько Троицких приделов, как в Спасе на Ильине улице. И никаких Софий, кроме главной.

Во Владимирской Руси эту роль играло Успение Богородицы (поскольку кафедральный собор был Успенским, других церквей с этим посвящением было очень мало, так как не должно было быть двух «цент-

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 151

ров», двух спорящих реликвий, и на такие посвящения не давали благословенных грамот). На второстепенное значение Троицкого праздника во Владимирской земле указывает едва ли не единственное посвящение престола Троице – придел Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. И никаких, разумеется, Троицких монастырей – до Сергия.

«Начальником» Троицкого культа был, вне сомнения, Сергий Радонежский и его монастырский клир. Поначалу Троица не была московским культом. Преподобный Сергий основал свой монастырь в Радонежском уделе, на территории другого государства – на земле князя Андрея Радонежского. В сознании народа корень Троицы был здесь, и история строительства Троицкого монастыря показывает, что со стороны государства не было даже попыток перенести святыню поближе к столице. Огромный Троицкий собор был построен там же, в Троице, а не в Москве. Троицкий праздник вырос в глазах общества, но перейти границы Маковца не смог.

Славу Троице создала феодальная фронда. Вероятно, Сергий потому и не шел на митрополию, что был фактическим митрополитом у себя в уделах и не хотел служить Москве. Это был противовес московскому митрополиту. Только татарское нашествие всех временно объединило, и состоялся альянс Дмитрия Донского и Сергия Радонежского.

Напряженные отношения между Троицкой лаврой и московской княжеской ветвью достигли своей высшей точки в середине XV в., но с победой централизованной власти и с концом фронды, несмотря на совершенное предательство, монастырь целиком переходит на московскую сторону. Следуют новые постройки, великие князья сюда возят крестить детей. Вблизи Василия III с самого начала царствования были исключительно троицкие постриженики – митрополит Симон, митрополит Варлаам, епископ Коломенский Митрофан.

С окончанием феодальной войны московские власти начинают строить и укреплять Троицкий монастырь именно в качестве центра Троицкого культа, и строительство Новой Слободы в 40 км от Троицы –

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 152

одно из таких мероприятий. В 1476 г. в самой Троице перестраивается старая деревянная Троицкая церковь в новый подколоколенный храм. Затем строится трапезная палата без церкви. Затем, в 1510-е годы, загородный дворец и Святые ворота. Далее – Подольный монастырь, стены и т.д.

Василий III ухаживает за Троицей с 1510 г.: «Того же лета полили верх железом у Троицы в Сергиеве монастыре месяца маия 19», «...а пришед на Москву был в Сергиеве монастыре месяца июня 16, да поставил свещу негасимую у Сергиев гроба». В этом же году или немного раньше он закладывает и Новую Слободу с большой соборной церковью (возможно, закладку Новой Слободы следует связывать с Новгородским походом и взятием Пскова в 1510 г.). В 1512 г. князь закладывает в Троице Святые ворота со своей патрональной церковью.

Обретение мощей преподобного Сергия происходило синхронно с закладкой каменного Троицкого собора игуменом Никоном в 1422 г. За обретением последовало открытое положение на поклон в новой раке. Старая послеедигеевская деревянная Троицкая церковь была перенесена на монастырское кладбище за алтарями Троицкого собора, в ней на поклонение был поставлен старый гроб чудотворца, в котором он истлевал в течение 30 лет. В Лавре появились две реликвии. Через 50 лет деревянная обветшавшая церковь была отдана в села, а на ее месте построена заменившая ее каменная, называемая Средней, также посвященная Троице. Через несколько десятков лет Средняя церковь была переосвящена в Духовскую. Гроб Сергия стоял в ней, как малая монастырская реликвия.

Попытки перенести из Лавры мощи преподобного Сергия не прекращались никогда. В XVIII в. их даже думали переместить в Петербург и построить для них более «достойный» мартирий.

Нечто подобное в отношении старого гроба мог обдумывать и Василий III. То, что Сергиевский придел в дьяконнике Троицкого собора в Новой Слободе был предназначен под помещение в него чудотворной церковной реликвии, – сомнений почти что нет, ибо в 1560-е гг. при копировании Троицкого собора в Никитском монастыре Переславля-Залесского была повторена плановая схема Троицкого собора с обоими приделами. Придел в дьяконнике (при внесении в него неких плановых изменений) был посвящен Никите Переяславскому и его раке. Больше этот ход нигде и никем не повторялся. Видимо, Василий III думал взять из Лавры старый гроб святого.

Следующая после Василия III попытка принадлежит уже Ивану Грозному, и она до известной степени удалась: гроб из Духовской церкви был перенесен в большой собор.

На первоначальное Троицкое посвящение Троицкого собора в Слободе указывают, с нашей точки зрения, и западные, т. н. «Тверские», врата с гравированным изображением Троицы в одной из филенок. Единственное изображение Троицы (к сожалению, остается тайной, были ли еще такие же гравированные иконные изображения, были ли они перевернуты при новом монтаже дверей в Слободе, – есть и такие предположения), не может быть разумно объяснено иначе, как:

– во-первых, тем, что храм, на котором монтировались двери, т. е. соборная церковь Слободы, намеревались посвятить Троице;

– во-вторых, храм, с которого двери были сняты, также был посвящен Троице.

Л.И. Лифшиц считает, что т. н. «Тверские» врата александровского Троицкого собора были повешены в петли Иваном Грозным после Новгородского похода. Но исследователь не объяснил при этом, почему на единственной пластине врат (в нарушение симметрии) изображена Троица Ветхозаветная – только она, а на других изображений нет. Вернее, он воспользовался объяснениями первого исследователя врат Т.В. Николаевой, что пластины-де, по-видимому, были перевернуты при новой монтировке дверей уже в Слободе. При этом Николаева сослалась на количество гвоздей с «цветочными» литыми шляпками, которые оказались лишними при перемонтировке врат, и которыми стали красоты ради пригвождать пластины. Однако, чертеж реконструкции самой Николаевой показывает, что при устройстве на дверях скругленного верха лишними оказались якобы только 6 литых гвоздей с бронзовыми шляпками. Это остроумно, но, строго говоря, лишними оказались все-таки 8 гвоздей. Значит, служить бесспорным доказательством это не может. И второе: почему, если на каждой «перевернутой» пластине было по изображению (как полагает Николаева), пригодной оказалась только Троица? Это можно было бы считать случайностью, только если бы все без исключения гвозди были в момент привоза врат в Слободу на местах.

Вывоз из Новгорода Васильевских врат отмечен Г. фон Штаденом, время привоза т. н. «Тверских врат» – неизвестно. Во всяком случае, Штаден не говорит, что было вывезено двое врат.

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 153

А очевидное копирование в Слободе Троицкого собора подсказывает другую версию. Происхождение «Тверских врат» из Новгорода сегодня сомнений не вызывает, как и то, что это военный трофей. Но вот где они стояли в Новгороде, и в Новгороде ли, на момент взятия их в качестве трофея – это вопрос. Пока за неимением других данных правильнее думать, что они стояли в храме, посвященном Троице, и не в Новгороде непосредственно, а в его «пригороде» Пскове (соответственно, в псковском Троицком соборе), и что вывез их оттуда не Иван Грозный (источник молчит о вывозе двух врат), а его отец, великий князь Василий III, взявший Псков на щит, снявший вечевой колокол и увезший его в Москву. Т. е. это трофей 1510 г., когда Троицкий собор еще только закладывался либо строился – как Троицкий.

Поэтому мы думаем, что врата были взяты Василием III в 1510 г. в Пскове для строящегося собора в Слободе, перемонтированы и поставлены как главные. А сын Василия III, также взявший Новгород на щит, «довез» остальные врата – боковые Васильевские.

Почему собор в Слободе, строившийся как Троицкий, был освящен как Покровский, – мы не знаем. Возможно, новый Троицкий храм, поставленный в той же местности, дублирующий праздник, все же оказался не нужен: такое дублирование посвящений делало невозможным одновременное посещение двух Троицких церквей на Троицын день. Но в любом случае Покровский собор может быть сочтен до известной степени «деформированным» в угоду Троицкой идее.

А поскольку Троицкий собор строился в качестве «обитальяненного» дубликата Троицкого, совершенно ясно, что увеличение собора на сажень было заданием, сохранение высот лаврского собора – тоже заданием. Эти параметры не принадлежали автору, они были воспроизведены им в приказном порядке. Оставаясь зодчим этого собора, он был в огромной степени исполнителем. Ему принадлежат прежде всего архитектоника и декоративное убранство.

Пример Троицкого собора очень важен, поскольку демонстрирует нам «лабораторию», и мы можем понять, как и в каких условиях творились новые формы. Это уникальный случай: мы имеем образец и копию с него. Это на уровне билингвы, перевода с языка на язык.

Самим понятным примером такой «билингвы» раньше был Успенский собор Фиораванти, где архитектор нашел в себе силы довольно далеко отойти от образца, прежде всего, в интерьере. Здесь же интерьер оказался наиболее консервативной частью задания. Мастер внес очень мало от того, что составляло новую поэтику: импосты, капители подкупольных столбов, базы столбов, причем последние были и в Троицком соборе Лавры. Высота столбов в интерьере расходится на несколько сантиметров.

Копирование интерьера было сакральным, поскольку под сводами и куполом монастырской церкви в Троице лежал Сергий Радонежский. При желании в слободском соборе можно было даже поставить пустую раку преподобного Сергия.

Крупнейшие изменения были внесены в конструкцию барабана – он был поставлен на подпружные арки (в Троицком соборе он вывешен напуском парусов и имеет жерлообразную переходную конструкцию). Диаметр барабана в результате значительно увеличился. Очень точно сведены алтари. А пилоны расширены, конструкция усилена. В высоту зодчий Троицкого собора пропорционально нарастил собор только за счет подклетного яруса. На той же высоте от земли поместил орнаментальный пояс. За исключением длины и ширины, все наращения отдельных элементов – в пределах метра. Высота подклета – та же сажень.

Сохранение священных размеров, точнее, высоты лаврского храма оказалось губительным для эстетического восприятия Троицкого собора: габариты его плана требовали

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 154

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 155

высоты, по крайней мере, Успенского собора во Владимире. В этом-то и оказалась заключена трагедия памятника.

Изменить в угоду тому или иному монументу своих представлений о гармонии мы не можем и не обязаны. С ними мы и умрем. Но видеть более точно, находясь во всеоружии обширных современных историко-архитектурных знаний, – мы можем.

Итак, чем Троицкий собор мог так не угодить ученым XX в.? Так не угодить! Никакие риторические ухищрения ни со стороны его популяризаторов и пропагандистов, ни с нашей стороны, – со стороны сторонников его беспристрастной науковыдержанной оценки (по возможности, конечно), – не могут скрыть того факта, что к архитектуре пятисотлетней давности (пусть это не покажется смешным) имеются претензии. В чем они заключаются?

Мы уже понимаем, что речь тут не может идти ни о чем ином, как о нарушении гармонии, во-первых, и вкуса, во-вторых. Под нарушением гармонии в указанном смысле мы понимаем несоответствие той самой «вневременной гармонии», законы которой сформировала еще античность и в поле тяготения которой пребывает весь европейский, средиземноморский, североафриканский и переднеазиатский мир. А под нарушением законов вкуса мы понимаем перегруженность форм, неудачные цитаты из другой архитектуры другого времени.

Все это в здании Троицкого собора имеется. Даже с учетом всех тех объяснений, которые мы предложили выше, ученые во многом правы: Троицкий собор – здание неблагополучных пропорций, оно широко и коротко одновременно, и оно несет на себе неудачно выбранную декорацию, принадлежащую зданию иного времени и иной культуры. Иначе говоря, налицо стилистический эклектизм, возникающий от смешения архитектурной формы, скажем, XV в. – с элементами ренессансных и позднеготических построек. Колоннада – северготическая, бюргерская, явление общеевропейской готики, когда лишенные энтазиса колонны потеряли античную грацию. Неудачно выбрана декорация не только основного церковного объема, но и обстройки. Русский собор, окруженный европейской (причем достаточно бесстильной) колоннадой, забранной парапетом, может вызывать удивление и нарекания.

Поразительной чертой Троицкого собора, безусловно обращающей на себя внимание, является его одноглавие. Большой собор, но почему-то одноглавый. Исследователи русской архитектуры часто пишут о многоглавии и одноглавии. Высказывается много противоречивых суждений, ученые часто погружаются в символику. Однако, т. н. глава – прежде всего фонарь. Главы нужны для освещения подсводного пространства, хотя люди средневековья (а тем более медиевисты), безусловно, творили из этих технических элементов мифологию.

Не побоимся сказать, что Троицкий собор – самый большой одноглавый храм на Руси. В XVI в. здания таких объемов строят уже пятиглавыми, трехглавыми и т.д. Подчеркиваем – по необходимости. Никакого сакрального смысла в этом нет.

«Стилистически сильными» зданиями начала XVI в. являлись Кремлевский дворец, Архангельский собор, Успенский в Дмитрове. Троицкий же собор в условиях Москвы не может быть сочтен однозначным проявлением фряжского стиля – лишь фряжского пошиба.

Однако здание Троицкого собора на свой лад прекрасно. Архитектура – искусство изначально эклектичное в большей степени, чем другие искусства. Эстетически неблагополучное здание требует понимания, и такое понимание может восполнить эстетические потери – конечно, до известной степени.

Претензии к пропорциональному сложению Троицкого собора связаны с глобальным непониманием сути памятника, его назначения, а отсюда уже его эстетики и поэтики. И дело тут не только и не столько в сакральном копировании Троицкого собора Лавры.

Маниакальная идея «освобождения» архитектурных шедевров от «поздней» застройки, охватившая нашу реставрационную науку и общественность и приведшая в ряде случаев к трагическим последствиям, связана с непониманием ряда вещей:

– во-первых, древней технологии, последовательности возведения сооружений (того, что вначале ставился основной объем, а потом к нему прикладывались паперти и крыльца по истечении времени, часто длительного);

– во-вторых, древнерусской архитектурной эстетики, того, что казалось целесообразным, а что прекрасным.

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 156

Эта история имеет давние корни. Это одна из трагических страниц отечественной архитектурной реставрации. Еще в середине XIX в. эшафотом русской архитектуры стал Владимир.

Дело в том, что древнее проектирование и строительство (которые, возможно, совпадали по фазам) проходили несколько совершенно отдельных стадий. Сначала создавался сакральный объем здания, потом к нему пристраивались второстепенные объемы – лестницы и паперти. Средневековое мышление воспринимало каждый объем в законченном и отделанном виде. Здание составлялось как слово по слогам.

В теории это всем давно известно, но не все умеют пользоваться этими знаниями на практике. Эта полная отделка, с резьбой, в том числе скульптурной, уже на следующий год идущая под обкладку, свела с ума ученых XIX в., в том числе епархиальных архитекторов древнего Владимира. Освобождение древнего ядра здания от обстройки стало маниакальной идеей. Камнем преткновения было совершенство пропорций Покрова на Нерли. Это «очищение» памятников во времена активной реставрации принимало эпидемический характер. Причины – поиск ослепительного совершенства, гармонии основного объема, совершенства пропорций, как бы не требующих обкладок.

Уже в конце XIX в. ученые ужаснулись тому, что сделали, однако, в зависимости от квалификации исследователей, спор о том, как датировать уничтоженные и вновь археологически открываемые пристройки, нет-нет, но вспыхивает вновь. Если в отношении домонгольских памятников это трагическое заблуждение оказалось, в конце концов, преодоленным, то заблуждение, касающееся папертей храмов, построенных итальянцами, а позднее и мастерами кирпичной готики, было преодолено только в наши дни. Еще в монографиях и учебниках середины нашего века можно было встретить реконструкции шедевров русского зодчества – церкви Вознесения в Коломенском, Благовещенского собора Московского Кремля и даже Успенского собора в Дмитрове – без верхнего яруса папертей, без кровли.

И здесь тоже не обошлось без жертв. На наших глазах был разобран второй ярус папертей шедевра годуновских времен – церкви Преображения в Вяземах. Гибель угрожала папертям и церкви Петра митрополита в Переславле-Залесском (со слов автора проекта реставрации), и нашего Троицкого собора. В Александровском музее помнят разговоры со специалистами о сломе папертей, к счастью, оставшиеся нереализованными.

Как известно, средневековое сознание отделяло сущность от явления. Древние эстетически разделяли сам храм (если говорить о церквях) и его обстройку, видели его и в воображении, и на практике отдельно от обстройки, сообщали ему гармонию внутреннюю, независимую, т. е. в полном соответствии с законами средневекового мышления сначала формулировали суть, а потом одевали ее во внешнее (часто, по их убеждению, временное) платье.

Здание церкви, безусловно, мыслилось эстетически независимым. Оно было просто прекрасным, а обстройка – целесообразно прекрасной. Привычка сдавать работу законченными, завершенными циклами и получать за это договорную плату, отсутствие сегодняшнего мелочного экономизма заставляло и побуждало придавать совершенную отделку, законченный эстетический вид и объекту первой сдачи. Не было принято оставлять незаделанными места примыкания будущих папертей, лестничных башен и пр.

Сказанное относится преимущественно к домонгольской архитектуре. С началом Нового времени этот принцип дрогнул: пристройки стали вязать с основной кладкой. Впрочем, не паперти и не крыльца – из-за неравномерности осадки их и основного объема.

И при этом, в отличие от всех без исключения зданий монастырского обихода, где речь может идти разве что о папертях и крыльцах, два собора «царской» руки – Благовещения (возможно, и Архангельский) в Кремле и Троицкий в Слободе – имели, кроме второго яруса папертей с крыльцами, с невиданными круглыми колоннами, еще и палаты.

Этого допустить ученые уже не могли. В новейших публикациях не получили никакого отзвука такие недавно ставшие известными факты, как ведущие в Троицкий собор огромные лестницы, обходные дворцовые паперти с выходящими на них палатами с тесовыми фигурными кровлями на круглых колоннах и вторым ярусом закомар над ними (последние элементы не сохранились, но легко дедуцируются на основании достоверных следов на стенах собора). Существующая потрясающая обстройка собора ранее датировалась XVII в. и при анализе архитектуры храма не рассматривалась.

Примерно в то же время, когда строился Троицкий собор, появляются храмы с каменными сводчатыми папертями, возводимыми, в отличие от папертей предыдущей эпохи, в процессе строительства основного

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 157

объема, поэтому непосредственно над кровлями папертей появляется мертвая, необработанная «чердачная» зона. Так была построена тут же в Слободе Успенская церковь с ее изначально возводимыми вместе с основным храмом придельными объемами. Тут же, в Слободе, вплотную к алтарям строится сакристия Покровской церкви. И только при проектировании папертей, крытых тесом в прижим, как у того же Троицкого собора, объем продолжал отделываться как бы без учета будущих легких кровель, без каких-либо заранее запроектированных пристроек.

Первым исследователем, догадавшимся о том, что круглые столбы паперти принадлежат Троицкому собору, был П.Д. Барановский. Однако он не допускал мысли, что они были поставлены «под кровлю», и думал о навершиях в форме «шара» (сообщено Н.Н. Свешниковым, с которым П.Д. Барановский делился своими идеями относительно здания собора). Таким образом, к обычным «минусам» собора – «тяжелым» пропорциям, «заемным» поясам и пр. – добавились круглые столбы-колонны несколько иной стилистики, как бы от другого здания.

В итоге Троицкий собор стал жертвой непонимания того, что он, в отличие от церкви Покрова на Нерли, церкви Вознесения в Коломенском, Дмитриевского собора во Владимире и пр., проектировался уже в расчете на обстройку, причем «расползшуюся», достаточно аморфную, замышлялся вместе с нею, без нее не мыслился (а те храмы «мыслились» отдельно). Отсюда – необычная массивность его верха, плавная мощь закомар, грузность барабана. Это и не хорошо, и не плохо, – это просто факт. Это был храм, возвышавшийся над крышами дворца, венчавший собой целый город. Ведь, к примеру, Благовещенский собор «у Государя на Сенях» никогда ниоткуда не был виден из-за высокой крыши Казенной палаты перед его восточным фасадом, и поэтому, когда в XVIII в. палата была сломана, работавшим над ремонтом Большого Кремлевского дворца дворцовым архитекторам ничего не оставалось, как протесать апсиды коротковатого древнего Благовещенского собора топорами до земли, дабы «подкрепить» здание, сразу потерявшее эстетику. Это ввело в заблуждение целое поколение советских реставраторов, принимавших эти протески за подлинные (например, В.И. Федорова).

Троицкий собор дошел до нас с частью дворца. Такой счастливой судьбы не выпало ни одному из других сохранившихся княжеских или боярских подмосковных храмов. С Троицким собором выдерживает сравнение только еще один домовый великокняжеский храм – Благовещенский собор, к которому примыкают два дворцовых крыльца, паперть и стена палаты. Однако все перечисленные объемы, стянутые в единый узел на папертях Благовещенского собора, разновременны. В Александрове – одновременны.

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 158

Паперти Троицкого собора представляют собой выдающуюся историко-архитектурную ценность. Это не церковные паперти в обычном смысле слова, в обычном понимании. Это паперти огромного дворца с многочисленными входами и спусками. На них, кроме собора, стоят палаты, на них выходят крыльца. У них необыкновенные парапеты, их круглые столбы-колонны происходят из европейских дворцов. Это как бы элемент немецкого Ренессанса: круглые колонны (в том числе без энтазиса) украшают многочисленные дворцы, патрицианские дома и замки Германии.

Столбы-колонны Троицкого собора имеют капители из крепованного антаблемента. 2/3 колонны стоит на полу паперти, 1/3 – на парапете с ширинками. В ширинках на главном южном фасаде – бриллиантовый руст. Отметим, что бриллиантовым рустом украшен шатер церкви Вознесения, мелкими гранеными бриллиантами обсыпаны порталы и бусы Новоспасского собора.

С улицы колонна Троицкого собора – короткий столб, с паперти – вылитая западноевропейская колонна. Западный ряд колонн как бы карабкается на стену, на своды дворцовых комнат.

Не имея возможности изучать сам дворец, мы в лице папертей Троицкого собора видим нечто, что относится больше к дворцу, чем к церкви.

На масштаб и пропорции дворца в Слободе указывает его единственный сохранившийся корпус из двух звеньев, выходящий на западную паперть собора, перед его западным фасадом. Он – бесконечен. Вплотную к нему почти примыкала крепостная стена, а анфилада палат вытягивалась от апсид на восток до церкви Троицы.

Историки архитектуры, совершая обычную для них умственную манипуляцию с «освобождением» центрального ядра здания от «уродующей» его обстройки, получили «уродливое» ядро Троицкого собора: нескладное коротковатое «тело», непропорционально большая «голова» и пр. Все это ничем не напоминало ни домонгольские шедевры Владимира, ни шедевры усадебного зодчества федоровско-годуновской эпохи – такие, как церкви Преображения в Острове, Бориса и Глеба в Борисове городке, Преображения в Вяземах, Троицы в Хорошеве и пр. Но дело здесь в том, что в Троицком соборе конструктивно и пропорционально воплотился домовый храм «старого» усадебного типа. Переворот в строительстве усадебных храмов произошел позже, хотя и в царствование того же Василия III: начиная с церкви Вознесения в Коломенском, главная усадебная церковь стала ставиться отдельно от хором, возможно, даже за пределами ограды, причем выбор пал на храм шатрового типа, на пленере, над речной долиной. Это уже были черты светской ренессансной усадьбы. Только тогда храм, действительно, освободился от построек, от клетушек.

Сумел ли, тем не менее, гармонизировать ситуацию зодчий Троицкого собора? Преодолел ли его гений условия заказа? Думаем, преодолел. Вот его идея: собор был встроен им в анфиладу зданий, полностью растворен в ней, а купол и закомары храма венчали всю громаду дворца.

Отсюда масштаб памятника, сопоставимый с масштабом московского Успенского собора. Через 50 лет при постройке в Троицком монастыре копии московского Успенского собора (в качестве предполагаемого нового мартирия преп. Сергия), масштаб подлинного

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 159

Успенского собора был, наоборот, снижен ровно на одну сажень, дабы вписать лаврское здание в другую ситуацию (что, тем не менее, не очень хорошо удалось).

При оценке Троицкого собора следует проявлять больше здравого прагматизма. Масштаб этого здания не давал ни малейшего шанса пойти по пути, избранному в другом усадебном храме другого времени, построенном гениальным зодчим Бориса Годунова в селе Вяземах, – двухпридельном здании вытянутых вверх пропорций. Недаром три выдающихся усадебных храма царской руки, построенных в XVI в. после Троицкого собора в Слободе, оказались в конце концов вынесенными за пределы непосредственно усадьбы на холмы над речной долиной: церковь Вознесения в Коломенском, церковь Преображения в Острове и церковь Бориса и Глеба в Борисове городке. На гребни холмов были поставлены и Троицкий собор на Рву, и церковь Иоанна Предтечи в Дьякове, и Борисоглебский собор в Старице.

В результате нового знакомства с Троицким собором историки архитектуры углубили свое понимание такого трудного для них предмета, как русская дворцовая усадьба начала XVI в., и впервые приподняли завесу над таким понятием, как находящаяся на дворе русская дворцовая церковь. Однако во всем, что с тех пор об этом написано, все еще чувствуется робость перед острой новизной материала.

Драма наших предшественников заключается в том, что они «раздевали» Троицкий собор, по неведению поднимая руку на эстетику целого, чего делать, разумеется, не следовало. Более того, мы обязаны рассматривать собор не только внутри громадного и растянутого двора, но и вместе со стоящей на одной с ним оси подколоколенной церковью с ее огромным куполом и вытянутой вдоль собора звонницей. Сильно выдвинутый северный придел собора уравновешен колокольней. Это – конгломерат объемов.

Приспособление к окружающей застройке – особая эстетическая задача. И эта задача была решена мастером Троицкого собора превосходно. Два яруса полуциркульных закомар над расползшимся по земле зданием – вот истинная изюминка этого памятника. Даже если закомары по периметру поставлены не были, то задуманы они, вне сомнения, были, – крестообразно по осям против порталов. Мы имеем систему, предшествующую высоким крестообразным папертям гениальной церкви Вознесения в Коломенском с ее ризалитами, крытыми высокими горбообразными кровлями, и повернутыми лестницами-всходами.

Рука мастера чувствуется и в том, что Троицкий собор был первоначально двухцветным. На фоне красно-кирпичных стен хорошо выделялись его резные белокаменные детали, и белокаменный подклет как бы возносил здание храма вверх. Это было тем более необходимо, поскольку общие формы собора тяжелы, мощны, торжественно величавы и свидетельствуют о могуществе его заказчика – московского великого князя. Если присмотреться к профилировке архивольтов закомар, к резным трехчастным лентам, украшающим апсиды, к капителям пилястр, членящим стены, и великолепному резному киоту над западным порталом входа, то мы сразу же поймем, что хотя основным вдохновляющим источником резьбы и был собор Троице-Сергиева монастыря, но характер профилировок закомар и мотивы резьбы (с преобладанием стилизованного акантового листа) сразу же подскажут нам прототип – итальянскую резьбу по камню в сооружениях Московского Кремля, построенных итальянцами. Эти «итальянизмы» собора Александровой Слободы, как и двухцветная окраска, являются дополнительным подтверждением датировки собора десятыми годами XVI столетия.

Нельзя не обратить внимание и на три богато орнаментированных портала Троицкого собора (четвертый не сохранился). Они покрыты изощренной итальянской резьбой прекрасной, уникальной сохранности (Александровский дворец никогда не горел).

Фряжские порталы дошли до нас во множестве. Но не все памятники, предположительно построенные фряжскими мастерами, имеют соответствующие, фряжского рисунка и архитектоники порталы.

Антиподами фряжских порталов в указанные годы были русские перспективные порталы. Очень часто заказчики требовали от зодчего именно порталов традиционной перспективной формы. Так, перспективными русскими порталами или их модификациями были украшены входы Успенского собора Фиораванти и Успенского собора в Дмитрове. Очень часто на одном здании устраивались (возможно, в виде компромисса) и фряжские, и русские порталы. Так было, по-видимому, даже на церкви Вознесения в Коломенском, где несохранившийся западный портал был устроен с полуциркульным верхом. А в Благовещенском соборе по желанию великого князя два русских портала были заменены на совершенно роскошные, изощренной резьбы «фряжские».

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 160

Порталы фряжской архитектоники (русские порталы фряжской модификации мы не рассматриваем, это отдельный сюжет) можно отнести к двум типам – палатным и церковным. В палатных преобладали прямоугольные очертания. Церковные, видимо, обязательно требовали «верха» или полуциркульной, или щипцовой формы. Троицкий собор украшен западным фряжским порталом совершенно особого типа.

Г.Н. Бочаров и В.П. Выголов дали порталам Троицкого собора, должно быть, наивысшую оценку как искусствоведы, однако в качестве историков архитектуры они оказались неподготовленными к неожиданным, ошеломляющим выводам. Они писали, что «грубость» орнаментов, а также «сочетание фряжских мотивов с исконно русской формой перспективной арки дает основание считать эти порталы выполненными не итальянцами, а русскими мастерами-резчиками по камню».

Несомненно, Бочаров и Выголов испытывали известное давление со стороны идеологических институтов и чувствовали себя обязанными поддерживать официальную точку зрения.

Но спрашивается, что есть русская резьба по камню в указанные годы? Если исследователи хотели сказать, что русские резчики воплощали художественную волю мастера-итальянца, – это мы еще поймем, но тогда вопрос: где они научились так резать? Разве что «навыкли у немцев каменосечной хитрости»...

Русские резчики резали на рубеже двух веков сноповидные капители порталов, цоколи и листовидный декор (Духовская церковь Троице-Сергиева монастыря), но от последнего остались жалкие фрагменты. Самое большое собрание резных обломов мы находим на Духовской, и это – все. В результате находок в Новоспасском монастыре, широкомасштабных исследований в Кремле некоторые ученые в настоящее время берутся выделить руку русских мастеров, но все эти попытки крайне спорны и производятся лишь на образцах ренессансной резьбы.

Русские орнаменталисты выступали и в эти, и в предыдущие годы только как керамисты. Уже много десятилетий орнаментальные пояса делались исключительно из терракоты (Г.Н. Бочаров и В.П. Выголов обратили внимание и на определенную странность: выполнение орнаментальных поясов, скопированных с собора Троице-Сергиева монастыря, – из белого камня, вопреки живой традиции, требовавшей замены камня терракотой).

«Такое тесное переплетение нового, нарушающего все привычные рамки, со старым, исконно традиционным, и составляет основу его художественного образа» (Бочаров и Выголов, с. 13). И дальше: «Для развития зодчества того времени это очень характерно. Оно свидетельствует о широком диапазоне творческих исканий древнерусских мастеров начала XVI в., которые, исходя из новых веяний времени и одновременно опираясь на богатый опыт прошлого, создают интереснейшие и удивительно разнообразные сооружения. Одним из них и является Троицкий собор села Александровского, новой великокняжеской резиденции». Под этими словами можно было бы и сегодня подписаться, если бы не акценты, не фразеология «села». Даже слово «резиденция» было озвучено несколько иначе, чем это делаем мы.

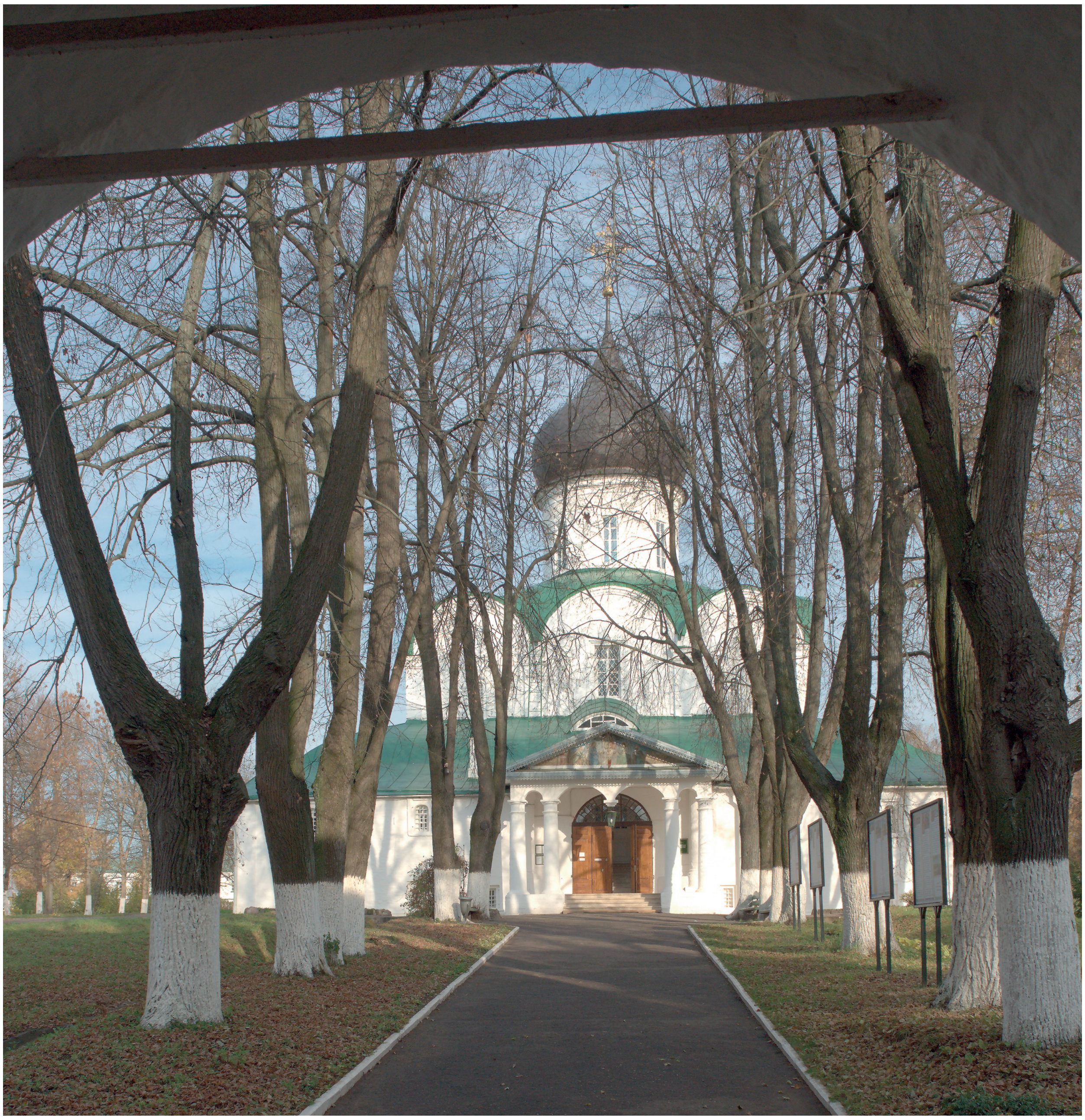
Сдвиг акцентов создает колоссальный эффект. Мы говорим не «село», а «замок». Любой двор феодальной эпохи имел ограду разной крепости (см. писцовые книги). Все затворялось, запиралось, огораживалось, всюду были сторожа и собаки. Крепкие ограды подражали крепостям. Монастыри – и те подражали крепостям.

То, что Бочаров и Выголов считали архаикой, их огорчающей, является, в действительности, – заданием. С точки зрения романтического понимания творчества, в том числе архитектурного, такое задание гирей на ногах мешало авторскому самовоплощению. Но одновременно и осложняло задачу, – скажем мы. Бросало вызов, требовало изобретательности и гибкости.

В последние годы было открыто еще одно замечательное качество Троицкого собора. Оказалось, что при его сооружении в московском зодчестве совершился переворот в практике строительства придельных церквей: из пристраиваемых снаружи по прошествии времени т. н. «приделов-застенков» (как клеть за стеной основного сруба) родилась та самая принципиальная многопридельность и многообъемность, на века ставшая одной из парадигм русского христианского храма, – приделы стали выкладываться по единому с основной церковью плану, на правах дочерних объемов.

Для своего времени храм с двумя изначальными внешними приделами – новшество. Нигде в Московском государстве другого такого современного ему храма нет. Ни монастырские соборы, ни приходские церкви (о которых мы, впрочем, ничего не знаем), ни, тем более, архиерейские церкви не получали нарочитых внешних приделов до конца XVI столетия. Единственное, пожалуй, исключение, – перестроен-

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 161



ный тем же Василием III Спас на Бору на великокняжеским дворе (в качестве приходской церкви для дворцовых слуг), но мы не знаем достоверно, сколько у него в тот год было приделов. Единственный внешний придел над усыпальницей, почитаемой могилой, – вот норма, но и те можно перечислить по пальцам.

В Древней Руси при постройке церкви право выбора престольного праздника для придельного храма принадлежало ктитору. В качестве главного жертвователя он получал возможность посвящать придельный храм или своему патрональному святому, или патрональным святым своих сыновей. Как дело сугубо частное, последнее не получало сколь-нибудь значительного общественного резонанса, сведения о приделах не попадали на страницы летописей. Не случайно в летописных сообщениях о постройках самых замечательных московских соборов, начиная с кафедрального Успенского, о приделах нет ни слова. Скромно выглядели и сами патрональные приделы. Спрятанные в стенах больших крестовокупольных храмов, приделы данного типа ничем себя, как правило, архитектурно не обнаруживали.

Второй тип церквей, построенных «от частного лица», – придельные или отдельностоящие малые обетные церкви. Строительство обетных церквей также оставалось делом сугубо личным, однако само событие проходило по разряду общественно значимых, «обещание» обычно давалось публично и «держалось» публично. Давший обет сам участвовал в закладке храма, сам клал первое бревно или первый камень в его основание, при стечении народа. Это было зрелищно, торжественно и непременно попадало на страницы хроник.

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 162

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 163

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 164

В отличие от церквей первой группы, такие обетные приделы ставились снаружи и были у всех на виду.

Настоящим толчком к созданию внешних придельных церквей послужила возникшая в середине XIV века традиция погребения русских чудотворцев, строительство для них или знатных вкладчиков церквей-усыпальниц. Это новшество было громадным и не могло не поражать воображение. Восходящие к XIV веку (истокам собственно московской архитектуры) храмы с приделами известны все наперечет: это Успенский собор Ивана Калиты, это его же Архангельский собор, это Спасский в Твери и пр. Но все приделы к этим храмам пристраивались позднее, после чего им уже подражали. Приделотворчество на этапе строительства основного храма прививалось медленно.

В отношении приделов Троицкого собора важно уточнить, что внешних приделов в новом духе у собора было не совсем два, а скорее «полтора» (просим прощения у читателя за невольный каламбур), так как южный Никольский придел в действительности представлял собой выступающий из дьяконника крестовокупольного храма глухой (без наружных дверей) ризалит. Сам придел традиционно размещен в дьяконнике крестовокупольной части объема храма. Этот уникальный прием был скопирован при постройке обетного Никитского собора в Переславле-Залесском.

В связи с этим отметим еще одну важнейшую особенность Троицкого собора – влитый в стену барабан придела с главой в чужой закомаре, как в раковине. Это предвосхищает влитые в стену барабаны Троицкого собора на Рву и карнизы ярусных ступенчато повышавшихся построек. Данное качество для начала XVI века – из ряду вон выходящее.

Троицкий собор с замысловатым южным приделом показывает, что архитектурное приделотворчество тогда еще было новым для Руси делом.

Помимо боковых приделов, при Троицком соборе изначально существовала особая столпообразная купольная церковь Алексея митрополита с соборной звонницей, поставленные на поперечной оси собора, против его южных дверей с крыльцом-ризалитом, в едином ансамбле с собором, и собор проектировался вкупе с этими зданиями, по единому с ними плану.

После возведения Троицкого собора традиция крестовокупольных усадебных храмов пресеклась на многие десятилетия. Следующие, начиная с церкви Вознесения в Коломенском, были возведены уже шатровыми. И только Годунов-правитель возводил у себя в имениях оба типа.

Таким образом, родоначальником линии крестовокупольных усадебных храмов годуновского круга был собор в Слободе – самый ранний московский храм с двумя изначальными внешними приделами по сторонам. Нетрудно заметить, что изящный и богатый усадебный храм Преображения в Вяземах и другие годуновские усадебные церкви, начиная с Хорошева, восходят к нему. Вотчинные боярские храмы начала XVI в. приделов не имеют, а эти все с приделами. Возможно, двухпридельность была какой-то особой привилегией, так как монастыри предпочитали строить с одним приделом.

Троицкий собор – памятник московской дворцовой архитектуры, построенный сразу же после Архангельского собора, на той же архитектурной волне, тем же заказчиком, возможно, теми же зодчими, с теми же профессиональными издержками, под диктовку заказчика, поставившего иноземного архитектора в трудные условия. Архангельский и Троицкий соборы – здания сопоставимые и соразмерные, сформированные одними и теми же обстоятельствами и запросами. И если мы вспомним критику Архангельского собора нашей наукой – тяжелое, сдвинутое на край пятиглавие, грузность, ложная двухъярусность, дурные пропорции нефов, перегруженность фасадов декором, «спрятанность» апсид и т. п., – и выставим ряд «дежурных» претензий к Троицкому собору, то без труда найдем весьма близкие точки соприкосновения: несамостоятельность, эклектичность и пр. При этом только плохое знание архитектуры Архангельского собора и мифы, с ним связанные, защищают этот памятник от более придирчивых суждений.

На самом же деле оба зодчих решали специфические задачи: переводили с языка одной архитектуры на язык другой, только в одном случае это было здание раннего XIV в. (1333 г.), в другом – раннего XV в.

Разумеется, Алевиз Новый был смелее и решительнее, но здание, им снесенное, было архаичным, дурным, грубым, «готическим», как сказали бы в XVIII в., тогда как воспроизведенный в Слободе собор Троице-Сергиева монастыря уже изящно моделирован, обладает тонкостью, воздушностью, гладкостью работы.

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 165

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 166

И главное – в Слободе имел место, как мы показали выше, акт сакрального копирования. Зодчий, что отмечается буквально всеми, был связан в выборе декора: орнаментальные пояса, карнизы барабана и апсид, русские перспективные порталы, наружный киот над западным порталом (необходимость «опустить» киот почти на портал была вызвана не устройством над ним окна, как можно подумать, а необходимостью накрыть его общей с папертью деревянной тесовой кровлей). Узел этот «решен» (в высшем смысле) не был, правильного и грамотного сопряжения не получилось. Дело, видимо, в том, что кровли не проектировались заранее и выполнялись другими артелями (аналогичный пример – Успенский собор Фиораванти).

Ни то, ни другое здание не было, таким образом, вполне самостоятельным. В Архангельском соборе вовсе не произошло полного преодоления заданных параметров, преодоления в высшем смысле слова. Просто Алевиз каким-то образом получил право на полную замену декора, на новые одежды Возрождения. Зодчий Троицкого собора такого права не получил, как и Аристотель Фиораванти. Отсюда «робость» и «половинчатость».

И Архангельский, и Троицкий соборы имели открытую кирпичную фактуру, оба были «красными», оба повторяли здания, существовавшие до них или существующие рядом. Мастера Возрождения были не столь уж свободны, как это нам иногда представляется. Их принуждали к компромиссам, мешали самовыражению. Успех Алевиза или Петрока Малого у современников был не столь велик, как у наших современных искусствоведов.

На ученых начала XX в. непривычная строительная техника, в которой был выстроен Троицкий собор, также производила негативное впечатление. Мы подобных «претензий» к памятнику не имеем. У Троицкого собора – белокаменная несущая субструкция с несомыми кирпичными элементами. Выражение, применяемое сегодня, – «смешанная кладка», – недостаточно ее характеризует. Белокаменные субструкции – и кирпичное убранство, кирпичное завершение.

Среди немногочисленных древнерусских памятников, выстроенных в смешанной технике, в точности такого расклада материала нет нигде, кроме, может быть, московского Успенского собора. Но после сооружения Успенского собора, ставшего, по выражению С.В. Заграевского, «лебединой песней» старой технологии, строительство из белого камня (как материала несовершенного и нестойкого к огню) прекращается. И столп Бона Фрязина, и Архангельский собор, и церковь Вознесения в Коломенском, и Троицкий собор на Рву имеют кирпичные субструкции. Двойная технология возвращается только во второй половине XVI в.,

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:13 Страница 167

в эпоху всеобщего огрубления и оскудения, и переживает расцвет при Годунове. Чисто белокаменные постройки возникают, как показывает опыт, только вблизи каменоломен (Старица, Остров). Открытый кирпич как декорация применен впервые в Слободе. Во всех других случаях, от Волоколамска до Серпухова, кирпич скрывается, дезавуируется. В Архангельском соборе кирпич не декорация, он – основа. И в церкви Вознесения – основа. А в Слободе – основа белокаменная.

Троицкий собор должен привлекать внимание ученых и в качестве памятника раннего XVI в., построенного итальянскими мастерами, и в качестве одной из самых больших соборных крестовокупольных церквей своего времени, и в качестве замечательно сохранившейся дворцовой церкви «на Сенях», и в качестве образца усадебной великокняжеской церкви «первого поколения», и в качестве третьей по рангу церкви Государева двора, построенной тотчас за Архангельским собором и тем же ктитором. Наконец, памятник представляет собой редкостный компендиум разностильных черт и приемов, в нем намеренно нарушены каноны стилистического единообразия, и это едва ли не первый случай в истории древнерусской архитектуры. После него такое нарушение имело место только в церкви Преображения в Острове.

С нашей точки зрения, все это должно было бы, вне зависимости от эстетических оценок, вызывать неподдельный исследовательский интерес. Однако вот уже сто лет изучения памятника показывают, что ничего подобного так и не произошло. Напротив, большинство фактов литературного порядка говорят о невостребованности памятника. Несмотря на «прорыв» в изучении Троицкого собора, совершенный в последние годы, и на появление множества ранее неизвестных сведений, над памятником будто бы тяготеет произнесенное Ф.Ф. Горностаевым «заклятие» – отзыв о соборе как «о последнем вздохе угасшего московского областного зодчества».

Теперь мы видим, что в этом неудачном выражении Горностаева неверно буквально каждое слово: памятник не является продуктом XV в., и никакого «московского областного зодчества» вообще не было. Троицкий собор динамичен и обращен в будущее.

Собор является носителем и хранителем максимального объема бесценной информации по архитектуре и строительству, не идущего ни в какое сравнение с монастырскими, приходскими, архиерейскими церквями XVI в., ни с одним зданием, кроме двух дворцовых церквей Большого Кремлевского дворца в Москве – Благовещенского и Архангельского соборов (особенно Благовещенского). Троицкий собор, как и предшествовавший ему в этой функции Благовещенский, был построен «на Сенях», в преддверии огромного великокняжеского дворца, с которым был накрепко связан структурно и стилистически. Огромные архитектурные массы храма доминировали в ансамбле.

При ближайшем рассмотрении архитектуры Троицкого собора приходит на память и Успенский собор в Москве. Зодчий храма в Слободе в точности повторил главный зрительный и эстетический прием Аристотеля Фиораванти: возвел огромные пустые закомары и увенчал здание огромным барабаном. В Троицком соборе есть что-то венецианское. Огромный барабан и могучие прясла – не мелочь, не пустяк, как может показаться. По духу, размаху, мягкости, изяществу, огромности размеров (физические объемы вне конкуренции), – это один из самых «итальянских» памятников Московской Руси.

Центральное прясло Троицкого собора в осях лишь на метр меньше прясла кафедрального собора Фиораванти в Москве. А ведь это одноглавый крестовокупольный храм с повышенными подпружными арками!

Историки архитектуры много и не всегда убедительно пишут о многочисленных архиерейских и монастырских соборах на Руси, построенных на протяжении XVI–XVII столетий по типу московского Успенского собора. В этой настойчивости есть свой резон: позднейшие архиерейские церкви, действительно, структурно повторяют кафедральную церковь Москвы. Однако помимо прямых «засушенных» реплик Успенского собора (вплоть до прямого копирования деталей и размеров в Троице-Сергиеве) есть только один памятник, в огромных и пышных закомарах и колоссальном барабане которого можно услышать душу Успенского собора. Это – Троицкий собор Александровой Слободы, заложенный, о чем мы писали выше, в качестве Троицкого.

Троицкий собор можно обвинять в чем угодно, кроме одного: он не мертвый, а живой, не плод дурного копиизма, а вещь необыкновенно привлекательная, итальянская и русская одновременно. Переходя на

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:14 Страница 168

сухой и формальный язык науки, скажем, что у соборной церкви великокняжеского загородного дворца – самые широкие (пропорционально широкие, могучие) прясла и самый большой барабан после собора Фиораванти. Недаром в середине XVII в. у властей была идея предложить Троицкий собор в качестве образца при перестройке Успенского собора Владимира Мономаха в Смоленске. Очевидно, древние лучше, чем мы, ощущали масштаб и дух этого замечательного сооружения.

С Троицкого собора тоже снимались копии. Самая значительная из них – собор Никитского монастыря в Переславле-Залесском 1560-х годов. Копировались и детали. Думаем, что второй ярус закомар Троицкого собора в Суздале и собора Павло-Обнорского монастыря – от Слободы. Приделы, безусловно, протогодуновские. Копировались и итальянизмы, и столбы на папертях.

Троицкий собор выделяется среди шедевров русской архитектуры еще и тем, что это единственный среди дошедших до нас памятников древнерусского зодчества, кроме московского Успенского собора, к которому ничего не пристроено, но только «оторвано». Однако Успенский собор изначально не имел современных ему внешних пристроек (кроме крыльца), а Троицкий собор был изначально «встроенным» в огромное количество дополнительных помещений, которыми он был вместе с папертями обложен с трех сторон. Застроенной была, судя по всему, и четвертая алтарная сторона, но уже деревянными зданиями.

Итак, Троицкий собор Александровой Слободы:

– единственное дворцовое церковное здание в Московской Руси, сохранившее свою изначальную каменную обстройку процентов на восемьдесят. Ни Благовещенский, ни Архангельский ее почти не сохранили;

– первый московский храм с вынесенными наружу внешними приделами (хотя рассматривать его с двумя симметричными приделами, строго говоря, не вполне корректно – северный придел вынесен наружу, южный оформлен как ризалит дьяконника);

– первый храм с закомарами по периметру папертей (следом были построены Троицкий собор в Суздале и Павло-Обнорский монастырский храм);

– один из четырех–пяти памятников рубежа XV–XVI вв., выстроенный «по-европейски» – с белокаменной и кирпичной открытой фактурой. Помимо архитектонических белокаменных элементов, собор, по-видимому, имел обработанные белым левкасом детали;

– здание, считавшееся у древних сакральной копией Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря. Установить объект копирования с подобной точностью удается редко;

– один из немногих великолепных дворцовых каменных храмов, чьи паперти были перекрыты тесовыми, в том числе дугообразными, кровлями. Тесовые кровли Троицкого собора могут служить косвенным указанием на аналогичные кровли собора Троице-Сергиева монастыря;

– третье пятиапсидное церковное здание после Успенского и Архангельского соборов;

– третье здание с резными фряжскими белокаменными порталами ин ситу, над украшением которых работали итальянские резчики;

– одно из ранних зданий с ковчегами (филенками) прямоугольной формы, получившими распространение в архитектуре XVI в.;

– здание, круглые колонны ограждения которого позволяют соблюсти ритм, отвечающий его архитектуре;

– здание с деревянными кровлями и каменными чердаками у апсид и барабана;

– единственное здание, сохранившее свои древние карнизы со всем набором обломов (обычно карнизы перебираются с заменой материала);

– здание, копиизм и заданность которого продиктовали итальянскому мастеру столь редкую форму, как средневеко-

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:14 Страница 169

вый надпортальный киот, которую фрязи избегали, где это было возможно. Надпортальный киот – знак иконопочитания. Таких киотов нет ни в одном другом здании, построенном итальянцами, кроме собора Симонова монастыря;

– здание, где два боковых портала были сделаны по-русски перспективными в знак уважения к прототипу;

– здание, где барабан одного из церковных объемов впервые не возвышается над кровлей здания, а прижат к другой архитектурной форме (позднее мы это встречаем в Троицком соборе на Рву);

– первый храм, построенный одновременно со звонницей и подколоколенной церковью, фактически являвшейся его третьим приделом;

– третий по значению (и третий в иерархии придворных храмов) памятник нового придворного строительства. После архиерейского Успенского собора первым в Москве был Благовещенский «на Сенях», потом Архангельский «на Дворце», потом Троицкий в Слободе – центральный храм загородной резиденции. От него, как мы доказываем, брал начало Государев двор. Следующей, с перерывом в 20 лет, была построена церковь Вознесения в Коломенском, затем строительство каменных храмов в усадьбах прекратилось вплоть до годуновского времени. Иван Грозный продолжал считать резиденцию в Слободе главной и в строительстве дворцовых церквей со своим отцом не соревновался.

Троицкий собор имеет душу, сквозь его нарочито русский облик проступают итальянизмы. Его архитектура была значащей и многое говорила современникам. Это здание не есть порождение провинциализма, отсталости, неумения, традиционализма мышления. Это – не ископаемое. Это – здание, выстроенное в новых технических приемах, согласно новым возможностям и пониманию. Перед нами блестящий столичный храм.

И, наконец, – о мастере этого храма. Часть исследователей считает, что Троицкий собор (а значит, и другие памятники Слободы) был построен русским мастером, часть (в том числе и мы) – фряжским.

В начале XX века возникло ложное предположение, что храм (тогда вообще говорилось только о храме, о церковном ядре памятника) выстроен архаистом. И это ложное представление о мастере-архаисте (разумеется, русском) оказалось на удивление живучим.

Мы уже показывали, что план внутреннего ядра Троицкого собора без второстепенных объемов (приделов и палат) был механически, с очень незначительными коррективами, переведен с собора Троице-Сергиева монастыря. Стены были разнесены по сторонам света в общей сложности на сажень, по метру с небольшим от основных осей храма. Этим-то сакральным копированием, как мы видели выше, и объясняется воспроизведение в натуральную величину орнаментальных поясов собора по стенам, алтарю и барабану, а вовсе не убогим традиционализмом не поспевающего за веком автора, как полагали в свое время Бочаров и Выголов. Эти историки архитектуры ошиблись в классе памятника. Это не инерция, не неумение, не традиционализм, а смелое вольное и дерзкое пародирование (в старинном смысле слова «пара» – повторение) архитектуры совершенно конкретного здания. Это – задание, это, как мы сегодня сказали бы, – идеология. Это – «Заказ» с большой буквы.

Троицкий собор традиционным не был. Традиционной усадьбой был Государев двор в Слободе, с собором, включенным в комнаты, в тело дворца.

Мы уже вспоминали, какую трагическую роль в судьбе домонгольских памятников Владимира сыграл недостаток профессионализма у епархиальных архитекторов XIX в.: все башни и паперти, кроме одной, сакральной (в Боголюбове), были снесены при «реставрации». И Троицкий собор все наши предшественники мысленно освобождали от его обстройки, которую они считали поздней, и, естественно, приходили в ужас от его «пропорционального несовершенства». Однако делать этого не следовало. При проектировании храм соизмерялся со всем расползшимся по огромной территории дворцом, целым «городом» каменных и деревянных палат. Плюс крепость или, как минимум, мощная стена, остатки которой мы находим за монастырской оградой.

С легкой руки следующего поколения итальянских зодчих русская господская усадьба получила принципиально новый облик: церковь ставится на просторе, как мы сказали бы сегодня, – на природе. Итальянцы преобразовали усадьбу, впервые внеся в нее черты итальянской виллы и вынеся усадебную церковь наружу. С времен Годунова – с Вязем – произошел возврат к крестовокупольному или бесстолпному храму аналогичных габаритов, но уже стоящему в усадьбе «особо», во всем своем великолепии.

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:14 Страница 170

Поэтому неизвестный зодчий Троицкого собора вовсе не «подражал» более чем известному троицкому памятнику и даже, наверное, не считал его заслуживающим внимания: он просто холодно копировал то, что было ему предписано. Чтобы «позолотить пилюлю», он в двух случаях увенчал московско-татарские орнаменты – на алтарях и барабане – элементами итальянского антаблемента с резьбой из овов и акантового стилизованного листа (и, возможно, даже встретил возражения).

Перед нами не традиционалист, а поставленный в жесткие рамки исполнитель великокняжеского заказа. Это не утрата гармонии, а лишь другое ее неожиданное выражение. Но, к сожалению, ученые не поняли приемы, к которым прибег зодчий, пытаясь преодолеть антихудожественные, антиэстетические условия заказа.

Единственный монастырский источник, сообщающий нам под 1513 г. о постройке неподалеку от Троице-Сергиева монастыря великокняжеской резиденции с Троицким собором, зодчего, как было принято в подобных документах, не называет. Но все факты, основанные на оценке почерка и приемов, в которых выстроены собор и резиденция, говорят, что это был один из итальянских мастеров, ранее занятых на строительстве Московского Кремля.

В Троицком соборе обильно применена фряжская орнаментальная резьба. И в археологии, и в искусствоведении, и у историков архитектуры орнаментика играет роль немого языка, каким, например, является язык танца. Орнаменты национальны в меньшей степени, чем речь, на которой говорят, но в большей, чем т. н. язык архитектуры. Орнаменты, в отличие от архитектурных и тем более конструктивных узлов и деталей, нельзя ни подделать, ни скопировать механически. Для выполнения орнаментов нужен живой резчик, они обладают собственной художественной жизнью. Как и живой язык, культура орнаментов (а это культура) впитывается с молоком матери. Таковы орнаменты Слободы, Архангельского собора, южной паперти Благовещенского собора, Грановитой палаты, фрагментарно дошедшие до нас орнаменты Большого Кремлевского дворца, Крутицкого подворья, порталов Новоспасского монастыря. Все они индивидуальные, все разные.

Мы не знаем ни одного случая, когда достоверно итальянская, высокого класса резьба была бы встречена на памятнике, не построенном фряжским мастером. По источникам: Архангельский собор, Грановитая палата, Большой Кремлевский дворец, церковь Вознесения в Коломенском, Казенная палата, паперти Благовещенского собора и пр.

Решая вопрос о мастере, нельзя сбрасывать со счетов и остальные памятники Слободы, например, ту же церковь Алексея митрополита с ее декоративной воздушной аркадой, скованной по-европейски поясами открытых железных связей.

Можно бесконечно перечислять приемы фряжского строительства, не делая окончательных выводов, и называть это научной корректностью. Дескать, авторство итальянского мастера, не подтвержденное документом, – не факт, но лишь гипотеза и требует для ее осторожного «озвучивания» специальных выражений. В принципе, это справедливо. Однако набор косвенных фактов, подтверждающих авторство в отношении Троицкого собора именно итальянского мастера, слишком обширен.

Ввиду того, что гипотеза о фряжским мастере не может быть подкреплена источниками, некоторые авторы находят более разумным примирить обе точки зрения посредством известной «филологической диверсии» (а «диверсия» – по своему первоначальному значению отвлекающий маневр), употребляя относительно фряжского мастера выражения типа «участвовал», «привлекался», как бы давая понять, что строили дворец и его церкви русские мастера, а многочисленные итальянизмы ансамбля инспирировал приглашенный (для чего?) «консультант» (еще хуже – «ученый референт») из числа придворных зодчих Василия III.

К сожалению, некоторые современные ученые тоже прибегают к подобной фразеологии. Бочаров и Выголов работали в другое время, и их осторожность в обращении с некоторыми понятиями была оправдана. Сегодня же прибегать

к двусмысленностям такого рода нет необходимости. Подобные подмены – не в интересах науки и ничего ровным счетом не объясняют.

Порталы Троицкого собора выполнены первоклассными итальянскими резчиками, не учениками, не ремесленниками, не подчиненными главному итальянскому мастеру русскими мастерами (сегодня, когда в Большом Кремлевском дворце выявлены датируемые рубежом XV–XVI вв. грубые подделки под итальянскую резьбу, мы знаем, наконец, как работали русские ученики). Работы велись по указанию архитектора и его эскизам (рисункам, проектам, чертежам, – будем называть вещи своими именами: без чертежа или модели построить здание нельзя, как нельзя плыть без компаса или карты).

Порталы, киот, элементы фасадной архитектоники, покрытые орнаментами итальянского Возрождения, другие т. н. малые формы (прямые итальянизмы памятника можно перечислять до бесконечности, ведь их оказалось значительно больше, чем полагали раньше) не могли быть введены в архитектуру здания, минуя то, что теперь называется стадией проектирования. Их надо было проектировать и вместе со всем зданием, и порознь, но прежде всего вместе, искать им пропорции, соизмерять с целым, вначале прорисовывать по-архитекторски, а уж потом распоряжаться об их вырубке в камне. Обычно украшение данного конкретного здания велось синхронно с его сооружением.

Памятники всех времен и всех цивилизаций, у всех народов говорят о единоначалии на стройках, таком же жестком, как на корабле или в бою (разумеется, после того, как заказ одобрен ктитором и принят к исполнению). Без единого руководства невозможна ситуация, когда один мастер (гипотетический русский) возводит стены, а другой, итальянский, – следом за ним украшает. Нельзя прийти от частного к целому, не представляя общей идеи.

Итальянские зодчие были не «референтами» (готовящими информацию), не советниками, а начальниками строительства, основанного на Руси, как и во всем мире, на основах единоначалия. Русское строительство велось в соответствии с общемировыми принципами как в доитальянскую эпоху, так и при итальянцах, и позже. Обтекаемые выражения – «принимал участие», «привлекался» – по отношению к фактам участия итальянского зодчего в строительстве того или иного храма звучат двусмысленно и недостойны научной литературы большого и культурного народа. Это нонсенс, дань недавнему постыдному прошлому, когда в любом деле лидерство иностранцев считалось национальным позором.

Итак, итальянский мастер, «архитектон» (старший строитель). Традиционалистом, как мы поняли, он не был, это мнение – ошибка наших предшественников. Но достаточно ли всех рассуждений, приведенных в нашем исследовании, чтобы снять «некоторую вину» с него и его детища за «неудачу» с пропорциями собора?

Оценить ситуацию нам должны помочь две вещи. Во-первых, никто не обязывает нас рассматривать собор отдельно от дворца и подколоколенной церкви со звонницей. Это «ансамбль в ансамбле» – они одновременны и по замыслу, и по поэтике. Во-вторых, никто не заставляет нас думать, что мастер был связан в мелочах, в праве обстраивать собор-копию по-своему, в меру своего понимания. В главном объеме он был связан, но в придумывании приделов, палат, папертей, столбов навеса, подколоколенной капеллы и звонницы – уже свободен. Он изукрасил свое детище, как мог, устроил великолепные лестницы, построил напротив роскошного южного крыльца столпообразную капеллу, устроил ниже четверика второй великолепный ярус закомар, пустил итальянскую резьбу, угнетая старорусские мотивы. Словом, он «загнал» свой архаичный четверик внутрь, перекроил и переоформил его, насколько было возможно. Как бы ни сетовали ученые, мы получили интересное и неповторимое здание, достойное стоять рядом с любыми архитектурными шедеврами.

Хотя, как мы отмечали выше, ученые и обращают внимание на «трудные моменты» в архитектуре Архангельского собора – на негармоничность его плана, сдвиг барабанов на восток, ложную двухъярусность, неуютные пропорции нефов, перегруженность фасадов декором, «лишнее» членение на западном фасаде и т. п., – Алевиза строго не судят. Действительно, это все было вызвано давлением заказа, как и в случае с мастером Троицкого собора. Едва ли Алевиз был в этом смысле в лучшем положении. Связан был и Аристотель Фиораванти. Может быть, и Петрок Малый – при сооружении церкви Вознесения.

Троицкий собор Александровой Слободы – выдающийся памятник раннемосковской архитектуры времен «сложения русского национального государства». Он занимал третье место в церковной иерархии

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:14 Страница 172

и третье по рангу государственного храма: первое – кафедральный Успенский собор, второе – два дворцовых храма на Государевом дворе Московского Кремля. Колокольней трех московских соборов был столп Ивана Великого, колокольней дворцовых церквей Слободы – столп Алексея митрополита.

Сегодня мы, наконец, понимаем, какого уровня памятник перед нами. Красив или дурен Троицкий собор – вопрос праздный: этот храм полон жизни, он такой же дворцовый, какими были до слома окружающей постройки и Благовещенский собор, и Архангельский, и все другие дворцовые церкви, кроме, видимо, Вознесения в Коломенском. Это памятник средневековой поэтики, и мы должны принимать его таким, какой он есть.

Троицкий собор отличается невероятной, почти феноменальной для нашей архитектуры сохранностью. Он целиком уникален. Этот первоклассный, по-настоящему музейный памятник, носитель необыкновенных новшеств и кладезь нигде больше не сохранившихся приемов, исключительно важен для науки и заслуживает благодарного внимания.

Скомпоновано из черновых рукописей В.В. Кавельмахера 1998–2002 гг. С.В. Заграевским в 2007–2008 гг.

Важность Александровской слободы для В.В. Кавельмахера временами кажется необъяснимой, зачем понадобилось так страшно обижаться на близких по духу людей, к тому же мастеров своего дела не из последнего ряда – на С.С. Подъяпольского и А.Л. Баталова, зачем отстаивать приоритет 1508 или 1513 года в строительстве того или иного сооружения. Ответить наверняка не сможет никто, но можно поискать предположительный ответ. Мне кажется, что он сердился сам на себя, за то, что на фоне археологических и архитектурных подробностей, в которых равных ему было и есть немного, при нечастом умении ориентироваться в письменном документальном материале за несколько веков, при несомненном таланте историка в прямом смысле слова, он не сформулировал то, что требовало иных навыков, находящихся в той области, которую в его среде было принято тихо презирать. Философско-исторический взгляд и подход вызывают сыпь и подёргивание конечностей у тех, кто знает, как выглядит дубовый кирпич на полу, кто держал в руках обломок розетки от оконного обрамления XV века, добытый из земли, но И.Г. Гердер, А. Шпенглер, А. Тойнби и М. Блок – знакомцы второго ряда, не присутствующие даже в подготовительной, теоретической части работы над проектом реставрации. Ясно, что необходимо и то, и другое, и крохоборство,

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:14 Страница 173

и широкий взгляд: первое не позволяет врать, второе заставляет придумывать. Первое хорошо, второе плохо. Но объяснить и понять без второго нельзя, и добытое «из воздуха», «с потолка» и «из пальца» понимание – поднимает конкретное знание на новый уровень, как система Д. И. Менделеева помогает ставить продуктивные опыты и добывать новые вещества и даже элементы. Применительно к Александрову такой расставляющей факты по местам системой может быть присвоение нового названия целому периоду, сразу трём векам отечественной истории. XV, XVI и XVII столетия – эпоха Ренессанса в России. Правомерность такого уподобления – в непреложном (то есть таком факте, который нельзя отложить, игнорировать) – утверждении, что после периода 1230–1380 годов возрождение было необходимо и началось, хочешь или не хочешь. Было что восстанавливать, и было после чего восстанавливать – и яма была глубокая, и карабкаться из неё было нелегко. Формальные признаки Возрождения налицо. Тепличные условия Италии и Греции позволили там раньше и после других провалов вырасти дивным цветам, которых в России не могло появиться по географическим, демографическим и климатическим причинам. Но качественные характеристики того, что появилось и сохранилось в архитектуре трёх веков, позволяют выделить её в отдельный ренессансный период – и раньше такого не было, и позже не стало. Два, три, пять десятков наименований сооружений стоят в том же ряду, что и два, три, пять десятков наименований сооружений в иных землях по всему свету, не только в Европе, от неаполитанских дворцов до Тадж-Махала. Маленькая межчелюстная кость позволила И. В. фон Гёте отделить мир обезьян от мира людей, уникальный Красный форт в Индии заставляет сопоставить его с Дворцом дожей в Венеции; редкие, но столь же ошеломительные, как Реймсский собор (строился 600 лет) ренессансные сооружения в России в полной мере обладают главной типологической характеристикой: они все – гимн уму, красоте и силе человека, способного, кажется, сделать вообще всё, кроме, разве что, переустройства мира, – но уж поразить воображение невиданной красотой – точно, потому что внезапно выясняется, что самое эффективное средства переделки мира – снабжение его красотой, желательно новой, неслыханной, останавливающей взгляд: «эстетика – мать этики». Важно не просто повторить (возродить старое, то, что возрождается), важно превзойти непревзой-

Апология_Троицы_3_125-174.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:14 Страница 174

дённое – только тогда и происходит Возрождение. То есть Ренессанс там, где появляется уникальность, «новое – такое же, только немного другое», поставив рядом, их можно сравнить, но и отличить. В этом коренится ошибка типологизации и трудность прилепления определения «ренессансное» к России: репрезентативность тут ни при чём, неважно, 20 или 20 000 объектов характеризуют эпоху, в счёт идёт только уникальность. Достаточно даже одного. В. В. Кавельмахер сражался за шатровый приоритет александровских сооружений (в основном Покровской церкви, позабывая о возможном шатре и на Алексеевской), а имел в виду непроизнесённый, невыговоренный ренессансный ряд, от Успенского на горке в Звенигороде до Успенской на Ильинской горе в Нижнем Новгороде. Включённость в этот ряд важнее, чем приоритет шатрового строительства. А главное, и В. В. Кавельмахер, и С.В. Демидов, и С. С. Подъяпольский, и А. Л. Баталов (список закрыть невозможно) сочинили, написали, исполнили (в каменных и письменных произведениях) акафист русскому Ренессансу, но не сказали само слово. Полукруглые закомары и кокошники Троицкого собора Александровской слободы скоро приводят на память закомары Успенского собора в московском Кремле А. Фиораванти; в его возрожденческом таланте никто не сомневается, как и в принадлежности именно к Ренессансу, который перестал быть только итальянским даже после владимирской прививки, в которой итальянское тоже переплелось с чем-то неитальянским, легко превратившись в совершенно русское, потому что ничего похожего ни близко, ни далеко нет.

Троица сама по себе ни в какой защите не нуждается. Но вот её архитектурные воплощения страдают, хоть и каменные. Стенаний не слышно, но глаз слезу не жалеет, льёт. Одно из первых воплощений (1423) – Троице-Сергиевом посаде, с чего, собственно, и можно примерно начинать отсчёт Возрождения в России. Третьего ряда кокошников нет вовсе, второй (4 диагонали по углам) хорошо спрятан за закомарами, барабан перевытянут, окон слишком много. Второе или третье – кирилловский Успенский собор (1497, заказная копия Троицкого в Посаде), второй и третий ряды кокошников накрыты металлическим тазом, глава надета на кованый коленвал. Третье или второе воплощение – александровский Троицкий собор (недатированная заказная копия Троицкого в Посаде), знаменитый своей диспропорциональностью, приземистостью, грузностью, массивностью и оттого непонятным местом в истории архитектуры – уж очень сильно он не производит никакого впечатления, которое только из вежливости именуют загадочным. Если снабдить его вторым и третьим ярусами кокошников – загадочность сменится самым простым, обычным, даже заурядным величием.

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 175

МЕНЬШЕ СЛОВ И БОЛЬШЕ ДЕЛ

Пионерским дацзыбао, вынесенным в заголовок раздела, руководствовались и руководствуются, кажется, подавляющее большинство архитекторов-реставраторов XX века. Во-первых, проще сделать самому, чем объяснить, как и почему так сделано; во-вторых, не всегда и самому известно, отчего сделано так, а не иначе; в-третьих, действенность слова по сравнению с влиятельностью создаваемой среды – в разы или на порядки больше. Слова действуют только на тех, кто их читает, и то редко. Окружение архитектуры делает людей твёрже и безжалостнее, чем воспитание и самоформирование – не люди становятся твёрже, а перемены в них происходят незаметно, неосознанно, поэтому бороться ними, или развивать, тянуть в какую-то сторону почти не получается ни у кого, это влияние неодолимо.

С.С. Подъяпольский не выговорил, не написал этого, но именно этого не хватает и его мыслям, и мыслям В.В. Кавельмахера об архитектуре и реставрации, как бы ни глупо звучало это «не хватает», хотя оно и вытекает из их теорий и реставрационных практик: значение архитектуры и потому реставрации больше, чем охватывает Венецианская хартия 1964 года – создание среды больше создаёт человека, чем допускают реставрационные теории и законы, она (среда) важнее, чем просто выбор между стилистической и археологической реставрациями, и успех всегда зависит от таланта строителя и реставратора, от каждого случая, взятого обязательно отдельно, по законам, только для этого случая созданным, размер таланта побеждает и градостроительную составляющую, и природу, и традицию, и любые законоустановления. В этом смысле и тот, и другой, и С.С. Подъяпольский, и В.В. Кавельмахер – совершенно возрожденческого качества созидатели, и равные, и превосходящие и античных, и послесредневековых и более поздних авторов и строителей. И Эжен Виолле-лё-Дюк, и баварский король Людвиг и имели право, и могли, и должны были надстраивать башни и строить замки, потому что возрожденчество – это не временная характеристика эпохи, а характеристика внутреннего мира человека, всегда, во все времена отвечающего и на гамлетовский вопрос, и на раскольниковский. Вся жизнь уходит на то, чтобы понять, стоит ли покоряться судьбе – или следует «возыметь право». Иначе сказать – на настоящее творчество смеет замахнуться только хорошенько затравленный и измученный археологической реставрацией человек.

Подтверждения этой мысли есть в судьбах и С.С. Подъяпольского, и В.В. Кавельмахера.

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 176

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 177

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 178

С.С. Подъяпольский ни полсловом не обмолвился о модуле «33» в реставрации Благовещенской церкви Ферапонтова монастыря и Преображенской церкви Кирилло-Белозерского монастыря, хотя у него уже был опыт одоления идеологического богоборческого маразма, да и жертвенной смелости после 50-х годов не требовалось. Неважно, знал он о логике «12+12+8+1» (общее число полуокруглостей в профилях завершения церквей), или не знал. И там, и там этот модуль присутствует. Даже выходит, что лучше для нашей логики, если не знал: ему не нужно было, не понадобилось поверять свою реставрацию этим знанием, он и так прекрасно справился, как вряд ли кто-то иной бы осмелился: в Благовещенской вообще нет водомётов (и никто не замечает, что их нет, потому что они не нужны), в Преображенской располовинено ровно столько кокошников, сколько понадобилось для арифметической суммы с тремя главами. Первостроители сделать такое чудо случайно не могли: число «33» сочтено в Благовещенской при всего шести кокошниках в короне под барабаном (вместо восьми), а в Преображенской и вовсе число кокошников должно было равняться точно тридцати (трудно делить на четыре стороны), чтобы добавились профили трёх глав; они не сдуру набрели на число «33», а наоборот, тщательно и долго выписывали его, придумав заранее, каков будет почерк, каков секрет, как будет спрятано самое важное знание, выставленное напоказ. Ещё раз: не важно, знал С.С. Подъяпольский про «33», или не знал: он выписал его ещё раз, спустя сотни лет, подтвердив не собственную реставрационную квалификацию и честность, а именно возрожденческое качество таланта. Более того: совершенно возрожденческую по духу, по исполнению, бесконечно талантливую и новаторскую церковь Благовещения можно понять и поставить в ряд только и именно возрожденческих архитектурных сооружений, и построенных, и понятых, и отреставрированных сопоставимыми по масштабу и качеству таланта авторами, и С.С. Подъяпольский – полноправный соавтор. Пока нет возрожденческой составляющей, нельзя по чести ни оценить, ни поставить в ряд, ни понять саму церковь. Нет апсиды. Не потому, что забыли, не потеряли за века истории, а не стали строить. Почему? – Потому что не нужна: она сама является архитектурно выделенной частью церкви с престолом, жертвенником и дьяконником – по отношению к трапезной, стоящей огромным массивом за спиной; в этой церкви не надо отделять мирян от священнослужителей иконостасом и Царскими вратами: их, мирян – нет, они все в Рождественском соборе.

Без возрожденческого духа, без внимания к человеку, без уважения к нему нельзя понять мотив: зачем такие сложности, шесть кокошников под барабаном, 14 (а не 12) кокошников во втором ряду, сбивающие с толку окна рядом с кокошниками. Причина ошеломительна проста, но уважительна. В нескольких шагах стоит построенный совсем недавно, лет сорок назад, Рождественский собор, в котором этот модуль, это число «33» уже спрятались, уже применены, – нельзя же просто собезьянничать, тем более, что в нескольких верстах в Кириллове стоит Успенский собор, построенный три десятка лет назад, и с тем же секретом, с числом «33», спрятанным выше антаблемента и видным всем, кто умеет поднимать глаза к небу. Для невозрожденческих времён и для невозрожденческих людей мотив не укладывается в голове. Такие хитрости и такие трудности только для такой ничтожной цели? – Не повторить?

Дело не в гордости зодчего, похваляющегося своим умением. Дело в музыкальности. Знаменный распев нельзя не тянуть, нельзя просто спеть – и всё, ему потребна протяжённость, а для гармонии нужна созвучность второго голоса. Не второй – такой же, как первый, как копия первого, а иного тембра, широты, теплоты, материнской женственности или отцовской силы. Рождественская – женская нарядная церковь, а Благовещенская – жилистая воинская мужская, натянутая и натруженная, несущая на себе, собирающая весь ансабмль. Поэтому её почти не видно от входа – она

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 179

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 180

страшно важна, её нельзя потерять, да и главные сундуки в избе не стоит всем подряд сразу показывать. Только так (или преимущественно так) можно понимать Благовещенскую церковь, и при реставрации надо восстанавливать не её археологию, а её звучание. Археология – средство, инструмент, а хранить и воссоздавать надо то, что этим инструментом создано, и тут без уникальной стилистики не обойтись – а это главное, в чём С.С. Подъяпольский видел всепобеждающую жизненную силу хоть средневекового, хоть возрожденческого, хоть позднего строительства и, соответственно, реставрации. С.С. Подъяпольский потому был так удачлив в восстановлении возрожденческой архитектуры, что и сам был родственен ей, он и Микельанджело, и Рафаэль, и Дионисий, и Андрей Рублёв, и прочие Альберти – всего понемногу, но чистой пробы. И должен был очень любить А. Ахматову.

А вот В.В. Кавельмахер должен был больше любить М. Цветаеву. (Разумеется – «должен» только в моей голове, в меру моего понимания того и другого; на самом деле всё может быть и ровно наоборот). В.В. Кавельмахер подошёл к той же мысли (архитектура и реставрация важнее, чем принято считать, они формируют людей так же, как речь, род занятий, природные условия и родство) с другой стороны, от ярости по поводу безнадёжно испорченной В.И. Балдиным Введенской церкви на Подоле в Сергиевом посаде, на которой был выработан и отточен порочный метод диагональных закомар, убивший навсегда Троицкий собор там же. Значение Троицкого и других сохранившихся соборов начала XV века (после не подлежащего обсуждению и объяснению собственного совершенства {объяснить можно попробовать, но это очень будет напоминать попытку раскрыть красоту цветка ромашки или василька}) – в их модельном характере, в образцовости, работающей веками. Эталонный метр не зря хранится в Париже – все остальные к нему только стремятся. Если его изменить (во время реставрации) – испортится всё, что сделано по нему после реставрации. Успенский собор на городке и Троицкий в посаде – самые важные из послемонгольских, и оба отреставрированы в археологическом ключе по состоянию примерно на век позже исходного облика, потому что в XVI веке от него ничего не оставили очень тщательно, снабдив повёрнутыми на 45° закомарами второго ряда, ставшими модными в XVI веке, по неоспоримым материальным остаткам, которые документально лгут вот уже четыре с лишним сотни лет. Из-за модельного значения В.В. Кавельмахер с такой страстностью вцепился в Успенский монастырь Александровой слободы времени Василия III (не исключено, что и Иоанна III Великого): почти на ровном месте, когда почти с нуля построилась великокняжеская резиденция, которая не могла не стать примером для ближних и дальних повторов. Страстность отточила его перо и привела к научной добросовестности глубокого архивного исследователя с безупречным стилем, статьи которого доставляют наслаждение почти гастрономическое, и именно она роднит его с работами С.С. Подъяпольского, впитавшими пыль не только римских мостовых и запах старой пе-

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 181

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 182

чатной краски на бумаге в библиотеках; и у того, и у другого страстность стала плодом третьей и четвёртой перегонки, горючей эссенцией с невидимым пламенем; и это качество маркировано одним товарным знаком: возрожденческим характером, оба – титаны Возрождения. И оба не знали, что именно их роднит: стоит только назвать эти три века Возрождением в России, так пропадают неважные причины для дискуссий, выступы начинают соответствовать впадинам, шестерёнки крутятся в правильном зацеплении, появляется лекало, пригодное для разных чертежей.

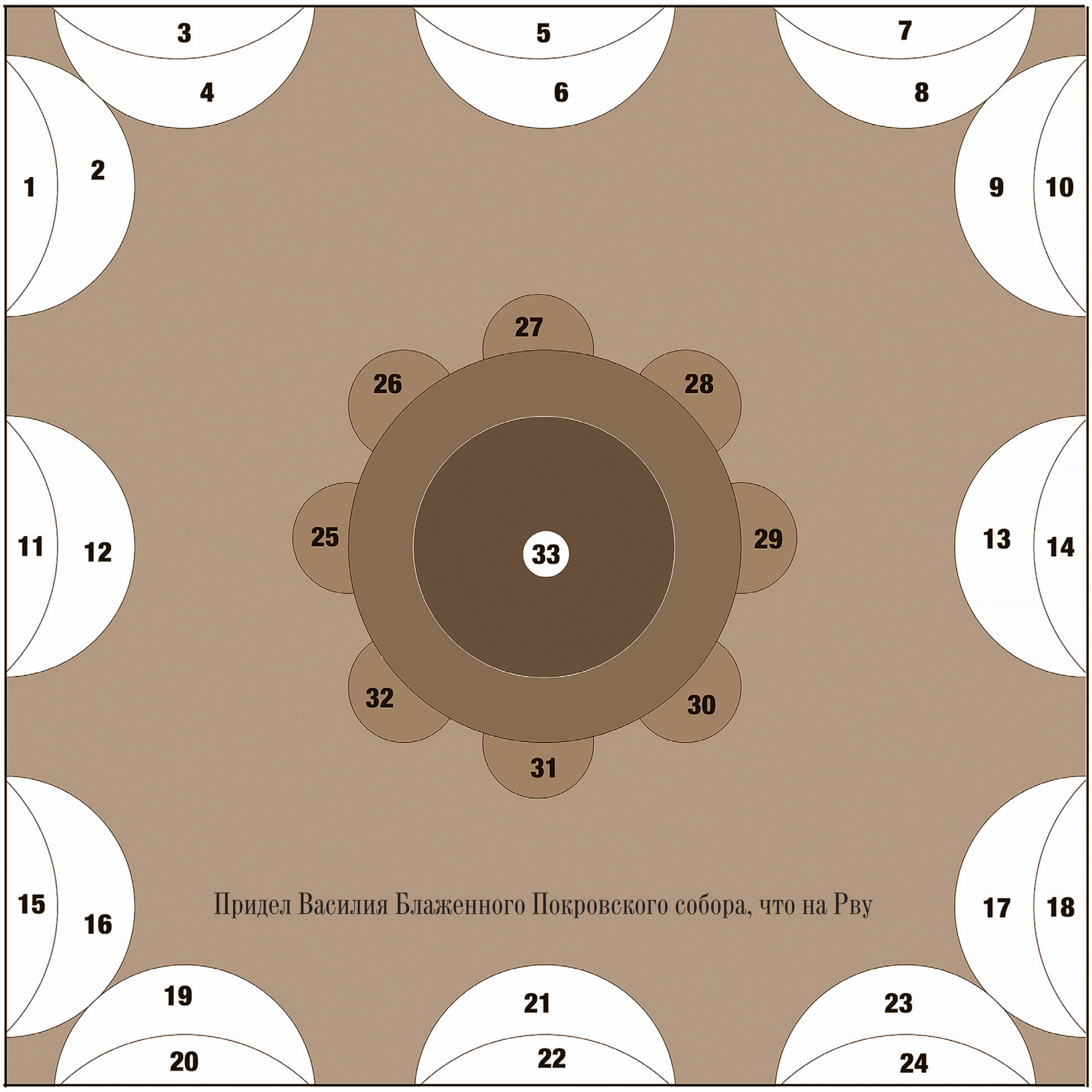
Впрочем, очень возможно, что я ломлюсь в давно открытую дверь. Что ж, пусть восторги неофита повеселят усталых корифеев.

Рождественский собор построен в 1490 году, через 9 лет появилась La Pietà в Риме, в 1500-м мир увидел Распятие Дионисия, ещё через два – Богородицу со стигматами. Прошло сорок лет, Благовещенскую церковь возвели в 1530 году, до того собор был

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 183

единственным, вероятнее всего, каменным зданием, царившим над деревянными сооружениями у его подножия, над озерами, над окрестным миром. Он не мог не стать образцом для всей округи радиусом километров четыреста. По площади Благовещенская церковь меньше, она четыре раза поместится на том месте, где стоит Рождественский собор. Мастер, строивший Благовещенскую, был ограничен ресурсами поставленной задачи, зато имел

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 184

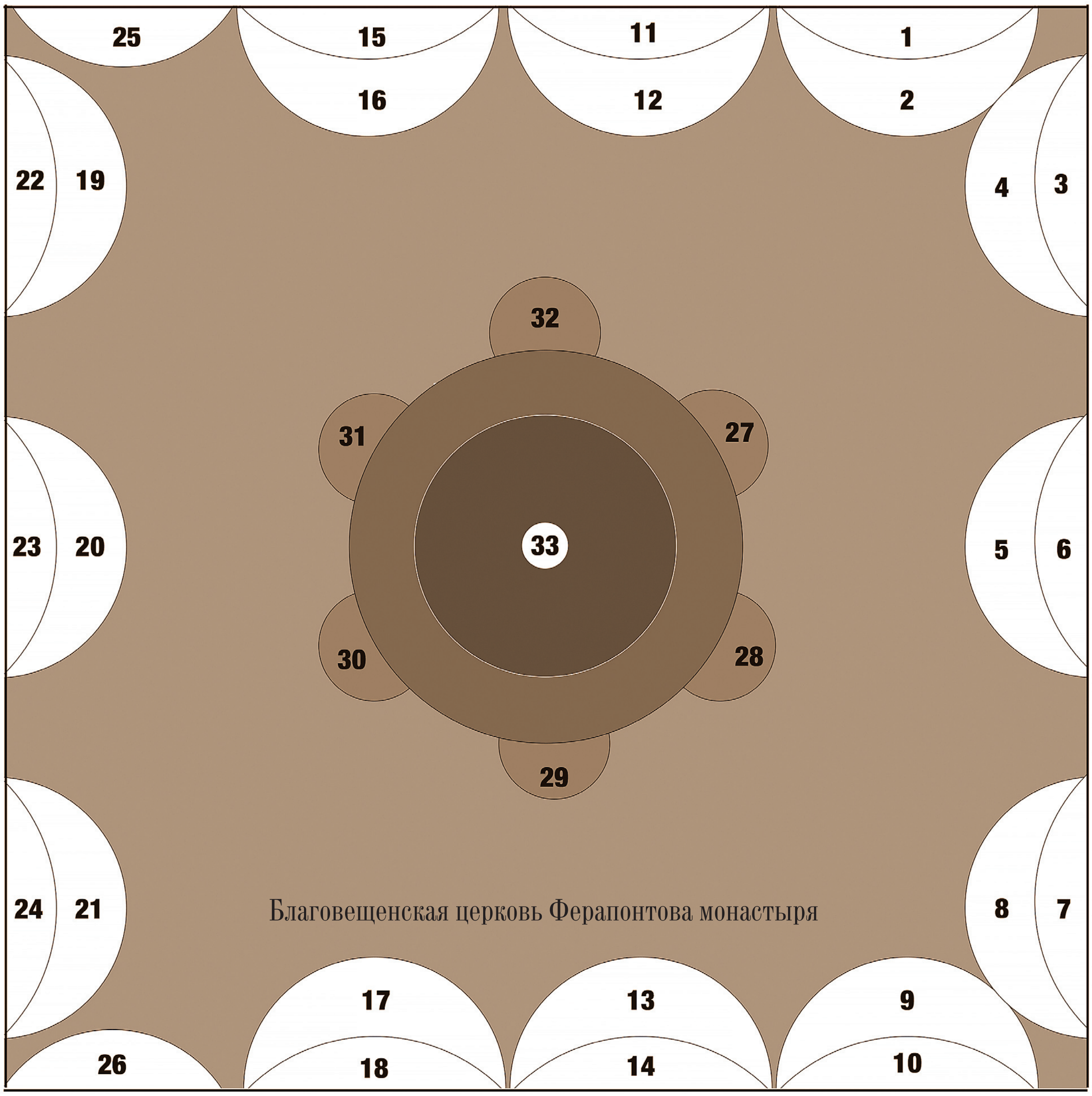


смелость думать всласть. Надо было сделать так же, но не так, малым превзойти большое, но чтобы никто не заметил, сопоставимо, но без подражания, без повторения.

И надо признать, удалось. Бог ведает, смог ли кто-нибудь где-нибудь ещё так же схитрить, или этот пример остался единственным, но зато уж остался так остался.

Собор посвящён Рождеству Богородицы, то есть появлению на свет той, которая произведёт на свет Спасителя мира. Церковь посвящена благой вести, сообщённой ей – о том, что произойдёт. И там, и там сюжет развивается вокруг Иисуса. Он присутствует в Рождественском соборе незримо, потому что собор накрыт плоской крышей: никто уже сотни лет не видит и не может сосчитать, что спрятанные кокошники и подобная им силуэтом глава вместе составляют число «33», то есть апокрифический возраст Иисуса на Голгофе. Реставраторы, начиная с К.К. Романова и С.С. Подъяпольского, в основании барабана проектировали опять (как в нижних рядах) 12 кокошников, в то время как их должно было быть 8. С.С. Подъяпольский исправил эту ошибку в проекте Успенской церкви Каменноостровского монастыря, в макете церкви Иоанна Предтечи Кирилло-Белозерского монастыря она ещё присутствовала. Сегодня, после блистательного провала В.И. Балдина с реставрацией Троицкого собора лавры, окончательно стало ясно, что та горка кокошников, о ко-

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 185



торой в середине следующего (XVII) века писал Павел Алеппский («шишка или артишок»), была и в Рождественском соборе, когда его расписывала бригада Дионисия (1502 г., через 12 лет после строительства), и в конце 20-х годов XVI века, когда решался вопрос о проектировании Благовещенской церкви.

Увиденная строителями Благовещенской церкви семантика числа «33» в Рождественском соборе (Богородица стала Богородицей, поскольку родила того самого Бога) была неодолимо и даже повелительно соблазнительна для повторения в церкви о Благой вести об этом, о рождении Бога.

Но как повторить, не повторяя? – Тайно. Чтобы повтор был, но не был виден.

Вероятно, за пять веков никто (даже С.С. Подъяпольский, хотя в это поверить трудно) не сосчитал количество кокошников Благовещенской церкви (купно с главой), отделив их от специально устроенных схожих по рисунку полуовалов оконных очелий, заглянув за стену Трапезной, скрывающей весь запад, обрубающей его словно топором, как и на востоке отсутствие апсиды обрубает топором зеркальный фасад, и лишает тем самым возможности откуда-то начать подсчёт, к чему-то привязаться как к первой точке. Но даже если сосчитать, всё равно ничего не получается, этих кокошников 26, а не 24, если мысленно убрать 2 очелья оконных наличников; надо ещё снять последний замок с тайны. У основания барабана не 8 малых

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 186

Благовещенская церковь Ферапонтова монастыря. Ферапонтово

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 187

Благовещенская церковь Ферапонтова монастыря. Ферапонтово

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 188

Соборъ Рождества Богородицы въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ на Бѣлоозерѣ.—Конецъ 15-го вѣка. Чертежъ реставраціи К. Романова. (Собственность Императорской Археологической Комиссіи).

кокошников, как делается всегда и везде, а всего 6. Вот тогда в Благовещенской церкви поселяется опять число «33».

Это кажется совершенно труднопостижимым, но спорить невозможно: и там, и там число «33» присутствует, и всё хитроумие строителей Благовещенской церкви было применено только для того, чтобы спрятать повтор, важность и нужность повтора не подвергалась тогда сомнению, не оспаривалась и была прямо-таки «вожделенной» ценностью, вещью, без которой нельзя никак обойтись, без неё всё теряет смысл, и начинать не стоит.

Да и, откровенно-то говоря, почему это число не могло получиться или случайно, или по каким-то другим причинам, о которых мы и знать ничего не знаем, и знать не можем; где доказательства, что строители хотели, стремились зашифровать и оставить это число, а оно не «вытанцевалось» самостоятельно в ходе строительства. Кончился ряд кирпичей в стене, и последний оказался тридцать третьим – не по какой-то задумке, а просто потому что стена кончилась, не надо класть тридцать четвёртый – и всё. Эти и такие аргументы скептиков действуют пятьсот лет.

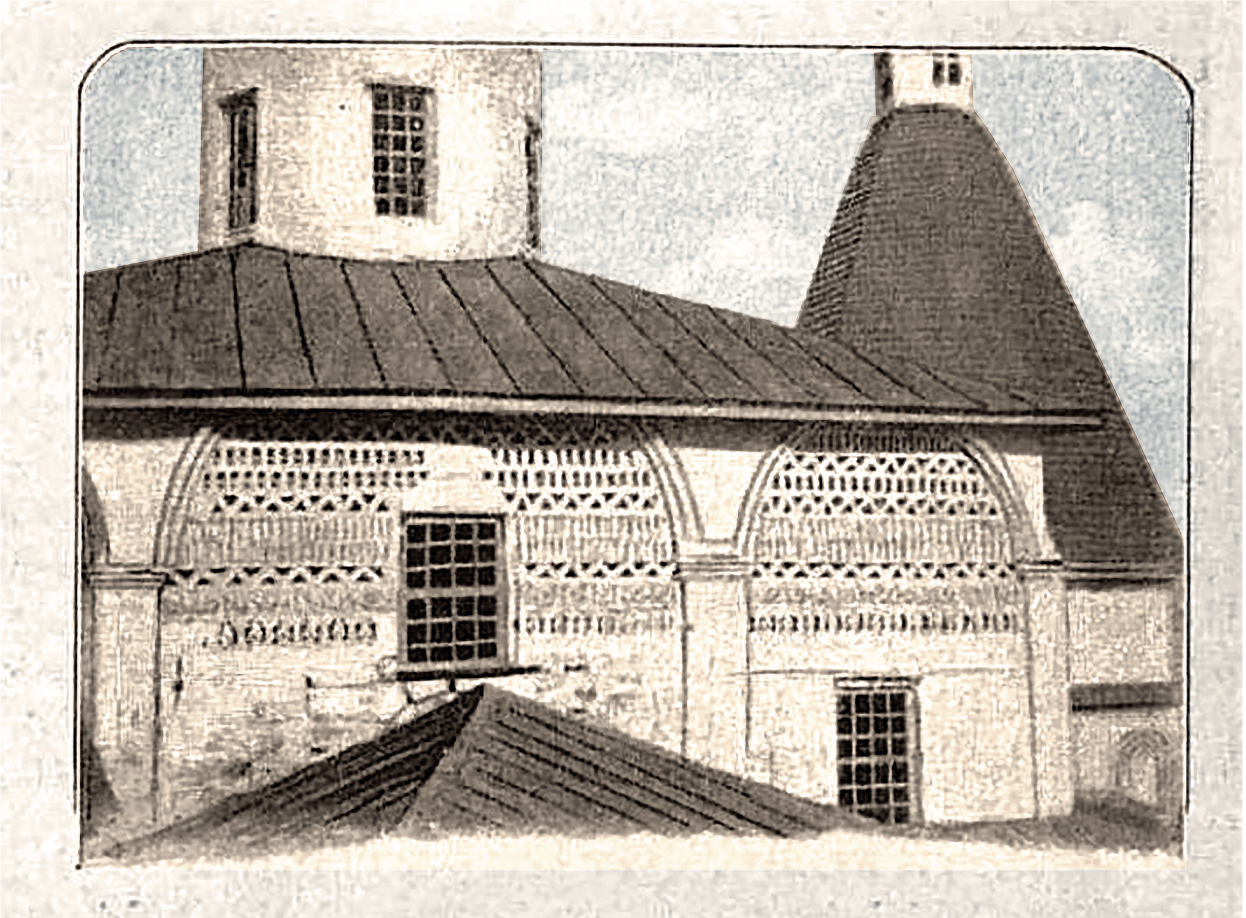
Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 189

Собор Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре
между Бородаевским (Ферапонтовским) и Спасским озерами.
Реконструкция с 12 кокошниками у барабана и малой главой над престолом у дьяконника

С этим трудно спорить. Конечно, и так бывает. Но песня соловья никогда не станет Всенощной С.В. Рахманинова. Больше того, песня соловья нравится не только будущей матери его птенцов, но всё же Густав Малер не помещается в соловьиной головке, и споры о какой-то ценности числа «33» напоминают попытки научить канарейку маршировать под «Прощание славянки». И соловей, и канарейка знают своё дело хорошо, и не надо их скромные способности надрывать непосильными задачами, не надо растолковывать налево и направо символическое значение числа «33», не надо менторским тоном с деревянной увесистой линейкой в руках втолковывать то, что отторгает без объяснений порченный за триста или пятьсот лет мозг. Надо оставить его в покое – но с двумя оговорками.

Стоит показать на число «33» в архитектуре и попробовать доказать, что это не пустяк и не случайное стечение обстоятельств и случайностей без всякого значения, а тщательно продуманная хитроумная тайнопись с ясным целеполаганием, аршинными буквами выписанная в небесах, нарочно выставленная напоказ, чтобы нельзя было не заметить, чтобы без назидательности сообщить, не произнеся ни слова, самое сокро-

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 190



Орнаментъ на церкви Рождества Пресвятой Богородицы.

венное и главное, сложное и простое, выстраданное и просто подаренное, заранее и до того, как понадобится, будто набитые кошельки, разбросанные по всем дорогам на каждом шагу, будто стакан воды, поднесённый не раньше и не позже, чем он станет необходим и спасителен, всем и никому, слушающему и закрывшему уши.

Такие доказательства есть неподалёку от Кирилло-Белозерского монастыря, в деревне Ферапонтово, знаменитой художествами, не уступающими лучшим творениям гениев итальянского Возрождения. Кроме Рождественского собора и церкви Мартиниана (тоже давно ждущей «расчехления») в Ферапонтовом монастыре стоит Благовещенская церковь (1531), опять отмеченная никем за почти 500 лет не замеченным шифром; или наоборот, скорее все заметившие его (знатоки-то были не чета нам – от И.Э. Грабаря и П.Д. Барановского до С.С. Подъяпольского и А.И. Комеча) благоразумно и промыслительно промолчали, сберегая для будущих прозорливцев великую тайну в неприкосновенности, поскольку распущенные современники ещё недостойны приобщиться к такой несоразмерной их ничтожеству и несовершенству благодати. Только редким безумцам, отвыкшим от вожжей и хомута, не терпится уподобиться кухарке Матрёне из пьесы А.Н. Островского про женитьбу М.Д. Бальзаминова и в попытке усовестить зашедших куда-то не туда, прямо за рекой оказавшихся не где-нибудь, а в самом что ни на есть Китае – ещё раз сказать, всплеснув руками: «Да очувствуйтесь хоть малость», поглядите, что за яблочко лежит на блюдечке с голубой каёмочкой, и никто не сторожит, можно брать и наслаждаться, не боясь, что отнимут и накажут за своеволие – брать чужое без спроса.

Слава Дионисия не то чтобы затмила известность Благовещенской церкви, но немного отвлекла от её необычной, даже экзотической красоты, запорошённой для-

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 191

щимися четыреста лет ремонтами, загороженной более поздними, чем она сама, приспособлениями для удобства и прочих важных нужд. Для осмотра годятся только две стороны, восточная и северная, с запада широкой спиной навалилась огромная трапезная палата, на юге – гульбище, колокольня, переходы, закутки и уголки работают как непроницаемый забор.

Преображенская церковь Кирилло-Белозерского монастыря уже научила, что, посчитав (в поисках числа «33» и здесь) кокошники с одной стороны, нельзя надеяться, будто умножив результат на четыре, стоит ждать верный результат. Первая неожиданность – в основании барабана не восемь кокошников, а шесть, дальше книзу все заковыристые кокошники (или бывшие закомары, в которых размещались колокола) различаются по высоте, тесноте, ширине, наполнению, и, как неуклюжие малыши на прогулке в детсадовской группе, пребывают в постоянном движении, решительно препятствуя подсчётам, осложнённым ещё и тем, что отсутствует такой надёжный ориентир, как апсида на востоке. Крупные капли кокошников «стекают» по углам и стенам, превращая очень высокое трёхъярусное сооружение со следами ободранных пристроек в едва ли не круглую башню, которой только углы мешают стать трубой. Упрямство вознаграждается в конце концов пониманием закономерности: позабыв на время о тех, что на барабане, с востока и запада можно сосчитать по шесть кокошников, а с севера и юга – по семь, причём и там, и там седьмой кокошник в нижнем ряду существенно меньше трёх собратьев, если его ширину разделить на три и прибавить к трём большим, облик не переменится, результат не повлияет на зрительное восприятие, четвёртый эстетически не оправдан, и конструкционно не нужен, и поэтому почти спрятан в малозаметных углах на северо-западе и юго-западе, где обзору мешает трапезная. Он понадобился только

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 192

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 193

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 194

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 195

для арифметики: 6 барабанных + по 6 на востоке и западе + по 7 на севере и на юге = 6+12+14, то есть к 32 останется прибавить только 33-ю главу – и результат падает в руки, как глоток воды освежает пересохшее горло.

Мало того, что выбранные для двух «лишних» кокошников северный и южный углы почти недоступны для обозрения, так ещё и экстраординарные окна, устроенные на востоке и на юге, расположены на разной высоте, и одно со щипцом, другое – без.

Премудрое хитроумие строителя беспримерно. Ещё на стадии проектирования или рассматривания макета он остался недоволен торжеством послания urbi et orbi над архитектурной логикой, победой, одержанной арифметикой над чувством прекрасного, ибо не хуже нас видел неуместность четвёртого кокошника, его несуразность и нелепость. Из плохого, безнадёжного положения он создал, наоборот, хорошее при помощи кавалерийской атаки, встречного пала, нападения на нападающего, вопреки всему и alltrotzdem. Не нужен четвёртый? Так вот же вам ещё один, пятый с каждой из двух сторон, совсем уж ничтожный, только по форме напоминающий кокошник, без щипца, а на самом деле – очелье наличника над очень небольшими окошками на востоке и на юге, к тому же на разной высоте, то разрезая карниз внизу под большим третьим (на востоке), то подпирая маленький четвёртый на юге. Лишние окна, формой очелья похожие на обводы кокошников, искусственной путаницей победили одержавшую было верх арифметику, уравновесив новой асимметрией вынужденный дисбаланс. Выставленные напоказ два лишних окна в неурочных местах спрятали два «лишних» кокошника. Вот уж не диво, что за пять веков мало кто сосчитал, путаник был строитель, можно даже сказать, что гениальный путаник: авторитет самого сооружения, его цельность, законченность запрещают заметить и запрещают задать вопрос, зачем понадобились лишние ухищрения на вполне совершенных, соразмерных, и так законченных фасадах; однако надеялся, что его поймут, иначе зачем такой огород городить. А может быть, что вся путаница – из-за того, что в только что, 40 лет назад построенном Рождественском соборе тоже было «33», понадобился иной, отличный образ, и это нешуточный мотив для изобретательства.

И без всякой путаницы в приделе Василия Блаженного или в надвратной церкви Феодотия Анкирского не так уж легко заметить «33»: издалека что-то в окружении всё время мешает увидеть цельность сооружения, а вблизи – нет нужды задирать голову для подсчётов, не затем ведь пришли в церковь. И надо иметь в голове некоторую склонность к абстракции, чтобы уловить типологическую близость рисунка главы и силуэта кокошника, чтобы сосчитать их в одном ряду. И уж вовсе трудно приступить к подсчётам, когда строитель Благовещенской церкви применил по крайней мере четыре приёма тайнописи: 1) в основании барабана все привыкли видеть 8 кокошников, а тут 6; 2) западные углы, где поместились маленькие кокошники, нельзя увидеть с запада – они надёжно закрыты постройками, прежде всего большой трапезной; 3) восточное маленькое окно спущено на уровень карниза; 4) а южное маленькое окно задрано под кокошник.

Доказательство ли это сознательного стремления строителя закрепить на века послание всем? Разумеется, нет. Никакое это не доказательство.

Так повела рука, так пошло поэтическое видение, подвезли кирпичи именно такого сорта, что из них только маленькие окошки и кокошники и выкладывать – пришлось уж потрафить прорабу, а не то висеть бы ему на дыбе за воровство; наконец, нельзя отрицать, что да, бывает, что порой иногда время от времени случайно получаются, сами собой выкладываются именно тридцать первый и тридцать второй кокошники, ну просто так исторически сложилось и с этим ничего не поделаешь, да, тридцать первый и тридцать второй, в жизни и не такое случается, может быть, это

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 196

вообще были первый и второй по порядку кокошники, а вовсе не тридцать первый и не тридцать второй, это же в корне меняет дело.

Внутреннее сопротивление, нежелание согласиться, победительный скепсис – простительны и понятны. Известь в голове не так легко извести, она крепче извести меж камней, со временем каменеет, размягчается медленно и с трудом. Так и торопиться некуда. Если человеку по силам своей головой создавать вещи, которые полтысячелетия не рассыпаются в прах, значит, он не зря тогда протянул нам руку, он дотянулся, ему пять веков мешали и помогали, но слова его дошли, услышаны. И есть надежда, что будут переданы и дальше.

Дурные привычки искать скрытый шестнадцатый смысл позади видимости и очевидности тянут мысль в неизведанные фантазии: не нарочно ли устраивались покрышки над числом «33» , не по наущению ли коварных и злобесных превеликих нежелателей добра и вообще ничего хорошего никому?

Укорот этим судорогам и подёргиваниям воображения недолог: чтобы задумать такую каверзу, надо сначала сосчитать, а в их (недоброжелателей) способности к устному счёту есть большие сомнения. Но теперь, когда тайное перестало быть тайным, плоские и фигуристые атмосферные покрышки постепенно должны начать уступать место изначальным формам, жалкое псевдобарокко, колхозный недоампир и дурновыученный классицизм не может торжествовать над русским Ренессансом XV, XVI и XVII веков.

У сторонников разумной реставрации появился аргумент в споре с плоскокрышистами и тупоконечниками: «А Вы, часом, не из тех, не из ‘злобесных’, которые веками прятали красивую мысль под уродством удобства?»

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 197

Становится нестерпимо жалко авторов нынешнего, стоящего в Ферапонтове купола Благовещенской церкви; они старались, они хотели, они думали, как лучше, но результат их усилий подходит к церкви только тематически, только потому что есть один корень, хотя и противоположное значение. Убожество. Или у этих авторов карандаша или пера не было – нарисовать будущее на чём-нибудь, прежде чем строить. Даже без навыков рисования, без набитого глаза и привычки замечать красивое – нельзя не отдать предпочтение бутылочному варианту, просто после беглого просмотра. Только какая-то мрачная посторонняя идея может вытеснить луковичный вариант из сознания, поместив в него нечто подобное веретену с каплей наверху, перед крестом (и это не обычное яблоко, а короткое глухое эхо большого сооружения внизу, какое-то заикание и невнятица). В верхней части каменного барабана есть заметное сужение, повал внутрь перед круглым карнизом, который прямо запрещает ставить сверху что-то бочкоподобное, высокое, этот повал – выдох в нижней точке, лёгкие пусты, вот карниз, вот полный вдох, короткая самая широкая часть – и тут же выдох, медленный и долгий, как в упражнении дыхательной гимнастики. Где-нибудь в личных бумагах реставраторов или в архивах предприятий должно быть объяснение, как можно было оставить такую дулю; скорее всего оно отвратительно банально. «Денег нет и не будет». В Благовещенской церкви, добытой из небытия С.С. Подъяпольским при помощи колдовства, остались неупомянутыми несколько важных особенностей. Архивольты верхних кокошников для сохранения округлости барабана даже после того, как нижняя его часть скрылась под кокошниками, имеют утолщение в остроте шипца и внизу своих оснований, то есть посерединке они тоньше, чем внизу и вверху, но нижних полнот никогда не видно, а нависающие верхние оставляют впечатление наклона, как нависающие брови над глазами. Вовсе нет водомётов, ни в углах, ни между кокошниками. Начиная от стен барабана все скаты кокошников сегодня закрыты крашенным металлом; раньше металл заменяло что-то другое, вероятно, менее долговечное и более трудоёмкое в изготовлении и поддержании в порядке. Дождевые потоки при перепаде высот около или больше трёх метров должны создавать достаточное ускорение для струй, гребни и ложбины покрытий имеют уклон к наружным стенам, чтобы отводить воду от стен подальше, а снежные массы по водомётам и так не движутся. Отсутствие торчащих палок увеличивает «кучность» всего сооружения, собирает его в горку, сглаживает.

И третье, на десерт. Каждый кокошник – трехмерный объект, но третье измерение, глубину того, что почти всегда скрыто за вертикальным фронтоном, оставим пока в стороне, сосредоточимся на ширинах и высотах. Они исключительно разнообразны и многофункциональны. Восток (и, вероятно, запад, но для сравнения на крышу трапезной залезать не доводилось): центральный нижний кокошник повыше и пошире; север: центральный нижний кокошник уже не так широк, и не так высок, как на востоке, разница требует внимательного взгляда, иначе почти незаметна; юг: размерность кокошников с запада на восток меняется так – 4-2-1-3; а два самых маленьких (4-е по размеру западные) кокошника на северной и южной стенах подчёркивают зрительный сдвиг барабана к востоку; во втором ряду центральные кокошники всегда немного шире соседних и все 12 штук неожиданно подняты на высоту, которая существенно больше, чем прямые линии между архивольтами нижнего и верхнего рядов или, ещё более, подоконников барабана, употребляя неподходящее слово, можно сказать, что второй ряд «задран», там прямо целые «домики» выстроены, а не кокошники. Ровно так же выглядят вторые ряды в Феодотьевской церкви Введенского монастыря и Успенского собора Княгинина монастыря. Такой «прыжок» в высоту позволяет подчеркнуть перепад высот, «создать» возвышение там, где его физически почти нет, более широкие кокошники верхнего ряда, хорошо

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 198

заметные из-за своих габаритов, а не высоты, лишь намекают на продолжение лестницы из ступенек, образованных первым и вторым рядами – «подскок» второго ряда срабатывает лучше, чем примитивная прямая, как в Малом соборе Донского монастыря или в Михаило-Архангельской церкви под Москвой, приписываемой Павлу С. Потехину. Почему это представляется важным? Потому что они, эти особенности, почти незаметны, о них знал, конечно, только С.С. Подъяпольский, а после него задач такой степени виртуозности не решал, кажется, никто. Главная особенность второго ряда кокошников – его общая высотная характеристика, а не переменные ширины. Чтобы убирать ненужное из камня, Микельанджело выучил анатомию, а чтобы убрать лишнее из пня, надо понять секрет, это даже важнее, чем уметь рисовать. Можно нарисовать то, что нужно, но как узнать, что именно нужно рисовать, плохо (не умеючи) или хорошо (умеючи). Умение в данном случае — вторично, после знания. Главная сложность с Троицким собором – сдвиг главы к востоку, и именно эта задача решается высотным сдвигом второго ряда кокошников. Не приближение или отдаление кокошников-полуколёс к закомарам по горизонтали, а устранение самой возможности заглядывать за кокошники второго ряда, туда, где сегодня громоздятся тоннели несуразной продолжительности. Там, куда нельзя или очень трудно будет заглянуть, должны стоять дачные сарайчики незатейливой архитектуры, с почти горизонтальными коньками округлых двускатных покрытий. Теперь стало немного яснее понимание главных тайн архитектуры собора – большие верхние и вздёрнутые средние при массивном барабане кокошники. Главный недостаток Троицкого собора Александровой слободы, его грузность, теперь ясно, как одолеть – вторым рядом, тем самым, остатки которого заметил, но пренебрёг им в реконструкции В.В. Кавельмахер. И это уже не недостаток, а, наоборот, достоинство, тайное решение, неочевидное, но работающее исподволь: собор должен бы по своим параметрам быть увесистым увальнем, ан нет, оказывается стройным из-за осанки, из-за гордо поднятой головы, из-за «подскока» второго ряда, нарочитого, слишком рослого. Абдоминальное ожирение становится признаком мощи: худосочность есть признак болезненности, а упитанность свидетельствует о пышущем здоровье. «Подскок» превращает сам четверик в первую ступень лестницы, образованной закомарами и вторым рядом кокошников, это подготовка возвышения горы кокошников. Для возвышения надо не задирать крест при помощи подставок ближе к облакам (именно это придаёт неблаговидность главе Благовещенской церкви Ферапонтова монастыря), а создавать красивую силу в организме, поддерживающем крест. Этот секрет был прекрасно известен С.С. Подъяпольскому, судя по реконструкции Успенского собора Кириллова монастыря конца 60-х годов, там второй ряд тоже очень задран, но эффект не достигнут из-за лишних верхних кокошников у барабана, которые пришлось сделать меньше в ширину из-за ошибки в числе (12, а не 8). Теперь это знание должно пригодиться при переделке почти всех церквей в Кирилловом монастыре, снабжённых уродливыми надставками на главах и варварскими крышами. Даже компромиссное решение В.С. Баниге в Ростове после урагана (треугольные щипцы вместо закомар и кокошников, со ссылкой на новгородский пример) сделало целый Архиерейский дом одним из архитектурных символов целой страны. А В Кириллове-то памятников побольше будет, и постарше, и помасштабнее, если их все привести в порядок – аж дух захватывает. Руководство и кирилловского музея, и самого монастыря знают обо всём этом, но признаться в этом страшно даже самим себе. Если привести всё в порядок, то Кириллов подставит могучее плечо и Новгороду, и Пскову, и Нижнему, и Соловкам, и Москве, и Ярославлю. Туристическое «Золотое кольцо» окажется маленьким по сравнению с «Третьим Римом» (суффиксосочетание ‘туристское‘ невыговариваемо), центром которого станет Кириллов.

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 199

Для С.С. Подъяпольского и В,В, Кавельмахера Возрождение в России существовало как завозной продукт, диковинный и невероятно полезный, мощным влиянием поднявший зодчество на невиданную высоту. И до монголов, и после монголов – влияние иноземцев отрицать не приходится, оно не просто было, оно было огромным и временами решающим.

С этой точкой зрения нельзя спорить.

И всё же она не совсем верна. Говоря языком, в лексике которого уже образовались понятия, которых ещё не было в эпоху Возрождения, мир, откуда приезжали в Россию или на Русь иноземцы, не был чужим для аборигенов, для русских. Для не очень обширного слоя людей, знавших, кто такие князья Владимир и Святослав, такими же знакомыми были Иисус Христос, и Александр Македонский, и персидский царь Кир, и Моисей, и Авраам. Они, конечно, уже закопаны в землю или ушли в райские кущи, но их «настоящесть» от древности не уменьшалась, они были чуть постарше недавно ушедших из жизни прадедов, делами которых была окружена жизнь каждого человека, в основном в области умений и навыков, поскольку остальное истлевает слишком быстро. Если человек хоть что-то усвоил из церковных проповедей, то они все в его культурном багаже, лёгком, как пух для большинства и нагруженном тяжёлой поклажей для меньшинства. Прибывший, скажем, с посольством, иностранец был чуден платьем и речью, но на двух ногах, о двух руках, с парой глаз, в отличие от собакоголовых чудищ из рассказов о Страшном суде и прочей нечисти. Та вавилонская, египетская, хеттская, еврейская, греческая, латинская и другая премудрость, которая сначала предВозрождалась, а потом Возрождалась в европейских землях в XIII–XVI веках, не была чужой, она такая же своя, как воздух и вода, все их новые, возрождённые навыки и умения отличались от тех, что были выучены у прадедов, только размером, ростом, качеством шлифовки, «деликатной работой». Штрифель, выросший под Путивлем, вкусом не отличается от Streiffling'а, потому что назван так за полоски (Streiffen), «прочерченные» на шкурке зрелого плода, вкус один, что в Германии, что в России.

Эта не очень сложная мысль была прекрасно известна и С.С. Подъяпольскому, и В.В. Кавельмахеру. Понимание единства не было утрачено теми, кто понятие Возрождения ограничивает влиянием иноземцев. Отличие нашей позиции от точек зрения многих архитекторов-реставраторов в том, что (1) влияние не может быть однонаправленным: чтобы посеять ниву, надо вспахать поле – страна может впитать влияние, если готова его впитывать, если ждёт и даже вожделеет, и отчего-то поэтому про американское Возрождение никто и слова не молвил, возрождать-то нечего было; (2) сколь ни могучи были итальянцы и прочие иноземцы, двадцать, тридцать, да даже три тысячи человек не могут за 50–80 лет в чуждой среде возделать сеянцы Возрождения, если нет собственного движения, которое эти герои и титаны и возглавили, и направили, но на коротком отрезке времени, на протяжении ста почти лет, от возведения Успенского собора Аристотелем Фиораванти до строительства Покровского собора, что на Рву, заметить это движение почти невозможно, видны только относительно редкие вспышки впотьмах. Контраст увеличивает их яркость, но мешает приглядеться к потоку, который их нёс.

На таком фоне как-то теряются страстные попытки разыскать не «ростовую» (стадиальную), а «семенную» разницу, то есть согласиться, что разные корни дают разные плоды и есть корни, из которых ничего путного вырасти не может, хоть прививай другое, хоть дожидайся своих яблочек, лучше посадить что-то заведомо стоящее, а про трухлявое прошлое позабыть поскорее. Вся деятельность архитекторов-реставраторов свидетельствует об обратном, о признании выдающейся ценности, лучше сказать бесценности прошлого, и взгляд на Возрождение как «присаженное»

на неродную почву растение объективно ставит местную традицию в положение догоняющей, слабой, причём не количественное отставание тревожит, а качественное. Если же увидеть истоки в XIV веке и устья в XVII – то трёхвековое Возрождение потребует параллельных признаков не только в области изобразительных искусств с архитектурой вместе, но и в более широком историческом движении – от Великого великого князя Иоанна III к царственному внуку Иоанну IV, к Борису Годунову, составившему эпоху в зодчестве, к новой династии и Земским соборам, к никонианству и великой неосуществлённой реформе, задуманной окружением Фёдора Алексеевича. Заметить это трёхвековое движение можно только с применением нового, на двести лет историографии с доминированием либерально-прогрессистского умона-

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 201

строения забытого пласта: роли церкви и патриаршества. И Покровский собор построил не столько Иоанн IV, сколько митрополит Макарий (на всё дело, от задумки до освящения {1564} нужно хотя бы лет 15, только на поездки ушло лет пять, а в 1549 году 19-летний царь всего два года, как привык к новому титулу), стало быть, это ему понадобился такой ренессансный собор, и движение к патриаршеству продолжило то, чего добивался Макарий, и не только он, с титулом – оно уравновешивало самовластие государя, вполне в духе «премудрой двоицы» царя и патриарха уже при новой династии.

Не хочется ни спорить, ни соглашаться с С.С. Подъяпольским и В.В. Кавельмахером по вопросу ренессансных влияний: они математически, физически правы, но для отрезка времени, меньшего, чем три столетия; в течение этих трёх столетий итальянизмы сначала прогрохотали за пятьдесят-семьдесят лет, потом остались только как воспоминание, как далёкое эхо, а поток Возрождения остался. Едва ли не самое чистое озерцо, образованное этим потоком на пути – Флорищева пустынь (о ней речь впереди). Местная традиция была и отличалась от прочих только тем, что была точно такой же, то есть отличающейся. Оригинальность, свежесть, новость, ловкость исполнения и способность к озарению одинаково ложатся в список качеств, присущих натуральному Возрождению, где бы оно ни распустилось.

La Pietà. ≈1499 год. Расцвет итальянского Возрождения и символ его. Недостижимая вершина совершенства, всё остальное после неё может быть только тише, ниже, меньше. Моментальное признание. Выдающиеся достоинства завораживают зрителей в течение половины тысячелетия. Хрупкая мягкость двух человеческих тел подчёркнута каменной пластикой так, что голова не сразу справляется с сюжетом, поначалу удивляет гибкость мрамора, несвойственная самому материалу, живая теплота жизни её тела так же отлична от остывшего его тела, как вода и лёд. Когда (и если) способность рассуждать и понимать вернётся после первого потрясения и восстановится после второго и следующих, заинтересует сообщение, послание, извлекаемый из них урок – что, кроме скорби, сострадания, сожаления, милосердия, горя и безутешности, передаёт зрителю Мария, с чем она обращается к тем, кто к ней пришёл? Немного гипертрофированная, слишком могучая левая её рука ладонью вверх не оставляет сомнений, это вопрос «За что?» Те зрители, которые способны подумать над ответом, будут признательны за напоминание от тех чувствах, которые они испытывали не один раз – почти отчаяние, великая непоправимая беда. Эмоциональное давление пары «горе и милосердие», источаемое скульптурной композицией, оглушают зрителя, лишают способности соображать, и он покидает собор, благодарный за освежение тех чувств, которые делают его более человечным и даже «возвращают» его к правильному понимания человеческого образа – несострадающий человек – немного нечеловек, он ущербен в самом главном, человекообразующем, как промышленное предприятие для маленького моногорода, исчезло сострадание – иссохнуть и человеку. Много это? – Очень.

И всё?

Никто не отдаёт себе отчёт в том, что видит 16–18-летнюю очаровательную девушку, придерживающую на коленях 33-летнего сына? То есть Микельанджело был настолько уверен в силе воздействия своих образов, что пренебрёг обычным правдоподобием и возрастной бессмыслицей, лишь бы увеличить эмоциональное воздействия, и оказался прав, оно действительно побеждает рассудок. Это – так, побеждает. Если воздействие достигает цели – препятствий нет. Нельзя судить, правильно ли это и хорошо ли это. Но это – черта европейского Возрождения, несть числа изображениям юных Марий, оплакивающих взрослого сына.

Только что, пять лет назад, открыта Америка (1492).

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:15 Страница 202

В эти же годы, ровно в эти же (всего на два попозже) расписан Рождественский собор Ферапонтова монастыря. Есть и изображение Марии какое-то время спустя после Распятия, время, достаточное для того, чтобы на ногах и руках появились стигматы; она в разговоре с кем-то, то ли это Иосиф Обручник (наиболее частая версия), то ли Иоанн Богослов, стоявший у Креста. У неё фигура взрослой женщины, черты лица нарочно лишены индивидуальности, чтобы буквально любая женщина могла себя с ней идентифицировать: «Не всякий сын – Иисус Христос, но каждая мать – Мария». Разговор трудный, потому что левая рука, выскользнувшая из-под мафория, написана в жесте, прикрывающем рот от возгласа отчаяния и даже стона, крика, почти неудержимого, рвущегося наружу воя обезумевшей и обессилевшей от горя матери. На ней, на руке, отчётливо видна заплатка, надрисовка, замазавшая только что нанесённые на тыльной стороне ладони пятна крови – они были сочтены избыточными, лишними, ненужными, – достаточно и капель крови на позёме, упавших и застывших в рисунке, огибающем платье, по которому скатывались вниз. У Дионисия – усталая пятидесятилетняя женщина с чертами лица, которые могут принадлежать любой пятидесятилетней женщине, уже без шестнадцатилетнего очарования. Она не грустит и не горюет – она убита горем, покатые опущенные плечи, наклон головы, некоторая намечающаяся согбенность поначалу мешают заметить, что на ногах, кажется, нет обуви. Положим, у Рафаэля Мадонна на облаке тоже босоногая, но здесь много красной краски – через кожу проступила кровь в тех местах, где гвозди больно даже для глаза пронзили ноги сына перед тем как их для верности привязали к столбу. Гвозди – не для удержания, а для пытки, символ глумления; а символ – как печать, легко перескакивает с одного на другого. Если кровавых намёков не достаточно, то Дионисий заставляет присмотреться и к тому, чего не видно, что невидимо, хотя написано. И это, пожалуй, самый трагический и самый понятный по-человечески

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 203

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 204

жест, пойманный Дионисием, движение руки, заменяющее слова, звучащие несколько простонародно, но зато понятно, «от людей стыдно», то есть не хочется, чтобы посторонние таращились, сочувствовали, спрашивали, что случилось, поджимали губы и покачивали головой, делая вид, что тоже переживают. Мафорий, одной рукой намотанный на кулак и прижатый к ноге, чтобы не расправился сам, – жест даже не женский, не дамский, а бабий, так иногда поступают со вторым фартуком на кухне, когда надо поздороваться мокрой рукой, или что-нибудь горячее недолго поддержать. Этот жест опускает Марию с небес и превращает в соседку через один дом налево по улице, живущую такой же жизнью, как все остальные – вот только горе у неё какое-то неохватываемое умом, кровь сама бежит, без раны, никто ведь не резал, гвоздём не тыкал. Написан скомканный мафорий и неловкое копытце на месте руки, а видно горе и гордость как самоуважение и достоинство. И главное, почему-то видно, что таким жестом можно наградить только любимого человека, того, кто близок, прост и понятен, и Дионисий именно для этого и комкал мафорий, чтобы приблизить Марию к каждому пришедшему, чтобы каждый мог почувствовать прикосновение её теплой спрятанной и высушенной тканью ладони. Той ладони, которую не видно, потому что она главная во всём изображении, она, эта спрятанная ладонь, сказала о Марии больше всего, и о горе, и о характере, и даже о том, какая жизнь дальше у неё, у Марии, будет. Разве можно усомниться в том, что именно у неё все оставшиеся до Успения годы (лет двадцать, вероятно; или больше?) будут просить защиты и помощи, и в том, что она предоставит – и защиту и помощь, тихо, не напоказ, но надёжно.

Такая Мария – тоже черта Возрождения. Русского Возрождения, точно такого же, как европейское, то есть отличного от него.

«Спас в силах» Дионисия из того же иконостаса (что и «Распятие») очень сложен для уразумения. Интересно, откуда берётся впечатление торжественности. Наличие трона само по себе придаёт солидности сидящему и спрашивающему пришедших: «Ну, и что у вас у всех за душой есть? Хватает у вас совести смотреть мне в глаза?». (Другой такой взгляд – у покрова Сергия Радонежского). Откуда в этом иконографическом типе берётся запах грозы, свежей и немного опасной, грозы, выпрямляющей позвоночник и немного встряхивающей за плечи, чтобы привести в чувство? После золотого фона за спиной Иисуса – три слоя, два красных прямоугольника, скорее даже вогнутых ромба, по-разному повёрнутых и растянутых, а между ними – тёмный, но не чёрный овал с шириной меньше высоты и нарисованным троном при шестикрылых серафимах. Главным становится овал, красные ромбы при всей яркости не так важны, как он. Поневоле вспоминается самое общее, присущее почти всем храмам, соотношение масс: переход от четверика к округлостям через слияние, но возвышается всё-таки округлое, глава и барабан, прямоугольники готовят и оттеняют. Кубокруглый образ храма издалека работает так же, как ромбовальный образ Спаса в силах. В данном случае воздействие двух образов можно передать только французским фразеологизмом – выпад в глаз, сразу, некритически, попал – и застрял, клинок только покачивается. Тут соприкоснулись европейское и русское Возрождения: на человека надо воздействовать, это возможно изобразительными средствами и образами, механизмы воздействия неизвестны, но результаты очевидны: можно стать чуточку иным, просто принудив себя десять минут смотреть на что-нибудь, без запоминания, без назидательности, без принуждения с чей-нибудь стороны; больше того, косвенный метод воздействия предпочтителен, потому что более результативен – работает изнутри при помощи самого того, кто испытывает воздействие. Действенность европейской и русской методы подтверждена: с одной стороны, толпами русских художников и туристов, веками осаждающих хранилища итальянских шедевров, с другой стороны – тем обстоятельством, что за рубежами

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 205

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 206

России теперь уже, вероятно, находится больше русских икон, чем в самой России; они воздействуют труднее, но надёжнее.

Для Павло-Обнорского монастыря Дионисий написал (среди других) икону «Распятие». Эстетические достоинства описывать нет умений, сейчас важна другая, чуть ли не бытовая, житейская сторона иконного краткого повествования. Маленький миг истории, ухваченный на изображении, чрезвычайно прост, доступен для улавливания кем угодно (по статуса, чину, званию, сословию, возрасту и т. д.): измученный человек умирает, его мама и ещё три женщины рвут себе сердца, видя это, римский сотник, уже уколовший и отошедший в сторону, в недоумении трясёт поднятой правой рукой и аж приседает от натуги, силясь понять: «Ну что же теперь горевать-то, всё, умер, свершилось, расходитесь, хватит уже»; Иоанна Богослова уже ноги не держат, сейчас повалится, а сам распятый, уже не испытывая мук, уже почти не видя мать, – не прикреплён к кресту, а последним усилием распрямил ноги, встал, выпрямился, для того чтобы из бессильной позы с распростёртыми руками этим же, последним движением обнять, заключить в объятия весь мир, всех, чтобы они все стали хоть немного добрее, просто пожалев его. Для этого доски, прибитые к столбу плоской стороной, повернулись и легли параллельно поверхности земли, а на самой верхней дощечке буквы «Царь славы» так и остались вертикальными, несмотря на поворот. Напряжение мига передано так просто, что само напряжение чувствуется, а какими средствами оно передано – не видно, не осознаётся, чувство от глаза сразу передаётся сердцу, минуя сознание, неизвестно, почему. Все причины знал только сам Дионисий, малую часть можно попробовать понять. На изображении – несколько волновых движений, качаний влево: оба складывающиеся колена Иоанна Богослова повёрнуты налево, все женские фигуры головами и плечами отшатнулись налево, само тело распятого изогнуто влево, потому что нет сил стоять прямо. Вдобавок к этому принудительному, подчёркнутому, явному направлению ветра, толкающему всех налево, большая горизонтальная черная перекладина, почти полностью прописанная (с перерывом только на голову и нимб), не горизонтальна, она правым концом немного опустилась, а сам столб, сама вертикаль, такая простая в изображении (нитку натяни по отвесу, и пиши) тоже заметно изогнута влево: столб изогнулся, не выдержал последнего усилия распятого. И всем четырём волнам налево противостоят четыре летучих ангела под горизонтальной перекладиной, что-то несущих на вытянутых руках, вчетвером, в противоположную сторону, направо. Несут они неосязаемую, невидимую, невесомую славу царя славы. Направо. Славу. Получается православие. А первый в полёте ангел, тот, что справа, ещё и оглядывается, проверяет, все ли поняли, куда лететь, все ли следуют за ним. Всего полвека назад пал Константинополь, когда Дионисию было полтора-два десятка лет, и к концу жизни он счёл за благо написать такой гимн ортодоксии перед росписью Рождественского собора Ферапонтова монастыря. Между своими двадцатью и тридцатью годами он стал настолько мастеровит, что был приглашён для росписи в Пафнутьево-Боровский монастырь, потом в московский Успенский собор, дошла очередь и до Павло-Обнорского и Ферапонтова монастырей. Простота понимания «Распятия» у Дионисия оставляет немного возможностей для другого толкования и наводит на мысль, что легкопостижимость – одна из главных черт его (и сыновей) манеры. Написанное сказано не для того, чтобы скрыть, а чтобы открыть.

Леонардо знают миллиарды, а Дионисия – только мы да тётка Анисья. Мир делится на тех, кто считает, что Сикстинскую часовню нельзя сравнивать с Дионисием, и тех, кто допускает такое святотатство – но не для того, чтобы сказать, что один лучше или хуже другого, а для того, чтобы усадить их за один стол, напротив или бок о бок. Сорванное в заснеженном декабре с ветки антоновское яблоко (лучше се-

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 207

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 208

миренко) тоже нельзя сравнивать с well-done аргентинским стэйком, но сколь бесконечно ущербен тот, кто его не пробовал. Сравнивать надо, хотя бы для того, чтобы на фоне того, что немцы называют Mangel, а французы manque, когда от одного ОКНа(следия) до соседнего надо долго добираться, – не создавалось ощущение сиротства – «да мы уж, что уж, нам ли, где уж». Мы так бедны, потому что так богаты. Нужен пустяк – узнать. А для этого – те, кто будут рассказывать детям – должны сами узнать, от тех, кто их, детских наставников, учит, и учителей учителей надо учить, и так далее. Не простоял час перед Николой Угодником в Ферапонтове – не получишь диплом о верхнем образовании и в школу идти не готов. Знание – это не сила. Это знание. Не надо его приуменьшать сравнением с силой.

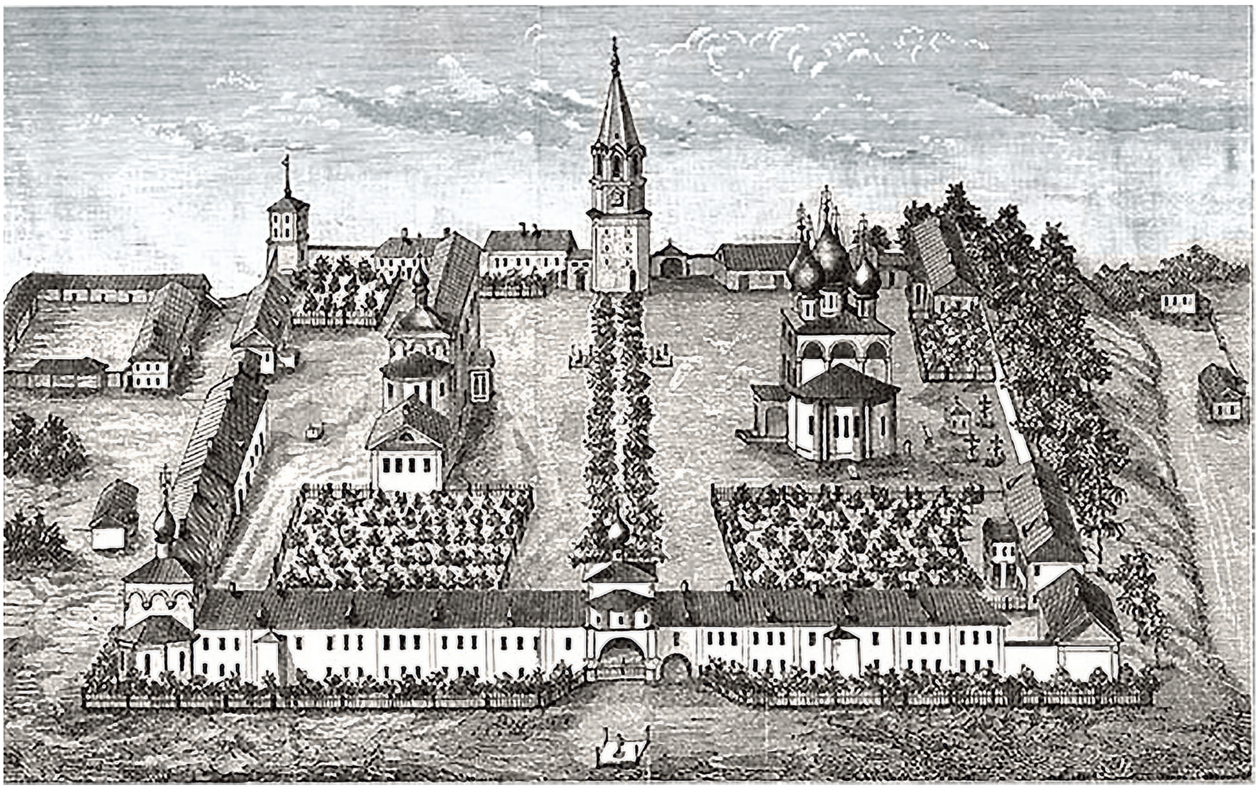
Никому не плохо и оттого, что придел Василия Блаженного накрыт маскировкой, и надвратная церковь Иоанна Лествичника в Кириллове, и церковь Иоанна Предтечи, и Владимира там же. Никто так число «33» не видит. То есть нет. Вот им-то всем как раз и плохо, оттого, что не видят. Глухим не так плохо, как слепым, хотя тоже хорошего мало. Красота голоса и пения – услаждает слух. А красота здания и каменной (bzw деревянной) музыки – для чего? Что они услаждают? На что влияют? Самый правильный ответ – самый глупый. Влияют на человека и услаждают его же. Только ощупывать эту музыку надо языком, вкусовыми рецепторами, с тщанием и старанием, с желанием и любопытством, всасывая и впитывая, создавая в лёгких разреженную среду, чтобы свежий воздух мог туда попасть. Можно эти «33» и не видеть никогда, их никто и не видел лет триста или четыреста. Потому история страны так и пошла, что мало народу их видели. Потому что они влияют не на качество жизни, а на качество человека, а уж потом на всё остальное. Не видели – вот и не повлияло. Поэтому и реставраторы так немы: они больше успевают руками, поняв, надо делать, а не болтать, толку от слов мало. Но толку и со словами мало. Спрятанный Иоанн Предтеча в Кириллове – такое же преступление, как самое подлое карманное воровство последних копеек у самых нищих, даже оно не так стыдно, как десятилетиями не исправлять варварство, устроенное в XVIII, XIX и XX веках – ведь за столетия сотни миллионов ни разу не понюхали лесную землянику, и не надо платить учителям, не нужны программы воспитания чувства патриотизма, не нужно толпой славить то, что положено славить. Достаточно просто открыть то, что спрятано триста, четыреста, пятьсот лет назад, и не набегами саблезубых крокодилов, а собственной умственной немощью и плоскими крышами или перевёрнутыми тазиками. С.С. Подъяпольский так и ушёл: «Навек прощай мечта...» «И той стражи нет надёжней, Ни храбрее, ни прилежней». Рискуя окончательно лишить читателя сомнений в том, что автор «маленько того.., ну, в смысле, не того, как бы это сказать.., зарапортовался.., местами даже – тронулся», всё-таки выговорим предположение, возмутительное своей бесцеремонностью, наглостью, притянутостью за уши, и вообще... А дядька Черномор – в число «33» входит, или он 34-й? Так вот он именно 33-й и есть, так как «И попарно их выводит», весь взвод, а он как глава венчает собой всё построение. И самое сложное в признании архитектурного значения числа «33» – полноправно включить в число богатырей-кокошников и конгруэнтную им главу, может быть, даже с несколькими заместителями командира. И что же, А.С. Пушкин на это намекал? – Именно. Ни храбрее нет стражи, ни надёжней, ни прилежней. Без них «князь ты мой прекрасный», оборонить свой город на острове никак не получается, хотя никто, вроде, на него и не нападает. Или не намекал, но тогда ещё сильнее выходит предположение: так случайно получилось, совпало. Легендарные, сказочные, угаданные 33 богатыря, 33 года земной жизни Иисуса, и 33 памятных курганных холма в завершении церкви, которые определяют её облик более всего остального. И Павел Алеппский со своими шишками и артишоками с А.С. Пушкиным скорее согласен.

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 209

Здесь XVII век настолько могуч, настолько спокоен и самодостаточен, что кажется, будто именно в этих местах три века Возрождения и закончились. Не потому что движение иссякло, а потому что цель достигнута – человек, побывший в ней, во Флорищевой пустыни, обрёл античную ясность, простоту и силу, если, конечно, заметил, что с ним что-то случилось, что-то произошло не наружнее, а внутреннее. В воде происходит омовение, в соляных пещерах – очищение дыхания, в школах – правильное искривление извилин для увеличения площади коры, а здесь, в пустыни, имя которой происходит от латинского корня «цветок», любой может понять, что, вдыхая аромат цветущего растения, он пропитывается им и становится сам немного цветком. «Человек есть то, что он ест» – нет, он стал тем, что впитывал, всем, что встретилось. Здесь – не роза, не сирень, не ландыш, а цветок вообще, все цветы. Такие, так расположенные по отношению друг ко другу и к округе здания, под такими углами и отстояниями, так выкрашенные и покрытые – делают цветок адаптивным. Какой нос приставил – такой запах вдохнул. А выдохнул – уже только такой, который не испортит ландшафт, не будет диссонансом. Поедая глазами и усваива – незаметно меняешь собственную внутреннюю конструкцию, не в утробе, а в голове. Здесь хочется говорить по-французски. Не для того, чтобы вспомнить годы учения, а чтобы соответствовать настоянной гармонии так же, как гармония является едва ли не главным свойством особенно французского языка, как бы кто-нибудь ни любил венгерский или фарси. Вот в этом смысле Возрождение здесь остановилось, достигнув верхней равновесной точки

Пустынь – почти полная современница ростовского Архиерейского дома, и построена махом, примерно за сорок лет. И главное отличие – литейная лаконичность, без обзола, мелочей, несоответствий; чужеродностей нет. Даже поздние здания поддались обаятельной мощи первоначальной созданной формы.

С.В. Демидов, руководивший спасением пустыни во второй половине XX века, не добыл достаточного количества денег, чтобы расчистить ещё несколько уголков. Это элегантный таз поверху Троицкой церкви, редкостно удачного здания второй половины XVII века – оно проглотило итальянизмы фасадов и усвоило их так ловко и органично, что никто и не замечает. Наличествующая тюбетейка удобнее всего для но-



Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 210

шения на хорошо выбритой голове, но там просится (вместо тюбетейки) что-то более затейливое, хоть корона, на худой конец, или венец.

Самый «гадкий утёнок» среди взрослых кораблей пустыни – никак не подрастающая надвратная Петропавловская церковь (до пожара 1770 года Ефремовская, по святому VI века). Выглядит как малорослик не без физических недостатков, которого не пускают даже в монастырь, вот он и приютился где-то на входе, как смог, взгромоздившись на массивные подставки, вобрав голову в плечи, словно оглядываясь – не идут ли взрослые, большие многоругательные и больнощипательные лебеди его прогнать со двора. Выставленные на улицу ноги-столбы напоминают примерно такие же в надвратной Иоанновской церкви Успенского монастыря в Старице, только там уже все четыре подставки припрятаны внутрь монастырских стен, и поддерживают апсиду, подпирающую столь же несовершенную конструкцию под главой. То, что в церкви выше плеч и ниже маковки, важнее для общего облика, чем причёска для записной красавицы – та имеет в запасе ещё никак не меньше сотни ухваток, чем привлечь взор и завлечь того, кто подлежит увлеканию в правильном направлении, а у церкви ресурс скромнее. Крыльцо, гульбище, стать, окно-другое с очельями, дальше помогают только бигуди, начёс, фен, завлекалочки, в крайнем случае фиолетовые чернила. Плоские крыши (скатные и разной степени выпуклости) превращают церкви не в работниц в платках или кепках, как кому повезёт – нет, они под такими крышами сразу становятся стриженными зэчками, злыми и неприятными, отталкивающими взгляд руками, глаз не опознаёт их ни как людей, ни как предметы, эстетически нагруженные, к ним не прилепляется слово «красота» ни на каком языке, сколько бирок ни вешай, как ни всплёскивай руками: «Вот же, надо же, какую же всё же таки красоту ведь же ж сотворили люди».

Трудно сказать, каким ветром его занесло в эти края, но земля полнится слухом, что Флорищева пустынь была любима Фёдором Алексеевичем, потому что соответствовала складу характера – покой, простор, беззвучие без колоколов, думается широко, а когда колокола бьют, то и светло.

Федор Алексеевич примерился к скипетру и державе в середине своего второго десятка, можно сказать, почти подростком, но недорослем его не назовёшь, в этом возрасте служилых людей мужского пола вызывали на службу в «береговые города», и в войсках они были почти полноценной боевой единицей. За отмеренные ему и царевне Софье 14 лет (последовательно почти по половине каждому) они в четыре руки натворили так много, что если класть на чаши весов плоды их трудов и содеянное за сорок лет Петром I, последнему для равновесия придётся подкладывать гири. Не потому что император был ленив или мало успел: наполняя свою меру успехами, он ту же меру опустошал провалами, и к 1730 году положительный баланс свёлся к городу, образованию и большой армии. Эти и подобные свершения не идут в сравнение даже с неоконченным проектом Фёдора Алексеевича об учреждении в России 12 наместников и возвращением из ссылки (Ферапонтов и Кириллов монастыри) патриарха Никона.

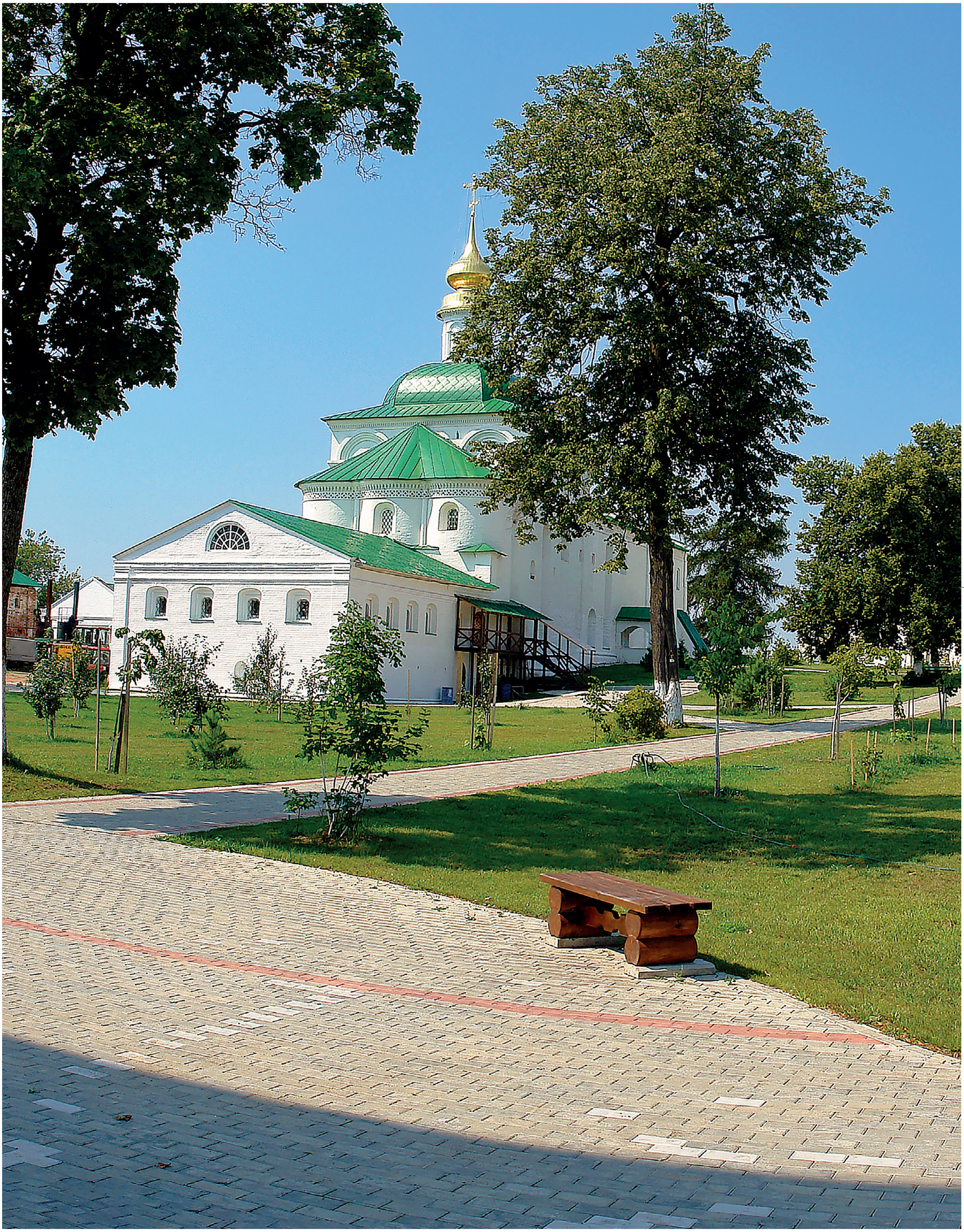
С Никоном случилось то же, что и с Фёдором Алексеевичем: раскол начался не с Аввакума и прочих, а с Никона, он стал «что-то» или «всё» менять, он – инициатор и двигатель перемен, а имя пристало к его противникам, он пытался обрядовыми переменами прикрыть главное в устройстве церкви, она должна была через подобные государственным институции и учреждения наконец начать выполнять то, для чего после рождества Христова предназначалась – для защиты сирых, для совета в делах, для того, чтобы посох совести был у каждого. В этом смысле патриарх – самонадеянный мечтатель не хуже Савонаролы, Лютера, большевиков и прочих любителей «начать, в конце концов, историю с чистого листа, построить все замки сызнова, по-

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 211

тому что вот теперь-то стало ясно, как же это ухитриться сделать». Он, Никон, – и есть расколоучитель, бунтовщик «похуже Пугачёва», но положение так удобно перевернулось с ног на голову, что так и устоялось, так и сохранилось на столетия. Теперь уже и староверы нетвёрдо знают, а в чём, собственно, отличия, кроме повышенного трудолюбия, двоеперстия и старых книг. Поэтому и сам Никон в Ферапонтове обрядовые разногласия считал пустяковыми, не в них суть дела, а в том, что в очередной раз попытка утопию превратить в реальность, сдвинуться с точки, на которой застряла вековая несправедливость, была уловлена властью, перехвачена и переиначена ею, превращена уже Петром I в свою противоположность в виде правительствующего синода, и о Никоне, самой интересной, по словам В.О. Ключевского личности в исто-

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 213

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 214



Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 215

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 216

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 217

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 218

рии XVII века, известно только, что он кончил дни на Которосли в Ярославле неподалёку от устья. Про то, что его деятельность – настоящая альтернатива третьесословному, генерально-штатному, будущему парламентско-демократическому пути развития – ни слова нигде. Как ни слова о пути, предложеннном Фёдором Алексеевичем. С обрядами договориться труда не составляет, как решим, так и будет, два пальца при осенении крестным знамением отличаются от трёх только если третий отрублен, окреститься можно хоть гирей. Самое трудное – как быть с созданными патриархом Никоном институциями, с архиерейскими домами и созданными при них учреждениями, с их реальной ролью в жизнеустройстве огромных территорий и масс людей, они ведь связывают страну более крепкими связями, чем служебно-владельческие, и эффективность их во всём, что не касается войны, вне конкуренции – они более успешны, чем помещики, вотчинники, бояре и воеводы; Благовещенский монастырь в Нижнем не пищалями крепок в отличие от кремля, и не стенами, а совсем неодолимой силой – верой. И так каждый архиерейский дом, от Ростова начиная, далее везде, не перебарывая светскую власть, а выращивая параллельную.

Алексей Михайлович задачку не решил, не получил прощения от Никона, так в 46 лет и ушёл без благословения, а сын придумал. Идея простая, как в шахматах детский мат. Когда первоиерархов не один, а 12 штук, пусть даже они выберут первого среди равных, всё одно ниже единственного государя, и он владеет всем, среди прочего и ими, высоконаипреосвященнейшими. Такой вариант позволял сохранить созданное Никоном, оставить учреждения и темп перемен, что немаловажно. Мат не случился, потому что доску перевернули, Пётр и вовсе решил отменить все старые учреждения: зачем ездить на телеге, когда есть самобеглая коляска. Коляска оказалсь строптивой, с норовом, не поехала по местным хлябям.

Несмотря на приличные расстояния от Нижнего, Москвы и прочих крупных городов, Флорищева пустынь оказывается очень удобным высоким местом для наблюдения за событиями царствования именно Фёдора Алексеевича. Если место было им любимо, то нельзя исключить, что он здесь бывал не раз; предположим, что хотя бы три выезда сюда на богомолье он совершил за период царствования или раньше, от неполных пятнадцати до чуть меньше двадцати одного, примерно месяцев за 80. Чуть меньше 400 вёрст в один конец – дней 15–20 с обозом, который позволяет не прерывать надзор за хозяйством, то есть управлять страной. На месте пару недель, да надо, и передохнуть, и поговорить, и за нуждами местными уследить, и обратный путь. Месяца полтора–два на богомолье надо, в Троицу, конечно, побыстрее, путь покороче. Полгода из своих семи Фёдор Алексеевич провёл с мыслями о Флорищевой пустыни. Это уже не так-то и мало, если расчёты верны, но даже если меньше, три–четыре месяца, это не сильно меняет дело, тем более что ошибка равно вероятна в обе стороны, – не полгода, а больше. Что-то оттуда было лучше видно, чем из других мест.

Фёдору Алексеевичу было отпущено немного времени, но и он успел войти в историю искажённым своим образом, как Никон. Ни сторонники Фёдора и сочувственники его несчастной судьбе, ни хулители немощного самодержца не отмечали тот же, что у Никона, шекспировский трагизм. Страсти Хованщины, эпический размах ужасов и последующие вздыбленные полвека украли время спокойно воздать должное намерениям и задумкам, тому, что было начато и не было окончено, но было – и оставило следы беспримерного умственного подвига. Авторство его установить не удастся. Мысли эти хочется вложить в уста и юному царю, и его ближним, прежде всего Ивану Максимовичу Языкову, Алексею Тимофеевичу Лихачёву, Василию Васильевичу Голицыну, или иным ещё, но вернее сказать, что идеи носились в воздухе, и их надо было только собрать, нарастить и вырастить, как кристалл.

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 219

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 220

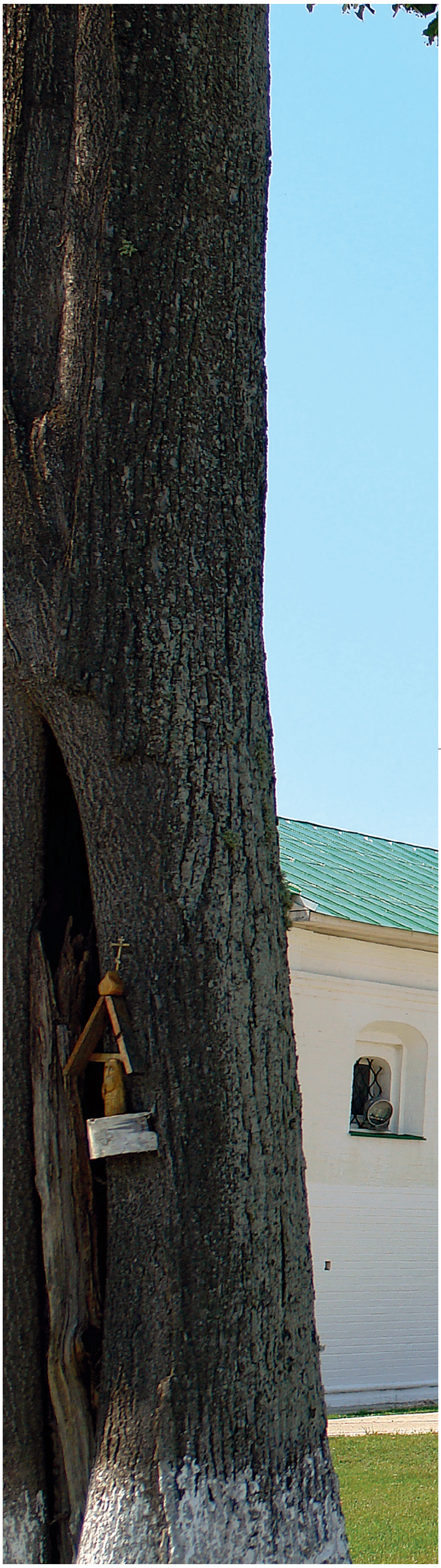
Но прежде кристального проекта отметим ещё одну черту биографии, роднящую царя теперь уже с другим, более отстоящим по времени самодержцем – Иваном IV. Обоих судьба одарила любимыми первыми супругами, и не менее обожаемыми первенцами, и, много дав, много и погубила, причём с безжалостностью, превосходящей |по модулю| недавнее счастье. Про царевича Илью ничего не слышно в истории – преставился на второй неделе жизни, а перед ним и Агафья Грушецкая, спасённая для царского брака Иваном Языковым от наветов Милославских. После таких горь как-то не думается ни о каких проектах и преобразованиях, живой остаётся только ярость, если хватает сил. А если не хватает – то хотя бы помолчать в таких местах, как Флорищева пустынь, она неизбыточна ненужными вещами.

Именной проект, или преобразования безымянны – не так уж важно. Сама конструкция отменно хороша. Она продолжает и превосходит, обнимая и включая в себя, труды патриарха Никона, потому что уловлено самое, кажется, важное.

В самом начале 80-х годов XVII века сформулировано предложение поставить над 12 наместничествами (на которые должна быть поделена вся земля) по паре руководителей – наместников и первоиерархов. Названия не очень важны, их не успели придумать. Наместник – старше, чем губернатор или воевода, но существенно младше, чем царь, и полномочия его толком не очерчены, он скорее свадебный генерал, чем главнокомандующий, а вся структура управления остаётся в главных чертах прежней, не считая некоторых преобразования в думе и приказах; словом, наместник должен уподобиться японскому императору, следить за живописью и литературой, не гнушаться высоких искусств, но житейские мелочи администрирования и менеджмента – для тех, кто пониже. Ничего похожего на удельную систему с владетельными князьями нет, но патриарх Иоаким ухватился за такую возможность спорить и не согласился с проектом, что в конце концов погубило идею и патриаршество как должность.

Первоиерарх – тоже неважно, как именуется, папа, патриарх, митрополит, в конце концов, митра не чужда и папе, носит и не стесняется, а корневое родство между патриархом и папой не заметить может только тот, кто не хочет видеть.

Дело не в названиях, а в колдовском балансе цифр 12_♀_12. Как ни мал, сколь ни юн, хоть с какими достоинствами и недостатками, но тот, что в середине, – всё же один, а тех – 24 души. Кто бы ни стоял за спиной Фёдора Алексеевича – ему или им принадлежит честь примирения Алексея Михайловича и Никона: центральная фигура в такой конструкции приобретает такие размеры на такой



Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 221

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 222

высоте, что равночестность и равновеликость светской и духовной власти помещаются уже не на уровне плеч, а где-то внизу, далеко под подошвами, конкуренция и соперничество перемещаются в область договорённостей и торговли, уступок и побед местного значения – при сохранении всей структуры всех властей с разумными прибавлениями или урезаниями для соответствия задачам. И никаких парламентов, демократий, равенства, равноправия, свободы и, спаси, Господи, братства. Какие alle Menschen werden Brüder, было хорошо видно уже через год после составления проекта, 15–18 мая 1782 года. И ведь так дотянули аж до начала XXI века, так как полезность Государственной думы всех созывов чем дальше, тем больше требует снисходительности в оценках, как, впрочем, и многие, если не все парламенты повсюду.

Ближе к невесёлому окончанию царствования (27 апреля 1682 года) новая супруга государя (с 15 февраля) уговорила его вернуть из ссылки (после победы Милославских в схватке за власть после кончины Алексея Михайловича) из города Лух Артамона Сергеевича Матвеева. Вернуться-то он вернулся, но уже 15 мая того же года был убит в Кремле разъярёнными стрельцами, как и Иван Языков. Уцелел Василий Васильевич Голицын, он и продолжил попытки преобразований в правительстве Софьи.

Сказать, что с этого места началось раздвоение «западники–почвенники» – глупо. Можно не трудясь сыскать немало примеров, вплоть до Андрея Курбского и Анны, королевы Франции, откуда вести отсчёт, и всё будет неверно. И Милославские со Стрешневыми не почвенники, и Артамон Матвеев с Фёдором Щегловитым не западники. Церковь, построенная А. Матвеевым в Пояркове, вообще содержит древнекитайские мотивы в чертеже окон и в принадлежности к местной почве ни вершка не уступит Лыткарину или Борисоглебску. Водораздел между теми и теми лежит там, где чудятся простые решения, топор как развязыватель узлов, скачки через пропасти как способ ходьбы и всматривание в бездны перспектив вместо разглядывания тропы под ногами. Растрёпанные и растерзанные противниками и временем реформы Фёдора Алексеевича и Софьи напоминают сегодня о себе и ростовским Архиерейским домом, воплотившим идеи Никона на практике, и Новодевичьим монастырём со Смоленским собором и Софьиной башней, в стену которой до начала XXI века вставляли просительные записочки, как в стену Храма, и Саввин Сторожевский монастырь с её церковью, и Флорищева пустынь, не имеющая примеров по чистоте и лаконичности линий, убивающая навсегда ходульную характеристку стиля архитектуры XVII века как «узорочья». Это полное и зрелое Возрождение беза всяких узоров. Троицкая церковь, построенная, правда, уже после Фёдора Алексеевича, содержит архитектурный приём, которому даже названия не придумано, до того он оригинален, свеж, прост. С южной стороны счёт высоким вертикальным нишам с окнами под крышей и почти у земли – семь штук, с переходом через четверик аж на алтарь. Они так глобальны, так велики, так важны для здания, что даже несколько аляповатая нашлёпка тюбетейкой с шишаком надувного шарика наверху не портят облика, образа, вида, так соединяется несоединимое – массивность и стройность. Простой приём. Улавливание, впитывание, поощрение свободного таланта так и видится в этой пу́стыни. И эффект достигается колдовской: преображение мягко распрямляет человека, возвращает к простым мыслям, но действует как диод: познание не умножает скорбь, а знакомит с ней. Как не скорбеть о надвратной церкви, которая своей кургузостью умоляет о применении числа «33»: «Ну добавьте к 12 закомарам ещё 12 кокошников и восьмёрочку к барабану». То-то она «взыграет», преобразится и приосанится, нежданно-негаданно станет приветливой – даже навстречу вышла из монастырской стены, чтобы встречать тех, кому она нужна.

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 223

УСПЕНСКИЙ СОБОР КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

В это невозможно поверить, но, кажется, это именно так. То есть трудно придумать другое объяснение, а в это не хочется верить.

Наоборот, хочется не верить, что это действительно объяснение, что мотивация может такой мелкой, отвратительной, примитивной, глупой. Что под крышами попрятали в веках самое главное (завершения церквей), – мы уже привыкли, атмосферные осадки победили человеческий рассудок, от дождя и снега другими способами не спастись, есть только плоская крыша и таз.

Следующая загадка, выносящая мозг из черепа так же, как англичане расстреливали сипаев – модифицированные главы. Просто поставить на барабан с карнизом луковицу, мысленно отрезав у ботанического образца много или мало от донышка – нельзя, ищущий естествоиспытательный ум, получающий удовольствие от упражнения собственных способностей, слова в простоте не скажет. Поверх того, чем он (ум) накрыл для полной спрятанности закомары и кокошники, следует водрузить что-то, всё равно, что именно, грушу, цилиндр, ногу, палку, в общем, что-то неопределённо-продолговатое, – и уже поверху прикрепить самую маленькую из ещё заметных глазу главу. В Кириллове часто получалась такая последовательность под крестом: яблоко, главка, шейная юбка, цилиндр без затей, околоколоколенной формы покрытие, плоское кольцо, таз, далее четверик. Лезущие в глаза визуальные аналогии надо упорно игнорировать, не замечая ни бутылок, ни боксёрских груш, ни гантелей, ни колотушек, ни трамбовок для уплотнения почвы, ни колышимых ветром разноцветных воздушных шариков на тоненьких ниточках, едва улавливающих улетающие резиновые округлости – ничего. И все эти ухищрения – для того только, чтобы в головах наблюдателей создалось впечатление, будто главка вознеслась высоко-высоко, «выше лаврской колокольни, и студова» выглядит маленькой. В этом всё дело: «выглядит маленькой». Чтобы она выглядела маленькой, её сделали маленькой. Важно не быть, важно казаться, производить впечатление даже тогда, когда отпечатывать нечего, одна пустота. Это ли не победа изобретательности над косностью, это ли не выразительность нового архитектурного языка, одержавшего верх над всем, даже и рассудком – потому что сделано едва ли не впервые в истории «по уму, по вчёности, для развязки своего существования, для сведения обхождения», как блистательно формулировали и целеполагание, и мотивацию любой осмысленной деятельности устами С.П. Голохвастова В.М. Иванов (режиссер фильма) и М.П. Старицкий (автор пьесы). Этот эффектный приём оказался заразителен – очень многие церкви в XVIII и XIX веках подбоченились и задрали головы на тонких шеях, а иногда и прямо на талиях, как раз из-за «вчёности» архитекторов, уловивших, как же всё-таки можно «развязать своё существование» и заодно «свести обхождение».

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 224

Следование примерам – вообще распространённая привычка. Если в конце XV века Успенский собор поставили именно в этом месте, то место это следует признать подходящим, далеко от него не удаляться и новые церкви по мере необходимости их появления непременно надо ставить вплотную к собору, стена к стене, подпирая его и набираясь от него силы. Так получился редкостный сгусток церквей в Успенском монастыре (часть Кирилло-Белозерского монастыря, вместе с Ивановским). Даже на уличном плане монастыря только тренированный глаз отыщет единичку, указывающую на Успенский собор, в непосредственной, тактильной близости от которого расположились ещё пять церквей (шестая, Преображенская, тоже «касается», но стоит далеко, на берегу, через настоятельские покои): Епифания, Владимира, Кирилла, архангела Гавриила, Введенская и колокольня.

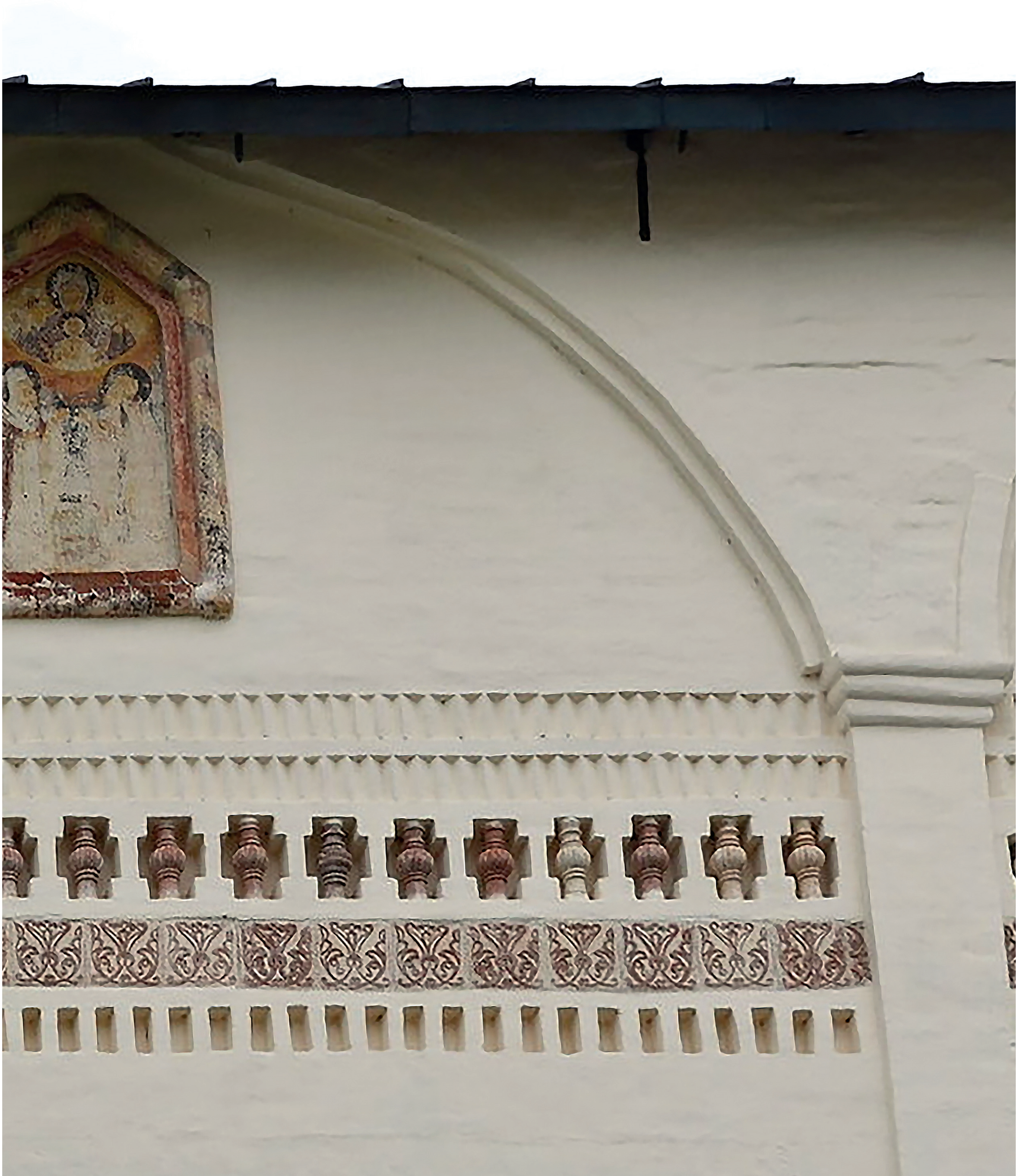
Поначалу вроде бы ничего не предвещало такой концентрации. Через двадцать лет после Успенского собора неподалёку поставили Введенскую церковь с трапезной палатой, о внешнем виде которой теперь можно сказать только одно: большая, высокая, чудная. Необычностей, наверное, много, бросаются в глаза две. В закомарах, кажется, и впрямь были окна, до водружения фигурного таза поверх завершения церкви; и полное отсутствие апсидного выступа – или выступом надо признать всю трёхчастную восточную стену, на всю высоту. Сейчас это чрезвычайно убедительный своей массивностью бочонок, прошлое величие которого ничто не выдаёт снаружи.

Завершение Введенской церкви делали или люди с плохим умом, или люди в большой нужде, которым пришлось скоропостижно унесённую ветром крышу, ещё вчера стоявшую прекрасно на месте, а сегодня разобранную безжалостным ураганом по досочкам, восстанавливать при самых скромных требованиях к изяществу или поползновениях на эстетику, не говоря уж про историческую правду. Если бы хоть капля уважения к прошлому осталась, то верхушки закомар отстригать бы не стали, вспомнили бы, не заглядывая далеко, что в завершении церквей есть деталь, без которой не принято обходиться – барабан толщиной около трети (при взгляде с запада или востока) или четверти (при взгляде с юга или севера), в профиль что-то вроде квадратного бочонка, а потом глава ещё большего диаметра. Да и между главой и четвериком с закомарами должен бы стоять не перевёрнутый металлический тазик, используемый в таком виде только для того, чтобы прикрыть что-то неприглядное, а истинное украшение, давно проверенное на действенность, работающее без промаха

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 225

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 226

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 227



Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 228

Восточные фасады Успенского собора и Владимировской церкви

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 229

и использованное только недавно совсем поблизости – а Успенском соборе, в паре десятков саженей отсюда – 32 полукруглых элемента, считая вместе закомары и кокошники, составляющие переход к главе. Без перехода любая и каждая церковь выглядит буквально обезглавленной, особенно когда вместе главы правильного размера прилеплен кукиш с глупыми неуместными украшениями, столбиками, проставками, талиями и прочей бестолковщиной. После существующих (в обкусанном виде) восьми закомар должно разместиться ещё 24 кокошника. Как именно разместиться – сказать трудно, вариантов немало (ещё трижды по восемь, шестнадцать и восемь, или наоборот, восемь и шестнадцать). Но только не тазик.

Ещё через полтора десятка лет, в монастыре построили, как будто одной рукой Гаврииловскую и Предтеченскую церкви (у обеих плоские апсиды, обе двухпрестольные). Гаврииловская загадочностью колоколенного верха напоминает Благовещенскую в Ферапонтовом монастыре, но тут уж точно нельзя ни угадать, ни предположить, как разместить и спрятать под главой 32 кокошника, реставрационная мысль пока не пробила себе дорогу к строительному устройству завершения этой церкви. Хорошо уже то, что на южном фасаде вместо окошка возобновили портал, а то вид у здания был совсем «одичалый», безвыходный. Может быть, к похожим на Ивановскую церковь барабану и главе изначально присвоить восемь кокошников сверху, нащупать двенадцать опорных закомар в нижнем ярусе и как-то задуматься о среднем ярусе – там главная загадка, с площадкой для звона.

Колокольне между Введенской и Гаврииловской церквями не повезло насмерть. Строили в таком порядке: Введенская, колокольня, Гаврииловская.

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 230

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 231

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 232

Между ними третий предмет, колокольня, речи лишена, языки оборваны (как они должно быть, звучали в XVII веке над водой Сиверского озера), великая барочная ступенчатость восьмериков взгромоздилась на основание XVI–XVII века и подслеповато озирается, пытаясь как-то соответствовать тому по соседству, что утратило облик и являет собой подобие фанерных щитов, прислонённых к руинам, которые уже не восстановить, но совершенно необходимо привести в состояние, не оскорбляющее взор. Неважно, что некрасиво, лишь бы не блистательное ничтожество XVIII и XIX веков, которое всё равно не скрыть – рядом церковь Кирилла (конец XVIII). Нынешнее завершение колокольни ставил тот, кто безнадёжно испортил себе глаз знакомством с восьмериками на четверике XVIII века. Если Смоленская в Сафарино и Спасская в Уборах (и много других) удались на славу, то здесь получилась отменная карикатура: последний и предпоследний ярусы ничтожны по размеру, они доказывают лишь полную беспомощность автора. Не успев уничтожить предыдущий ярус, время оставило нам возможность хотя бы поразмыслить о том, что стояло сверху раньше. В краю, наполненном деревянными шатрами, можно представить себе только каменный шатёр, может быть, не столь совершенный, как у Вознесенской церкви в Коломенском, но близкий к тому, что примерно в эти же годы было построено в Александровой слободе – логически, стилистически, даже, можно сказать, эстетически сюда подойдёт только шатёр.

С Успенским собором связана одна чрезвычайно важная оплошность С.С. Подъяпольского. Нет нужды лишний раз расшаркиваться с уверениями в совершеннейшем к нему почтении – наши инвективы не способны даже поцарапать фундамент памятника, им воздвигнутого. И всё же.

Предложенная им реконструкция Успенского собора из-под плоской крыши (которую нельзя устать ругать) имеет много разновременных материальных воплощений, повторяющих ту же оплошность. Но это ошибочка, которая делает ему честь – нисколько не меньше, чем полновесное открытие. Во-первых, она свидетельствует, что число «33» не прошло мимо него в кирилловских памятниках и он, во-вторых, руководствовался этим предположительным правилом при размышлениях о формах за-

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 233

вершений церквей. Общее число закомар и кокошников в реконструкции Успенского собора – 33: верхний и нижний ярус – по 12, средний ярус –9. То есть «33» как поверочный инструмент при подготовке макета уже появилось. С.С. Подъяпольскому помешала нерешительность, исследовательская осторожность и научная принципиальность. Научный спор (хотя он не очень-то и научный) между сторонниками луковиц и шлемов при моделировании глав был далёк от затухания, и правильнее тогда было склониться в сторону шлемников, чем луковичников. А шлем немного затрудняет сравнение силуэтов разреза главы с закомарой или кокошником: его максимальный диаметр всегда у донышка, а в случае с луковицей – это самое полное место антиталии; к концу XVII века в Богоявленской церкви Ярославля для наглядности все кокошники были сделаны с уменьшением диаметра ближе к донцу каждого элемента. Поэтому в сумму «33» С.С. Подъяпольский не мог с полным правом причислить и главу – она из-за формы не вставала в ряд закомар и кокошников. Пришлось прибегнуть к хитрости, которая потребовала применения ошибочного решения.

На вычерченной реконструкции С.С. Подъяпольского (с. 228) сам собор сначала производит такое впечатление, будто применена иконописная обратная перспектива: наблюдатель, находящийся в паре десятков метров от собора, видит одновременно и лицевую сторону западных закомар, и лицевую сторону одной из восточных, словно траектория взгляда правого глаза обогнула юго-западный угол собора, а левый заглянул за юго-восточный. Впечатление обманчиво: на восток смотрит только центральная апсида, а малые немного повёрнуты к северу и к югу, к тому же дьяконник меньше по размеру, чем жертвенник. И вот тут, в этом месте случилось невынужденное преувеличение, ни на чём не основанное: на востоке пропал второй ярус кокошников, его место заняли огромные закомары над апсидами – только для того, чтобы без учёта главы попасть в сумму «33». Другой причины для того, чтобы так вырастить закомары, нет, они потребовали циклопизировать крыши над апсидами, задрать их верхи почти до середины закомар, имитируя счёт ярусов кокошников – на востоке тоже три ступени, только начать надо чуть пониже. Вероятно, С.С. Подъяпольский делал реконструкцию по памяти, не имея возможности взглянуть на камень, иначе нельзя не заметить, что под существующей плоской крышей (свес которой может служить относительно горизонтальной линейкой) большие полукруглые закомары имеют одинаковую высоту по всем сторонам света, южные или северные ничуть не меньше восточных, причём, вопреки обыкновению, западные прясла северной и южной стен не меньше восточных, хотя сдвиг нартекса к востоку очень заметен. Сдвиг барабана – вероятная причина того, что нарушилась простая логика: в каждом ярусе должно было бы быть по 12 элементов (12 закомар и 24 кокошника), но после сдвига нижний (но большой) и маленький (но

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 234

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 235

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 236

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 237

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 238

Успенский собор. Реконструкция С.С. Подъяпольского.

верхний) ярусы, как самые заметные, съели пространство для среднего как раз с восточной стороны, то есть перед С.С. Подъяпольским встала та же задача, что погубила и реконструкцию В.И. Балдина в Троице. Чтобы найти верное решение, оставалось два шага: включить в счёт суммы «33» главу на основании общности силуэтов и сократить состав верхнего яруса до 8 кокошников по кругу, а не в каре. В реконструкции Преображенского собора Спасо-Каменного монастыря (1481) – 36 кокошников. В реконструкции Успенской церкви Спасо-каменного монастыря те же 36 кокошников.

В Спасском соборе Андроникова монастыря 10 кокошников под барабаном, но обычно их и проектируют, и строят 12, как наваждение, требующее объяснения. Если не держать в голове правило «33», то именно и как раз 12 кокошников выглядят замечательным, логичным и безупречным решением, три яруса п три штуки с каждой стороны света плавно превращают верх четверика в пирамиду, шаг за шагом наращивая ряды прямоугольников. В этой мерной поступи есть только один изъян, который выявляется при рассмотрении одного самых старых соборов (Успенского Княгинина монастыря, построенного в 1204 году и восстановленного в XVI веке, спасённого в XX). Во всех (насколько удалось установить) случаях трёхрядной конструкции верха второй ярус выдаётся своей высотой, он нарушает линию между архивольтами первого и последнего ряда, выгибает несуществующую прямую горбом, скругляет, причём не оттого, что этого потребовала конструкция (второй ряд почти всегда в той или иной степени декорация, то есть не очень массивен), а подчиняясь более важной логике: строителю нужна не пирамида с прямыми линиями, а уменьшение угловатости, сглаживание выпуклости больших торчащих выступов за счёт их умножения. Шестнадцатиугольник легче вписать в круг, чем восьмиугольник, ещё легче, если углов будет 32 или 64. Только для этого нужен подъём, выступ второго ряда. Проектировщики Успенского собора в Кириллове с этой же целью, для придания большей округлости зданию уже в плане предусмотрели повороты северной и южной апсиды наружу, своего рода расходящееся косоглазие, лоб (центр) – прямо, а дьяконник смотрит больше направо, пока жертвенник повернулся налево. Внутренние конструкции сводов никак не мешают над развёр-

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 239

нутыми закомарами поставить ещё три кокошника второго яруса, места (глубины) до барабана и третьего яруса достаточно.

Мерцающая, как округлое, мягкое завершение горы, двигающаяся к шару шапка из закомар и кокошников – не может завершаться каре из 12 самых малых кокошников, оно (каре) прекращает превращение в округлость, там, где нужна тюбетейка, каре делает квадратную академическую фуражку с кисточкой. То есть кисточки, конечно, нет, но если третий ярус не начинает кружиться, то углы фуражки цепляются за воздух, мешают завершению шарообразности. Откуда взялась укоренившаяся привычка подпирать барабан двенадцатью кокошниками – сказать и легко, и трудно. Легко, потому что ритм 12+12+12 просится сам, он прост и естественен, как ряд колонн и чередование этажей. Трудно, потому что ряд колонн, лишённый какой-то неправильности, хитрости, изюмины, моментально превращается в забор, частокол, прямые сходятся в точку, образуя пирамиду

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 240

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 241

Исключительно интересно, отчего переменились планы С.С. Подъяпольского за 10–15 лет, в период с конца 50-х годов до начала 70-х. Сначала он собирался восстанавливать закомары и кокошники, вероятно, захваченный колдовским воздействием числа «33» (24+9), и уже такой вариант был бы очень удачным, хотя и неправильным. Это несколько «романтическое» объяснение вполне могло столкнуться с гадкой реальностью: не только архитектор, реставратор и историк С.С. Подъяпольский знает грамоту, не только он мог уловить силу воздействия такой «наглядной агитации», но и те самые, вовсе не редкие, к сожалению, «проницательные» инструкторы областных или союзных партийных комитетов, которые даже без умысла и без дурных намерений могли легко придавить башмаком горло, издающее неправильные звуки, просто чтобы «чего» (то есть «ничего») не вышло. Что должно выйти – они не задумывались, а могло, могло. Поняв, что под любым предлогом ему не дадут восстановить правильное покрытие (да к тому же и сомневаясь, всё ли с ним в порядке, нет ли какой ошибки, он ведь не хуже кого бы то ни было видел, что размеры центральных закомар по всем сторонам света одинаковы или очень близки, настолько, что не заметить их {размеры} нельзя), он согласился с тем, что следует оставить плоскую крышу: «за неимением гербовой – и на простой писать не станем». Его вариант реконструкции – алая революционная растяжка над главным проспектом всех городов: «Опамятуйтесь! Протрите глаза! Они всё ещё в пыли, в том, что многие десятки лет назад отрекающиеся от старого мира отряхнули со своих ног». Надвратную Преображенскую церковь пытали и мучили несколько столетий, она чудом дохромала до начала XX века. После его реставрации в кулаке осталось не просто крашеное луковой шелухой яйцо, а шедевр Фаберже, маленький Колоссеум на берегу озера.

Их там много.

Успенский, Введенская, Владимировская, Епифаньевская, Евфимьевская, Иоанна Лествичника, Иоанна Предтечи и Гавриловская, Преображенская – девятая. Буквально, точно, без преувеличений и допущений, все они – построены с применением правила «33». Ансамбля, равного кирилловскому, – нет. Ни Ростов, ни Соловки, ни Суздаль и Владимир, ни московский кремль, ни оба Новгорода со Псковом – такого сокровища не имеют. А рядом ещё Спасо-Каменный монастырь в руинах, Спасо-Прилуцкий за Вологдой. С.С. Подъяпольский знал и видел это во много раз лучше и больше любого. Но так же, как и любой другой, был бессилен – это знание нельзя положить ни в чью начальствующую голову, они все как одна испорчены борьбой за светлое будущее. Нельзя объяснить, что после правильной реставрации этих девяти церквей ничего не надо будет объяснять – архитектура действует не словами, не принуждением, не уговорами, а неотвратимо. Человек, хоть день побывший в Италии или южной Германии, не может ухать домой, не влюбившись на всю жизнь в «нетопленное тепло», услаждающее глаз не столько светом, сколько плодами рук, честно трудившихся то две, то три тысячи лет назад в Риме, или триста лет назад в Ротенбурге. Оказывается, в Кириллове-то – не хуже, чем где бы то ни было, но всё руки не доходят привести в порядок, головы заняты вещами, которые ни в какое сравнение не идут с реставрацией – чем больше проект, тем больше можно украсть, и неважно, что пар уходит в свисток.

Поэтому, более чем вероятно, что именно поэтому С.С. Подъяпольский сделал нарочито неправильную реконструкцию, неправильность её не заметить нельзя, она лезет в глаза, тут не надо быть семи пядей во лбу, не требуется ни специального образования, ни какого-то таланта, чтобы понять: «Чтоб сказку сделать былью», нужна отдельная строка в государственном бюджете Российской федерации и самострельный механизм для воров; потому что эта реставрация стоит таких денег, что можно сто лет кормить работающее на науку население пятидесяти таких городов, как Кириллов.

Прошло ещё двадцать лет после Гавриловской, вплотную к стене Успенского собора поставили церковь Владимира (1554 год). С восточной стороны она выглядит очень утеснённо, но импозантно. Хочется сказать, что плоская крыша с нарочно плавным, округлым краем, словно крылом накрывает апсиду с привычным орнаментом псковского происхождения. Но ничего не выходит. Это не крыло. Это язык, вывалившийся у безжизненного тела на подбородок, уже не контролируемая живой

Апология_Троицы_4_175-242.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:16 Страница 242

мышцей гримаса производит отталкивающее впечатление. Конечно, это усыпальница князей, вроде бы Воротынских, но так передавать мемориальный характер редко кто решается, да и вряд ли так сделали нарочно, скорее пытались плавно обозначить переход от собора к церкви Епифания. Но получилось лишнее, совсем ненужное подтверждение довольно плоской мысли – законченное произведение не терпит ни изъятий, ни вставок. Тот, кто ставил Владимирскую церковь, видел, что к чему он добавляет, не известно, как, но он уподобил покрытие своей церкви покрытию Успенского собора, которое, в свою очередь, напоминало о покрытии Рождественского собора в Ферапонтове, и там, и там артишок Павла Алеппского сиял своими гранями по сторонам света (поневоле приходится задуматься, не ходили ли крестные ходы от Рождественского до Успенского – 14 километров всего). Северный фасад Владимирской церкви напоминал (раньше, теперь загорожен церковью Епифания) привычное деление прясел, восточное меньше западного, которое меньше серединного, западное лицо вместило в себя только две закоматинки, но как-то всё-таки подобие кокошникам Успенской церкви было учинено в малом объёме. А по прошествии ещё 90 лет, в 1645 году поставили церковь Епифания, в которой опять воздали должное собору, снова сделав уменьшенную копию покрытия.

Иными словами, нынешнее нагромождение крыш и тазов не просто неправда, а ещё и издевательство над правдой, потому что краши и тазы не дают увидеть настоящую, в духе билибинских картин и иллюстраций красоту «царства славного Салтана». От входа через Казанскую башню, одолев мощёную аллею, пройдя под надвратной церковью Иоанна Лествичника, любой и каждый, посетитель и старожил, знаток и профан, взрослый и малый – должны остолбенеть, не умея пошевелиться, не как соляной столп, при взгляде вспять, а имея прямо перед собой, хоть рукой трогай – сказку, лучше, чем в книжке, лучше, чем даже у А.С. Пушкина, не веря глазам, что такое «есть на свете чудо». Лучше – потому что не надо слова в голове превращать в образы, не нужно воображение, не нужны даже Билибины со своими кистями, они срисовывали отсюда!

И вот это-то и не видимо! Одна у одной, три церкви, трижды по «33», вот где арифметика архитектуры, вот где золотое сечение, 33/99-тых, вместе без одной сотой совершенство во плоти, на земле. И именно ансамбль, настроенные друг на друга объёмы, перед собором – выступили вперёд два участника, позади – отступил один (Гаврииловская, с затейливым ещё покрытием), потом колокольня, потом Введенская, потом настоятельские и трапезные палаты с правильными крышами. Прав был И.А. Бродский – «эстетика – мать этики», прежде чем толковать про заповеди, создай прекрасный мир, не исключено, что и без герменевтики всё станет ясно.

Успенская церковь Спасо-Каменного монастыря показана в реконструкции С.С. Подъяпольского таким образом, что в ней под барабаном могут быть и 12, и 8 кокошников, но вероятнее всего, что имелись в виду все 12, и тогда единственным свидетельством размышлений С.С. Подъяпольского на тему «33» остаётся проект реконструкции Успенского собора в Кириллове, содержащий неточности, но предвосхищающий решение, найденное в Успенском соборе Княгинина монастыря Владимира и во многих других местах. До перестройки Бориса Годунова строители, которым доверяли крупные сооружения, не могли не видеть эту церковь, а Бон Фрязин (Мастробоно?) вряд ли не видел Вторую Троицкую церковь в Сергиевом посаде. Разница – небольшая: мысль повторяет церковь 1329 года, которую не могли не видеть псковские строителя 1476 года в Троице. Всё вместе – находится в одном возрожденческом потоке. Не исключено, что маркирует этот поток именно применение «33».

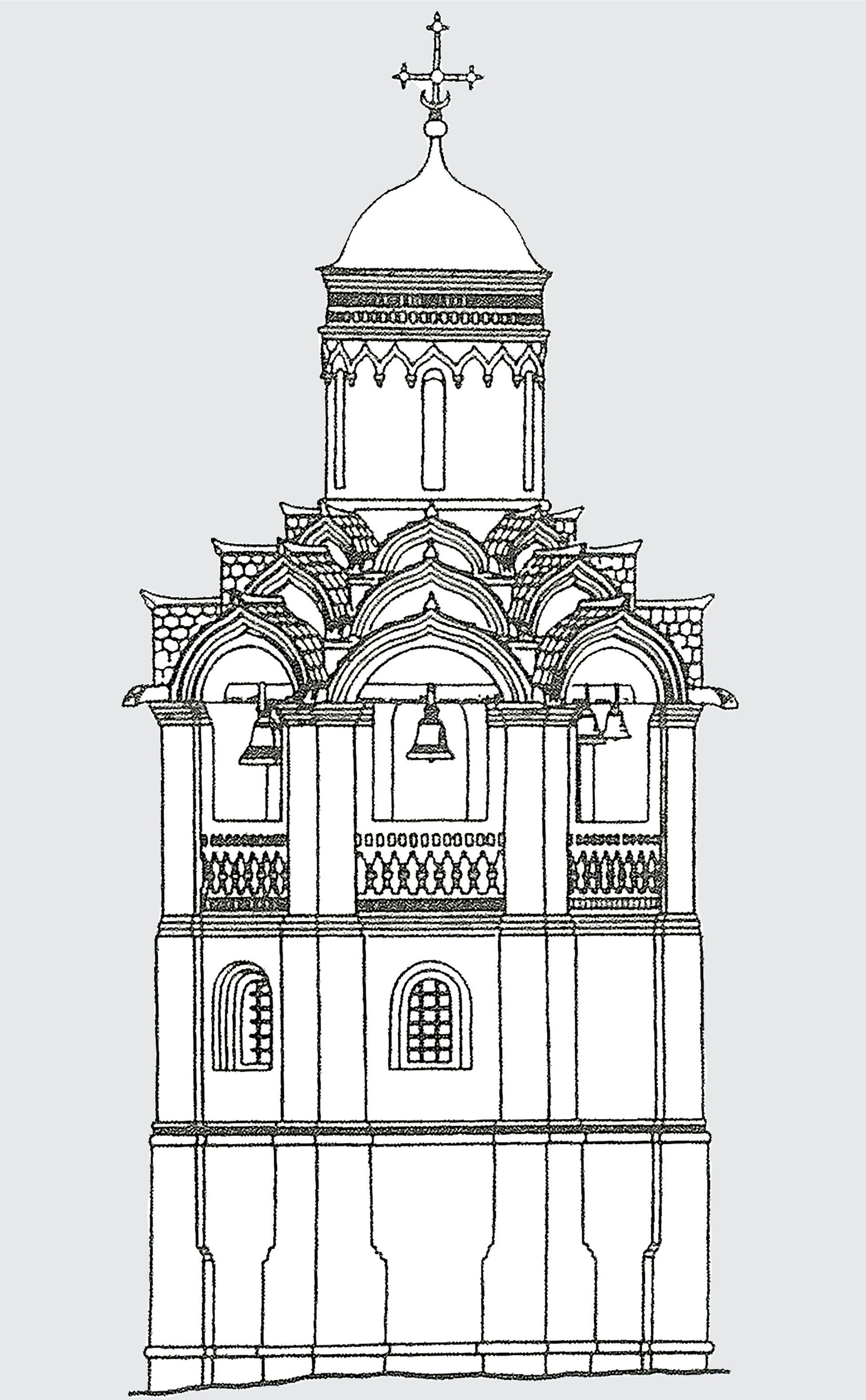
Апология_Троицы_5_243-250.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:18 Страница 243

Немного раньше, чем Успенский собор в Кириллове (1497) и Рождественский в Ферапонтове (1490) был построен Преображенский в Спасо-Каменном монастыре, хотя в данном случае было бы правильнее сказать не «в», а «на» – остров на Кубенском озере такой маленький, что мам, кажется, и ногу поставить некуда, не то что собор или жильё. И тем не менее, одновременно с явлением итальянцев в России, немного задержанных в Крыму Менгли-Гиреем для использования в тех же целях, что и потом в Москве, в течение последних двадцати лет XV столетия вокруг Кубенского озера появляется несколько огромных соборов, по сей день составляющих славу отечественной архитектуры. Два сохранились, один руинирован при советской власти, но облик восстановим.

К малой главе примыкают две половинки кокошника, что не влияет на общую сумму, если вокруг барабана оставить не по три, а по два кокошника с каждой стороны света и пустить их по кругу. Подклеты у Рождественского и Преображенского заметно добавляют величественности; все три похожи, потому что их более всего остального объединяет присутствие в архитектуре числа «33». Оно сохранилось

Апология_Троицы_5_243-250.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:18 Страница 244

Успенская церковь Спасо-Каменного монастыря. Реконструкция С.С. Подъяпольского



Апология_Троицы_5_243-250.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:19 Страница 245

Апология_Троицы_5_243-250.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:19 Страница 246

и в Успенской церкви-колокольне 1546 года. Её силуэт С.С. Подъяпольский сделал нарочно непохожим на оригинал, на земле на острове стоит не такой кряжистый предмет, церковь заметно стройнее. Опять-таки, не видеть пропорции, даже по дореволюционным фотографиям, такой «глазник», как С.С. Подъяпольский, не мог. Зачем – знает только он, предположительно – для подчёркивания родства не только с построенной сорок лет назад церковью Иоанна Лествичника (1508) в Кремле (очень вытянутой ввысь), но и с построенными чуть пораньше, начиная с Духовской в Троице (1476, любой фасад, наоборот – 13×13 м), Гавриииловской (1534) в Кириллове, Благовещенской (1531) в Ферапонтове. Все – очень разные, и кроме церкви Иоанна Лествичника, прячут в себе (в завершении) число «33» как знак Возрождения, и у всех есть в конструкции сооружения (кроме Благовещенской, и Гавриииловская под вопросом, пока не установлено твёрдо, что над звоном было свободное место) площадка для звона. Алексеевская церковь в Александровой слободе даже после перестройки 1570 года сохранила совмещение поминальной и музыкальной функций, с верхним гульбищем.

Существуют разные представления о том, как могла выглядеть церковь Иоанна Лествичника в начале XVI века. При толщине стен внизу в 5 метров (для прочности и устройства внутристенных лестниц), пожалуй, единственное, в чём сходятся мнения реставраторов и историков архитектуры – существенное уменьшение «диаметра» восьмигранника второго уровня оставляет место для гульбища, или площадки между ярусами, там есть место, не для прогулок толпой, но перемещаться можно. И построено через три десятка лет после Духовской в Троице, и тоже церковь со звоном. В связи со строительством Второй Троицкой (Духовской) церкви в Сергиевом посаде надо специально обратить внимание на то, что кажется очевидным, но проскальзывает мимо глаза: если в церкви есть звон, то есть и площадка для звона, а звонницы псковско-итальянской конструкции – приставные, размещённые рядом.

А.Л. Баталов упоминает (в статье Православной энциклопедии про церковь Иоанна Лествичника) о существовании русской традиции соединения «храмовой и подколоколенной функций», когда говорит о круглых или многоугольных сооружениях, построенных после 1508 года и испытавших на себе воздействие кремлёвского образца. В этом сомневаться не приходится. Но было и ускользнувшее от этого влияния сооружение, не круглое, а четырёхугольное в плане, воздвигнутое на 32 года раньше – Вторая Троицкая церковь Сергиева посада. Она понадобилась нам сейчас не для укора А.Л. Баталову (он знает о ней не хуже нашего), а для того, чтобы отметить ещё раз эту неброскую деталь, работавшую до и после Бона Фрязина: соединение храмовой и подколоколенной функций подразумевает наличие площадки для звона, внутри сооружения, рядом с колоколами, над ними или под ними. Сегодня этой площадки в Духовской церкви нет (точнее, она есть под барабаном, но попасть туда никак нельзя), перемещать вокруг барабана нет никакой возможности – всё занято крутыми тоннелями, идущими от закомар, настоящих и фальшивых. Любое движение около колоколов или переход к ним с близко расположенной арочной звонницы возможно только если никаких ложных диагональных закомар нет, а параллельно настоящим закомарам во втором подвышенном ярусе стоят настоящие кокошники существенно меньшей (чем настоящие закомары) толщины или глубины, поскольку оценить толщину декора снизу почти никому ни под силу. Пространство между вторым и третьим ярусами позволяет звонить и из-под барабана с арочными проёмами, и рядом с ни ними, снаружи, где есть возможность шевелиться.

По сообщениям летописи, «тогда же и другую церковь разобраша Иоанн Святый Лествичник, иже под колоколы, созданную от великого же князя Ивана Даниловича в лето 6836, заложиша новую церковь Иоанн Святый не на старом месте» (ПСРЛ. Т. 12. С. 258-259). Это известие стоит сразу после сообщения о разборке старого и закладке нового собора арх. Михаила, происшедшей 21 мая 1505 г., из чего можно сделать вывод о начале сооружения И. Л. ц. весной того же года. Ее строительство было завершено через 3 года, в 1508 г., одновременно с Архангельским собором и ц. Рождества св. Иоанна Предтечи у Боровицких ворот (точная дата освящения И. Л. ц. неизвестна).

Апология_Троицы_5_243-250.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:19 Страница 247

Из летописного сообщения о завершении строительства 3 храмов в Кремле известно имя строителя колокольни итал. архит. Бона Фрязина («Того же лета (7016) совершиша церковь святаго Архангела Михаила на площади и Иоанн Святый, иже под колоколы, и Иоанн Святый Предотечя у Боровитскых ворот, а мастер церквам Алевиз Новой, а колоколницы Бон Фрязин» - ПСРЛ. Т. 13. С. 10). О происхождении Бона Фрязина нет точных данных. В. Н. Лазарев допускал, что он, как и Алевиз Новый, был уроженцем Венеции (Лазарев В. Н. Византийское и древнерус. искусство. М., 1978. С. 291). С. С. Подъяпольский считал, что Бон Фрязин мог быть одним из мастеров, приехавших в Москву с посольством Дмитрия Ралева и Митрофана Карачарова. О составе этой партии мастеров известно благодаря грамоте Менгли-Гирея вел. кн. Василию Иоанновичу. Из-за литовско-рус. войны посольство пыталось вернуться на Русь через Кафу (ныне Феодосия), пройдя по владениям союзника Московского вел. князя - хана Менгли-Гирея. Хан задержал посольство и использовал одного из мастеров - Алевиза, для строительства дворца в Бахчисарае (сохр. портал 1503 г.). Подъяпольский считал, что с этим посольством приехал не только Алевиз, единственный названный Менгли-Гиреем по имени, но и Бон Фрязин, Петр Френчюшко (послан в 1508 для строительства кремля в Н. Новгороде), Варфоломей (строил в 1508/09 Дорогобуж с мастером Мастробоном) и, что более гипотетично, мастер Иван (работал в Пскове в 1516/17) (Подъяпольский. 2006. С. 267-268). Подъяпольский также предполагал, что мастер, названный в летописях Боном Фрязином, и мастер, названный в разрядных книгах Мастробаном или Мастобаном,- одно лицо (Там же. С. 268, 301). Если это так, то Бон Фрязин, как и др. итал. архитекторы, напр. Алевиз Фрязин, был одновременно и военным инженером (см. упоминание о Дорогобуже).

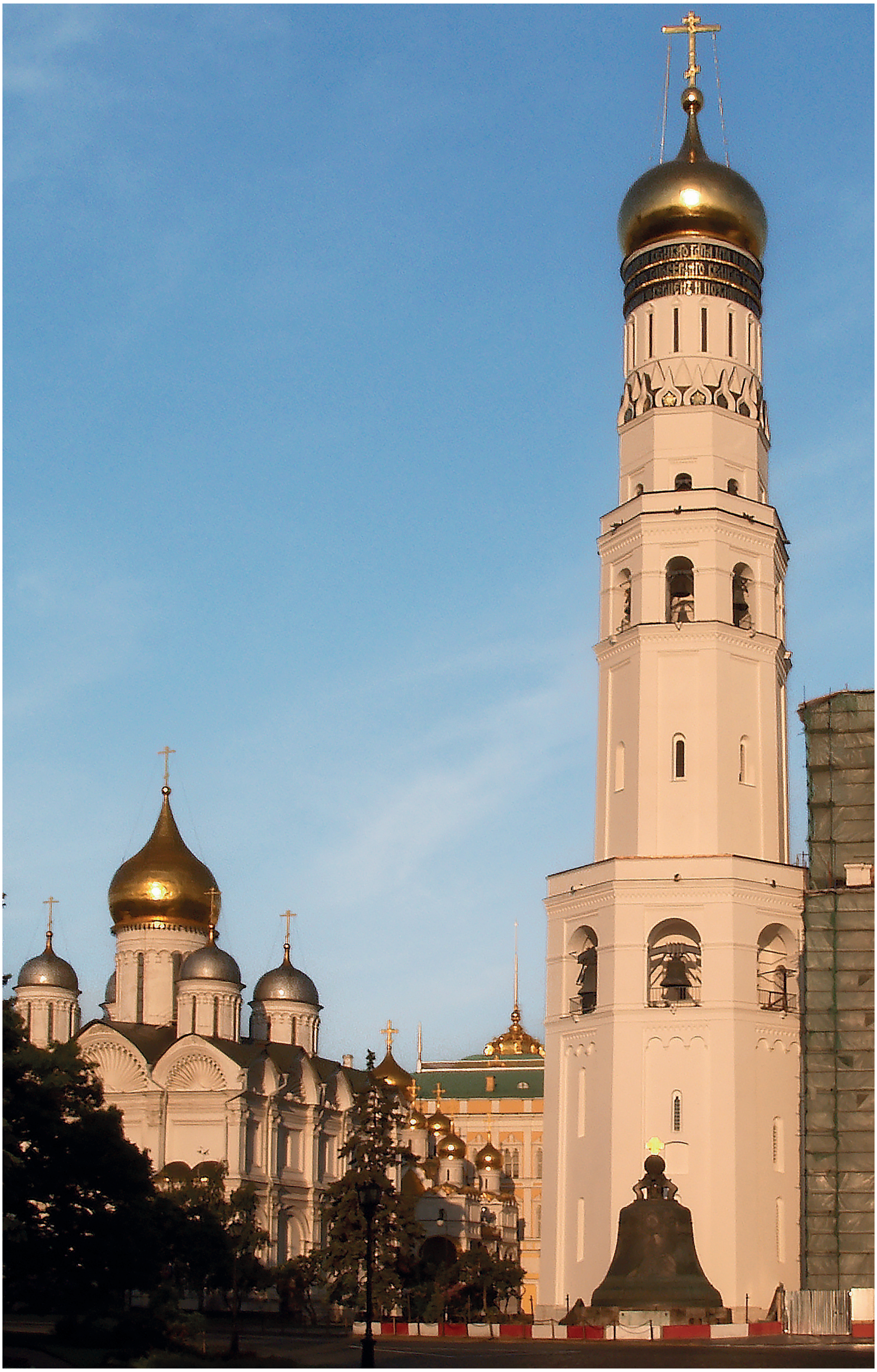
Храм 1329 г. находился между Успенским и Архангельским соборами и не мог соответствовать по масштабу новым соборам, перестраиваемым итальянцами. Бон Фрязин поставил новую И. Л. ц. примерно по одной оси с предшествующим храмом, но отнес ее значительно дальше на восток, за линию апсид Успенского и Архангельского соборов. В результате образовалась площадь с трапециевидными очертаниями, главная ось которой проходила по центру главного тронного зала Грановитой палаты и И. Л. ц. Строительство новой церкви-колокольни внесло в организацию площади принцип регулярности и центричности (Бондаренко И. А. Реконструкция Соборной площади Моск. Кремля в кон. XV - нач. XVI в. и творческий метод итал. мастеров // Архит. наследство. М., 1995. Вып. 38. С. 210-211) и стало этапом в формировании облика Кремля итал. мастерами.

Бон Фрязин создал уникальное сооружение, отличающееся большим запасом прочности несущих конструкций, которые обеспечивали сохранность здания. На их прочность не повлиял даже взрыв мин, заложенных в 1812 г. франц. войсками под соборные звонницы. Видимо, именно характер грунта и задачи строительства беспрецедентного для Москвы того времени высотного сооружения определили особенности фундамента, сложенного на сплошном свайном поле (на сваях разной длины, забитых практически вплотную друг к другу), выше его - ступенчатый белокаменный стилобат. На нем из кирпича был возведен восьмерик 1-го яруса, состоящий из 2 этажей, на нижнем этаже разместился храм. Толщина стен достигает 5 м. Входили в церковь-колокольню с запада, через небольшой, но высокий притвор, перекрытый крестовым сводом (не сохр.), к-рый опирался на белокаменные импосты (стесаны, в наст. время восстановлен один). Из притвора открывался вход в храм, а также на 2 внутристенные лестницы: прямую северную и винтовую южную. В плане церковь представляла собой один из известных в архитектуре Ренессанса типов центрического храма с экседрами. Однако традиц. октаконх подвергся здесь модификации. Из-за необходимости устроить притвор, а также из-за наличия 2 лестниц, проходящих в толще стен восьмерика, архитектор отказался от 3 экседр, сделав 3 стороны зап. части восьмерика прямыми, упразднил окно в сев. экседре. Храм освещается только 4 окнами. Конструкция оконных проемов весьма необычна и определена, с одной стороны, огромной толщиной стен, с другой - высотой конх над экседрами. Световой проем, прорезанный в стене экседры, значительно ниже соответствующего ему проема в наружной стене восьмерика. Из-за этого образовался крутой по подъему и длинный подоконный откос, а свод ниши окна значительно выше светового проема, прорезанного в стене экседры. Наос храма перекрыт 8-гранным сводом, у основания которого проходит белокаменный карниз, а в вершине установлена белокаменная розетка.

В отличие от церкви 1329 г. новый храм не был расписан. Летописные сведения об этом отсутствуют, а также не найдены фрагменты возможных росписей при реставрационном исследовании стен в 1977 г.

Нижний восьмерик был предназначен не только для размещения храма, но и для оборудования 1-го яруса звона с массивными колоколами. При размере церкви, ограниченном архитектурной целесообразностью, и при необходимости поднять тяжелые колокола на значительную высоту возникала задача уменьшения массы кладки и ее давления на своды церкви. Поэтому Бон Фрязин создал промежуточный этаж между храмом и площадкой звона. Он устроил центрическое 8-гранное помещение, располагающееся непосредственно над храмом. С ним сообщаются 3 камеры, призванные освободить от тяжести кладки своды притвора и прямой лестницы. Все помещения могли иметь при этом и хозяйственное назначение. Войти на промежуточный

Апология_Троицы_5_243-250.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:19 Страница 248



Апология_Троицы_5_243-250.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:19 Страница 249

Надстройка времён Бориса Годунова, что и написано золотыми буквами

Апология_Троицы_5_243-250.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:19 Страница 250

этаж можно с площадки прямой лестницы, к-рая предположительно предназначалась для подъема сундуков с казной в случае пожара Кремля. Далее по этой же лестнице можно попасть на уровень 1-го яруса звона, куда с 1-го этажа напрямую вела 2-я, винтовая лестница. Для устройства площадки звона архитектор почти вдвое (до 2,5 м) сузил стены 8-гранного столба. Снаружи столба была устроена крытая галерея, пилоны к-рой были соединены арочными перемычками. Между пилонами были повешены колокола.

Второй ярус столба, к-рый условно можно назвать средним восьмериком, значительно у́же нижнего, за счет чего над сводами галереи 1-го яруса звона образовалось свободное гульбище. Бо́льшая часть среднего восьмерика, самой высокой части столба,- постамент для расположенного в его верхней части, на высоте более 40 м от земли, 2-го яруса звона. Для облегчения веса конструкции и увеличения устойчивости архитектор создал внутри пустое пространство почти на всю высоту восьмерика. Оно не имеет самостоятельного назначения и выполняет только конструктивную функцию. Подъем с 1-го яруса звона на 2-й осуществляется по внутристенной винтовой лестнице. Для устройства 2-го яруса звона стены восьмерика были прорезаны арками, в к-рых висели колокола. В центре площадки 2-го яруса звона, окруженной арками, соединяющими пилоны, возведен каменный столб, внутри его - каменная винтовая лестница на верхний ярус звона, где располагаются зазвонные, самые мелкие, колокола. На уровне верхнего яруса звона для уменьшения веса толщина стен сокращена до 80 см, за счет чего над 2-м ярусом звона, как и над 1-м, образовалось гульбище, на сей раз декоративное. Т. о., постепенно уменьшая толщину стен и облегчая их за счет полых камер, архитектор создал сооружение, отличающееся, несмотря на высоту, особой прочностью и устойчивостью.

Каким было завершение столпа 1505-1508 гг., остается неизвестным. Реконструкция, предполагающая завершение 3-го яруса куполом, напоминающим завершение собора московского Высокопетровского монастыря, в последнее время оспаривается. Привлечение др. круга аналогов и анализ изображений столпа на миниатюрах из Лицевого летописного свода (70-е гг. XVI в.) позволяют предположить, что завершение храма должно было быть в виде кирпичного шатра, подобно завершению итал. кампанилл (Петров. 2008). Изучение колоколен в различных областях Италии показывает, что, несмотря на отсутствие прямых аналогий, И. Л. ц. 1505-1508 гг. органично вписывается в их ряд. Так, в Италии повсеместно была распространена традиция строительства высоких подколоколенных сооружений, поднимающих ярусы звона на значительную высоту. На протяжении длительного периода (XII-XV вв.) в различных областях Италии строились 8-гранные столпообразные сооружения. Также во мн. итал. кампаниллах используется прием уменьшения диаметра верхних частей столпа по сравнению с нижними, в основном на уровне верхнего яруса звона. Образовавшаяся площадка часто служит обходной арочной галереей на столбах или колоннах, окружающей верхний восьмерик или цилиндр (напр., 8-гранная колокольня при ц. Сан-Никола в Пизе, ок. 1170 и (или) между 1230 и 1250).

Композиция И. Л. ц. имеет ряд особенностей, отличающих ее от аналогичных итал. зданий: во-первых, это редкое для Италии соединение подколоколенной и храмовой функций в одном сооружении; во-вторых, это система внутристенных лестниц и помещений внутри столпа; в-третьих, это акцентированная ступенчатость всей композиции - редкая, но встречающаяся в построении башен над средокрестием в соборах, напр. в Ломбардии. Тем не менее аналогии И. Л. ц. обнаруживаются в рисунках архитектурных трактатов Кватроченто. Примером может служить столпообразное сооружение с капеллой в одном из нижних ярусов и с колоколом в верхнем в «Трактате об архитектуре» Филарете (1460-1464; Там же. С. 81). Архитектурный замысел, изложенный Филарете, совпадает с принципом соединения храмовой и подколоколенной функций, существовавшим в рус. традиции. Однако именно Бон Фрязин создал тип сооружения, не существовавший до этого ни в рус., ни в итал. архитектуре. Все известные центрические, круглые, 8- или 9-гранные подколоколенные сооружения на Руси построены после возведения московского столпа. Бон Фрязин, осуществив свой проект, вышел за границы местной традиции, найдя принципиально иные формы сочетания здания церкви с подколоколенным сооружением.

Декор И. Л. ц. призван подчеркнуть логику построения объема, прежде всего ярусность общей композиции. Такой подход к декорации столпообразных сооружений также находит аналогии в итал. кампаниллах (см., напр., при ц. Сан-Готтардо ин Корте в Милане, 1330-1336). Аркатура на кронштейнах, помещенная под карнизом, к-рый отмечает основание нижнего яруса звона,- типичный элемент романской архитектуры. При этом карниз совмещает готицизирующие элементы (3-лопастные арки) и классицистические (сухарики, капельки и овообразные детали). Более упрощенные карнизы подчеркивают др. горизонтальные членения столпа (3-лопастные арки и сухарики). Мотивы декора, использованные Боном Фрязином, обнаруживают параллели в постройках Виченцы, Монтаньяны, Болоньи и Феррары, а также городов обл. Абруцци: Терамо, Атри, Кампли, Корропли, Кьети. Реставрационные исследования 1968 и 1978 гг. позволили определить, что первоначально, как и др. постройки итал. мастеров нач. XVI в., И. Л. ц. была раскрашена «под кирпич».

БОГОЯВЛЕНСКАЯ В КРАСНОМ НА ВОЛГЕ

Богоявленская церковь 1595 года обычно используется для относительной датировки Преображенской церкви в Острове, потому что в ней совсем нет того, что есть в Острове. Преображенская не может быть старше Богоявленской, достаточно поставить их на пригорке рядом, Преображенская не лучше, не моложе, не краше, не сложнее – она совершеннее. Без доказательств, зрением профана, не отличая тимпана от тюльпана – любой скажет, что она законченнее, правильнее, логичнее, чем Богоявленская. Увидев мельком и издалека островскую церковь, уже нельзя построить в Красном на Волге такую церковь, которая там стоит, только не зная ещё о существовании Преображенской, можно браться за проект Богоявленской. Церкви в Коломенском и Дьяково (тридцатых и шестидесятых годов XVI века) ближе и понятнее в сравнении с Богоявленской, а не с Преображенской. Везде присутствие иноземных мастеров несомненно, и независимо от происхождения и опыта мастер бывает отличен от другого размером дарования, но дело не в этом, не в талантливости, а в чём-то трудноуловимом и ещё труднее определимом, индивидуальность автора находится в колышащемся равновесии с веянием и духом времени, талант и время как-то вместе, но по-разному отпечатываются в созданном произведении архитектуры. Церковь Положения Риз и Пояса Богородицы в московском кремле не может быть создана ни в XII, ни в XVI веке, и не из-за перемен в технологии и строительных манерах (точнее, не только из-за них), хотя крестово-купольную конструкцию и сомкнутый свод разделяют много лет. Эпоха больше маркирует церковь, чем церковь определяет эпоху. Бидонвиль как архитектурное явление появился не потому что доросли строительные технологии или изобретательность архитекторов и инженеров-строителей – в нём появилась нужда. Так же появилась нужда в возрожденческих архитектурных сооружениях в России – и они свалились с неба, неважно, от иноземных или местных мастеров, итальянец и немец ничем хуже удмурта или уйгура. Один из пиков ренессансной архитектуры в России – сооружения конца XVI – начала XVII века

Самый конец XVI века. Борис Годунов на взлёте, катастрофа не просматривается, всё ещё получается, свежеиспечённый (всего 10 лет назад) патриарх Иов – союзник и сподвижник; Годунов – третий царь, Иов – первый патриарх, оба недавно «интронизировались», оба продолжают начатое Макарием и Филиппом, то, что потом будет сохранено и умножено Никоном и Фёдором (вместе с В.В. Голицыным) – и вовсе не в канонической области, а в совершенно политической, государствоустроительной.

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:19 Страница 252

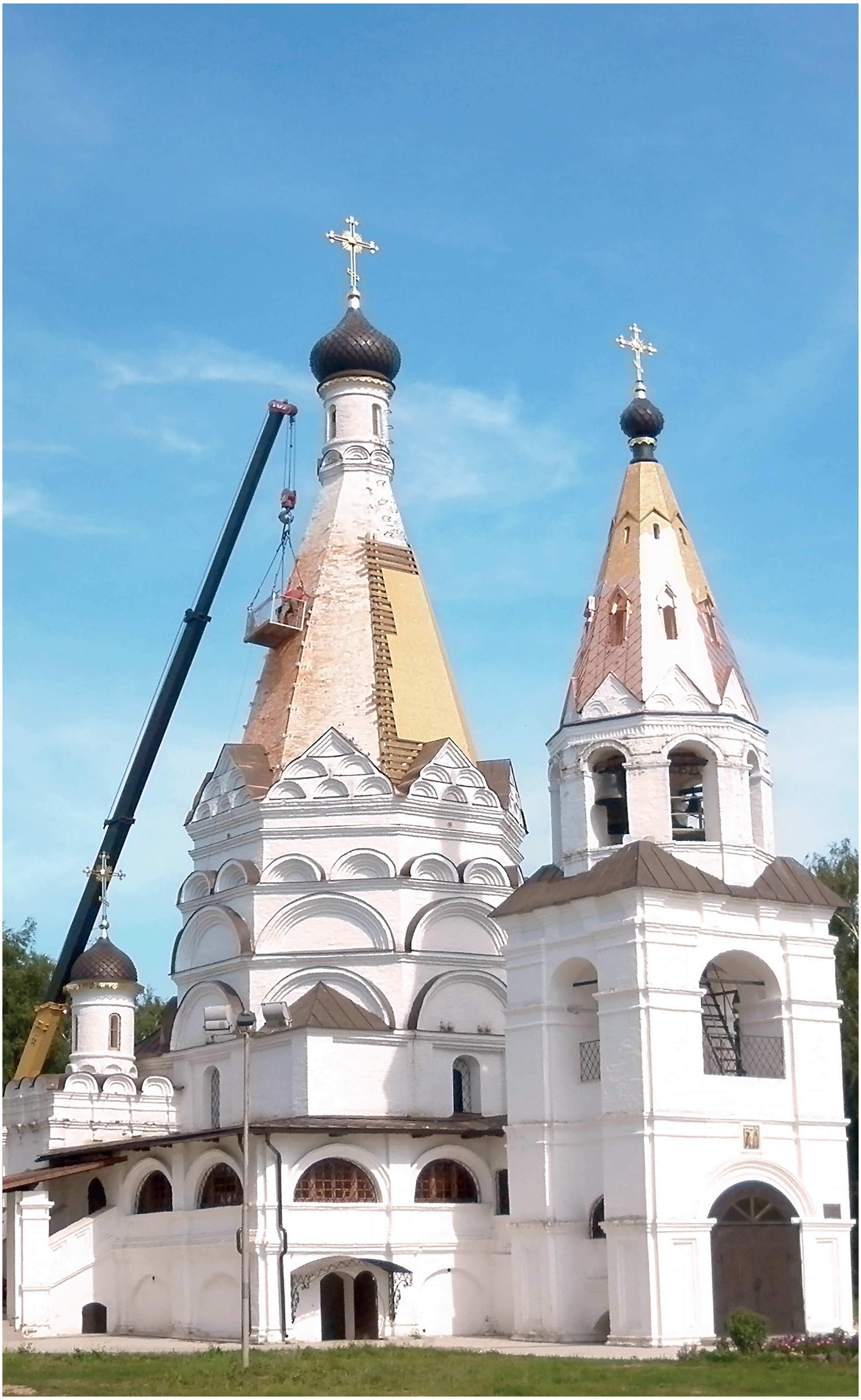
Отчётливее всего эти политические начинания проявились в проекте реформ начала 80-х годов XVII века – устройство «обратной связи» с управляемыми без устройства парламентско-представительной болтовни и трёхсотлетнего наваждения россказней про демократию, равенство и братство, наоборот – с балансом территориального и отраслевого способов организации власти (Дума, приказы, воеводы, земские и губные избы, земские соборы как постоянно действующая стотридцатилетняя Конституанта, от Стоглава до Фёдора). За 130 лет не нашлось времени ни на обустройство такой реформы, ни даже на её мысленное описание, изобретение шло мучительно, без теоретизирования от концепции к практике, не потому что так кому-то показалось «надо» или «хорошо», а потому что иначе никак не выходило, и в голову не приходило, что такие вещи можно «изобретать», «проектировать». Установить связи между политическими веяниями (даже не событиями) и архитектурными предметами можно только одним способом: заявить, что было так и никак иначе; аксиома не требует доказательств, её надо принять или отвергнуть. Так вот: связь между мыслями Макария, Иоанна IV, Бориса Годунова, Иова, Гермогена, Никона и Фёдора была, есть и остаётся. Любимое соображение политических неудачников – «народишко попался дрянной», была бы публика поприличнее – можно было бы и горы своротить, и полное справедливое общество учинить. И так уже пару-тройку тысяч лет, а то и все четыре, далеко за Египет не заглядывая. На исправление народных нравов неплохо действует архитектура, а не увещевания: видно всем и нравится или не нравится всем, какое-то отношение всегда есть, даже к бидонвилям. От Иоанна III до Фёдора росло это ренессансное ощущение, и отражалось в зодчестве. Применительно к эпохе Бориса Годунова вряд ли кто-то возьмётся сформулировать, были ли вообще, и если были, то какие именно остались следы нарастания и гуманизма, и возрожденческого отношения к человеку. Но если множество (следов) не определено и неопределённо, то в него вполне могут входить и такие: 1) если не все, то очень многие годуновские (его времени) церкви особенно стараются выразить и донести идею возвышения, вознесения, преображения, высоты и всяческого приподнимания, вытягивания, даже чтобы просто войти, надо одолеть большую лестницу, не только отделяющую от земного, но и физически поднимающую; после «приподнятости всего стиля» – 2) более частое и упорное, чем на двести лет раньше и сто лет позже, употребление числа «33» как инструмента для донесения главной мысли: Бог – рядом, взгляни, вот он, прямо тут, «посреди нас», вспомни о нём, вот он в Успенской церкви превращает горестную кончину в праздник воссоединения матери и сына, вот он в Преображенской, в Рождественской, в Богоявленской, вот – все его апокрифические 33 года земной жизни. Почему апокриф – а потому что никто не знает, с какого возраста отсчитывать святость, с семи лет, или с семи дней. Что худого в том, что бессловесное напоминание не назидает, а только напоминает – вот, рядом, веди себя, пожалуйста, прилично. Инструмент «33»-х отдыхал, кажется, лишь у Ф.С. Коня, когда он в Смоленске возводил великую стену.

В 1595 году только память об Иоанне IV, в 54 года освободившем престол для Фёдора Иоанновича при регентстве Бориса Годунова, омрачала чуть было не, почти, едва-едва не начавшиеся годы спокойного и уверенного подъёма, гнев тирана при патриархе чуть менее страшен, кажется, и сам царь не злобен характером. Построенное им никто даже не пытался подсчитать, задача непосильная, и как считать смоленскую стену, если только в неё могло уйти столько же кирпича, сколько потребно для полусотни церквей и сотни хором. Иногда, как в Красном, в Богоявленской церкви, высокоустремлённый талант зодчего обеспечивал такой результат, что колдовской, сказочный эффект, создаваемый просто обликом церкви, нельзя объяснить, нельзя сказать, что именно так хорошо, что застревает в памяти, что формирует про-

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 253

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 254

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 255



Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 256

странство вокруг церкви на километры, сколько хватает взгляда. Одна только деталь подтверждает это победительное сказочное воздействие: фотография, попавшая в Историю русского искусства И.Э. Грабаря, в первом ярусе кокошников содержит вместо кокошников окна с кокетливыми накрашенными бровками, самих кокошников не стало, но это не замечается, общая слаженность, слитность облика и конструкции проглотили эта глупую осветительно-украшательскую вольность, сами исправили её, сделав неразличимой, незаметной, неважной, как хороший автомобиль помогает неопытному водителю, прощая его небольшие промахи, возвращая к движению в полосе или заглядывая за угол. Большие глупости непростительны. Казарму трапезной лучше было не строить вовсе, или отнести метров на сто в сторону; гульбище – лёгкие церкви, она ими дышит, насышаясь воздухом, прежде чем взлететь, а в казарме, как и положено – задыхается. Секрет не раскрыт, но один камешек на подступах к штурму этой вершины можно положить: ни один из элементов облика, ни конструкционный, ни из разряда украшений, не хорош и не плох сам по себе, в одиночку, без окружения и общего замысла, которому служит. Шатер – остроугольные треугольники, кокошники – половинки круга, столбы, карнизы, арки, капители – все хороши и даже заметны только во взаимодействии, гурьбой. Ни вынуть, ни вставить ничего нельзя, не выставляя себя бессмысленным существом. Если бы такому взаимодействию можно было научить, вставить правила в учебники, – все бы ходили с дипломами архитекторов. Но число «33» работает и здесь.

Несчастливая судьба Бориса Годунова и таланты А.С. Пушкина и М.П. Мусоргского закрыли нам очи на несколько сотен лет, кроме «кровавых мальчиков в глазах», уж и не видится ничто из того, что Борис Годунов всё-таки успел сделать. Разве что вот Ивана Великого в Кремле надстроил. А то, что он рядом с Кремлём, на Красной площади, к Покровскому собору пристроил придел Василия Блаженного, знают только въедливые архитекторы и реставраторы. Но и они не знают (кроме А.Л. Баталова и В.А. Рябова), что в приделе сработало правило 32-х кокошников при одной главе. Так же оно сработало не однажды во Введенском Владычном монастыре Серпухова, в Донском монастыре, да много где ещё.

Такое почти всеобщее неведение заставляет усомниться в себе и наводит на неутешительные подозрения. Не является раскрытие тайны «33»-х преступлением, совершённым по глупости и по заносчивости – вот, дескать, четыре сотни лет никто не видел, а вот тут, и вот тут, да и там, и сям, и вообще, никто не знает, сколько уничтожено за те же четыреста лет, может быть, было в сорок раз больше. Это бы ещё ничего, мало ли хвастунов бродит по земле, но следующей является мысль, что такие всеобъемлющие умы, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, десятка два писателей и философов XIX века, потом В.В. Верещагин, Н.К. Рерих, С.Ф. Ольденбург, П.Д. Ба-

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 257

Богоявленская церковь въ селѣ Красномъ Костромского уѣзда.—1592 г.
(Фот. Императорской Археологической Комиссіи).

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 258

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 259

рановский, И.Э. Грабарь, С.С Подъяпольский, В.В. Кавельмахер и ещё сотни неназванных, но заслуживающих упоминания, не могли не видеть, наверняка видели, и молча оставили мир, потому что так же твёрдо знали, что то, что они оставили для собственных, своими головами сделанных открытий будущего, настолько важнее политических хитросплетений, борений и сражений, что силы, рождающиеся при совершении таких открытий, во сто крат сильнее и важнее, чем эффект от втолковывания в сопротивляющиеся мозги довольно-таки прописных истин, колышащихся в мареве истории независимым от людей киселём, кто-то попробовал, отведал, кого-то обнесли, ну и не страшно. Поражающее в самое сердце открытие надо делать в тишине, самостоятельно, чтобы понимание выросло, как взрыв, и не осело скоро мелкой пылью, а сквозь поры проникло под кожу, как газ нервно-паралитического действия, и произвело эффект не отрицательный, а отворительный, опять и опять превращающий человека в человека. Конечно, и они это понимали, и каждый реставратор работает примерно с такой же мыслью.

Так вот не на эту ли традицию молчания и делания, пока есть силы, покушается автор этих строк?

Да, ровно на эту.

Экспонента, закручивающая бег времени в вертикальную иглу, не позволяет передать ум старших из рук в руки младшим, из клюва в клюв не получается, некогда, да и нижние клювы думают, что они уже давно умнее старших. Как началось это незадолго до Древнего Египта, в додинастический период, так и продолжается. Передать остатки всё время уходящей цивилизации можно только через голову, две или три, напрямую, от отца к сыну – редчайшая удача. Прадеды и пращуры завсегда делали лучше, чем отец с матерью. Разве художник Ю.Л. Купер сравнится с художником Г.Г. Мясоедовым? А Мясоедов с Левицким? А Левицкий с Рафаэлем Санти? А Рафаэль с Андреем Рублёвым? Где-то всё же есть предел. Ниже Джотто редко кто уходит. Примерно оттуда есть пошло всё. Предвозрождение и Возрождение открыло шлюзы. И в России для трансляции через головы трёх–пяти–десяти поколений пригождается изобразительное искусство. Является ли архитектура таковым (изобразительным) искусством? Вероятно, нет, потому что она больше, её роль, влияние и значение прямее, больше и неотвратимее.

Традиция продолжения молчания должна быть остановлена и оставлена в истории. Так было, но так не должно быть теперь – из-за экспоненты. Человек может вырасти и жить без сказки о царе Салтане. Но не должен, потому что какие-то пёрышки в душе не научатся звучать, если она вовремя не услышит «Что ты тих, как день ненастный».

Спрятанные под крышами кокошники – примерно то же самое, что сожжённый в площадных кострах Пушкин, что растащенное бульдозерами кладбище, что стада урфинов-джусов, пасущиеся в супермаркетах, потому что в голове главное – рот.

Надо открывать крыши, восстанавливать правильные кокошники, не уставать рассказывать и показывать то, что было спрятано (без злого умысла, по слабости и по глупости) то двести, то триста лет. Не быть заворожённой Успенской церковью на Ильинской горе в Нижнем может только корова с красивыми глазами. Знать, что в Кирилло-Белозерском монастыре, в Успенском и в Ивановском от людей спрятаны, закрыты крышами, всё равно, что похоронены семь сказок (с Евфимьевской, полуоткрытой – восемь, Преображенская открытая – девятая) – невыносимо. Всего четыре приоткрытые сказки превратили Ростов в средоточие русской архитектуры (приоткрытые – потому что решение В.С. Баниге о повторении пощипцовых покрытий – небесспорно, хотя и было единственно верным с точки зрения реализуемости), а в Кириллове – девять, вдвое больше. Наблюдаю, как слова становятся унылыми,

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 260

невыносимо скучными от назидательности. Тут бы ввернуть лёгкую шутку, убить пафос хохотком, но на кладбище ржание не выглядит уместным, как ни тяни себя пальцами за углы рта, чтобы изобразить улыбку. «L'homme qui rit» мил, но страшен. Восторгаться скорченными позами скелетов в захоронениях могут только археологи, а в их среде – желательно, чтобы египтологи, больше четырёх тысяч лет назад, или вообще в каменном веке – там уже невозможно эмоциональное отношение к тому, кто своими живыми мышцами двигал эти кости: ни кости, ни мышцы, ни даже жир, наполнявший голову, не жалко. А эти остовы в КБМЗ – всё ещё жалко, и никакие рассказы, устные и письменные, умные и глупые, талантливые и бездарные, с какими угодно танцами и завываниями в ходе хитроумных камланий не заменят собой правду: в Успенском соборе должно быть 32 кокошника, с ним должна сообразовываться вся ближняя и дальняя архитектура; может быть, где-то и не вытанцовывается 32, а только 24 или 48, – но они всё равно кивком головы указывают на Успенский (Гаврииловская, десятая, или преждебывшая кококольня, одиннадцатая).

Богоявленская церковь в Красном на Волге напоминает, что сколько бы километров и тысяч этажей ни имела в себе возведённая с применением всех достижений строительной и архитектурной науки башня (примеры в истории есть, довольно подробно описанные в литературе), ей никогда не превзойти именно высотой Успенскую церковь на Ильинской горе в Нижнем Новгороде.

Из этого вытекает один гадкий вывод: чтобы построить башню, надо сначала спрятать церковь. Можно сжечь, расстрелять, взорвать, оставить в запустении, можно и просто накрыть крышей – эффект тот же. Это не La Pietà, закутайте обе фигуры в рубище, поставьте на кладбище – ну что ж, горюет кто-то над покойником, жалко, конечно. Красоты не видно – и мысль пропала. Можно строить башню, готовы и строители, и такие же обитатели башни.

Бывший (до М.Д. Быковского) внешним портал северного придела Преображенской церкви явно и недвусмысленно подмигивает и прямо-таки размахивает головой в приглашающем жесте – это уже не кажется, это настойчиво сделано.

Больше того, весь набор больших кокошников островского шатра не свободен от колебаний вертикали, все, кто налево, кто направо – но это выглядывание одного из-за другого становится заметно, только когда через их оси провести вертикальную линию и проверять себя вновь и вновь, несколько раз – а не чудится, не мерещится ли?

Конечно, любой архитектор улыбнётся и каждый строитель расхохочется: колебания от прямой в пять или даже десять сантиметров – обычнейшее дело на стройке, особенно когда речь идёт о линии длиной в несколько метров. Оно, пожалуй, и верно, когда бы внизу не было порталов, где кривизна нарочита и специально устроена, не оттого, что материал повёл туда, куда всё пришло, а как задумано, так и сделано, чтобы добиться результата. Каков же результат? – Никто не замечает, а портал работает как добродушный и усердный привратник, встречая и провожая каждого вошедшего и снабжая его, хочет тот или нет, приветственной ободряющей улыбкой. В порталах есть и ещё одна черта, которую можно попробовать понять. Порталы эти именуют перспективными и килевидными. Киль перевёрнутый, перспектива имеет метровую в лучшем случае глубину, и ступенек в нём чаще всего не больше пяти, не считая уровня стены. В молитвенно (или умоляюще) сложенных пальцами кверху руках тоже по четыре пальца с каждой стороны образуют подобие треугольника, в той или иной степени остроугольного. Тот, кто строил портал, кто делал проектный чертёж, вряд ли держал в голове образ перевёрнутой лодки или глубокомысленно устремлял мысленный взор в перспективную даль, а вот просительно сложенные руки могли повлиять на образ.

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 261

Портал северного придела Преображенской церкви. Остров

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 262

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 263

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 264

Поскольку строитель не хуже нашего знал, что человеку свойственно ошибаться, он и не стремился к идеальной правильности, больше того, чтобы было по-человечески, надо сделать чуть-чуть неправильно, неровно, несимметрично – чтобы содрать пафос с собора или церкви, сделать его или её не нависающей со всей прямотой и регулярностью, а весёлой, не без баловства, с улыбкой, когда и где можно. Уж если удастся приветливо помахать рукой тем, кто пожелает заметить, – это самое удачное. Не исключено, что и с кокошниками случилось так же. Во-первых, материал действительно ведёт – камень не так-то просто обработать, даже известняк. Во-вторых, когда есть понимание, что важно, а что и не очень – можно увеличить припуски и допуски, и не убиваться над соответствием эталону. И в результате никто теперь не может доанализировать свои собственные ощущения от церкви Преображения до твёрдого понимания, что откуда берётся, из чего проистекает и на что влияет. Скорее – неотменяемая действенность и сила волшебства, колдовства и чародейства на крошечную долю всё-таки объясняются покачиванием кокошников. Неразличимое, по неизвестной причине появившееся, несуществующее движение, пошевеливание, хоть на кажущиеся два сантиметра, хоть на поло-

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 265

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 266

винку – оживляет церковь уже много сотен лет, заставляет это пламя трепетать в снегу и в цвету.

В.В. Кавельмахер не нуждается в подтверждении или усилении его аргументов в пользу окологодуновского времени создания Преображенского храма в Острове – потому что они исчерпывают тему. Но к насыпанному кургану можно принести свою горсть, даже зная, что он не станет выше. На схожесть Преображенской церкви в Острове и Богоявленской в Красном-на-Волге обратили внимание давно, так как она, схожесть, бросается в глаза: шатровый центр и два придела. Не меньше этого ясно, что по совершенству Преображенская стоит много выше Богоявленской, но вот чем определяется высота – не всегда объясняется. Богоявленская церковь датирована неоспоримо: 1592 год, стилистически ничто не противоречит её датировке, пять апсид почти в рост четверика, окна не прорублены в камне топором, а прорезаны ножом, красота рождается не из украшений (декора), а из самой формы, образованной сочетанием рядов кокошников, вырастающих в острие копья-шатра. Главное удивление – почему она не падает, ведь распирающее давление всей массы, стоящей на четверике, огромно, а ни контрфорсов, ни аркбутанов нет и в помине, всё снаружи стройно и лаконично, подпирающая роль приделов на востоке ничем не подкреплена на западе. Хитрость применена почти египетская (пирамида с изломом граней): восьмерик, почти равный по высоте шатру, (опять же почти) не сужается кверху, бочка давит скорее вниз, чем вбок, достаточно хорошо обвязать. Отсюда осталось полшага до приёма, применённого в Острове – там очень большой шатёр, видимый снаружи, изнутри становится ещё выше, потому что начинается ниже (немного похоже на тросы в Останкинской башне). Кто строил Преображенскую церковь – мог использовать опыт Богоявленской. Богоявленские же строители Преображенскую не видели – иначе бы переняли навыки и идеи, их ведь не удержишь ни законами, ни запретами, да и авторское право в XVI веке ещё не поселилось ни в какой голове, потому что они (головы) были другим заняты, более важным: красота не в одежде (декоре), а в том, что под одеждой. Апсиды приделов Преображенской соотносятся с апсидой центральной части, они задают высоту, а в Богоявленской придельные вторят центральной, которая «ведёт за руки» левую и правую, выдвигаясь вперёд, все пять штук – главные в нижней части восточного фасада.

В Преображенской главные – не апсиды, а сами приделы, они подпирают центр могучими плечами. Несмотря на изобилие кокошников (пара сотен, сосчитать точно никто не возьмётся), на очевидные итальянизмы (раковины-окна) и псковизмы (бегунец и перевёрнутые ласточки над окнами), на изощрённую хитрость конструкции и украшения разными способами – всё вместе производит впечатление не более простого, но более цельного силуэта, букет составлен не из попавшихся под руку случайных полевых цветов пуком, а опытным флористом, раздумчиво и не спеша, зная, на какое именно впечатление он рассчитывает и какого добивается, от первого камня до главы (с которой, кстати, пора наконец снять глупую вазочку под крестом, невесть когда туда примостившуюся).

Видели строители творения друг друга до того, как начали строить, или не видели – совсем не важно. Проще предположить, что не видели. Если их (не строителей) взять нежной рукой за маковки, осторожно поднять и поставить ненадолго на один холм рядышком – нет сомнений, какая раньше, какая позже. Датированная бединская церковь ближе всё же к Богоявленской, чем к Преображенской, хотя и стоит неподалёку.

Уже шла речь о том, что в Преображенской церкви использован не самый обычный способ противодействия разваливающему действию тяжести каменного шатра: видимый с улицы после огромного каменного выноса карниза четверика шатёр внутри

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 267

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 268

четверика начинается не просто раньше, а на несколько метров раньше, ниже. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на три верхних окна (восточного нет) четверика снаружи и изнутри. Для облегчения сопоставлений в качестве линейки можно использовать человека ростом 190 см. Он бочком, но легко выходит на воздух из северо-восточной двери рядом с прислонённой деревянной лестницей в цилиндрической (не скрытой шатром) части восьмерика, то есть высота двери – около двух метров, может быть, чуть меньше. Высота окна на западе сопоставима с высотой двери, которая близка к размеру видимой части восьмерика, от порога до притолоки; от

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 269

низа окна до верха карниза (откуда снаружи начинается шатёр, прикрытый весёлыми кокошниками) метра четыре или пять должно поместиться. Это те самые четыре с лишком метра, которые составляют разницу в началах шатра снаружи и изнутри: внутри ниже, в углах помещения от окна уже пошёл расти шатёр, пока снаружи ещё долго продолжаются ровные вертикальные аркатурные кронштейны и полуколонны (на востоке окошко внизу с северо-восточной стороны). Поэтому проекция силы тяжести, всегда направленной к центру земли, уменьшает распирающее, боковое действие веса камней, больше вниз, меньше вбок. У такого решения образовался побоч-

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 270

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 271

ный эффект, на который, скорее всего, рассчитывали авторы: силуэт приобрёл талию, бочка Богоявленской стала рюмочкой Преображенской (правда, заметна эта стройность фигуры лучше издалека, через судоходную протоку, от Угреши). Высокие углы четверика между сторонами света (северо-восточный, юго-западный и т. д.), образованные несколькими ломаными под прямым углом плоскостями с лопатками, стали удачными контрфорсами, в дополнение к конструкции и металлическим связям, противостоящими разваливающему воздействию шатра.

Всё-таки прав В.В. Кавельмахер (и неправ его сын, который нашёл совсем неубедительные аргументы против), когда относил Преображенскую к XVII веку – она вся родственница переделок кремля и Покровского собора, Введенского Заегорья в Серпухове и более поздних Зосимо-Савватиевской церкви в Троице и Никоновской церкви там же, и бесконечно далека от Вознесенской церкви в Коломенском.

Понятие «годуновская архитектура» существует, а понимания, что это такое, есть пока не у всех. Два десятилетия у власти, из них почти семь на троне оставили по первому из двух царей династии (второму отпущен был месяц) память скорее добрую, несмотря на невынесенный приговор по делу царевича Димитрия. Двадцать лет – срок немалый, не всем столько достаётся. На память среднеобразованному человеку приходят дело царевича, раздача хлеба и помощь малоимущим во время несчастий начала LXXII века, учреждение патриаршества и архитектурная эпоха, названная по имени государя (то есть по времени), а не по внутренней сути. Говорит ли архитектура что-нибудь о времени, или только от карнизах, тимпанах, конхах, антаблементах, импостах и фустах в сочетании с пилястрами и подпружными арками под парусами без мачт, но с реями? В конце концов почти всё. Остатки городов, притопленных в Крыму, например, – главный, если не единственный источник представлений о жизни и тысячу лет назад, и две. От одной Покровской церкви (на Нерли) до другой Покровской церкви (на Рву) прошло почти четыреста лет. Если бы какой-

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 272

Преображенская церковь. Остров. А.Г. Стройло в поисках надписей в стене

нибудь Симеон посмотрел сначала на одну, потом на другую, он бы уловил не только разницу, но и что-то общее. Вот это общее сохранилось и через 50 лет после взятия Казани, как-то проявилось в годуновской архитектуре, и ещё на сто лет хватило, потом на два века оно нырнуло и вдруг опять выпрыгнуло у Павлинова, Султанова, Щусева и Дужкина (не только). Термин «ликование» хорош и подходит, но ему нет пределов, нет о-пределения, так как ровно так же безудержно умеют радоваться во всех сторонах света.

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 273

ИКОНОЛИТ ВВЕДЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В СЕРПУХОВЕ

Попробуем приоткрыть только одну из страниц этой толстой книги. Ирод был Иван Грозный, или Соломон, ещё много будет споров, но в памяти он остался как государь редкой породы. И хоть поминать он велел о всего пяти тысячах – это были только те пять тысяч, про которых он помнил что-то достойное поминания; верхняя граница числа колеблется в зависимости от настроений исследователей и знаний о народонаселении страны в XVI веке при начале и «при концу». 1530–1584 – опять 54, причём бедствия начались после юности, раньше были беды. Глядя на бедствия, часть которых приходила из-за действий государя, царский шурин, а потом (после 1598 года) и царь не мог не думать об исправлении череды несчастий, о более цветущем состоянии государства, и удумал, вместе, вероятно, с митрополитом, учредить патриаршество. Но это дальнобойное орудие, а воробьёв надо уговаривать сегодня, и не пальбой, а увещеванием, так, чтобы доходило без литературы, интернета и телевидения. Ни глашатай, ни плеть не подходят, убедительности не хватает, и доходчивости, в этой области с архитектурными символами и доминантами ничто соревноваться не может. Эта нехитрая мысль стала посещать головы правителей давно, начиная с фараонов и тревожащих небо башен в Вавилоне, и почти сразу изощрённость стала побеждать размерность: «Крупно не хитро, хитро затейливо», габариты важны только для заметности, а разглядывать, заметив, лучше что-то приятное глазу. То, как именно глазу делают приятно, и составляет суть формообразования, здесь поселяется новизна и здесь нельзя промахнуться, уж если масло, то топлёное или оливковое, если мастер, то лучший, если материал, то отборный, причём повторять нельзя, только неслыханное и невиденное, среди прочего и по мысли, по замыслу.

Тут и начинается самое важное и самое трудное. У Василия родился Иван – поставили новый Никитский собор вплотную к маленькому старому, но деликатно, у Ивана родился Фёдор – поставили Фёдоровский собор, тоже немаленький. По сравнению с Покровским на Рву на них тоже ушло много кирпича, но форма отлична как небо и земля. То есть Иван (скорее всего с Макарием) сначала придумали что-то немыслимое, а уж потом велели, как в сказке, сотворить то, что им привиделось: «Пойди туда – не знаю куда, сделай то, не знаю что», не говоря уж про «как». И теперь уже вдруг не скажешь, что знаменитее – София в Царьграде, она же в Киеве и Новгороде, или Покровский на Васильевском спуске ко Рву. Мы все эти образы видим так же, как видел их царь Борис (кроме Царьграда), и ему надо было придумывать что-то свежее, что могло превзойти даже образ Иерусалима на Красной площади. Через полвека патриарх Никон додумается погрузить образы святых мест на верблюдов, и караваном пе-

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 274

реправить их на Истру, и Воскресенский собор, и подземную церковь, и горы, и реки. Мысль просто ни с чем несравнимая, до сей поры.

Где-то между ними, между двумя Иерусалимами (на Красной площади и в Истре), надо искать родник, утолявший жажду Бориса Фёдоровича. И он придумал.

Поскольку на том, что он придумал, не висит табличка с надписью крупными буквами, что это и как называется, придётся не показывать пальцем, а убеждать.

Во-первых, конечно, это должна быть церковная архитектура, как ни огромна смоленская стена Фёдора Коня, всю её видно только с неба, а требуется что-то охватываемое взглядом; во-вторых, по универсальности, общедоступности, всеохватности и «поражающему» глаз эффекту этому архитектурному предмету не должно быть равных. И в-третьих, символ не должен «бить наповал», перо – не кувалда, павлин не корова, человек должен понять, что что-то произошло, но что именно – не ухватишь, не выразишь словом, не почувствуешь весом в руке, кровь капает, но не из-под ножа.

Введенский Владычный монастырь в Серпухове собрал в себе сразу четыре постройки времени Бориса Годунова – три церкви и звонницу. Каждая постройка заслуживает внимательного рассмотрения. Взгляд всегда должен быть пристальным, но здесь – особенно, потому что четыре предмета создавались все со смыслом и были настроены друг на друга, не как случайно попадавшие с неба, а как один инструмент, от «ми» до «ми» на шести струнах.

Строитель Георгиевской церкви был внимателен именно к облику, к тому, что видно наблюдателю, а на то, что заведомо скрыто от глаз – и кирпич тратить не стоит. На западе четверика из положенных трёх выполнен только один кокошник, на остальные взгляд всё равно никогда не упадёт, огромный притвор загораживает место, где могли бы быть ещё два кокошника, звонница отвлекает внимание, шатёр утягивает за собой ввысь. Автор был настолько уверен в себе, в том, что он лепит образ, в котором надо нарочно и специально показывать самое главное, а чем-то приходится и пренебречь, что на востоке решил не выводить апсиду (или апсиды), а сразу сосредоточился на лестницах, крыльцах, подъёмах. Решение не уникальное, но нечастое. Случалось, что один из входов делали на востоке (Благовещенский собор в московском кремле), но место престола чаще всё-таки выделялось архитектурными средствами, здесь же от входа в монастырь с запада сразу восточный фасад не виден, он за углом, а потом уже вниманием вошедшего завладевает Введенский собор, портал, лопатки, два ряда параллельных кокошников над пряслами стены. Ради чего отказались от апсиды? Ради помещения, производящего впечатление полуподвального и скорее служебного, и лестницы в ущелье двух поднимающихся стенок, ведущей в крыльцо, ведущее в крыльцо, ведущее в крыльцо, ведущее в звонницу. Единственное, что здесь можно делать – подниматься, лучше не спеша. И смотреть издалека или вблизи, не без труда припоминая, что, кажется, где-то и когда-то что-то похожее вроде бы уже видел, во всяком случае, ничто глаз не режет, всё как-то смутно знакомо, но при этом и ново, потому что ничего такого раньше не было. Глядя с востока на шатёр, задрав глаза, чувствуешь себя где-то в глубине тесного старого города, почти слыша его шум и запахи, он сразу делается знакомым, даже родным, своим, с детства исхоженным.

Звонница наверху расположилась на высоте, где уже недалеко до граней шатра, оттуда, из продуваемого ветрами павильона, кажется, рукой можно дотянуться до скоб на западной грани, вмурованных для тех смельчаков, которым приходится время от времени забираться под самый купол сквозь узенькие окна, чтобы поправить какую-то неисправность.

Всё это «палатное строение» не содержит никаких палат. Можно было бы попробовать примерить к нему назначение гульбища, но всякое гульбище должно вести

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 275

Георгиевская церковь Введенского монастыря. Серпухов. 33 кокошника

ко входу в притвор или трапезную, а тут входить некуда, кроме звонницы, куда доступ не всем и не всегда.

Хочешь – не хочешь, а приходится признать, что вся эта уйма кирпича, связей, извести и стараний пошла на изготовление картины. Причём картины настолько замысловатой, что поначалу её трудно различить, распознать как изображение – нет ни холста, ни досок, ни красок, ни штукатурки, наконец. И нет рамы, нет границ картины, она не останавливается там, где кончилась доска, ткань или сырая штукатурка

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 276

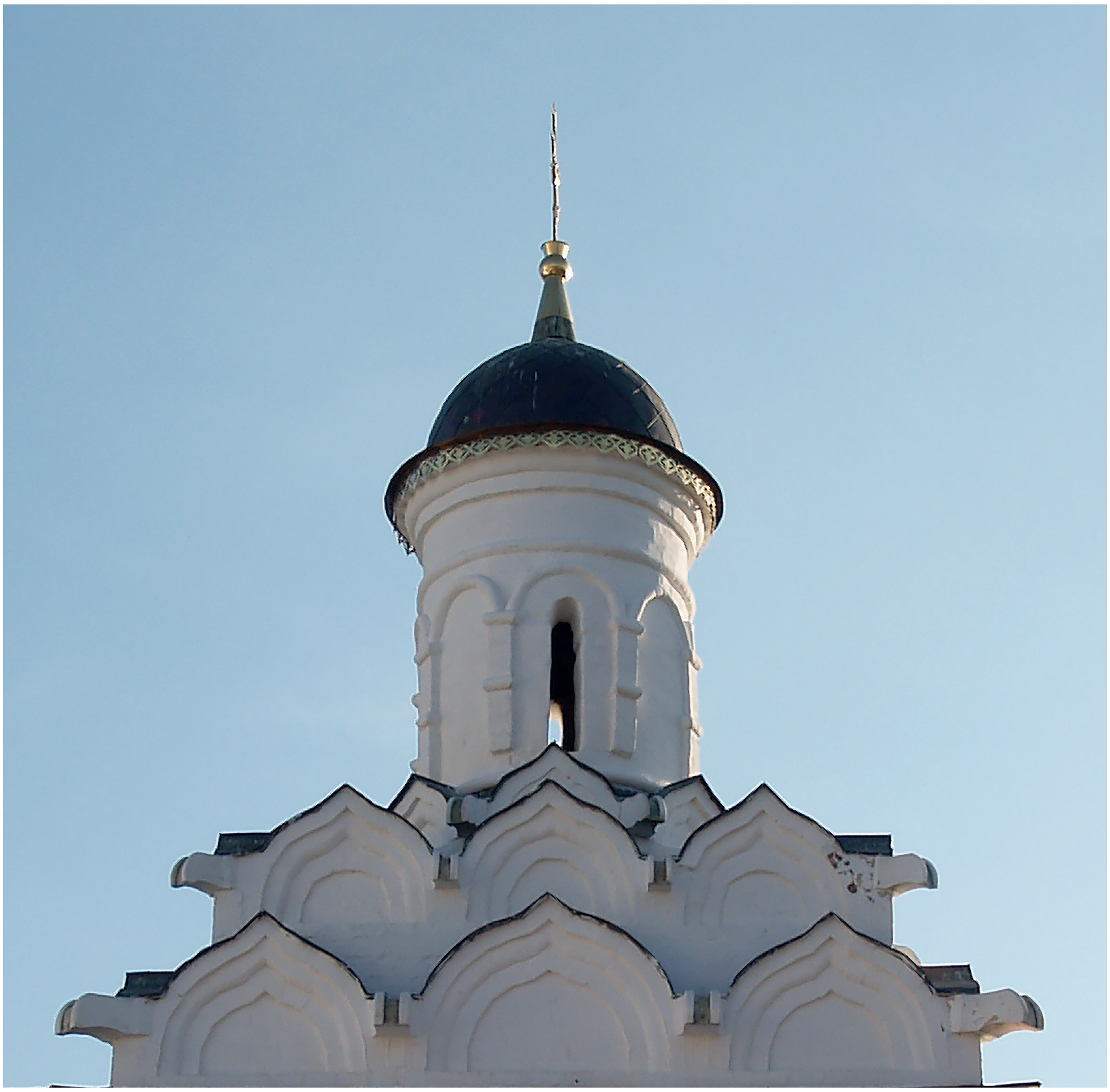
на стене или на потолке, а продолжается по всем координатным осям, налево и направо, вверх и вниз, подальше и поближе.

В клеймах икон, внутри самого изображения, на фресках не просто часто, а почти всегда встречаются архитектурные мотивы, окна, лестницы, крыльца, столбы, портики, порталы и фронтоны, иногда деталями, иногда перспективами, целыми городами и улицами, с предместьями и горными местностями, с хибарами в пустынях, на-

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 277

селённых людьми и животными. Иногда сюжет отвлекает, и кажется, что архитектуры как-то маловато, но стоит чуть перевести взгляд, и вот уже царь Соломон не просто царь, а выглядывает их окошка справа, а слева царь Давид наяривает на гуслях что-то настолько благозвучное, что почти благоуханное. Священная топография всегда условна, поскольку не портретирует местность, а моделирует её, никогда не виденную, разве что в книгах, похожих на издания Пискатора. В этих моделях часто

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 278



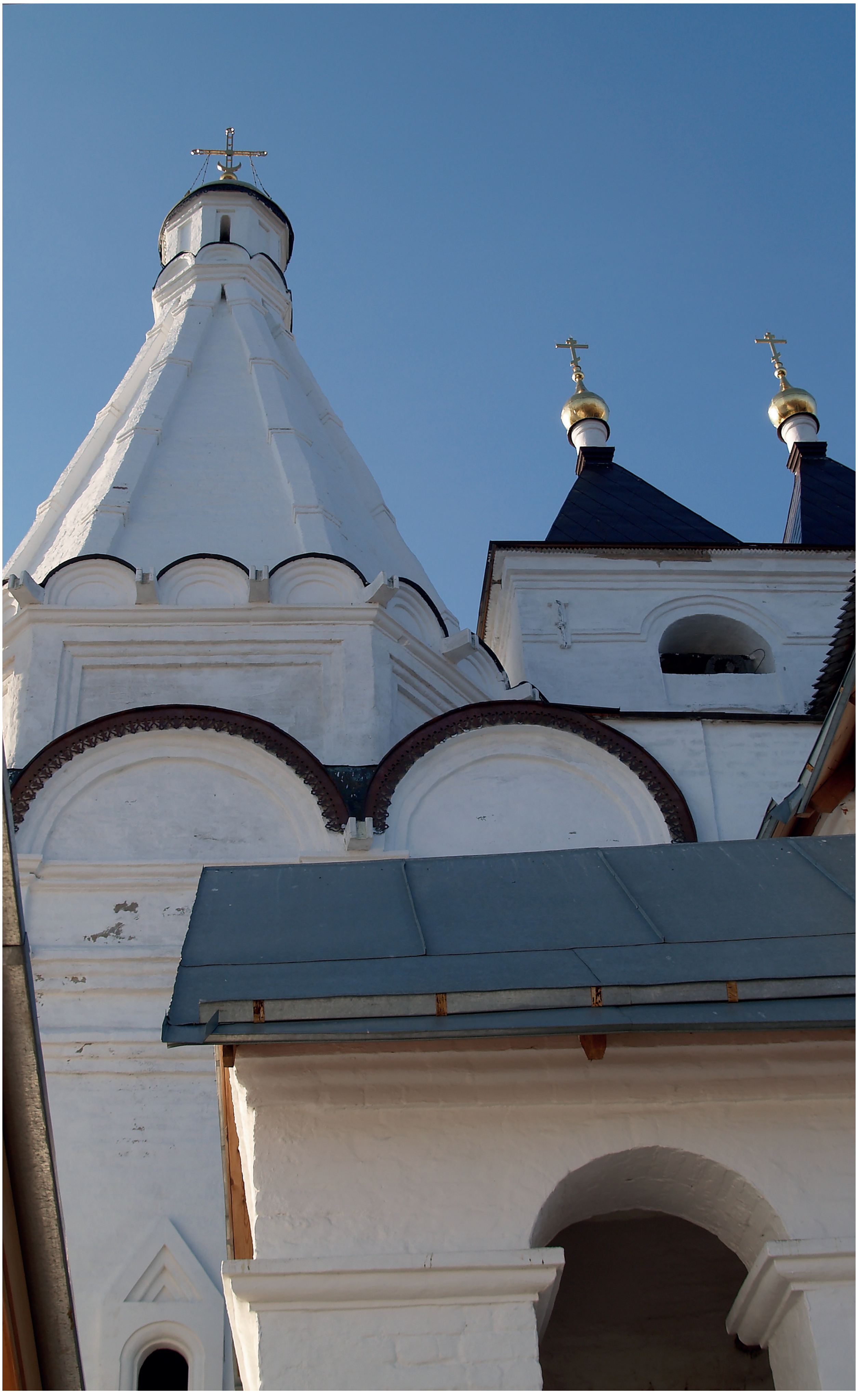
присутствует ракурс, снизу вверх, кроме, пожалуй, Вавилонской башни, которую разрушить можно лишь сверху. Здания, города, крепости и отапливаемые (с печными трубами) поблизости от Иерусалима дома по большей части ждут, когда к ним поднимутся, то ли на гору, то ли по лестнице, хоть по облаку.

То же и в кирпичной звоннице. Вместо апсиды у Георгиевской церкви появилась не одна архитектура, но и география святых мест, ощутимая, трогаемая руками и глазами. Это и икона, сделанная камнем, то есть архитектурный мотив не нарисован, а вышел из рисунка, стал «во плоти», в кирпиче, и самый Иерусалим, Иерихон, Назарет, даже и Вавилон и горы, на которые надо подняться, чтобы получить Завет.

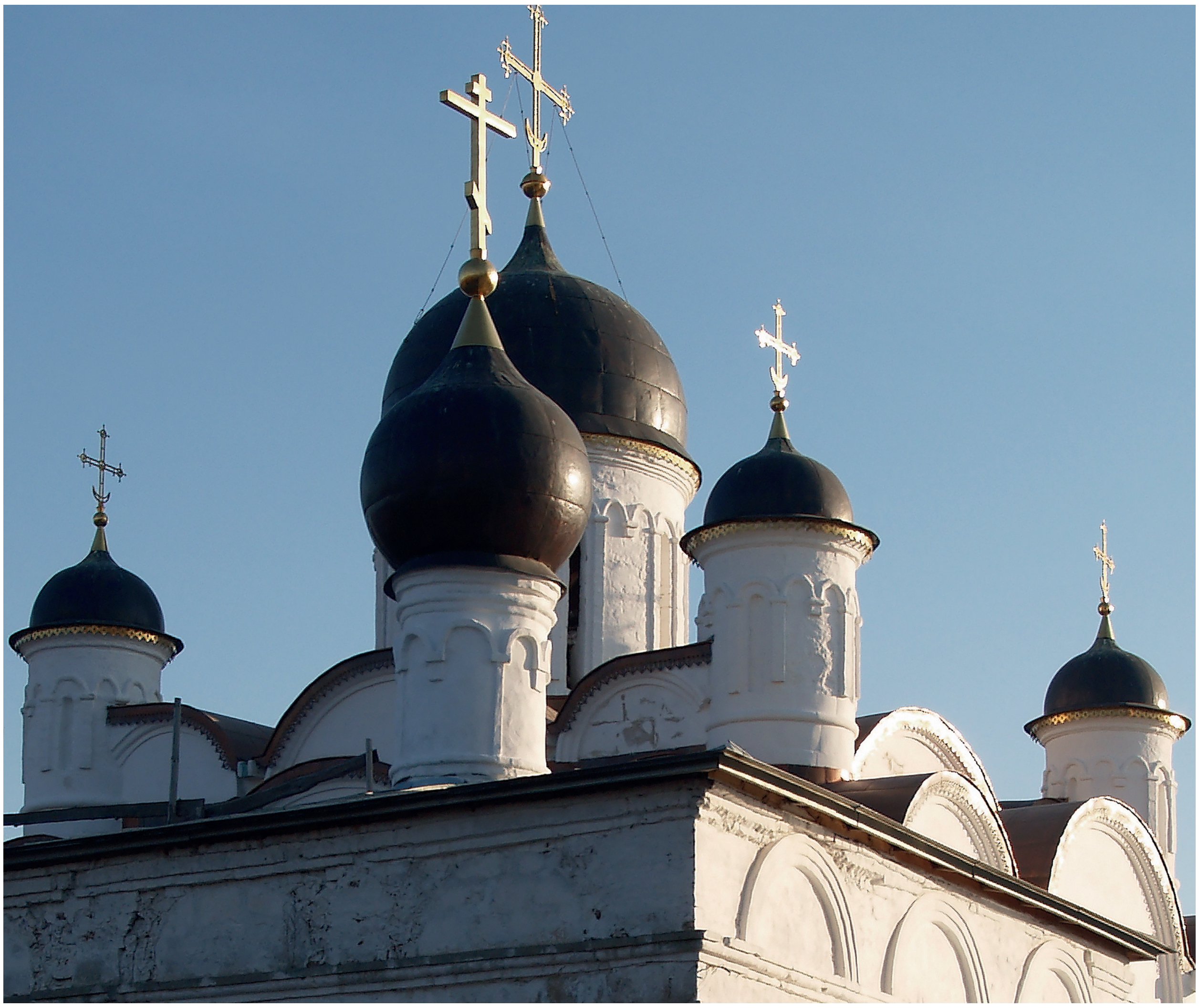
Не хочется придумывать новые слова, но вещь настолько огромная, что её требуется назвать для понимания. Это «иконолит», или что-то с корнем «-петр-», «штайнбильднис», «петрология», «горнемыслие». Нет, всё одинаково плохо.

Кто придумал, вряд ли станет известно, Филипп, Иов, Годунов, неведомый строитель монастыря. Но именно этот Заегорий (он «за церковью Георгия, почти на задворках») своей сверхсимволичностью может претендовать на выражение неуловимой сути «годуновской архитектуры» и даже всего его премудрого почти двадцатилетнего правления. Если семантика в архитектуре есть, если она уловима вообще, если она может быть постигнута из неархитектурных понятий, то более внятной

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 279



Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 280



фразы и представить себе нельзя. Бесконечное восхождение доступно всем, оно благотворно и разлито повсюду, открыто и нетаинственно, оно привлекательно и маняще, потому что в нём есть простота и красота, над которой много трудились, думали и стремились быть понятными. Приложима ли эта фраза к другим зданиям годуновских лет и отличает ли она годуновские стили от прочих? Пожалуй, нет, ни то, ни другое, и не прикладывается, и не отличает. Как можно назвать музыку? Она больше любого названия и определения.

Это вывернутая наизнанку окаменевшая икона, её смысл, молча выкрикнутый, рассказанный немым и услышанный глухим.

Надвратная церковь Феодотия Анкирского останавливает, даже когда ворота настежь. Ѳеодотъ (Богдан) – крестильное имя Бориса Годунова. Много ли народу вспоминает об этом, проходя под церковью, сказать трудно. Ещё меньшему числу приходит в голову, что горка кокошников, прикрывающая сомкнутый свод церкви снаружи, как-то может быть связана с куполом наверху барабана, самая простая связь – и то, и другое суть половинки. Полукруг и полушар (чуть больше, или чуть меньше), геометрия по крайней мере родственная, если полукруг раскрутить, как волчок, получится полушар (пока не остановится и не упадёт). Совсем уж редким выдумщикам приходит на ум мысль сосчитать все закругления. Четыре стороны по шесть да восемь сверху и глава. 33. Совпадает с числом земных лет Христа. Нарочно ли? Кто же знает! Но даже если не нарочно, совпадение становится ещё более многозначительным: значит, так... «исторически сложилось». С таким посвящением (Ѳеодотъ) у церкви появляется ещё одно назначение, она начинает работать вывеской, монастырь к имени получает прозвище: «Годуновский», собственный, только

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 281

очень мелкими буквами, не все могут прочесть, не все могут и сосчитать, не всем явлено число «33». Но это ни на что не влияет, всё настоящее, без обмана. Число потом появляется и ещё раз, на шатре: у каждой из восьми граней по три кокошника внизу и по одному вверху; и опять прибавим купол. Конечно, ничего не значит, конечно, случайно. Оттого, что слово никто не слышит, оно не пропадает. И то слово, которое сказано Заегорьем, тоже плохо слышно, но уже потому, что слишком громкое, для него надо ухо отрастить побольше, или отойти подальше, лет на четыреста.

Введенский собор такой простой, что казался бы бедноватым, если бы не размер. Стройный куб с шириной больше высоты. Украшений и декораций так мало, что непонятно, откуда берётся изящество. Толстяк не должен быть грациозным. Секрет знает только автор, а глаз усматривает лишь торжество цифры «три». Три прясла, треугольное завершение портала, три окна, два раза по три кокошника, видны только три барабана и главы, везде есть вершина треугольника, второй ряд кокошников поставлен теснее, чтобы подтвердить сужение силуэта кверху. Но главное – скупость эмоций. Архитектурные слова падают редко, тяжело, зато нет ни лишнего, ни суеты. Другой раз такая неразговорчивость будет повторена нескоро, во Флорищевой пустыни, со столь же отчётливой дикцией. У обоих государей скипетр продержался в руках недолго, меньше семи лет, и возраст разный, сравнивать нельзя, и эпохи иные.

Введенский собор особенно удивителен контрастом: все архитектурные слова уменьшены или увеличены, упрощены, разрежены, падают редко и тяжело, иногда разрублены пополам, загорожены и не выставлены напоказ – но речь внятная и громкая, если только собственное знание договаривает то, что не услышано из-за шепчу-

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 282

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 283

щих интонаций и неловкого выговаривания, применённых, кажется, не совсем без умысла.

Число «33» опять упрятано так, что и начинать считать не хочется, неоткуда ему взяться, такая лаконичная, чтобы не сказать простая, «примитивная» форма. Почему на всех лопатках по две капители? Ответ просится сам собой: достроили до нижнего карниза, спохватились, показалось, будто низковато – и дотянули повыше, получилось похоже на заикание – сразу не выговорилось, понадобилось повторить. Но так выходит, только если следовать устаревшим представлениям Д.С. Лихачева, будто строили «на глазок» – завезли материал, разметили колышками фундамент, начали стены, «как зодчему мера и глаз укажут»; так не удастся даже избу поставить: пространственное мышление без начертательной геометрии не умеет изображать процесс, этапы, наслоения и последствия, тут нужен или вековой опыт (для избы), или чертёж, макет, материальные прикидки. Такой заранее запроектированный дизайн полностью, решительно и безоговорочно отрывает низ от верха, они вместе не считаются, хотя, казалось бы – оставить три прясла вообще без карнизов, как было сто и двести лет назад, и высотная характеристика здания вытягивается, как стрела, хоть три капители на каждой лопатке устраивай. Следовательно, важнее для строителя было не вытянуть силуэт, а закруглить его при помощи того, что находится выше кар-

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 284

Введенский собор Введенского Владычного монастыря Серпухова

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 285

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 286

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 287

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 288

низов. Там сначала по три закомары с каждой стороны света – 12. Во втором ярусе центральный кокошник вторит нижней закомаре, а по бокам от него две половинки, примыкающие к малым главам, с четырёх сторон – восемь, да четыре малых главы, опять 12. Пока с центральной главой – 25. Восьми не хватает. Есть, правда, сведения, что над малыми апсидами когда-то были ещё две главы, поскольку и там, и там были приделы, но неизвестно, относились ли они к годуновскому времени. Остаётся смириться, по примеру В.И. Балдина, с отсутствием каменных указаний на особенности конструкции собора, и остановиться на числе «25». Но четыре обстоятельства мешают проявить покладистость.

1) В Феодотьевской и Егорьевской правило тридцати трёх работало, а в соборе-то почему от него отказались? Это более чем маловероятно. Такие решения не зависят от произвола строителя, они в ведении ктитора, а когда это сам государь – никакого желания вольничать нет.

2) После реставрации (отменного качества) вокруг барабана осталось просторное пустое световое кольцо, которое снизу никто наблюдать не может; но то, что на нём могло бы стоять, очень украсило бы и общий вид снизу, корона из восьми кокошников.

3) Уровень руинирования до начала реставрационных работ доходил до низа барабанных окон; при начале работ открылось основание барабана, на котором заинтересованный (то есть тенденциозный) взгляд мог угадать следы прислонённых кокошников, но догадка не бывает достаточным доказательством; труднее ответить на вопрос, зачем было устраивать кирпичное или деревянное основание крыши так высоко, если там ничего не было; для отведения осадков достаточно того уклона крыши, который получится после сноса кокошников второго яруса.

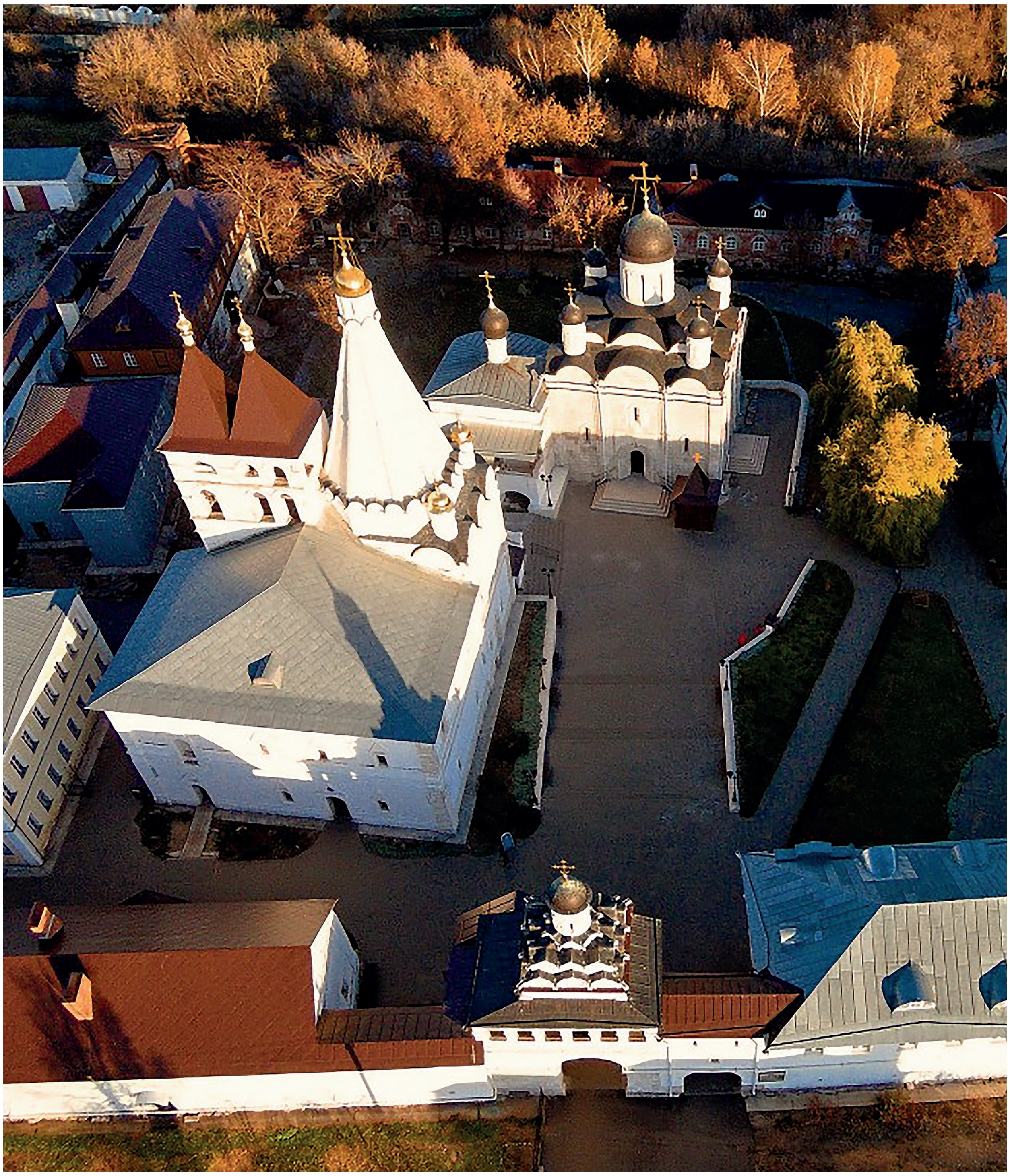
4) Окна барабана на двух «античных» фотографиях имеют разную высоту, но линия светового кольца уверенно читается на одной высоте; его отсутствие (полная разрушенность) ниже этой отметки на той, что с короткими окнами, свидетельствует о том, что всё ещё стоящий барабан опирается на то, что ниже, а там – кроме светового кольца, ничего нет, оно начинается раньше, ниже, и послереставрационная его высота и полнота – конструкционная избыточность, на меньшем по размерам световом кольце могли бы встать восемь недостающих кокошников. (Если две главы над малыми апсидами появились изначально, то кокошников могло быть и шесть).

Есть, может быть, и не одно, но в числе прочего нечто очень важное, лежащее в основании архитектурного следа Бориса Годунова, и что нельзя забыть упомянуть, хотя доказать справедливость суждения трудно, если вообще возможно.

Это достоинство. При малости документальных свидетельств архитектура может быть принята в качестве одного из отражений внутреннего мира, через ряд передаточных звеньев, конечно. И именно достоинство, покой, несуетность объединяет то, что положили в камни Борис Фёдорович и Фёдор Алексеевич. Не то, чтобы грозненские постройки и здания Алексея Михайловича были лишены этой характеристики, нельзя сказать, что Покровский собор на Рву или дворец Марии Ильиничны в Саввином Сторожевском монастыре лишены достоинства. Но именно оно приходит на ум последним, когда видишь церковь Вознесения в Коломенском или церковь в Никитниках или даже Николу Мокрого или Иоанна Златоуста в Ярославле. А к Большим Вязёмам подходит, и к другим памятникам годуновского круга. Повадка, поворот головы, стать, неспешность и раздумчивость – и при этом полное отсутствие величавости, хотя величия сколько угодно, хоть отбавляй.

Да. Вот почему-то – достоинство. Это вообще два периода (при Борисе и Фёдоре), когда достоинство становилось государствообразующим понятием и работало не хуже, чем язык или территория.

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 289



Церковь Вознесения в Коломенском, Петра Митрополита в Переславле, Успенская в Спасо-Каменном, Введенская в Спасо-Прилуцком, Елоховская – безапсидные, так что редкостью это быть не может. А здесь их две и ещё одна, которая является апсидой сама по себе – по виду и по привычной конструкции, но как предмет, как сооружение – тоже безапсидная (Алексеевский придел на севере от Введенского, выстроенный на западе, а не на востоке собора, словно он мыслится как апсида для стоящей поблизости Егорьевской церкви тоже без апсиды, как продолжение её через перерыв, через паузу на воздухе).

А.Л. Баталову принадлежит много открытий и интерпретаций годуновской архитектуры, начиная прямо с перевода посвящения надвратной церкви Феодотия Анкирского: крестильное имя Бориса Годунова, сокрытое от праздной публики, чтобы избежать колдовских неприятностей от недругов, – Богдан, по-гречески Θеодотъ, позже часто сокращали до Федота, легче выговаривать.

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:20 Страница 290

Церковь Феодотия Анкирского ещё долго будет щедра на приоткрытия её больших и маленьких секретов; она какая-то хитро-невзрачная. Если верно, что между тридцатью двумя кокошниками и главой (куполом) существует семантическая связь (то есть только через численное совпадение с апокрифическими годами жизни Христа), то предположительно есть и некоторая связь между формами кокошников и купола. Нет резона ввязываться в дискуссии о форме (шлем или луковица), но при следующей реставрации церкви (вероятно, нескорой) хорошо было бы попробовать примерить форму главы, начатую карнизным расширением барабана, более близкую к шару без донышка, многажды нарисованную чуть пониже, в кокошниках.

Форменная неожиданность церкви снаружи монастыря – почти полное отсутствие четверика. Завершение церкви не стоит на четверике, оно упало на стену или гульбище. Изнутри монастыря квадратная сторона четверика появляется под кокошниками и главой, но обнаруживается новая неожиданность. Где апсида? На её месте – круглое окно там, где внутри церкви полагалось бы быть Горнему месту напротив алтаря, который надо ещё где-то разместить. Приходит очередь удивиться размерным характеристикам. На востоке чуть правее есть дверной проём. Пусть он будет двухметровый в высоту. Пусть даже трёхметровый. Ширина стены церкви на востоке – около 5–6 метров, таковы же ещё три стены. На алтарь хотя бы два метра надо, иначе не повернуться, не разойтись во время службы, ну полтора. Вычитая некоторую толщину стен, площадь помещения перед иконостасом колеблется вокруг полутора-двух десятков квадратных метров. Пять прихожан – уже толчея.

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 291

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 292

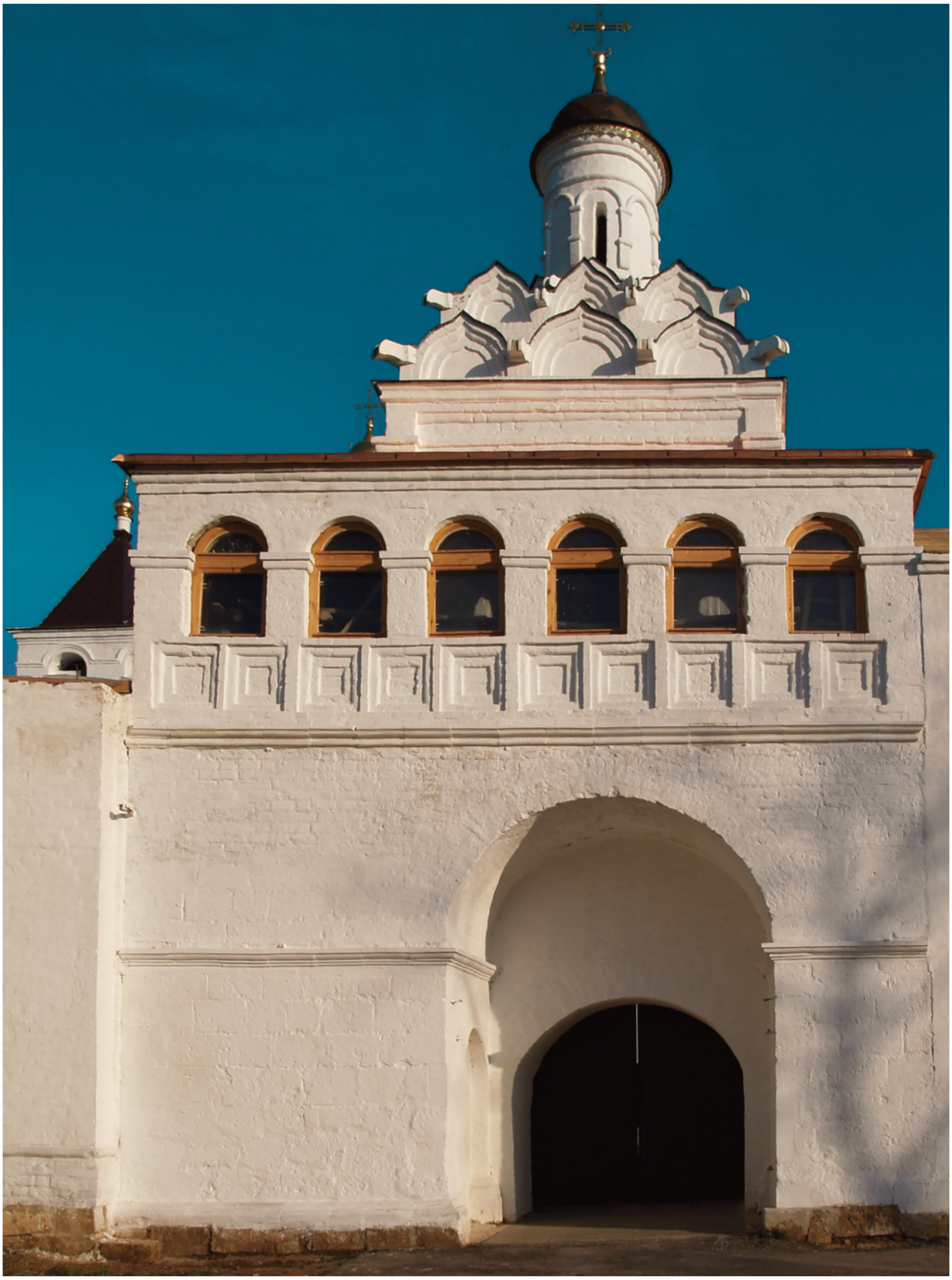
А что если окно в восточной стене сделано не для того, чтобы смотреть наружу, на трапезные палаты Георгиевской церкви и на Введенский собор, а наоборот, смотреть изнутри на того, кто внутри? И если поместиться на Горнем месте в нужный момент, не вечером, а скорее с утра, когда солнце низко на востоке, то при открытых Царских вратах вокруг головы сидящего на троне присутствующие немногие на службе (многие не поместятся) увидят свечение или ореол, который на иконах передаётся нимбом вокруг головы. А если Горнее место немного утоплено в стену или нишу, впечатление застрянет в голове как золотая отливка, тяжёлым слитком. Народ уговаривать – пустая затея, всё равно толку не будет, надо убедить тех, кто водит народ за руку, тех немногих, которые поместятся в церковь Феодотия Анкирского. Служба – 31 мая, солнце при хорошей погоде давно высоко, переваливает даже через громаду Введенского собора. Эта особенность хорошо согласуется с малыми размерами молитвенных помещений всех тех немногих безапсидных церквей, которые удалось повидать, например, Введенской в Старице, Петра Митрополита в Переславле-Залесском (Елоховская, правда, не маленькая).

Отсутствие апсиды, повторенное в Георгиевском храме по соседству, перестаёт быть случайностью и результатом прихотливого вкуса Бориса Годунова, оно должно быть понято как дважды внятно выговоренное архитектурное слово. В Георгиевской церкви есть ещё повтор – круглое окно на востоке (правда, в подклете, и целых три чуть повыше). Это уже не слово, целое предложение. Окна вообще имеют несколько предназначений, из очевидных – сохранение тепла при помощи стекла или иных (полу)прозрачных загородок, освещение внутри и взгляд наружу. Первые два сейчас неинтересны, а вот взгляд из обоих окон падает на Введенский собор (придела, похожего на отдельно стоящий алтарный выступ, до середины XVII века нет), у которого апсиды на месте. Никакие дальнейшие предположения в голову не приходят, точнее, все они немного отдают «народной этимологией», то есть основаны на незнании. Приходится признать, что речи, выговоренные строителями Бориса Годунова, пока остаются услышанными, но непонятыми.

Уличный образ церкви Феодотия Анкирского (верхушка без четверика, закрытого снаружи гульбищем) настолько непривычен, что врезается в память, и, по всей видимости, не только современникам Бориса Годунова: хочется предположить, что отсюда пошло само выражение «горка кокошников» – здесь, кроме «горки», ничего и нет под главой, она, горка, и запоминается, а если по углам уместить четыре малых главы, то готов облик самой что ни на есть обычно-привычной церкви вообще, причём не такой изощрённо-мастеровитой, как Успенские соборы во Владимире и Старице, а рядовой, построенной на средства прихожан, без богатых ктиторов и иноземных специалистов. Иными словами, выходит так, что нарочно или случайно церковь Феодотия Анкирского стала модельной и образцовой из-за малости своей, из-за отрезанной верхушки, врезавшейся в память, из-за того, что никто и не ищет в ней никакую апсиду, её отсутствие не мешает, а окно на востоке (два окна, второе в Георгиевской церкви) переводит взор на восток, на Введенский собор, делая его ещё более заметным, сверхобычным, самым-самым главным. Тем более, если знать, что он находится позади ореола того, кто восседает на Горнем месте.

И последняя мелочь большой важности. Кокошники второго ряда заметно меньше по размеру, чем те, что снизу, в первом ряду, и выведены кирпичом с кривизнами, овалы все гнутые без плавности, как-то всё неаккуратно, если приглядеться. В томто и дело, что строители точно, наверняка знали, что никто не станет приглядываться, цельный образ прыгает в глаз без подробностей, нечего и трудиться над изгибами обводов.

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 293



А вот с арками гульбища применена другая хитрость. Окон в гульбище – шесть, а ширинок под ними – десять. Тут долго думать не надо, веревочкой одинаковые отрезки отмерил, одно под другим – и хорошо, всё ровно. Ничего подобного. Между окнами пять одинаковых простенков, серединка находится так же легко, как десять делится пополам, стало быть, под центральным простенком должна быть линия, разделяющая пять слева и пять справа ширинок. Оказывается, нет, она заметно левее. Случайно? Ни в коем случае. Ширинки-то ведь легли в стену раньше простенков, их

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 294

сначала сделали неровными, а потом, может, через месяц, сверху поставили шесть ровных окон. Там ещё не умели делать ровно, а к окнам уже научились? Это вряд ли.

Эта нервная неровная рябь, смещённая влево от вертикальной оси двухчастного входа (две арки, повыше и пониже), лишает равновесия, подвешивает всю конструкцию выверенной стройности горки кокошников, она начинает мелко подрагивать и шевелиться, напрягая все силы, чтобы удержаться от падения, как будто центр тяжести вышел за пределы площади опоры. Нет, не на помойке Борис Годунов нашёл своих строителей, неважно каких, иноземных или здешних, в этом гимнастическом «пистолетике на брусьях» – уйма мастерства, недетское умение.

Сам вход, он же въезд, сделан очень умудрённо. Высота проезда в центре, в воротах, – почти такая же, как высота входа в стене слева. Человек пройдёт, возок и сани проедут, а вот карета с шатром – маловероятно. Конечно, нельзя исключить, что высокий, вдвое выше проезда проём заложили дальние преемники Годунова, но что-то плохо верится, что им доступна такая простая, короткая, лаконичная мысль: почета тебе, входящему, много, но всё же поклонись прежде, чем войти, склонись перед памятью Феодотия, которая начинается сразу там, где кончается высоченная арка, церковь, подразумеваемая там, сразу за гульбищем, приобретает привычные габариты, только если её мысленно начать с этой высоты.

А привычной брани по адресу застеклённых проёмов не будет. Незадолго перед строительством этих ворот один англичанин подметил, что «так сделан мир: живущее умрёт». И у того, что сегодня так крепко защищено от атмосферных осадков и низких температур, были отличные шансы лишний раз подтвердить годность этой гадкой мысли и в Серпухове. Если для спасения криптошедевра понадобилось всего-навсего застеклить гульбище, следует сделать такой способ всеобщим.

На чём основаны предположения – неважно. Важно, правдоподобны они или нет, появляется логика в понимании истории, или нет. (Русский философ Густав Шпет написал в XX веке два тома, названные «История как проблема логики»). Привлекательное, соблазнительное своей логичностью предположение имеет право на существование до тех пор, пока не появится новое, ещё более привлекательное – или (лучше) пока не вывалится в современность бумажный, каменный, костяной, деревянный или тканый (и т. д.) факт, разбивающий хрупкую конструкцию логичного предположения и требующий созидания нового объяснения, обнимающего новые факты. История требует постоянного переписывания. Физикам и геометрам легко – у них всего по два крупных предмета: физика Эйнштейна обнимает физику Ньютона, геометрия Лобачевского включает в себя геометрию Евклида как частный случай; у историков простор для предположений пошире, и факты всё время вываливаются новые и новые, отвлекая от построения понимания, потому что сами по себе бесконечно интересны, увлекательны и ценны, как серебряная копоушка из эпохи Второго, предположим, царства на среднем, допустим, Ниле. Пространство между эрудитским исследованием и сочинением понимания истории – огромно; тежёлый маятник на длинной цепи медленно перемещается между архивным крохоборством (с безупречной правдивостью) и изобретательной фантазией (с недоказуемыми измышлениями) и одно без другого существовать не может. Пожалуй, и хорошо, что фантазёров меньше, чем крохоборов; чем больше человек знает, тем тише его речи и скромнее гипотезы – просто потому, что он не однажды убеждался, что возможно вообще всё. Вот именно это «вообще всё» и оставляет крохотную лазейку для воображения. Ну если «всё» – стало быть, и это тоже?

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 295

ИОАННА ЛЕСТВИЧНИКА В КИРИЛЛОВЕ

В Кириллове две знаменитые надвратные церкви – Иоанна Лествичника (1572 год, при Иоанне) и Преображенская (1595 год, при Фёдоре и Борисе). Вряд ли случилось случайно, что сначала в какую-то умную голову пришла мысль именно так расположить первую надвратную церковь, с таким посвящением над входом в Успенский монастырь. Она с запада и с востока окружена строениями, образующими постепенно стену, загораживающими для входящего внезапно открывающуюся после прохождения ворот перспективу, останавливающую дыхание: лес куполов, «царство слав-

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 296

ного Салтана»; надвратная, ещё перед входом, предупреждает: сразу всё не глотай, подавишься, двигайся мелкими шагами, понемногу, постепенно, лестница высокая, но каждая ступенька посильна, торопиться не надо. Это когда идёшь по земле, от посада. А когда вываливаешься с водного пути на юге, с озера, готовиться некогда, тут Преображение должно наступить сразу, как только прошёл под сводами, не как движение и нарастание, а как событие, озарение, вспышка понимания. С воды – моментом, с земли – понемногу.

Преображенская напоминает корабль-броненосец с тремя трубами не вдоль корпуса, а поперёк, могучий, победительный, неотразимый. Иоанновская – в ряду жилой застройки, со служебными помещениями, тихая, мирная, домашняя, под ровной крышей – даже и скучноватая, примерно такая же, какой была Преображенская до С.С. Подъяпольского – крепкая каменная чудовищных размеров изба, в которой архитектура не только не просматривается, но, в сущности, не очень-то и нужна, ждать от этой невзрачности нечего, стоит себе и стоит. Но что-то всё-таки остановило С.М. Прокудина-Горского в начале XX века, что-то заставило сделать несколько снимков. Уж у него-то глаз верный, бьёт без промаха.

Первое чувство – конечно, оторопь.

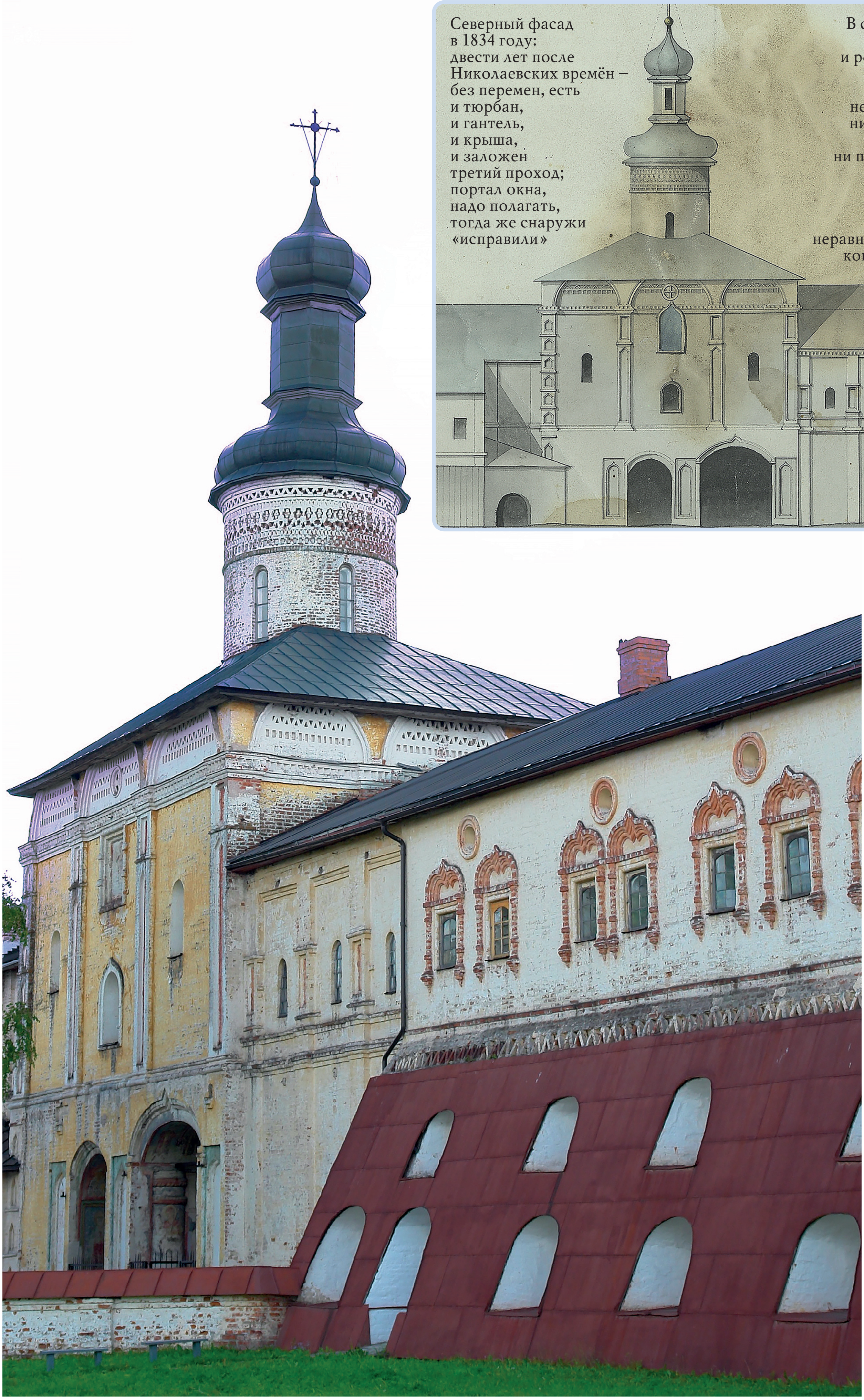
Зачем на такой дивный барабан, с таким украшением поверху (не считая тонких горизонтальных разделительных полосок из лежачих кирпичей – семь видов узора) громоздить металлический тюрбан, над ним – ничем не спровоцированный восьмигранник, над ним – маленькую несоразмерную главу – постичь нельзя, ума не хватает. Червяк какой мысли копошился в головах людей, принимавших решение об изготовлении этой гантели? «Чтобы, дескать, мол, как бы, вроде бы, может быть, хоть немного» повыше? – Повыше стало. Похуже тоже. Это не глава, а шутовской поварской колпак из ярмарочных увеселительных заведений для отдыхающего непритязательного и обязательно нетрезвого купечества. Если эта дивная вещица стоит существенно больше ста лет (вероятно, ещё больше) – значит, она всех устраивает? Она, вещица, по сути своей – оскорбительна, и для прихожан, и для духовенства, и для светских властей, и для всех вообще, кто видит это непотребство и ещё не утратил способность находить аналогии из мира живой природы.

В связи с этим самое интересное – установить, не одновременно ли был установлен этот символ с устройством скатной крыши. Тогда уж совсем худо: безмозглость превращается в глумливость. Для крыши надо срубить верхушки закомар со всех сторон, заложить окна барабана (за ненадобностью, чтобы больше за ними не следить) и немножко испортить двадцать кокошников в двух рядах – прямая-то доска куда краше волнистых кокошников. Сколько сил и ресурсов ушло и продолжает уходить на создание и поддержание в порядке вещи, которая является уликой на месте преступления, совершаемого с каждым рассветом вновь и вновь?

Оторопелость переходит в нервное подёргивание, когда на южном фасаде церкви различаешь справа от относительно узкой арки, одной из наличных двух, – свод от третьей, самой узенькой, но по высоте равной первой, самой широкой. Трудно утверждать, что проходов было изначально три – но для чего тогда учинили свод? Окно такого размера проёма – не вписывается в намеченный ряд из двух проездов, и наоборот, если проходов было всё-таки три, всё здание приподнимается на цыпочки, готовое к полёту. Высокий узкий киот для ростовой фигуры своим сужением и заострением кверху толкает церковь в том же направлении, вверх. Удлиняющие фигуру пилястры с филёнками запрещают глазу видеть ширину здания, только его дробную высоту; третий проём помещается под самым узким, восточным пряслом, вместе они заостряют, умельчают восток, в то время как чуть левее мозг уже получил порцию зрительного диссонанса. Под центральным, самым широким пряслом – средний по

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 297

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 298



Северный фасад в 1834 году: двести лет после Николаевских времён – без перемен, есть и тюрбан, и гантель, и крыша, и заложен третий проход; портал окна, надо полагать, тогда же снаружи «исправили»

В суемудрии своём и ремонтёры, и авторы чертежа не заметили ни разности прясел, ни положения окон, ни сдвиг барабана, ни общей неравновесности конструкции

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 299

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 300

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 301

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 302

ширине проход, под средним по ширине западным пряслом – самый просторный проход, это «пустой» противовес восточному заострению, и он почти соответствует восточному сдвигу барабана. Если смотреть с юга, то справа – всё узко, тесно, остро и трудно, а слева – широко, расслабленно и вольготно. Крышепокровных дел мастера очень постаралась и создали замечательную, отменную крышу, но скрыть разный наклон западного и восточного склона крыши нельзя, хотя в ракурсе снимка С.М. Прокудина-Горского это почти незаметно. Даже надев кепку с большим козырьком, чтобы не смотреть на барабан с его украшением, нельзя не видеть, что всё здание выглядит как беспомощный больной, с головы до ног перебинтованный, перекошенный, растянутый, в основе своей, видимо, хороший, но слова молвить не может – рот тоже забинтован, как дышит, как ест, как вообще жив – непонятно.

Два десятка кокошников – и, как в фильме с И. Ильинским про святого Йоргена, церковь моментально исцелится, отбросит костыли и что-нибудь залихватское спляшет, чтобы публику потешить и себя показать.

Но главное сокровище выставлено напоказ уже и в увечном состоянии, и, как и положено в плохих детективах, спрятанное на виду – невозможно найти. Если условно принять южный фасад равным квадрату, без закомар и крыши, то в перекрестьи диагоналей окажется окно несколько непривычной формы. По высоте оно – примерно такое же, как и остальные три вокруг, но немного шире. И дело не в ширине, а в том, что другие окна вообще лишены наличников, в то время как в центральном – проём окружён даже не наличником, а прямо-таки входным перспективным порталом. По высоте – пожалуй, если проём опустить вниз до карниза, невысокий человек протиснется, но ни выйти, ни войти неоткуда и некуда – гульбища нет ни каменного, ни деревянного, и как будто не планировалось, потому что любая прибавка не то что испортит, а изуродует всю зодческую задумку, всю картину, написанную камнем. Нет, это не вход, а окно. Расположено, конечно, низковато, как если бы не для света только, а для того, чтобы выглядывать изнутри и дивиться на белый свет, кто там ещё толкает землю шагами.

Надо вспомнить, что окно находится в геометрическом центре, оно необычно своим порталом и этим привлекает внимание. Дальше – самое удивительное. После того, как внимание привлечено, становится досадно: ну что ж так неловко, схалтурили, надо полагать, строители, вон, левый край нижней полочки как поплыл, прямо рухнул вниз, на вершок или полвершка. А ещё говорят, что строили тогда на века, что известковая кладка в веках каменеет.

Да, досадно-то оно досадно, ничего не скажешь. Только виноваты не старые строители, а глаза неподалёку от мозга смотрящего. Полочка-то пятый век стоит, не шелохнувшись, как сделали, так и стоит.

Она нарочно наклонена, чтобы даже неграмотному дать понять: «Входи постепенно, не торопясь, не впрыгивай, не забегай, не перемахивай – есть же ступени на лестнице, вот каждую и потрогай ногами». Посвящение церкви – Иоанну Лествичнику, постигшему диалектический закон перехода количественных изменений в качественные задолго до Г.В.Ф. Гегеля, и не для тех только, кто осваивает философию, а для всех, пусть и не обученных плетению словес: «Поспешай не торопясь», тогда и успеешь.

Мысль простая и не новая, известная всем сызмальства, но кто ж следует прописным истинам. Только те редкие, которые заметят и поймут это полутысячелетний призыв на церкви Иоанна Лествичника в Кирилло-Белозерском монастыре и музеезаповеднике.

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 303

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ В КИРИЛЛОВЕ

Двух одинаковых церквей не бывает, только разве что боковые приделы при высокой серединке, да и те зеркальные. Преображенскую и Иоанна Лествичника объединяет задача – приветствовать на входе, они обе надвратные, и разделяет их два десятка лет. В 1584 году ушёл Иоанн IV, в 1598 Борис сменил Фёдора, при котором поставлена Преображенская. У нас-то точно не хватит сил понять, какие перемены и как отразились во внешнем облике двух надвратных, но, может быть, более проницательные умы раззудят плечо и замахнутся на подступы к решению этой задачи, ориентируясь хоть на картинки для начала. Или два десятка лет – слишком мало для улавливания направления ветра?

Семантический взрыв годуновской архитектуры необъясним, но непонимание причин не отменяет правильности наблюдения: при нём число «33» стало попадаться чаще. Чтобы это доказать с некоторой уверенностью, уже без колебаний, прибегнем к примеру, совершенно неочевидному, даже поначалу наоборот, очевидно абсурдному.

На крайнем юге, совсем на берегу озера у Кирилло-Белозерского монастыря в XVI веке (или чуть раньше) были устроены Водяные ворота, над которыми в 1595 году при старце Леониде Ширшове построили настолько неожиданную, необычную церковь, что все другие «необычные», даже какие-нибудь сверхзнаменитости, вроде Вознесенской в Коломенском, становятся меньше в размере, цвета немного приглушаются, крики восторга удаляются и в тишине начинают понемногу, как бомбы, взрываться вопросы.

Снаружи, с воды, видна стена и кокошники над стеной, с узором, немного похожим на тот, что украшает в Ферапонтове Рождественский и немного Благовещенский соборы, окна с глубокоспрятанными деревянными переплётами, киот с иконой, укрытый от дождя, на здоровенном здании, построенном в считанных метрах от воды; было два проезда, остался один, за открытыми почти всегда воротами. Вроде церковь как церковь. Но если пройти сквозь стену, глаз начинает копошиться в памяти. Прямоугольные апсиды? Что-то похожее есть в Борисоглебском под Ростовом, в Высоцком в Серпухове гранёные, в Переславле в Троицком тоже гранёные апсиды, кажется, ещё где-то, а где – память молчит. Но высота! Понятно, что нижний уровень из-за проездных ворот приподняли, сколько могли, так, что крыши апсид упёрлись прямо в кокошники, однако же они чаще были горизонтальной архитектурной единицей, скорее приземистой, чем парящей, а тут их словно за уши вытянули на день рожденья, да так и оставили. А нам ними – почти «во фрунт», на одной линии с севера на юг выстроились высокие барабаны и главы, только средняя чуть отсту-

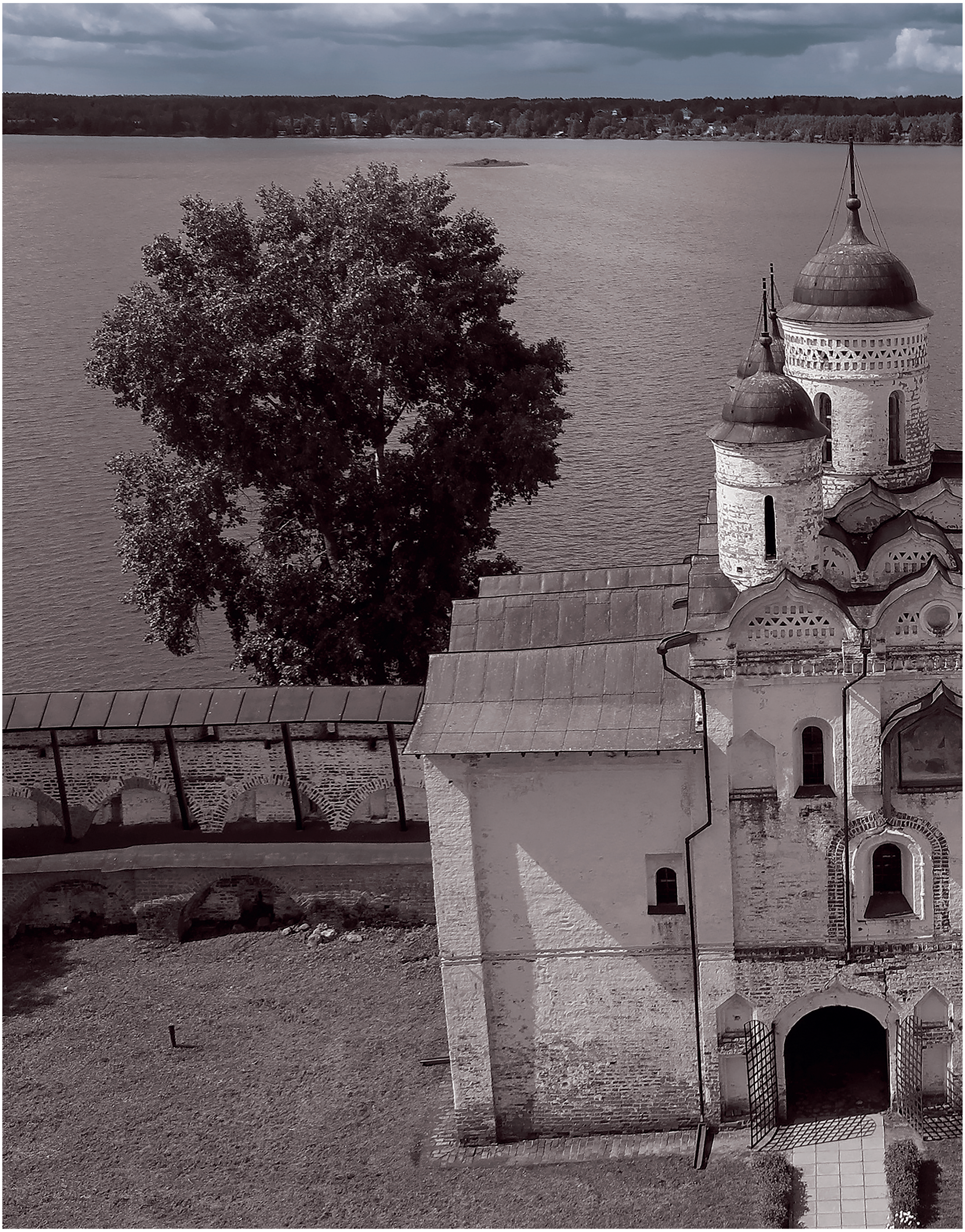
Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 304

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 305

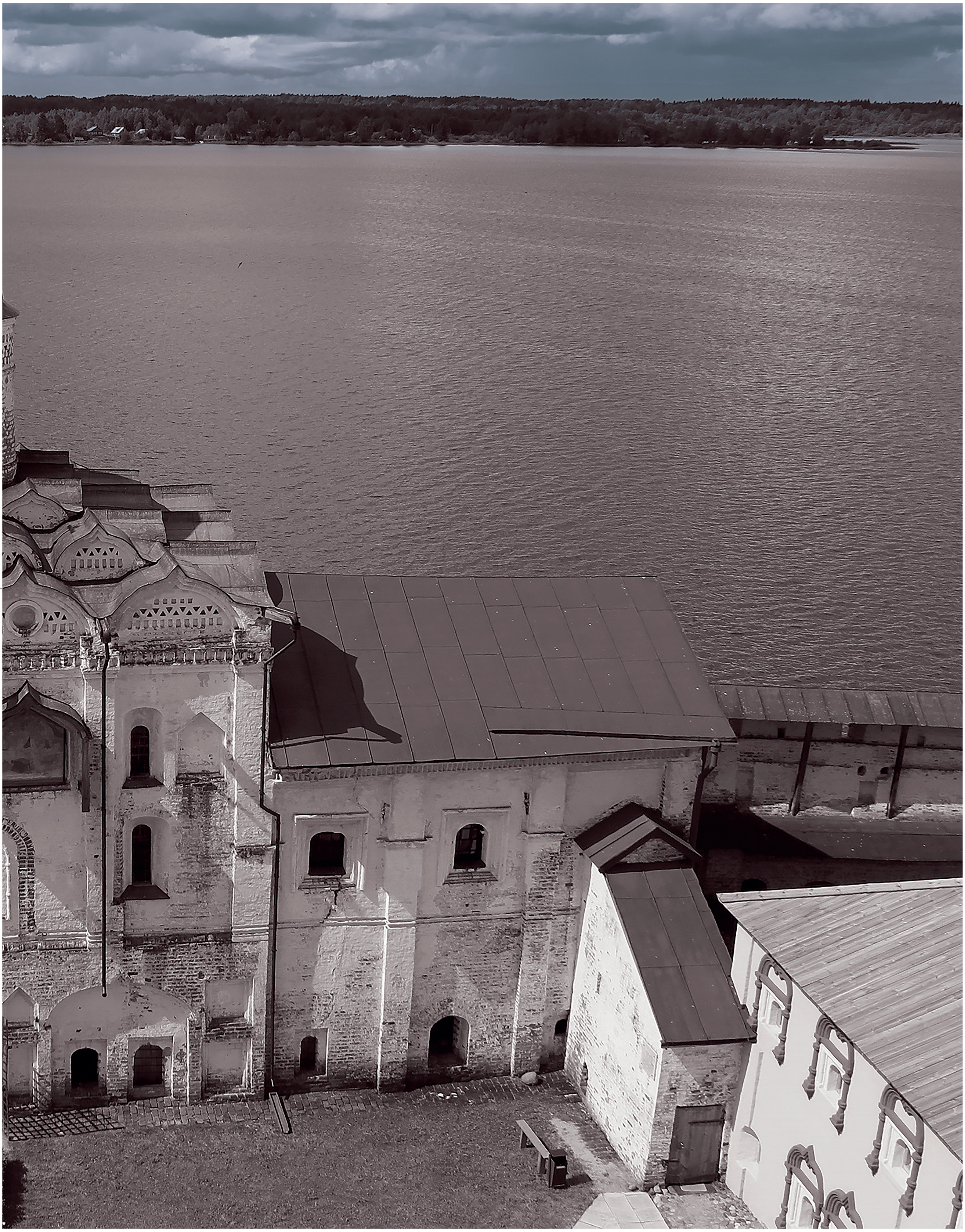
пила назад, и кирпича на неё не пожалели, и орнамент в три яруса нарисовали по-псковски. 3 барабана почти продолжают вертикальную тягу далеко отстоящих апсид. Пророки Моисей и Илия в присутствии трёх учеников разговаривают с Иисусом о предстоящих неизбежных событиях, предвидят их; каменная картина без ликов напоминает икону Преображения с тремя действующими лицами. Хочешь – не хочешь, а память подсказывает, где именно ещё пригодились три стоящих в рядок на горе столба пару тысяч лет назад, а в черепе, кажется, сами кости сопротивляются – да не может быть! Это же предвестники будущей жизни, после Голгофы, после горя, муки на троих, копья, губки с водой. А ничего угрюмого, сумрачного, угрожающего в облике здания нет, нет и мрачности, переживания и свидетельств горя, скорее наоборот, ощущается что-то праздничное, даже весёлое, приподнятое, приветливое. Глаз сам, без участия сознания, отмечает несколько нишек с треугольными скатными верхушками, которые, вероятно, напоминают об окнах, их нет, но могли бы быть, стало бы внутри светлее, ярче, а снаружи и так плоско, но пёстро, ничто за жилу не тянет, не тяготит, не настраивает на страдание и сопереживание, как-то легко глаз прыгает и по стенкам соседних зданий, и сам собой настраивается на умиротворение и наслаждение покоем и равномерностью зрительных впечатлений.

Трудно сказать наверняка, не исключено, что такое восприятие связано с особенностями индивидуальной психики, с бесчувственностью, попросту говоря, ничем, так сказать, не проймёшь, ну чисто «бревно бесчувственное», даже Голгофа его не трогает, толстокожего и твердолицего. Оно, конечно, бывает и так, но и лишнюю вину на себя брать не стоит, по своей голове стучать вредно. Муки-то были две тысячи лет назад, и если мы себя посейчас терзать и поедом есть станем, выйдет, что они прошли зря. Надо не в самоедов играть, а помнить и вести себя прилично.

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 306



Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 307



Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 308

Для того, чтобы помнить лучше и глубже, слов мало, увещевания сроду не помогали. Строители Леонида Ширшова в регентство и царствование Бориса Годунова запрятали в архитектуру Преображенского собора всю историю Иисуса Христа, кто насколько её знает и помнит, от библеиста и знатока всего на свете до неграмотного хлебопашца, самое общее, самое простое и впечатляющее: был, помогал, учил, облегчал, воскрешал, принял муки и 33 лет от роду навсегда остался помогать. Короче всего напомнить – именно числом «33». И оно-таки зашифровано в Преображенской церкви.

Плоский, одной линией на песке или на бумаге рисунок храмовой главы нельзя отличить от рисунка кокошника, они не похожи, а тождественны и вполне годятся для суммирования в одном ряду.

Одна беда: минутный взгляд на Преображенскую церковь позволяет сосчитать кокошники на одной стороне света (на западе, например, 9) и умножить на соответствующее число сторон (обычно четыре). Три ряда по три штуки четыре раза, итого 36, да плюс ещё три главы, ничего не выходит с нумерологией, никак.

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 309

Не тут-то было. На востоке, над апсидами – не три, а два ряда кокошников, третьего ряда всё равно из-за массивных и высоченных апсид никто бы не увидел, их и ставить не стали (гипотетические 36 сразу превратились в 33). Из-за апсид никто и не увидел, что рядов-то – два, а не три. Ещё один кокошник потерялся на двух восточных главах: у каждой в смежниках не по целому кокошнику, а только по половинке. Ещё парочка пропала в третьем ряду: там с севера и с юга не по три, а по два кокошника: с каждой стороны центрального барабана третий кокошник неразличим, потому что его нет, а на востоке-то за вторым рядом уж и вовсе ничего не видно. Осталось к оставшимся 30 наличным кокошникам прибавить на основании общего силуэта три главы, и все тридцать три года погружаются в сознание, у кого уж какое образовалось, кто что успел разузнать и распознать. Очень непростая арифметика, надо не только складывать уметь, но и вычитать. Но и хитрость невелика: как-то же научились из привычного пятиглавия вычитать две главы, чтобы получилось всего три – и ничего, вычли, и даже уловили, для чего, чтобы напомнить о трёх столбах. Много ли народу

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 310

увидело число? Наверняка немного. Но какие силы это знание придало тем, кто увидел, как сократилась двухтысячелетняя нить – почти до соседей, родных, знакомых и даже незнакомых на улицах, до признательности неведомым пращурам пятого или восемнадцатого поколения назад за их любовь; это благодарность пращурам, которые авансом любили неведомых потомков на века и тысячелетия вперёд.

С.С. Подъяпольский, реставратор и архитектор, вернувший к жизни Преображенскую церковь (в числе многих других), всё, конечно, видел, всё знал, однако, зная, промолчал. Что видел – сомнений нет. Когда он впервые увидел церковь Преображения, трёх барабанов с главами не было вовсе, стояла посередине шаблонная палатка с одной восьмигранной главой над восьмигранной же распластанной тыквой, для оптимального расположения высокоценных скатных крыш кокошники подрезали, в итоге получилась стандартная клетская церковь, только не из дерева, а из камня. Бранить тех, кто ставил крыши – толку нет, скорее всего, они спасали то, что ещё

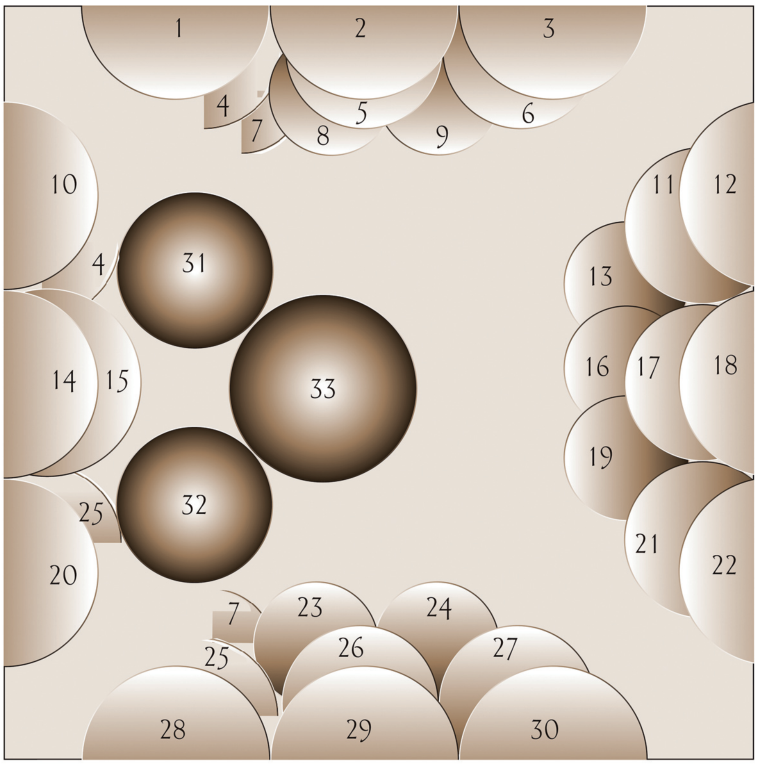
Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 311

можно было спасти, но как можно довести до такого состояния выдающееся произведение архитектуры вселенского уровня, как можно было утратить все чувства, не видеть, не впитывать тяжёлые объёмы, не слышать клавиши лотковых (коробовых?) покрытий за кокошниками, не чуять смыслы, специально для всех потомков сообщённые каменными образами, как можно утратить всю память и поглупеть до тараканьего уровня, чтобы вместо трёх глав поставить одну, да ещё такую, поглупеть не одному, а всем, одним махом, и задолго до всяких большевиков и коммунистов. Была искренне, от души, напрочь утрачена всякая вера, остались одни воспоминания об обрядах, к которым прилагались какие-то (лучше поскромнее) церкви для их исполнения; всеобщее просвещение даже в начальной своей стадии сумело сожрать не только веру и религиозность, но и многими веками взращенное понимание красивого, связанного крепко-накрепко с церковью. Оно (понимание) оторвалось от церкви – и почти погибло для почти всех, и стало потом из редких живых корней расти заново.

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 312

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 313

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 314



Вот такой корень, довольно безобразный, достался С.С. Подъяпольскому, и он перекинул мост от Леонида Ширшова и его строителей, проникнув в их видение красивого и в их мысли при строительстве. На рисунке на севере и на юге от центральной главы нарисованы половинки двух кокошников в третьем, самом верхнем, ряду. Обе половинки повёрнуты так, словно они из третьего ряда. Вероятно, так позволили сделать сохранившиеся на месте остатки кладки. Но были ли эти остатки, или всё срубили начисто – сказать трудно, барабанов-то под крышами нет. Далее С.С. Подъяпольский должен был руководствоваться логикой при решении вопроса, как повернуть половинки: можно поставить их как продолжение северного и южного третьего ряда из двух кокошников с каждой стороны, отсутствующими полускатами к зрителю (то есть два прямоугольных остатка), а можно и фронтально, как заведомую имитацию (два кокошника могли бы войти, для ещё одного места не хватит) третьего ряда на востоке. В последнем случае обман работает надёжнее: полукруглый сегмент выразительнее прямоугольного. Нарисована и выстроена эта имитация (не важно, по остаткам или по логике) с одним резоном – для арифметики. Нынешнее здание подтверждает, что он всё сосчитал.

Годунов уже у А.С. Пушкина и М.П. Мусоргского – не хитрец, а мудрец. И прямо на глазах становится всё мудрее и мудрее. Святую Святых на Ивановской площади начал строить (что позволило потом Никону делать так же в Новом Иерусалиме), «33» много раз зашифровал в разных местах (хотя это, может быть, и без него), неслыханную стену в Смоленске поставил (ну, конечно, и Фёдор Савельевич Конь постарался), общественное и государственное устройство чуть ли не впервые в Европе приблизилось к разумному, и вот как всегда. Как только опять, так сызнова и снова. Откуда и берётся столько смут на многострадальное отечество, может быть, это лишь здесь кажется, что нам больше других достаётся, а болото мы всякий раз находим сами, причём вовсе не там, где оно всегда было? Это верно. Чтобы со славой выбраться из болота, надо в него сначала забраться. Здесь всё же чаще действует другое правило: кому много дано, с того много и спросится. Сколько ни считай подарки судьбы, они никогда не уравновесят бедствия, для боли нет единиц измерения. Терпение не заменяет деланья, созидание, даже в унынии и страдании, меряется не слезами, а пóтом. Поэтому Борис Годунов заслуживает благодарной памяти уже за то, что задумал, начал и успел, как говорится, «Бог целует его намерения». Неужели причина трагедий, и его, и семьи – и в самом деле в восьмилетнем мальчишке? И было, и осталось? И второй раз, через триста лет, другой мальчишка месяца не дожил до 14 лет, уж про всю семью и доктора нет сил вспоминать? И только-то?

А что, кто-то и после А.С. Пушкина и М.П. Мусоргского сомневается?

УСПЕНСКИЙ СОБОР В КНЯГИНИНОМ МОНАСТЫРЕ

Хочется лишний раз упомянуть, что этот Успенский собор построен в 1202 году и традиция прервалась нашествием варваров с востока не совсем безнадёжно, что через триста лет в начале XVI века не только отыскали в земле остатки старого здания, камни в фундаменте, но и сохранили какое-то представление о его внешних формах, особенно, конечно, о завершении. Но надо хотя бы стараться придерживаться правдоподобия, нет решительно никаких оснований для удревнения традиции «33» до начала XIII века.

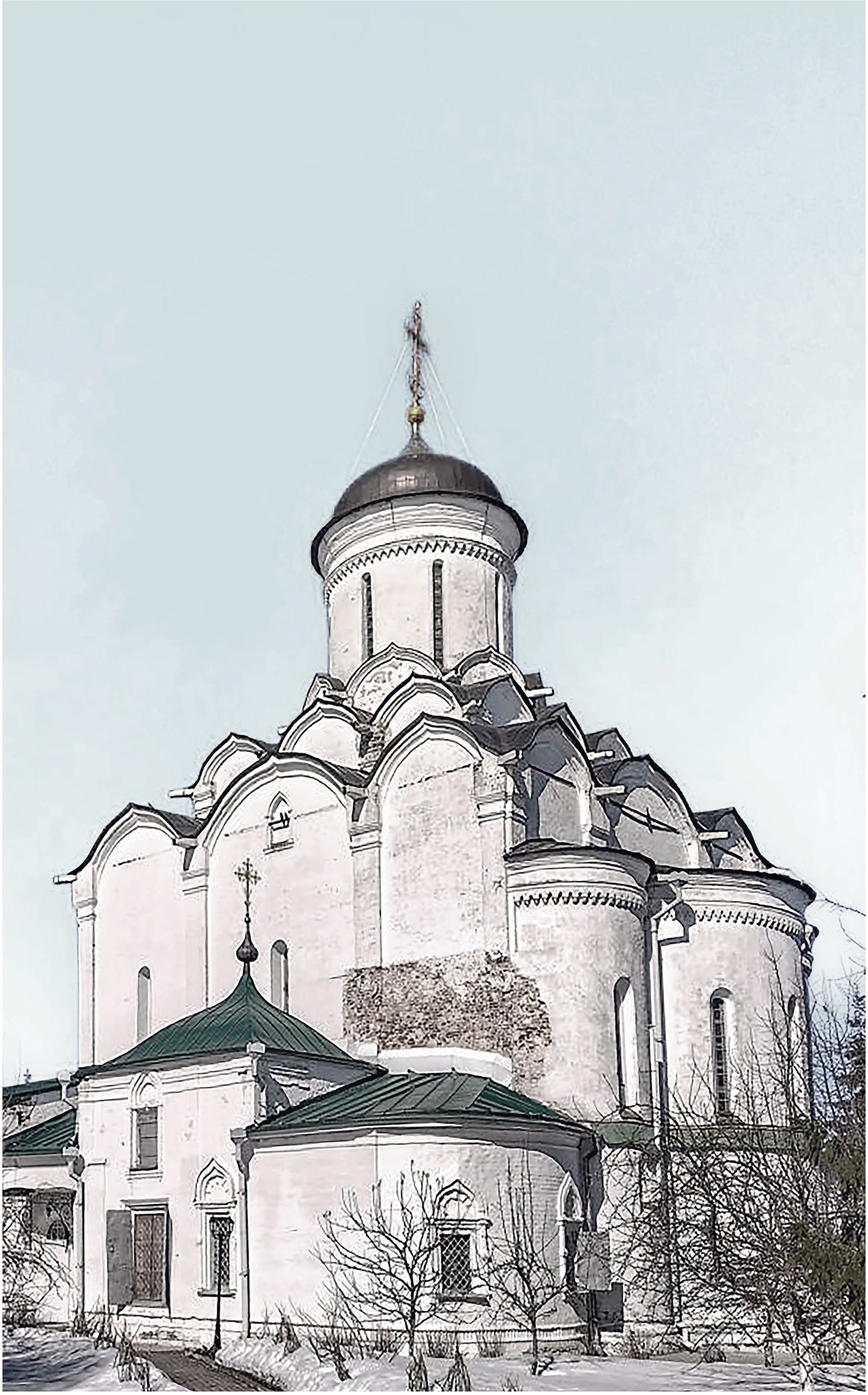
Эта обескураживающая новость не так уж ужасна. Начало XVI века – тоже не вчерашний день, всё-таки – не XVIII век, когда перестройщики совсем ополоумели, не XIX, когда все силы уходили на борьбу классицизма с ампиром и наоборот, потом с эклектикой, потом подкрался модерн, не XX век, когда польза с удовольствием топталась на красоте и победила её. Пусть даже это первая половина XVI века: собор

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 316

не перестаёт быть сверстником или современником Вознесенской церкви в Коломенском и Покровского собора на рву; перестройки XVII века, вероятнее всего, должны были повторять недавно обретённые формы.

Три собора начала XV века (на Городке, в Саввином и в Посаде) очень приземистые, их кокошники – как рябь на воде, чуть дрожит, едва возвышаясь во внутренних рядах, а во Владимире – гора, скала и буря, кокошники не стоят – торчат один над другим, кажется, что они будут заметны из-под стены уже в двадцати шагах, второй ряд нависает над закомарами, третий ряд (восьмёрка) не даёт увидеть световое кольцо, продолжая растительное возвышение к главе.Такая настырность словно нарочно проявлена, для укора тем, кто не показал во всей красе кокошники второго и третьего ряда сотню лет назад.

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 317



Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 318

Предположение так себе, не очень поддающееся доказательствам, но есть более убедительные свидетельство того, что зодчие и живописцы очень интересовались своими предшественниками. Второй, точнее, по времени первый высокий собор с высокими кокошниками – Рождественский в Ферапонтове с росписью Дионисия. Успенский во Владимире не менее, чем своей внешностью, известен внутренностью: роспись Марка Матвеева при патриархе Иосифе I (1642–1652) – один из последних взмахов кистью наследников Феофана Грека и Андрея Рублёва, после середины века живопись стилистически начинает меняться, чтобы потратить почти столетие на смену образцов поближе к европейским. Пожалуй, столь же монолитной была ещё роспись Троицкого собора в Даниловом монастыре Переславля и Крестовоздвиженского собора в Романове Гурием Никитиным немного позже, после середины века.

Сцены Страшного суда, написанные Марком Матвеевым, оставляют мало сомнений, что он видел написанное Дионисием в Рождественском соборе. Геенна огненная у него не впускает в себя поток воды, а исторгает огненного змия, сквозь кольца, на которых, вероятно, написаны грехи (разобрать не удалось), но конструкция колец и их «пропускная способность» взяты с севера, ангел у Дионисия оперирует тончайшим прямым, как стрела, копьём повышенной длины, но ему неведомы расстояния, на которых такими же, только подлиннее, копьями ангелы Марка Матвеева низвергают в бездну падших ангелов, укалывая их трезубыми остриями то прямо в рот (пару раз), то куда придётся, а на самом деле в подмышечную впадину, чтобы побольнее, то с намёком на причинное место, что уж совсем никуда не годится, так, что это действо больше похоже на стрельбу лазерной линейкой – до того прямыми получились копья. Правда, также, как и у автора росписи Ильинской церкви на Советской площади Ярославля, у одного из ангелов левая рука неожиданно оказалась правой, но на такие пустяки всё равно никто не обращает внимания. Неподалёку расположились похожие на Дионисиевые серые круги с номенклатурой грехов, а повыше ангелы возвещают при помощи труб, что «Земля отдаёт своих мертвецов», то есть и погребённым, и утопленным, и прочим неживым пора на Страшный суд из тех мест, где

Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 319

они пребывали «во гробех», как и у Дионисия в таком же «живонеживом пузыре». В самом пекле мелкий подручный несгораемой «части той силы, что без числа творит добро, всему желая зла» подтягивает туда, где погорячее, заарканенную парочку, преодолевая их сопротивление

Сюжет Страшного суда не может быть оригинален, тут уж никуда не денешься, но набор изобразительных приёмов вполне мог быть позаимствован у старшего мастера проверенной квалификации. Из этого, конечно, не может следовать, что в начале XVI века, за сто или полтораста лет до росписи, Рождественский собор был взят за образец при возведении новой версии Успенского собора в Княгининном монастыре. Или может?

Смогли же перестроители в екатерининские времена позаимствовать где-то (не в церкви ли Иоанна Лествичника в Кириллове?) идею водрузить на барабан набалдашник в виде рукоятки рычага переключения ручной коробки передач за полтораста лет до его изобретения, конечно, только после того, как ненавистные кокошники были спрятаны под четырёхскатной крышей изумительно элегантной конфигурации, с плавными выпуклостями, ненавязчиво обтягивающими всё то, что было спрятано на два с половиной века

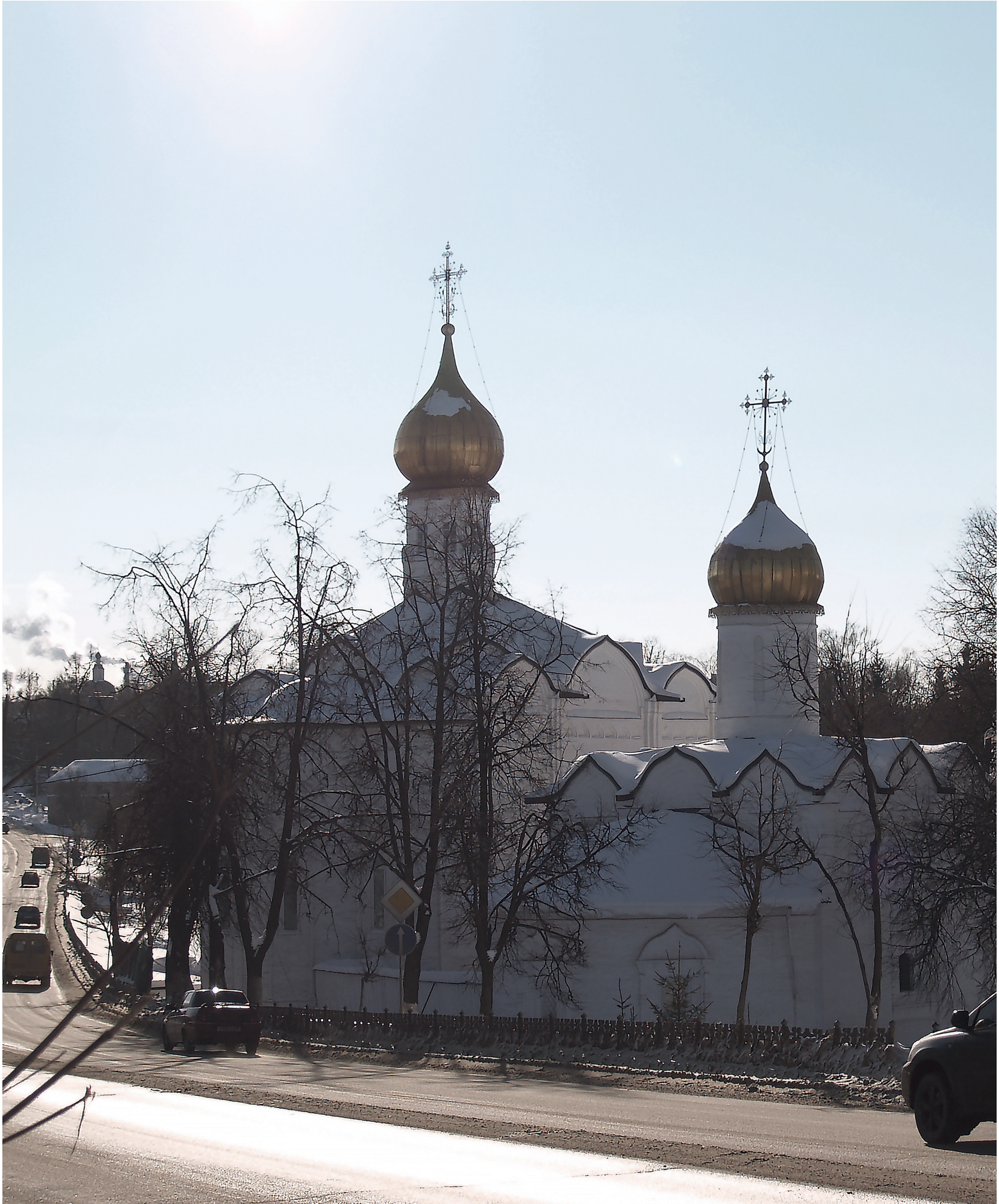
Апология_Троицы_6_251_320.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:21 Страница 320

НИКОНОВСКАЯ В ТРОИЦЕ

До Никоновской ещё надо добраться, она в самом низу, после всех, хотя по важности – не из последних. Впрочем, в этом ряду последних не бывает.

Становится понятно, почему В.В. Кавельмахер так ополчился на В.И. Балдина. «Ничего личного, только задело». Виктор Иванович испортил-то – сущий пустяк, въезд и выезд из города. Конечно, посмотреть всё равно есть на что, даже специальную смотровую площадку сделали, чтобы с неё всё смотрели и ахали. Можно и оттуда, да, и ахать не возбраняется. Но как это было перед литвой и поляками в самом конце XVI века, с теми скоростями на копытной тяге? Больше десяти вёрст за час и разгоняться не надо, чтобы успеть увидеть, как из-за пригорка или из-за поворота не торопясь выезжает сначала Подольный монастырь, потом и вся Троица. На автомобиле – отсилы полминуты, посмотреть не успеть, да и глядеть-то не на что. Обе церкви на Подоле – блистательный, неотразимый, ярчайший пример реставрационного бессилия диагональной концепции. На той, что побольше – была дорогая медная крыша, похожая на мятое одеяло, под которым целую ночь ворочался и плохо спал больной ребёнок. Остались на одеяле разнонаправленные длинные и короткие складки местности, в которых – ба, знакомые всё лица, четыре штучки, диагональные кокошата, невзрачные, незаметные ни с какой точки обзора, как буруны в огромных волнах бури в бассейне. Как они туда попали, зачем они там понадобились – вопросы малоприличные, их никто и не задаёт. Казалось бы, мало-мальски честный взгляд не может не подсказать ответ – только три ряда кокошников, они сюда ложатся как родные, они меняют образ солидного скучного сундука на картинку приплясывающей избушки, взрослой, но баловной, с искрой. Та церковь, что поменьше, Пятницкая, тоже удивляет: ну кто же тебе, милая, шею-то такую вытянул, так ведь не бывает, голова-то вот-вот упадёт, стоит только ветру посильнее подуть; и как это здесь обошлись без диагональных – просто не понадобились?. 32 кокошника прямо просятся туда запрыгнуть, вот тогда только въезд и выезд из города даже на скорости чеканным пуансоном оставят в глазах отпечаток: не только стена и за стеной, но и на Подоле – праздник, не хуже того, что на Красной площади. Всего-то навсего – завершение, покрытие двух церквей: то ли два мятых одеяла, как рубища, накинутые на два кубика, то ли два взвода послушных двум Черноморам витязей, в чешуе, как жар горя, оказываются «на бреге». И той стражи нет надёжней, ни храбрее, ни прилежней. Вот почему горевал В.В. Кавельмахер, вот чего лишил поколения люлей В.И. Балдин, не по злой воле, конечно, а пребывая в плену нормативных запретов научной реставрации: нет остатков –

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:23 Страница 322



Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:23 Страница 323

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:23 Страница 324

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:23 Страница 325

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:23 Страница 326

пошёл вон, мракобесным фантазёрам не место в ареопаге, тут, между прочим, взрослые люди сидят, не до сказок. Что важнее – дух закона, или его буква – ещё никто не решил, потому что все в один голос уверяют, что дух, но с ним никто не знаком, он только и делает, что витает в облаках, а буква – вот она, отчеканена металлом в граните бумаги чёрным по вечному, ни коготка, ни птички, все пропали и увязли, толкуем буквы, изобретаем герменевтику, а там, глядишь, и до математической лингвистики недалеко.

Кавказские хребты, седловины и ущелья, устроенные на Введенской церкви, имеют склоны, общим числом, словно в насмешку или издевательски – 32. Их шатёр, конечно, злая шутка судьбы: не получилось по уму, будет вот так. Введенская строилась в 1547 году по образцу Духовской, за стенами, стоящей с XV века, следовательно, первый барабан был очень заметно шире, высотой, близкой к ширине от края до края. В 1622 году, после литвы и поляков, а, главное, из-за хлипкой почвы (много воды) – пришлось заново делать и своды, и барабан, и главу, перекладывать весь верх. Видимый сегодня барабан – не 1547, а 1622 года, не исключено, что и диагонали появились тогда же вместо изначальных 32 кокошников (или, скорее, ещё позже).

Это ещё не предположение, а нечто смутно забрезжившее, колышащееся марево, которое правда, в свою очередь, рождает своих чудовищ.

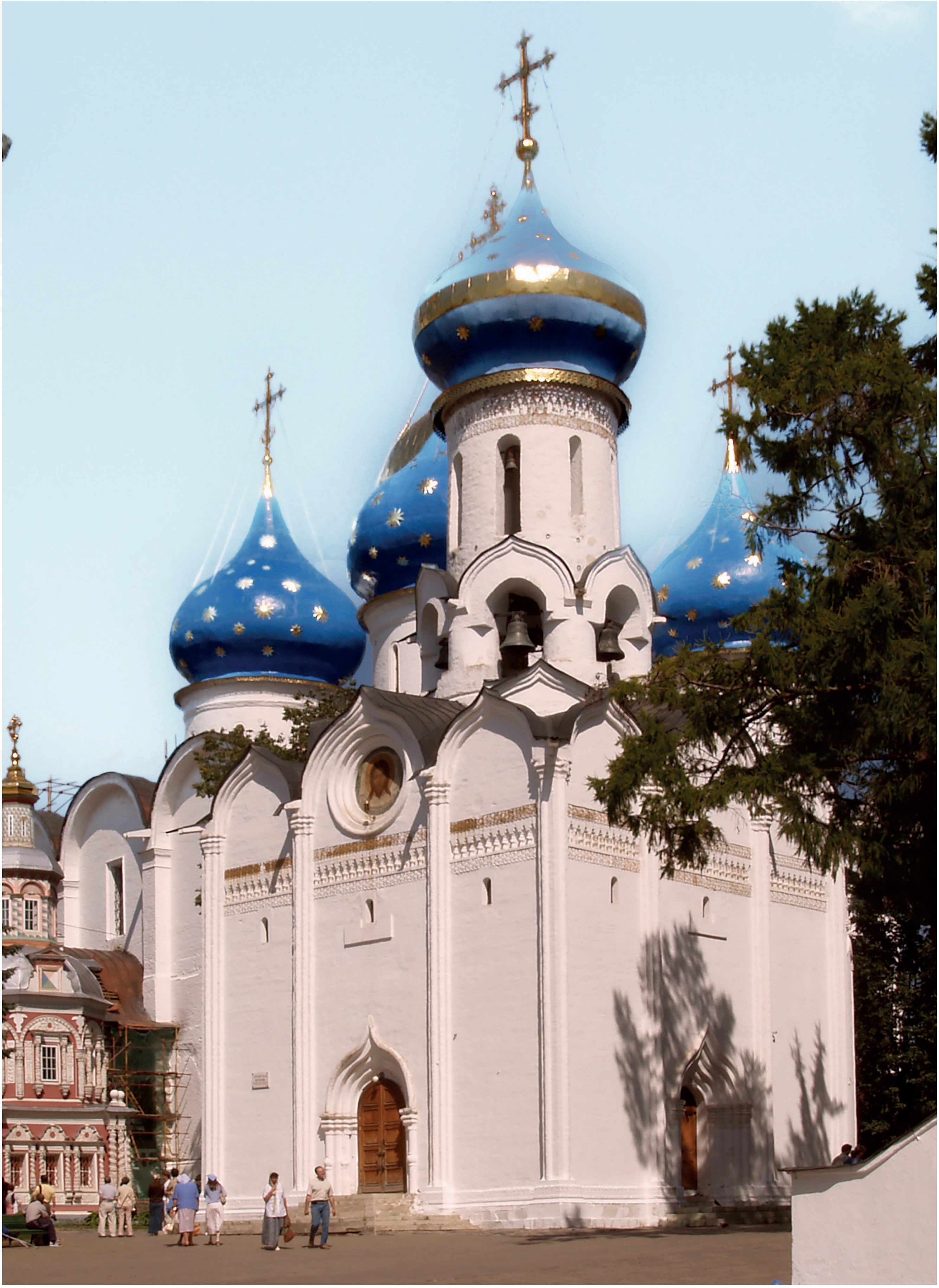
Первое – попроще. На новом барабане Введенской церкви между окнами видны консоли-кронштейны-недоконтрфорсы, которые ничего снаружи не поддерживают, вероятно, изнутри используются для удержания подвеса. Точно такие же использованы в барабане Сергиевской церкви (1692 год окончания) за стенами. Она очень хороша как образец праздничной, нарядной безликости, которая форму понимает как аксельбанты и эполеты на ярком мундире, причём для приобретения горделивой осанки достаточно залезть на стул и выпятить живот. Может быть, при 22-летнем Петре ещё сохранялись люди, способные это видеть, тогда единственным средством спасения облика церкви остаётся завершение с применением кокошников, которые должны быть заметны далеко снизу, тут никакие диагонали не помогут, нужны все три ряда. Но нынешнее завершение стен сверху, с нарисованными кирпичом раковинами-закомарами ничего такого не предполагает. Последний, кто описывал собственноручно обследованные чердаки трапезной палаты – В.В. Кавельмахер (нашёл остатки пинаклей).

Второе чудовище пострашнее. Если образцом для Введенской была Духовская (образец и для очень многих других церквей поблизости и в дальних краях), а мы, кажется, вправе осторожно и строго гипотетически, приседая от ужаса и оглядываясь, допустить мысль о существовании во Введенской когда-то, сразу после 1547 года, трёх рядов кокошников, – стоит ли отгораживаться от допущения, что и в Духовской когда-то было больше кокошников, чем сейчас, а нынешние диагонали после закомар – результат перестроек XVII–XIX веков и реставрации (основной объем реставрирован в 1937–1946 годах П.Д. Барановским и И.В. Трофимовым, завершение – в 1960 году В.И. Балдиным и Ю.Н. Герасимовым)?

Если допустить мысль, что модель когда-то выглядела не так, как отреставрирована, то сколько копий, сделанных по этой модели, сразу теряют достоверность?

Бездна, открывающаяся за началом таких предположений, всё же не так черна. Если С.С. Подъяпольский верно сосчитал в Благовещенской (а сомнения в этом не только кощунственны, потому что покушаются на доброе имя, они преступны, потому что... потому что преступны, и всё), то и для Духовской церкви появляются дополнительные резоны включить воображение, выключить слепое почитание авторитетов и прикинуть, а как могла бы она выглядеть, если бы к ней прикладывали уже в 1477 году лекало «33-х»? Духовская церковь над Максимом Греком поважнее

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:23 Страница 327



Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:23 Страница 328

будет, чем мавзолей над Владимиром Ульяновым, если без насилия над правдой обнаружить и в ней «33» – переворот будет посильнее октябрьского.

Как только проверенное лекало ложится на ткань – сомнения испаряются, появляется убеждённость: а как можно сделать иначе, и главное, зачем?! Второй ряд из двенадцати кокошников логичнее встаёт на место, чем четыре химерические диагонали, хитро выглядывающие из-за угловых, но совершенно недостаточные для того, чтобы стать заметными, из-за отсутствия второго ряда опять приходится делать необъятные кенотафы за центральными закомарами, пугающие своей тайной – «а что там, внутри этих помещений поместилось, для чего они сработаны так ловко и умело?».

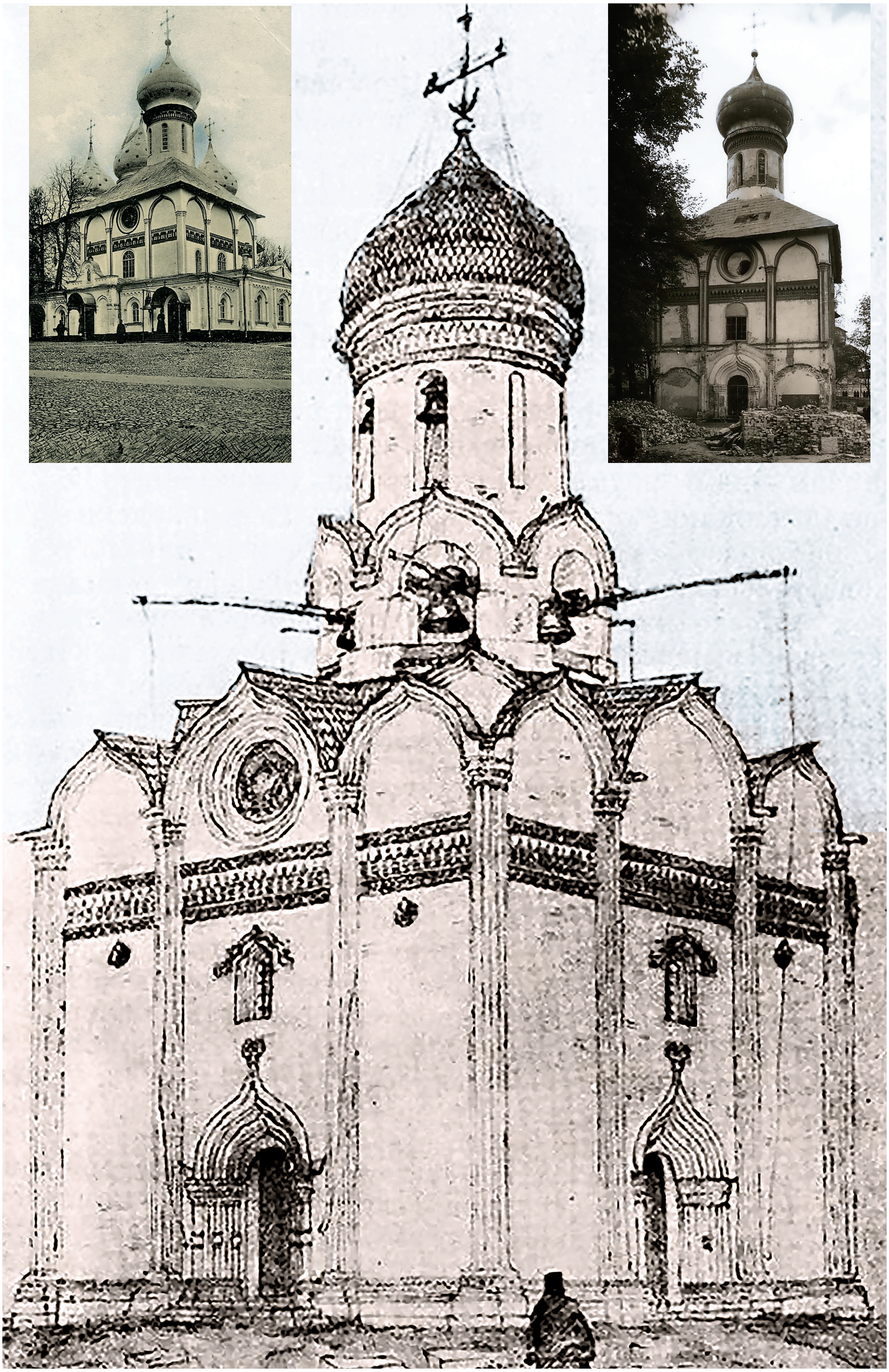
Конечно, из такого заурядного сооружения, в которое его превратили долгие попытки усовершенствовать церковь Сошествия святого духа, выдумать, выфантазировать себе, мысленно увидеть, прозрев сквозь вековые наслоения, новый образ – это уже огромное достижение, сопоставимое с проектированием заново, на пустом месте. Когда твои предшественники – все те, кто составил славу русской науки за последние сто лет, трудно отбросить их опыт и сказать – я буду думать сам, а И.Э. Грабарь, П.Д. Барановский и все остальные мне не указ – не более чем глупое безрассудство, тем более что ничего другого, по сравнению с тем, что они надумали – нет, и примыслить нельзя, нет оснований, толчков и причин. Чем, к примеру нехороша реконструкция Духовской церкви В.В. Кавельмахера, придуманная, правда, скорее для иллюстрации очепного звона (качать колокол, а не язык). Может ли она быть ошибочной? Может. Ошибся же он с очепным звоном, по двум по крайней мере причинам: шестеро звонарей с четырёх сторон света не могут видеть друг друга, и не могут согласовать темп, не говоря уж об амплитуде качаний верёвочных концов рычагов, значительной превышающей у земли и 152-ю, и 183-ю, и 216-ю сажень.

Самая трудная задача в предлагаемом применении лекала «33» к Духовскому завершению – шестёрка в основании барабана. Но как-то с этой задачей справились в Ферапонтове через полвека, в 1531 году. Или пара лишних глав, или пара лишних кокошников, например, на севере и на юге во втором ряду, как в Благовещенской. Не отсюда ли взято решение, если она была примером, всего-то и надо – во втором ряду поставить не по три, а по четыре кокошника с севера и с юга?

И приятие, и неприятие диагоналей в завершениях – одинаково пагубны. Всё зависит от того, кто применяет. Диагональ хороша или плоха не сама по себе, а в зависимости от окружения, что проще и лучше ложится или встаёт за закомары той или иной церкви, обеспечивая обзор, видимость себя. Сектор «между» всегда невыгодно отличается от ряда «позади».

В логике реставрационных действий, в их последовательности самой сложной задачей на начальном этапе считается выбор момента, на который надо восстанавливать. Век, лучше полвека, ещё лучше четверть, не говоря уж про десятилетие, тем более год. На выбор влияют много факторов, причём эстетическая составляющая, попросту говоря, красота, сделавшая памятник памятным почти всегда пасуют перед правдивостью и полнотой материальной базы. Хоть, допустим, и плохонько сделали в XVIII веке, зато тогда же хорошо и разрушили – всё, вообще всё предыдущее в этом уровне. Что ж теперь поделаешь, это ведь тоже теперь памятник. В таком глубокомыслии теряется малюсенький пустяк: памятник незрячести, глупости, бесталанности, претенциозной заносчивости остаётся, а памятник гениальной прозорливости покорно складывает крылья. Полёт не оставляет каменных остатков, только в воздухе, и то ненадолго. Даже когда доподлинно известны изначальные формы (то есть когда известность добыта мучениями, под линем добросовестности) – всё равно побеждает тот камешек, который положен в стену позже. Единственное место, где срабатывает пошлая мудрость про то, что в соревновании цивилизаций всегда по-

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:23 Страница 329



Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:23 Страница 330

Глава церкви Рождества Богородицы на Сенях московского кремля

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:23 Страница 331

беждает та, что примитивнее, – это реставрация. К великому сожалению, Сергиев посад не выбивается из этого гнусного правила. Введенская, Духовская, Троицкая церкви помечены одной ошибкой, сделаны по одному шаблону. И наоборот, даже глухой (без окон) барабан одною ловко присаженной восьмёркой в основании заставляет поинтересоваться – а что ниже, под зелёной крышей с крутыми скатами в церкви Рождества Богородицы на Сенях, очередной раз перестроенной с XIV века при Фёдоре Алексеевиче?

Смешно лишний раз говорить, что в этом нет даже тени вины реставраторов, как раз наоборот, они вынимают из-под гнилых досок бриллианты, каждым своим действием, даже не очень правильным, как иногда выясняется позже. Дело в том, что на «вытаскивание» диамантов требуется, вероятно, не меньше времени, чем на закапывание, потому что в эту сторону идти гораздо труднее, чем «в потоке времени», когда толпа бежала в одном направлении, а одолевать давно пролетевший порыв ветра приходится почти всегда в одиночку. Трудно заставить себя смириться с мыслью, что по прошествии десятилетий или веков на плоды трудов реставраторов будут смотреть также, как нынче оценивается деятельность искренних и добропорядочных подданных империи в XVIII или XIX веках, и, глядя уже оттуда, из XXII или XXV века, при выяснении, «как же оно было на самом деле», для исследователя важны будут не столько вехи на пути, сколько первое, изначальное состояние, когда автор после окончания работ встал в ста метрах от содеянного, подбоченясь, хмыкнул – и сказал себе в бороду: «Ну, так, ничего себе получилось». Промежуточные стадии пропадают легче всего под воздействием новых промежуточных, пожирающих предыдущее без остатков, а изначальное хорошо тем, что обладает цельностью, логикой, постигнув которую, можно уже меньше обращать внимание на подробности пути от первой точки до нынешней и от нынешней до первой. В таком понимании стилистические гири на чашах доказательств оказываются всё тяжелее и тяжелее, порой одолевая археологические. Генрих Шлиман нашёл то, что лежит в ГМИИ им. А.С. Пушкина не потому, что был археологом, как раз ровно наоборот, проклятья ему звучат из их уст по сей день, а потому что поверил красивой легенде, оказавшейся правдой. Поэтому главное – не то, что это легенда или быль, а то, что она красива, эстетика рождает этику, не наоборот. Помирает всё одинаково, и уродливое, и красивое, то сгорит, то утонет, то сгниёт. Но право на память есть всё-таки преимущественно у красивого. Буквально каждый из реставраторов второй половины XIX – XX века свой центнер грязи с бриллиантов снял, приблизив их чистое сияние, чтобы согласиться с этим, достаточно поставить рядом фотографии второй половины XIX века и снимки почти всего XX-го и XXI.

Фетишисткая привязанность к остаткам, желательно в камне, тормозит этот и без того небыстрый процесс очищения. Ясно, что это «условие, без которого вообще нельзя» что бы то ни было начинать. Но научная реставрация без воображения невозможна, так же, как и любая наука без воображения, без поиска того, признаков чего сегодня не видно и их просто нет, признаков. Парадокс в том, что новое в истории – это как раз новое знание о старом, и новизна его в том, что оно более точное, приближающееся к правде, к тому, «как было на самом деле». Ну да, новое – это старое. Но только точно, как на самом деле, а не так, как осталось по случайным причинам. Введенская церковь приобрела «кавказские холмы» в завершении потому, что П.Д. Барановский раскрыл неизвестно когда появившиеся на Духовской церкви диагонали, а за его плечами тогда – тридцать лет подвига, В.И. Балдин не мог не считаться с его опытом. Какие-то кокошники появились первыми на Троицком соборе, за ними последовали многие реплики, в их числе – на Духовской церкви, с неё брали пример мастера Введенской и Пятницкой, и про Введенскую точно известно, что она

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:23 Страница 332

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 333

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 334

вскоре после 1547 года «расползлась» и верхи были переложены в 1622 году, а стабилизировались стены уже в XVIII веке. В какой момент появились диагонали на Духовской церкви – неизвестно, но поскольку они точно лучше, чем скатная крыша, их и восстановили по остаткам. Введенская церковь и Троицкий собор влились в этот хор, руководимый тем же дирижёром. В.И. Балдин уже знал, что совершил ошибку – иначе зачем было бы делать верх собора ослепительным при помощи золота. Оно и ослепило на долгие десятилетия, портя глаза обучающимся архитекторам (шедевр же); нельзя, конечно, сказать, что собор не выполняет свою главную задачу, величия в нём хватает, но до великолепия не дотягивает. Второго ряда нет, а диагонали не видны, световое кольцо превратилось в световой квадрат (остаток от подготовительных работ по устройству стропильных ног для крыши), убивающий насмерть тектонику возвышения и роста.

Надо сказать, выход, найденный В.И. Балдиным, очень помог соседней, стена к стене, Никоновской церкви: она тоже убралась золотом, хотя не имела на это никакого права, будучи сооружением первой четверти XVII века. Недаром пря с В.В. Кавельмахером осталась в популярной литературе надолго, многие и сейчас удревняют её лет на 70 примерно. Причина отвратительно проста: недостающие на соборе кокошники присоединены, украдены, бессовестно похищены с соседней никоновской путём блистающего на солнце и в тени общего покрытия; объединяя покрытия, В.И. Балдин «перетаскивает» славу действительно удачной Никоновской церкви на далёкий от безупречности именно из-за неверного покрытия собор.

Незаслуженное золото Никоновская церковь Елисея Степанова (1623 год) получила вместе с лишними 70-ю годами: только приближая её возраст, хоть немного, к почтенным сединам Троицкого собора, можно объяснить необходимость золочения, совершенно необходимого для такого «похищения славы», вместе они – неодолимая сила, тем более что в XVII веке строителям удалось услышать двухвековой давности мелодию, исполненную в начале XV века, они звучат аккордом, согласованно в буквально смысле слова, одним голосом, пусть и на разных инструментах. Именно этот голос оказался скрыт для слуха В.И. Балдина, в отличие от строителя больничной церкви Зосимы и Савватия в 1637 года.

Стилистически родственные черты есть во множестве и во Введенской (перестроена в 1622 году), и в Никоновской (1623 год), и в Зосимо-Савватиевской (1637 год).

Не так уж важно, можно ли приписывать Елисею Степанову и авторство больничной церкви. На апсидах всех трёх – усилители вертикализма сооружения, дважды это канаты, привязанные к свисающим с крыши дугам, удерживающие от полёта (так ещё привязывают массивные сундуки в поездке, чтобы не свалились с высокой телеги с поклажей), а в Никоновской – целый забор из очень высоких арочек, частокол. Самая поздняя из трёх – больничная, на первой (Введенской) лекало «33», вероятнее всего, было, но пропало около 1622 года, в Никоновской его и не пытались применять, так как северная стена никак не участвует в формировании образа, а вот в больничной лекало пригодилось,

Сначала обнаружить его не удаётся: после четверика довольно-таки высоко поднимается восьмерик, потом сложный орнаментальный пояс с муравлёными изразцами, они же на гранях и гуртах шатра, и кокошников на переходе от карниза к шатру удаётся сразу обнаружить только парочку на каждой грани, чуть повыше между ними уже какие-то домики с треугольными крышами и с окнами. Но это невольное введение в заблуждение. Большую часть жестяных кровельных работ нельзя заготовками предварить на земле, почти всё надо подгонять и прилаживать по месту, на высоте, где очень нелегко избежать искушения из очень пологой дуги сделать

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 336

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 337

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 338

почти прямую – просто для ускорения процесса. В результате та парочка кокошников, которые чуть покрупнее и стоят на карнизе, не прижимаются, не придавливаются к нему жестяным покрытием, сохраняя килевидную видимость; третий кокошник на каждой грани – меньше, он накрывает окно, почти превращаясь в очелье наличника, и кровельная жесть, имеющая ту же конфигурацию, что и два нижних, оказывается достаточно тяжёлой, чтобы превратиться в маленькую скатную крышу и почти спрятать третий кокошник. Итого: восемь граней по три кокошника внизу, наверху под главой ещё восемь, 32 есть, последний элемент – глава.

В 1646 году в Кирилло-Белозерском монастыре задумались о строительстве больничной церкви. Эта, троицкая, была взята за образец. Если поставить рядом Евфимьевскую и Зосимо-Савватиевскую церкви, родство найти непросто. А кирилловские строители и не пытались сравняться с подмосковным гигантом размахом. Достаточно взять главное и, пожалуй, в этом случае сомнений почти не остаётся – взяли способ организации числа «33». После 1676 года её облюбовал ссыльный патриарх Никон. Посчитал ли он нужным сосчитать 33 кокошника в церкви Преображения, стоящей совсем недалеко над Водяными воротами, не только не известно, но и никогда не станет известно, скорее всего. Вероятно, и Евфимьевская церковь ему приглянулась не арифметическими намёками, а небольшим размером, удалённостью от входа и лаконичной ладностью.

После недавних реставрационных работ церковь ничем не портит сказочное, прямо-таки «берендеевское» впечатление от всего окружения, барочная и ампирная глупость, прилипшая к нескольким зданиям, не в силах одолеть старую закваску, всё по-прежнему ласкает взор. Ленивое металлическое покрытие шатра раньше прятало с глаз долой ещё и 16 (или 24) кокошников в основании восьми граней, но их уже давно открыли и они светлым контрастом вылезают на фоне тёмной покраски чехла из железа. Именно они смягчают переход от (почти буквально) кубического основания к резкому сужению острого шатра, как оторочка воротника из светлого меха. Это один из секретов и причин «стройности» всего сооружения, его «удачности» в пропорциях, его негрузности, словом, «ладность» – самое подходящее слово.

Если убрать чехол из металла, элегантности не станет меньше, эта жестяная затея помогает заметить воротник, но она же и делит здание пополам по горизонтали, на две половины, совсем лишая его единства. А оно необходимо, чтобы заметить, что весь четверик – праздник непослушания, гимн неравенству. Северный фасад – два окна на меньшем по ширине прясле между лопатками, и одно – на большем; закомары к востоку уменьшаются в размерах, все разные. Западный фасад – вместо третьего окна в самом узком прясле входной портал, самая маленькая закомара в центре.

Но главное: все двенадцать закомар по четырём сторонам обведены двойной тонкой кирпичной линией, которая внутри доведена до уровня городков из наклонных кирпичей на ребро, а снаружи тонкая линия испорчена массивными, толстыми подкладками под деревянные дощатые отливы. То есть сначала линия была доведена так же, как и внутри, до городков, а потом все до единого промежутки между закомарами были снабжены нелепым подвышением, убивающим изящное сочленение полукружий. Особенно тяжелы эти добавки в углах, они напоминают покатые плечи малотренированных усталых мужчин вечером после трудового дня. Когда бы все линии довести опять до лопаток, силуэт распрямится и появится некая осанка, характер, даже несколько приподнятое настроение. И вот тут-то, в таком настроении, самое время сосчитать все наличные кокошники и пожалеть, что 12+16= только 28, а вовсе не 32, четырёх не хватает, а то бы опять появилось число «33» (33-я – глава,

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 339

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 340

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 342

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 343

плоский рисунок которой повторяет кокошники). Но что ж поделать – нет так нет, их же не придумаешь, когда нет. Но, может быть, были?

Нет, скорее всего, и не было никогда. Скопирован был только шатёр, до некоторой степени четверик, пояса украшений уже совсем псковские. Восьмерик между ними и подклет ликвидировали во время копирования напрочь, поэтому счёт надо начинать не с закомар, а с главного в копии, с шатра, на нём и останавливаться. К выявленным в XX веке шестнадцати кокошникам надо два раза прибавить по восемь – внизу и вверху, как в троицкой больничной церкви, где Елисей Степанов или его последователи, наверное, не просто так, не случайно подвели число 32 под главу.

Да, и тогда, несмотря на безосновательность и полную умозрительность предположения, в расчехлённом состоянии шатра, мы, может быть, лучше поймём, отчего последние годы жизни опальный патриарх ходил именно в эту больничную церковь, чем она согревала местных страждущих, и что было украдено уже несколько веков у всех посетителей Кирилло-Белозерского монастыря.

Это немного напоминает предсказания новых, ещё не открытых химических элементов по таблице Дм. Менделеева, кокошников нет, но они должны быть. Настаивать на основательности умозрительности позволяет близкое соседство Преображенской надвратной церкви, где наличие спрятанного числа «33» можно считать доказанным.

Послереволюционные фотографии церкви Евфимия свидетельствуют о рачительном отношении временных хозяев монастыря к кирпичной кладке как способу сбережения строительного материала. Если попадаются мешающие сохранности основ-

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 344

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 346

ной массы углы и выступы, их следует подровнять, где надо – подрезать и аккуратно накрыть оставшееся. Огрызки кокошников стали просто продолжением стены, лопатки подросли, всякая кокошниковая поросль скрылась под куколем, с глаз долой. Не то что сохранить, а даже заметить в таком рвении маленькие кокошники устроители порядка и благообразия, конечно, не могли. Нельзя предъявить обвинения в небрежении и последующим спасителям церкви – очень уж необычен предмет охраны, просто число «33» как ценность, имеющая характер не мемориальный и не материальный. Да полно-те, и ценность ли это даже в XXI веке, про XVIII, XIX, XX и говорить не стоит, все умственные силы триста лет стачивались о борьбу с «мракобесием», на эти ли пустяки стоило тратить прогрессивное умонастроение и напористость устроителям новых миров – от бенжаминов до владимиров и иосифов. Ведь «апокриф», метрики-то нет.

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 347

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ В ПОЯРКОВЕ

В 1665 году, когда построили Поярковскую церковь, Никон уже был в опале, кто такой боярин Артамон Матвеев (он и строил), стало уже ясно, воздух опять наполнился ожиданием и предчувствием перемен, потому что память о начинаниях Макария, Филиппа, Иова вместе с Борисом Годуновым после бедствий начала века только укрепилась, неожиданным и нежеланным (потому что не смели надеяться) результатом невзгод стала жажда созидания, строительства во всех смыслах. Не случайно патриарх Иосиф I, не очень славный в истории, сосредоточив много усилий на только гуманитарной сфере, готовил то, чем впоследствии занимались другие патриархи, поправкой книг и росписью Успенского собора Княгинина монастыря. Гурий Никитин, расписавший с артелью Троицкий собор Данилова монастыря в Переславле, передал переменно-жаждущее настроение в куполе ликом Вседержителя, более всего удивлённого тем, что натворили все те, кто снизу, и из недоумения неминуемо рождается вопрос: «И как же вы все из этого будете выбираться? Силёнок-то хватит?» Артамон Сергеевич Матвеев, судя по построенной им церкви, нашёл уже

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 348

в 1654 году неновый ответ «Делай, что должен, а там посмотрим», но старайся изо всех сил, и бери всё отовсюду. На юге в церкви есть запад, на севере – восток, а чтобы увидеть и понять главное – надо пошевеливаться, двигаться, не стоять на месте.

К примеру, в Печерском монастыре Нижнего Новгорода стоят два шатра (есть и третий такой же неподалёку, в кремле), в которых лекало «33» сохранено в непри-

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 349

косновенности – шатры считаются без четверика, 24 у основания, 8 наверху, под главой, и всё же что-то начинает пропадать, несоразмерность сдвинулась с места и тронулась в путь – к несуразности или неравновесности. Печерские шатры – ещё только в начале этого пути, а вот оба благовещенских разогнались хорошо, давно оторвались от четверика и апсид. В последних двух число «33» сохранилось дважды (по

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 350

числу шатров), но сдвоенное применение свидетельствует, что понимание не посетило головы строителей. Даже если поставить шесть таких шатров на одном четверике – Иисусов не станет больше, он всё равно один, а частое повторение только мельчит фигуру. Как только приходит это понимание, пропадает обида на себя – что в облике этой церкви смутно не устраивало, теперь выяснилось, что именно.

На фоне таких недоумений и непопаданий Рождественская церковь в Пояркове особенно хороша тем, что Давид опять победил Голиафа.

Артамон Матвеев известен в основном своей несчастной судьбой (убит во время стрелецкого бунта вскоре после возвращения из ссылки в Лух неподалёку от Флорищевой пустыни). Вторая причина известности – его редкостное сочетание открытости нараспашку для взаимодействия, для иноземного опыта, который он готов был впитывать быстро и жадно, и твёрдая память о том, что привой хорошо приживается только на здоровом жизнеспособном подвое.

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 351

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 352

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 353

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 354

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 355

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 356

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 357

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 358

Одно из самых ярких доказательств справедливости этой нехитрой мысли – Богородицерождественская церковь (1665) в Поярково. В ней уже появились грубоватые барочные ухмылки и ухватки (вертикальнобутылочные ноги наличников имеют прямоугольное бесчеловечное сечение, то есть сверху бутылка, а снизу нога скучно соединены большой пробкой от бочки, положенной набок), но они прилепились и утесняют очень тонкий, срисованный откуда-то книжный растительный мотив над закладной доской с совершенно обычным текстом про государей и сыновей летом 1664/65 года. Однако же того, кто сумеет протиснуться между оградками, не оставляет после парочки обходов вокруг церкви и колокольни ощущение явной недостаточности, недоговорённости, непонятости и оттого неудовлетворённости. Организм чует, а глаз неймёт. Поэтому перечислим то, мимо чего не стоит ходить бегом.

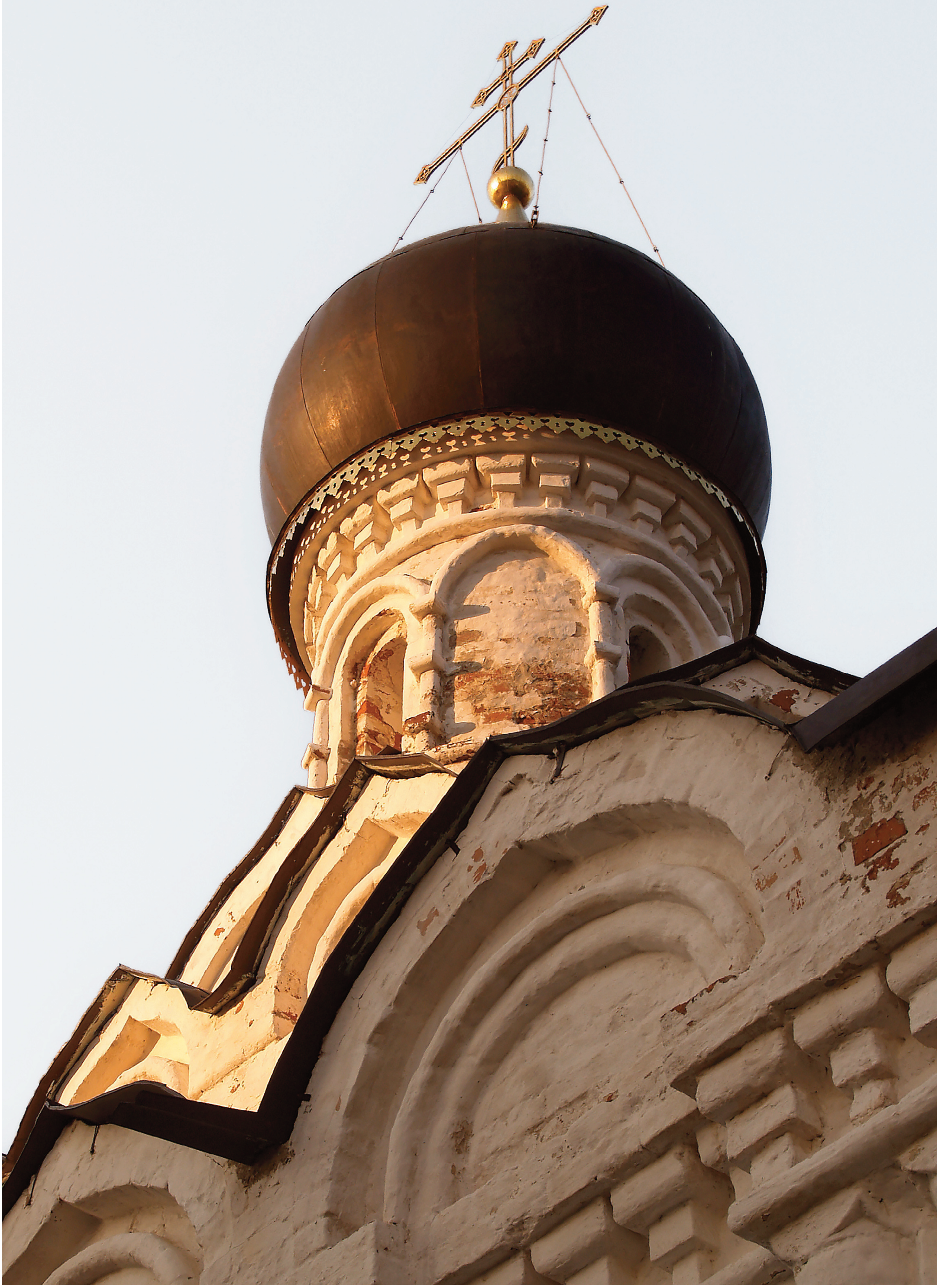
Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 359

1) Северный и южный выходы – пара противоположных порталов с разными окнами и наличниками.

2) Рисунок северного окна трапезной и южного окна церкви отстоят друг от друга на несколько тысяч километров – как греческая Италия и древний Китай; южный портик аккуратно выкопан в Геркулануме до его открытия всем миром и привезён в Поярково в целости и сохранности, а вот китайское происхождение фронтона крыши сешань 歇山 подтверждают два коротеньких столбика под гнутыми скатами – они стоят не прямо над вертикальными полуколонками, а с отступом наружу, а это может быть намёком на кронштейн доугун.

3) Северный выход – полуциркульное завершение скромного портала подпирает преживописнейшую группу из трёх сложных формирований, сдвинутых к западной оконечности; серединка – храмозданная надпись – накрыта карнизом на двух крон-

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 360



Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 361

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 362

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 363

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 364

штейнах и очельем наличника, проткнувшим и городки под антаблементом, и сам антаблемент (без этого красивого слова, увы, не обойтись: это те линии, что накрывают стену, но ещё не стали покрытием); два разных по ширине окна накрыты гнутыми, как крыша сешань, очельями; всё вместе – вопиющая неровность, словно на полдороге спохватились, достроили, как бог на душу положит, и острие широкого очелья угодило в сочленение первого и второго слева кокошника, как в нижнюю серединку буквы «м», а сочленение центрального и правого кокошника пришлось «в ямку» между остриями оставшихся двух очелий; такой рисунок фасада напоминает крылатую фразу Ю. Никулина из «Андрея Рублёва» Андрея Тарковского: «Вон какое лицо сморщил»; эта гримаска приветливости придаёт столько живости общему облику, что начинают мерещиться и улыбка на лице, и пряди волос из-под цветастого платка, и озорные глаза, и румянец на щеках.

4) Почти машинально, на всякий случай и между делом отметим число «33», наличествующее на колокольне (четыре восьмёрки и главка), но главное диво её не в этом; колокольня готовится к прыжку, как спортсмен на низком старте: мускулистые ноги в кубических башмаках напряжены и наклонены к центру, они уже работают, держат высокое сильное туловище, а там, где основание кончается, а сама колокольня ещё не началась, глаз отказывается служить – не то чудится, не то мерещится, что серединка ниже краёв; просела, что ли, от старости? Нимало! Металлические связи на месте, трещин нет (не замазаны, а нет), а верхняя линия прогибается, как панцирная сетка кровати под ногами прыгающих на ней детей, даже слышен счастливый хохот и хруст снега под валенками, колокольня почти идёт, движется, шевелится.

5) Около колокольни глаз с трудом, но притормаживает: что за кирпичный обрубок поставлен на-попа между трапезной-прихожей и колокольней, основание которой зимой и летом играет роль гульбища, где можно перевести дух перед входом в церковь? Не остаток ли это чего-то преждестоявшего, может быть, от бывшей звонницы, лестница которой вполне ещё может послужить и для новой колокольни – ответ знают только архитекторы-реставраторы.

6) Наконец – самое главное, удивительное, восхитительное и вызывающее почтительное уважение и к самому А.С. Матвееву, и к его архитектору; то ли кто-то один, то ли оба для придания живости, энергичности, приподнятости в очень небольшой по размеру церкви использовали мотив, нет, принцип, нет, впечатление, нет, почти физическое ощущение шевеления, подвижности, движения, перемещения, ставшего архитектурным нововведением и почти конструкционным элементом, хотя ни одной детали не добавилось.

Дело в том, что «счетоводная трясовица», заставляющая кстати и некстати молча шевелить губами, пересчитывая про себя кокошники и главы, тут внезапно отпускает страждущего, как рухнувшая за час с 39 до 36° температура тела. Сколько ни бегай вокруг, как ни рисуй на бумажке закорючки, всё одно: глава одна, а кокошников 34, не то 35, хоть разорвись. На втором и третьем часу остатки совести заставляют смириться на сей раз с поражением и признать, что два лишних кокошника никуда не денутся, решение самопоставленной задачи не удаётся подогнать под заранее известный ответ.

И только уже отвернувшись и в последний раз вернувшись на всякий случай, в сущности, чтобы попрощаться, можно поймать головой встречу с пудовой гирей, прилетевшей для вразумления.

А вот таки да. Во втором по высоте ряду кокошников четыре поставлены под углом 45°. К 1664 году приём очень известный. Но соединение с малыми габаритами церкви дало новый эффект: её легко (было легко) обойти со всех сторон. Вблизи и издалека нет точки, позволяющей во втором ряду разглядеть больше четырёх или пяти

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 365

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 366

кокошников по сторонам света, хотя на деле на севере на юге их четыре, на востоке и западе – шесть. Разве что с востока видны все шесть, но оттуда к церкви редко кто подходит. И второе. Поворот предмета на 45° от фронта обзора уменьшает его горизонтальный размер (ширину) вдвое, то есть пополам, к тому же от наклонён к центру, завален. Если каждый повёрнутый кокошник признать половинкой (вторая-то половинка никогда не видна), то задача (немного на первый взгляд насильственно, но) решается, кокошников остаётся только 32. Малозаметность дальних от наблюдателя повёрнутых кокошников обеспечена совсем уж мастеровитой хитростью: углы прямоугольника, на котором стоит второй ряд кокошников, срезаны все четыре, заподлицо с внешними обводами самих угловых кокошников; в нижнем ряду

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 367

слева и справа от трёх или четырёх кокошников остаются ещё углы, довольно заметные. Глаз, приученный нижним рядом к тому, что у последовательности есть окончание, сам устанавливает его (окончание) и во втором ряду, отказываясь предполагать, что там есть что-то ещё. То есть обман состоялся не случайно, он был устроен, нарочно и умело. С какой стороны ни подойди – два кокошника всё время вычитаются, смежные стороны всегда неполны.

И если – опять-таки если – допустить, что у строителя была цель сделать число «33» осязаемым, но не выставляемым напоказ специально, грубо, криком, то легче этого слабого дуновения намёка не придумать. «Да где? Да что? Да вам вечно всё мерещится, откуда здесь '33', ну считайте, чистые '35', дайте схему нарисую». Ну и хорошо, ну и «35», вот и славно, а «33» увидит только тот, кто захочет видеть, даже когда зажмурится.

Артамон Матвеев одержал верх во всех предстоящих многовековых спорах про направления и способы движения судеб и народов. Когда за спиной стоит такая (как эта) церковь, опирающаяся на хотя бы десяток истин, работающий человек не заблудится, знаменитое западничество не помешало ему построить церковь, равных которой нет в целом свете. Церковь нельзя сравнивать, не бывает лучше или хуже, но когда красота помогает правильной мысли, последняя становится сильнее.

И не надо пускать эту церковь в списки ЮНЕСКО. Есть она там, или нет – неважно. Важно, что она есть у нас. И важно знать, что она едва не сгинула, как 95% наследия. И хочется задуматься, какого червяка надо поселить в мозг, чтобы довести церковь до состояния начала 60-х годов XX века. Ответ опять лежит кровавым пятном на снегу: вот эта самая ЮНЕСКО. Своим-то умишком мы постичь не горазды, что памятник, а что нет, нужен прямо список, в котором умные дяди и тёти объяснят: ага, памятник – и напишут-то ведь для памяти нам, для помощи, для спасения от местных овцебыков в костюмах, неистребимые подобия которых в неведомых теперь уже веках тоже для спасения накрыли завершение Богородицерождественской церкви в Поярково деревянным пальто четырёхскатного покроя. Тем самым спасители выкололи глаза глазастым, отрубили руки рукастым, затупили острое и размочили твёрдое. Вот до чего важны и глаза, и руки, и острый ум, и твёрдая вера – достаточно скрыть открытый всем смысл Богородицерождественской церкви (неважно, под каким соусом), – и всё, она превратилась в живописную руину, которую надо охранять как памятник неизвестно чему, кто-то должен подсказать, чему именно, в список вставить, что ли, хоть в эту ЮНЕСКУ. А вот этот цветочек – не памятник? А в списке его нет. Само создание и ведение списка – выключает, исключает из него невставленное, а его в тысячи раз больше, чем вставленного. Какой же это памятник, если даже в списке нет? Как могут сотни или даже тысячи людей, сотрудников одной уважаемой организации, охватить могучими своими умами все разнообразие явлений культуры, хоть новой, хоть старой; и где памятники России, Сербии, Багдада, Афганистана, Сирии, Ливии, где каменные Будды, распылённые талибами, кажется? Никакое колдовское воздействие бессильных списков не помогло. Их (распылителей) теперь будут помнить также, как крокодилов, которым неважно, что пожирать, лишь бы был жирок и живой белок, так и тут – где культура забрезжила, туда-то кованому сапогу и дорога, там-то ему и радость, каблуку наслаждение, мышце отдохновение. Существование ЮНЕСКО – не только следствие государственных ничтожеств в области культурной деятельности, но и теперь уже причина: раз есть всемирный список, с ним должны как-то соотноситься страновые, областные, районные и квартальные, а иногда и усадебные списки. На этой ниве могут кормиться стада мускусно-пиджачных овцебыков, и это единственный смысл их (списков) существования. Они только мешают и отвлекают от главного понимания: все люди, всё население, весь народ, вся страна создавали памятники, им же их и охранять и беречь, а для этого надо обладать

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 368

ресурсом, прежде всего внутри головы. Купцы, создавшие архитектуру Пскова, Новгорода, Ростова, Углича, Ярославля и Москвы в XVII веке, прежде богатства и прежде выдачи антиминса архиереем должны были собственными мозгами дойти до мысли построить церковь, а не прокатиться в Лондиний или Лютецию, потому что там симпатичные люди и приятное устройство жизни. Трудностей, тягот и неприятностей хватало всегда и везде, отрубленная нога болит так же, как отстреленная или оторванная, но и люди, и устройство, то есть отношения между людьми, купцов (в широком смысле, ближе к всесословным деятелям вообще) устраивали, не возмущали (кроме Андрея Курбского в XVI веке и Алексея Петровича Романова уже в XVII). Всё, что касается бытовой и коммуникационной сторон жизни, в Европе, Турции, Аравии, Персии, Китае и Индии, было если не близким по сути, то сопоставимым количественно и качественно, ватер-клозет ещё не изобретён, колесо пригождается только в повозках и мельницах, языковые были не границы, а мосты, половина английских слов – французские, немецкий Dollmetscher – это русский толмач, бывший тюркский толкователь устных речей, в отличие от Übersetzer'а – переводчика письменных слов. Формулируя более чем приблизительно, можно сказать, что один китаец – это примерно двое французов, до полутора немцев, четверо англичан, пятеро русских, трое с четвертью венгров и семь восьмых калмыка. Существительные в этом предложении можно произвольно перемешивать с числительными, сумма не изменится. Единственное важное отличие, которое нельзя ни увидеть, ни доказать, а только предположительно почувствовать – если отношения между людьми представить себе в виде палки с двумя петлями на концах, то петля ненависти снизу вверх всегда неравна петле презрения сверху вниз. Оторваться нельзя, петли затянуты на руке. Те, кто называет других смердами, сами-то уверены, что без их пищеварения, помогающего плодородию почвы, Земля перестанет крутиться – это универсальная постоянная величина, не имеющая географической привязки. Меняется только длина палки. В Европе она покороче, в России подлиннее. Чем палка длиннее, тем труднее снизу заметить, что прикручено в другому концу – слиток золота или кусок мусора. Два-три века возрождения в Европе античной простоты много помогли здравомыслию и укорачиванию палки, медленное и постепенное просвещение удерживало дистанцию в рамках приличий, а в России наоборот, пришпоренное просвещение оборвало все петли взаимосвязей и превратило палку в закрывающую поперечную дубину, то есть в шлагбаум (schlagen – не столько 'закрывать', сколько 'бить'). Теперь есть только один центр управляющих разумных усилий; чем больше государства, тем больше порядка, потакание публике – признак

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 369

УСПЕНСКИЙ СОБОР РОСТОВА ВЕЛИКОГО

слабости государя и путь погибели государства. В общем, «железной метлой» всё гоним, гоним...

То ли к счастью, то ли от.

Оспаривать датировку А.Г. Мельника (1513 год) нет никаких причин, кроме одной – многие перестройки и реставрации внешне сильно изменили собор, он стал немного напоминать Патриаршие палаты в московском кремле, что, конечно, зрительное заблуждение, вызванное сущими мелочами, рождёнными во время переделок – вроде самых маленьких кокошников по углам, которые более чем рискованно вывешены за пределы опоры. Однако московский Успенский собор (который всего на сорок лет старше) тоже нередко достраивали и доделывали, но дух XV века из него не выветрился, да и рядом с памятниками Александровской слободы тех же лет ростовский собор выглядит несколько моложаво. Но это, в сущности, для нынешней темы не важно.

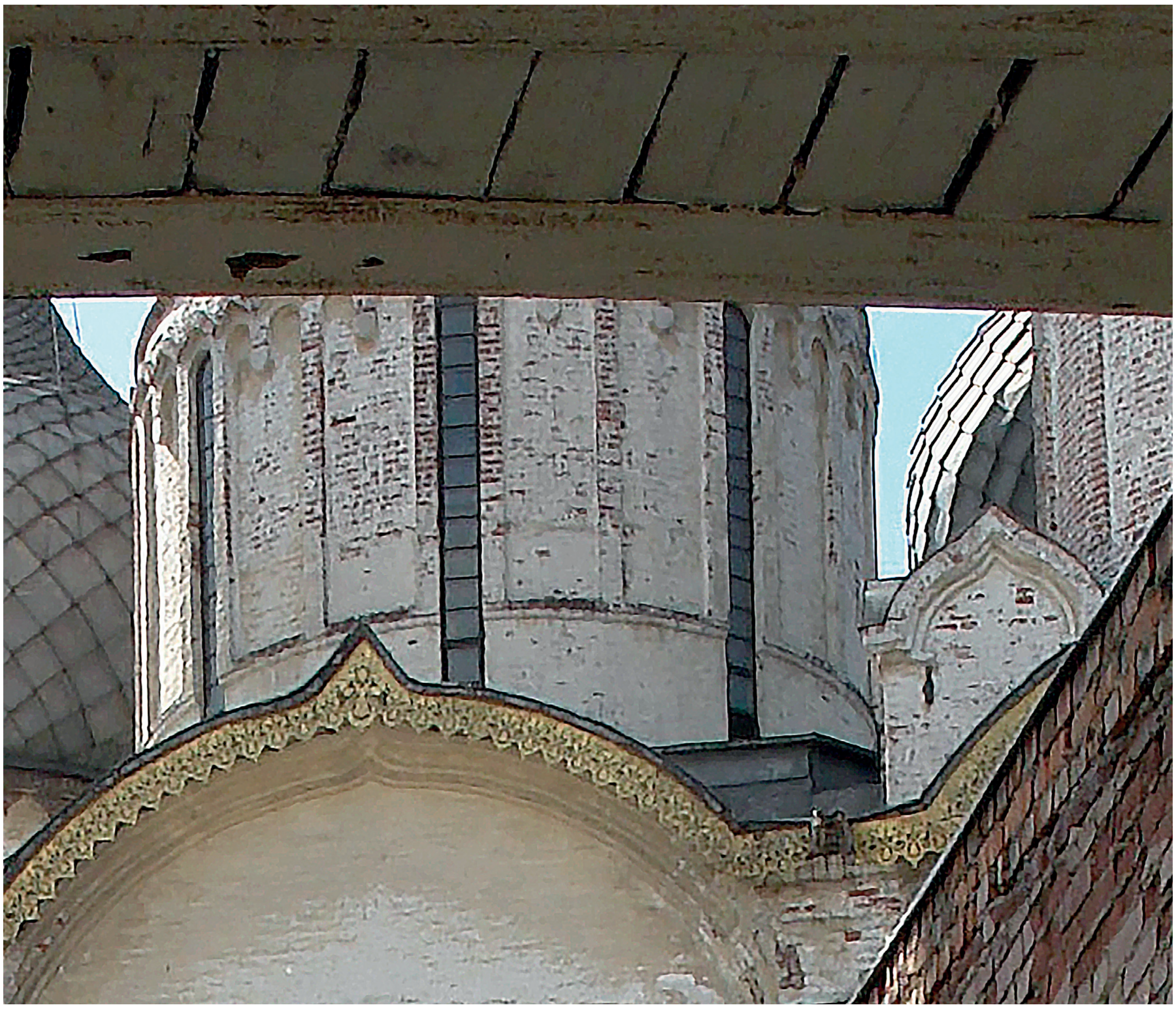
Важно для неё – крутизна крыши, снесёной ураганом 1953 года. Она была совершенно ровной, без выпуклостей посередине, и, по всей видимости, была устроена на обрешётке по стропилам. Крутизна была переменной из-за большого, на одно прясло стены, сдвига центрального барабана к востоку. Таким образом, самый крутой участок приходился на восточный свес. Насколько можно судить по доураганным фотографиям, для устройства крыши, толщина которой, скорее всего, не могла быть намного меньше 20 см (стропилы, обрешётка, изоляция, кровельный материал), закомары нигде не подрезали, или, во всяком случае уменьшение их высоты исчислялось сантиметрами. Верхняя точка отсчёта для кровли – начало оконных проёмов центрального светового барабана. При съёмке любым фотоаппаратом с востока воображаемая линия, соединяющая верхушки любой из закомар и окна центрального барабана, косо срезает почти половину каменной избушки, стоящей за северо-восточной закомарой. Эта воображаемая линия когда-то была стропильной ногой, поддерживавшей крышу и исключающей существование одновременно и крыши, и избушки, если только её не обошли и сохранили для себя.

Следовательно, при всех вариантах (и снос, и обход), видимое завершение избушки с несколькими кокошниками – результат восстановительной деятельности (В.С. Баниге) во время послеураганной реставрации.

Собственными глазами увидеть можно только три кокошника избушки, восточный и два южных, четвёртый западный достоверно определяется по рисунку кровли «со спины». Заглянуть на север, где мы предполагаем присутствие ещё двух кокош-

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 370

Северо-восточный угол крыши Успенского собора. Ростов Великий



ников, не позволяет природная высотобоязнь. Но даже если с ней справиться – результатом будут те формы, которые сохранил или восстановил В.С. Баниге. Если с северной стороны хотя бы рисунком намечены два кокошника, причём шестой имеет меньше всех места из-за близости малого барабана, то В.С. Баниге следует причислить к тем, кто знал о существовании лекала «33»; если там кокошников (даже рисунка) нет, то чаша весов на одно деление (51 против 49) смещается всё-таки в пользу использования числа «33» в архитектуре Успенского собора ростовского Архиерейского дома, так как существующие и видимые 4 кокошника В.С. Баниге не мог соорудить на основании только размышлений или «для красоты»: до устройства скатной крыши выход на старое покрытие был как-то устроен, и этот выход целиком или в остатках мог и должен был сохраниться с новой крышей, поскольку устройство наружных лесов – дело хлопотное. Если и до В.С. Баниге искомых двух кокошников не было – чаша весов качнётся в обратную сторону, но всё-таки не до нуля, при изначальном устройстве избушки, может быть, планировали все шесть кокошников, но какие-то обстоятельства помешали довести замысел до конца – всё равно с северной стороны увидеть два кокошника или их отсутствие может только тот, кто стоит в метре от них, с земли разобрать ничего нельзя – угол обзора предполагает удаление на сотни саженей. Но когда видны хотя бы три – это в условиях хотя бы двухсотлетней давности (не говоря уж про пятисотлетнюю) полностью равно шести: того, кто смотрит сверху – не обманешь, как-то неудобно даже задумываться об этом.

Мало сомнений в том, что В.С. Баниге, восстанавливавший ростовский Архиерейский дом после урагана, снесшего почти все купола, о числе «33» тоже знал. И он,

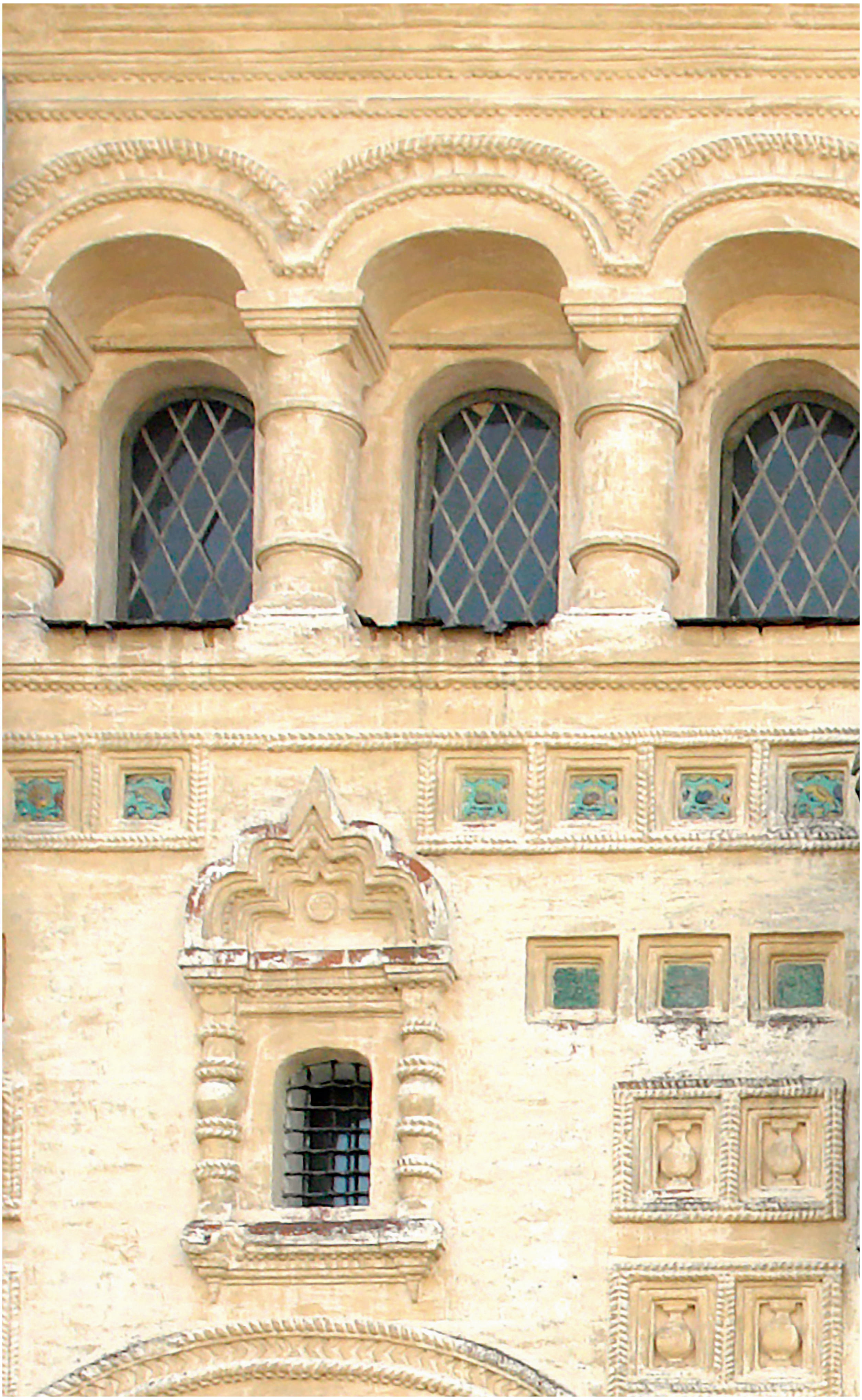
Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 371

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 372

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 373

и, с очень большой вероятностью, многие другие, если и натыкались случайно на это знание, то останавливались в недоумении: «А что же с этим делать?» Его никуда никак не прислонить, не использовать, проку в знании никакого, В.В. Верещагин, И.Э. Грабарь, П.Д. Барановский, Н.К. Рерих, С.С. Подъяпольский, М.А. Ильин, В.В. Кавельмахер, А.И. Комеч и ещё сотни неназванных, до и после названных, то ли знали, то ли не знали, но это неважно, знали или нет, упоминали об этом, или нет. Честь этого

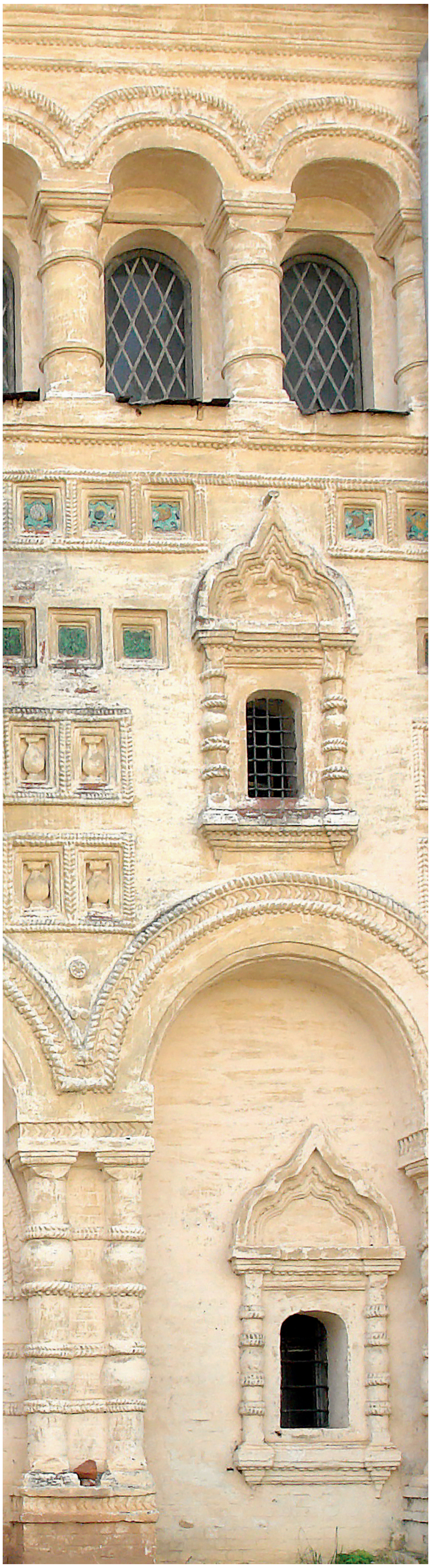
Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 374



Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 375

открытия принадлежит не тому, кто углядел, а тому, кто придумал – точно уже никто никогда не скажет, кто, где и когда. Глупо звучит утверждение, что тот или иной выдающийся исследователь по крайней мере с уважением относился к христианству как конечной причине появления той культуры, спасти памятники которой он всю жизнь старался. Тут нечего доказывать и нечего опровергать. Но есть одна тонкость. Речь идёт именно об уважении, а не о любви. Их отношение к вере – их личное дело, а вот уважение – то, чего они требовали и добивались от всех. Чтобы изобрести «33», надо быть не Игорем Грабарём, а скорее Варламом Шаламовым, хотя оба они – люди ренессансного размаха и ренессансной гениальности.

В течение Возрождения и особенно Просвещения сфера гуманитарного знания (и ещё больше – делания) высвобождалась из-под опеки разных вероисповеданий, прежде всего, христианства, ставшего этическим синтезом нескольких тысячелетий умственного развития для определённых земель и языков. Высвобождалась до тех пор, пока не стало ясно, что этика без опоры тонет, не за что хвататься. Так было до середины–конца XVIII века (в некоторых местах попозже), когда удостоверились в том, что без религии нигде не получается обойтись, везде оказывается, что «если Бога нет, то всё дозволено». Двухсотлетние конвульсии вокруг попыток элиминировать религии из общественной жизни ни к чему хорошему не приводят, публика стремительно дичает. Иными словами, система запретов, выработанная разными языками, подтвердила свою неотменимость на мучительном опыте, и заповеди Моисея, и Нагорная проповедь с нами, видимо, навсегда, и напоминать о них можно и нужно бесконечно. Высвобождение из-под спуда, явление на свет во многих церквях числа «33», вероятно, свидетельствует о том, что к системе запретов, ставших основанием культуры две и более тысяч лет назад, пришла пора добавить новые запреты, сведя их в новую, единую (включающую в себя Нагорную проповедь) систему запретов, дол-



Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 376

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 377

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 378

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 379

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 381

женствующую не уронить обновляющееся здание культуры. Другими словами, как ни соблазнительно казалось в прежние времена, отвернуться от религиозного фундамента культуры невозможно, христианство (ислам, буддизм etc), так же нельзя проигнорировать в культуре, как физика Эйнштейна не может зачеркнуть физику Ньютона, как геометрия Лобачевского опирается на геометрию Евклида. Гуманитарный подвиг Авраама, Будды, Кун Цю, Христа, Мухаммеда (список не закрыт) повторить нельзя, но надо. Из этой лишённой смысла формулы («нельзя, но надо») вытекает, что надо пытаться и пробовать, не дожидаясь нового мессии. Это удел гуманитарного знания, которому, как во французской академии, надо запретить только одно направление поиска – мессианство, такие проекты не подавать, потому что они не рассматриваются, идти только испытанными путями, в пределах признанных гуманитарных научных дисциплин и открывая новые. Рано или поздно новый комплекс запретов сам собой добавится к старому, потому что в каждой дисциплине есть своё число «33», которое надо увидеть, и очевидность, простота увиденного укажет на новое уже потому, что иное невозможно, идти можно только туда.

Обороняя памятники, чаще всего ставят заборы вокруг церквей, синагог, мечетей и дацанов, так и выходит, что «антикизированное» христианство уже не занимается исполнением своих гуманитарных задач, только психолого-педагогических, гуманитарные навыки и умения не устояли под воздействием Возрождения и Просвещения, и их, эти обязанности, теперь исполнять кому-то другому – в той части, которая растёт и ширится, удовлетворяясь только религиозными механизмами регулирования поведения, причём отличие от времён Возрождения и Просвещения состоит в том, что эти пройденные пути уже никого не манят, соблазны и вирусы «построения нового общества» бессильны перед просветительскими антибиотиками, которые, в отличие от пенициллина, не ослабевают, а множатся и совершенствуются разными технологиями, и отвернувшись от проверенной системы запретов, человек звереет моментально, 400–500 лет опыта, вынутые из памяти или не положенные туда, но всё равно витающие в воздухе («Дюрер? – Как же, знаю, что-то про меланхолию, кажется, писал...»), работают как замковый камень, без него, выломанного и вынутого, сразу рушится всё. А гуманитарное знание к поддержанию здания пока не допускают во всём мире – доверия к нему нет, страшно, что не справится. И нет понимания, что попытки облечь христианство или иные исповедания прежними полномочиями обречены на ничтожный итог – нельзя ложкой утишить бушующее море. Самое главное – только гуманитарное знание и деланье создаёт и воспроизводит человека как вид, раньше справлялось христианство и другие конфессии, а теперь уважения к их памятникам оказывается мало для воспроизводства, оно необходимо, но не достаточно, за решение задачи должно взяться гуманитарное знание. Причём браться так, чтобы это была любовь, а не уважение, любовь всё-таки располагается ближе к воспроизведению. И открывать ничего не надо, стоит только распахнуть шлюзы, и согласиться с тем, что человек, выучивший второй (после своего родного) язык, становится вдвое умнее, третий – на треть умнее, и так далее, человек, прошедший логику в курсе философии, легко сложит в уме две трети и три четверти, прочитавший «Хаджи-Мурата» не вытащит на улице кошелек у прохожего, человек, у которого звукосочетание «...доколе, Катилина...» пробуждает в памяти целые миры, который помнит контекст фразы «О, зачем ты снимаешь дощечки...», – такой человек справится и с освоением христианства и памятников христианства лучше, чем тот, для которого Катилина – это что-то вроде названия стирального порошка, «причём отличного, импортного».

В XIX и в XX веках потребность в гуманитарном знании была не меньше, но меньше было ресурсов (знаний) и религиозная сфера сохраняла больше влияния, не-

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 382

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:24 Страница 383

хватка ещё не была вопиющей, хотя И.Г. Гердер уже заметил, что прогресс человечества состоит в прогрессе гуманности, что бы кто бы под этим ни подразумевал – от человеколюбия до гуманитарного знания как спорта высших достижений. Тогда мир ещё не мог смириться с мыслью, что непроизнесённое имя Христа, явленное в архитектурных формах, в числе «33» – это не только про религию, а уже и про культуру, которая больше, чем даже христианство, ислам, конфуцианство, буддизм и т. д., порознь и вместе взятые, что это надо чаще, больше, лучше, глубже понимать и вспоминать, что это надо осваивать шире и использовать даже как матрицу, прикладывая к собственному телосложению и умосостоянию.

Мало сомнений в том, что количество огненных вспышек числа «33», обнаруживаемых в завершениях церквей и соборов, будет расти, или, говоря словами Павла Алеппского, «шишек или артишоков» станет больше, значит, люди чаще будут вспоминать, что они люди, и в этом вреда никакого нет. Признание близости очертаний глав и кокошников даст новые аргументы реставраторам, выбирающим, какой купол разместить над старыми церквями Рязани, Свияжска и Ростова, но самое главное – гуманитарное знание и деланье должны стать такими же важными, как изготовление машин, пуль и ракет, потому что Троицкий собор в Сергиевом Посаде летит дальше и быстрее, чем все нынешние и будущие снаряды. Силы у Понтия Пилата было – хоть отбавляй. А победил не он. Без пуль – нельзя. А как без человеческого в человеке?

После этой филиппики надо объясниться с Вознесенской церковью и Спасом на Сенях в Ростове. Начать надо всё-таки со Спаса на Сенях. Но мысленно держа перед глазами Вознесенскую. Или наоборот. Нет, всё-таки Спас. Так логичнее. Это два примера иного, не через лекало «33», закругления верхушки церковного силуэта.

В 60-е годы XX века ростовский Архиерейский дом был здорово потрёпан ураганом. Восстанавливали Дом под руководством В.С. Баниге, который от материальной нищеты и постыдной для руководства стеснённости в средствах изобрёл гениальный половинчатый метод избавления от плоских крыш, применённый и до него не однажды: он их раздробил и умножил по числу кокошников на каждой стороне, ссылаясь на новгородско-псковский опыт, и получилось изрядно. Правда, наличие полуовала под каждым треугольничком доказывает, что изначальная мысль строителей была именно такой, к которой привыкли и в соседней Москве, и в не менее соседнем Ярославле. Выкладывать из кирпича полуокружность по деревянному кружалу –

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:25 Страница 384

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:25 Страница 385

слишком хлопотное занятие, чтобы тут же по готовности накрыть его двумя ровными скатами. И такой привычный многоугольник крыш Спаса на Сенях, выглядывающий из-за стены при осмотре со стороны воды – тоже изначально был сделан как полное повторение «вознесенского» покрытия на церкви Вознесения. И там, и там нижний почти правильный полукруг разорван посередине верхушки сегмента, чтобы освободить место для движения вверх, к вознесению нового (поменьше) сегмента, что обеспечивает сочленение сложнейших геометрий покрытия со всех четырёх сторон по пути к середине, к барабану. Ныне это сочленение есть только у Вознесенской церкви, в Спасе на Сенях оно упрощено неизвестно когда появившимися треугольниками крыш, ведущих к очень подозрительному по форме барабану, сначала кубиком с 2 окнами, потом бочкой с 6 окнами.

Угловые столбики производят впечатление позже надложенных, вероятно, вместе с кирпичным превращением трифолия (две четвертинки и одна половинка) в простой треугольник. Арифметическая трясовица не отпускает, заставляя на всякий случай сосчитать похожие по форме и назначению детали: четыре угловых столбика держат 8 маленьких кокошников, четыре трифолия образуют 12, и треугольных кокошников на круглой части барабана как будто бы 12, чтобы наконец сама глава стала 33-м элементом. Лучше бы, конечно, барабан сделать пообширнее и целиком круглым, пониже, и в основании 12 круглых кокошников, и угловые столбики сделать вдвое короче, и трифолий открыть, умягчив всю конструкцию и напомнив о вознесенском покрытии и родстве с главой, но эти нематериальные основания для правильного проектирования реставрации были надёжно спрятаны во время очень давних, задолго до В.С. Баниге, перестроек.

Спас на Сенях внутри – очень небольшое, камерное помещение, с огромной высокой солеёй, рассчитанное на негромкое пение для небольшого количества людей. Снаружи он производит из-за собственной высоты и стеснённости соседних построек впечатление огромного собора, доминирующего над всем Архиерейским домом. Угловатая строгость его пропала бы, если убрать острые треугольные крыши и оставить вознесенское покрытие с мягкими полукружиями, с округлыми кокошниками на барабане, позволяющими заметить родство с Успенским собором, стоящим поблизости, но вне Дома. Единый треугольный стиль объединяет все пять церквей Дома (без Успенского и Входоиерусалимской), но добавляет неожиданный и не ожидаемый тут привкус готики, которого не было в самом конце XVII века, после строительства. И без готики в Архиерейском доме хватает достопримечательностей.

Успенский собор тоже отмечен числом «33», и опять это сделано нарочито тайно, скрыто напоказ, потаённо выставлено на всеобщее обозрение, всё видно, но ничего не заметно. Заметить можно, только если неизлечимо страдать арифметическим недугом, то есть специально, кстати и некстати пытаться найти повсюду «33».

Сначала, поскольку собор построен не без оглядки на Московский Успенский в кремле, бросается в глаза разница сторон: западные и восточные закомары – по три, северные и южные – по четыре. Итого 14. Потом по углам замечаются ещё 8 маленьких кокошников. 22 + 5 куполов = 27. И всё.

Нет, не всё. Есть аппендикс из шести кокошников, не видный с земли ниоткуда, кроме как из прохода к церкви Спаса на Торгу и с колокольни (ну, и с неба).

Вот она «окончательная бумажка, броня» доказательства, что «33» не чудится, не мерещится, не плод нездорового воображения и не результат бредовых фантазий. В этом домике нет окон, но есть двери, необходимые для инженерного обслуживания крыши, но вообще-то его видят одни птицы и звонари. Второй смысл – арифметический. По два кокошника с длинных сторон, по одному с коротких. 27 + 6 = 33. И ничего похожего в соборе Аристотеля Фиораванти.

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:25 Страница 387

Внутри стен Архиерейского дома, точнее, над стенами – надвратные церкви Иоанна Богослова и Воскресенская, вне стен – Церковь Григория Богослова. Их объединяет многое, среди прочего – годуновская тяга ввысь, пятиглавия и угловые на пару-тройку кирпичей башенки, уснащённые маленькими кокошниками. Если их по два на каждую, то это полное повторение тех, что на Успенском соборе. Посмотреть и проверить от центра, от большой главы – нет никакой возможности, даже съёмка с высоты птичьего полёта не заглядывает в эти закоулки. Да и непонятно, стоит ли заглядывать: там столько раз побывали ремонтники и реставраторы, что надеяться на сохранение первоначального вида было бы безрассудством, да и место очень опасное для производства работ – там есть куда лететь, долго испытывая ужас. Утверждать нельзя, но допустить и предположить можно, один и тот же механизм подсчёта. 5 глав, 12 кокошников, 16 маленьких кокошников по углам, итог известен. 8 маленьких кокошников видны даже сегодня, на всех трёх церквях, ясно, что промежутки между кокошниками заложены давно и скорее всего угловые столбики подвышены с разборкой того, что было изначально, для устройства угловых треугольных крыш.

Решение с 16 кокошниками по углам немного похоже на жульничество и мухлёж: если ответ заранее известен, то можно и условия задачи маленько «подчистить», отчего бы и не написать «четыре» там, где только что было «два». Что есть, то есть. Похоже. Но кто поручится, что их было при строительстве не четыре? Доказать трудно. Но и опровергнуть не легче. Придётся держать в голове, вдруг когда-нибудь пригодится. Пригодилось же «вознесенское» покрытие для лучшего понимания церкви Спаса на Сенях.

«Вознесенское» покрытие церкви Вознесения спокойно сообщает миру, что для вознесения требуется всего-навсего расстаться с комфортом и безопасностью, открыв себя всем ветрам и опасностям. Четырежды повторена одна мысль: лопатки, продолжающие нижние (делящие стену на прясла), надо мысленно наложить одну на другую, а потом ещё дальше, сдвинув левую и правую четвертинку окружности вместе, и получив ровный полукруг, то есть свод, крышу, обеспечивающую безопасность и укрытость от неприятностей погоды; убедившись, что полукруг полноценен, вернём четвертинки на место, теперь легче заметить, что верхний маленький полукруг, стремящийся по сторонам света к полусфере, выпрыгнул, вырвался из разрыва нижней, он высвободился, можно сказать, выпростался, выпустился из неё и одновременно встал на ноги, в которые превратились те самые лопатки, которые можно двигать налево-направо. Опыт становления так нагляден, что омрачает его лишь кепка на барабане вместо нормальной, с радиусом, близким к обводам нижних полусфер, главы. Такое завершение церкви отчасти напоминает шарошечное долото, используемое в горном деле для проходческих работ, только ввинчивается оно не в скалистый грунт, а в небо. Тоже нелегко, надо сказать.

Так же нелегко, как устроить при церкви Иоанна Богослова лестницу, которая не требует ремонта 350 лет при заметном ежедневном потоке посетителей, не два десятка человек, много больше, а уж в последние десятилетия и подавно. Во-первых, вода и мороз ничего смогли сделать со стыками соседних кирпичей, а их сотни, нет ни трещин, ни выщербленных дефектов, ни выпавших сорок лет назад кирпичей. Подступёнок (вертикальная низкая стеночка каждой ступени, куда упираются пальцы ног при подъёме) нигде не оторвался от самой ступени, она, состоящая из совсем небольших кусочков, не качается с угрозой потеряться совсем, его не поправляют ежегодно старательные рабочие. При ближайшем рассмотрении она оказывается одним куском с нижней частью, а толщина каждой детали с валиком (выступом) существенно превосходит высоту даже большемерного кирпича, поставленного на

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:25 Страница 388

ребро. Это свидетельствует не о том, какие строители были добросовестные люди, а о глубине планирования, причём в обе стороны. Они построили так, что через четыре сотни лет построенное стоит, они думали о тех, кто будет после них через четыре сотни лет. И точно так же они думали о тех, кто был перед ними четыре сотни лет назад, они были так же недалеко, вот поэтому ещё вся эпоха может быть охарактеризована как Возрождение, связи крепче и важнее, чем разрыв связей, вся эпоха ощущается как своя, а не промежуточная между прошлой и будущей со скачками от одной к другой; лучше пристраиваться к прошлому, а не строить на его месте лучшее новое. Бога поэтому не становится меньше, человека становится больше. Эта лестница – как римский акведук в Ниме, результат заботы о людях, поэтому она часть русского Ренессанса при Ионе Сысоевиче, который понял затею патриарха Никона, который услышал думы Бориса Годунова, который недалеко ушёл от митрополитов Макария и Филиппа, которые продолжали дела нескольких Василиев, Иванов и Дмитриев.

Ренессансный кирпич стоит пары минут, потраченных на обдумывание строительного казуса. Хочется отколупнуть, унести с собой и любоваться. Но и картинка сойдёт.

Надо бы ещё сказать про Авраамиев монастырь, но про него уже сто лет трубили во все колокола, предшественник-де, Покровского, что на Рву, спасайте, кто может; туда

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:25 Страница 389

Южная лестница церкви Иоанна Богослова ростовского Архиерейского дома

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:25 Страница 391

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:25 Страница 392

жизнь начинает возвращаться. А вот с Белогостицким хуже. Его позже перестали разрушать. Некоторые металлические связи отрезаны сваркой, кажется, вчера, потому что кому-то понадобился металл (на срезе нет ржавчины), а в недалёкой перспективе и высококачественный кирпич, высыпающийся из стен, лишённых связей, на глазах. А сто лет назад ещё можно было видеть испорченное барочным умонастроением вознесенское покрытие и в Белогостицах. Авраамиев монастырь в большей степени, Белогостицкий в меньшей – предпоследние вздохи погибающего Ренессанса, покорно уступающего дорогу громкопобедному Просвещению, которое постепенно, за два века, против своих же собственных объявленных целей, выучило почти всех тому, что производить впечатление важнее, чем быть.

ЦЕРКОВЬ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ В КИРИЛЛОВЕ

«Ум у него не для танцевания, а для устройства себя, для развязки своего существования». Правда, производство впечатления лично у С.П. Голохвостова (герой пьесы М.П. Старицкого про зайцев) закончилось неблагополучно. Редко можно увидеть что-то из церковных, да и вообще из архитектурных сооружений, изуродованное более основательно, надёжно для сохранения кирпича и почти безнадёжно для сохранения мысли создателей о назначении и красоте зданий, – чем здешние церкви и палаты с плоскими скатными и более вычурными по конструкции хорошо выкрашенными крышами. Кирпич укрыт и увековечен, смысл зданий утрачен так давно и спрятан так далеко, что убедить себя, что он есть или хотя бы был – почти невозможно. Прагматики обязаны извлекать пользу даже из вреда: то, что скрывают крыши, должно быть открыто, тайна расшевеливает и любопытство, и воображение, со зла можно сделать много... другого, в числе другого и добра. Велеречивая многобарочность крыш и глав – особенность почти всех сооружений и Кирилло-Белозерского, и Ферапонтова монастырей, о Горицком вспоминать страшно, там понимаешь сразу, что название происходит не от слова «гора», а от горя. Уныние, так неприятное христианству, там поселилось навеки, глаз отдыхает только на стогополенницах, человеческое и божеское жильё лишь напоминает о том, что, может быть, было триста или четыреста лет назад, но, вряд ли и тогда попавшие сюда могли одолеть отчаяние, охватывающее любого, кто отворачивается от воды и дальних лесов, кто видит только следы обломанных ногтей, бессильно царапавших равнодушную природу, с непреклонным упорством разрушающую плоды даже самых подвижнических усилий тех, кто создавал когда-то смыслы и тем спасал сбившихся в кучу людей. Потерялся смысл – природа победила и взяла себе своё. Горицы – напоминание о том, что человек может не всё.

А Кириллов монастырь – напоминание о том, что человек может испортить всё. Едва ли не все сооружения здесь так хорошо изуродованы за XVIII, XIX и XX века, что преломляющим эту тенденцию в последние десятилетия XX века силам место для подвига остаётся ещё лет на сто, если им дадут (не «они заработают», а именно им дадут) очень много денег в течение очень длительного времени, и не будут бранить за то, что первые результаты появятся через много-много лет. То, что триста лет запаковывали, нельзя распаковать за пару десятков лет. Каждый прибывающий сюда впервые – должен научиться отдавать себе отчёт в том, что то, что он видит – это не чудо, чудо сокрыто от него дуростью нескольких предыдущих столетий, портивших с маниакальным упорством то, что досталось от их предыдущих веков, от XVII, XVI, редко XV и никогда раньше XII (кроме археологии).

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:25 Страница 394

Массовое помешательство, длившееся столетиями, многим невнятное и по прошествии этих столетий, причиной имело никем не оспариваемую склонность населения к переимчивости, к лёгкой перенастройке на новый лад, готовность «взять наизготовку» по команде; не пережив и не заметив от необразованности здешнего Возрождения (а возрождать было что – до византийского «своего» надо отсчитать не так уж много назад, Борис да два Ивана через Василия, и вот уже София Палеолог), Пётр большой лопатой стал накидывать на родину Просвещение, а Вольтер не может вырасти там, где не было Дюрера. Возрождение просилось на свет, но Просвещение оказалось проще для уразумения. Дюрер и не вырос, и родина едва не задохнулась от благодеяний лопатой. Страницы учебника истории с ренессансными фигурами Ивана III, Василия, Макария, Ивана IV, Бориса и Никона были выдраны из корешка с мясом, вместо них вложены вырезанные из журналов портреты героев, рисунки красивых учреждений, переводы уставов и прочей вторичной чепухи, а дальше Екатерине оставалось только гордиться покупкой библиотеки Д. Дидро и смириться с невозможностью обновить Соборное уложение полуторавековой давности: написать красиво можно, но оторванный от корней цветок не втыкается в чужую землю, он должен здесь вырасти из своих корней. Орхидеи в архангельском льду не растут, как ни старайся.

Хорошо ли Просвещение как таковое? Так кто же станет спорить, конечно, хорошо, тем более, что оно универсально, всеобще и почти неразличимо от страны к стране. Вот только то и нехорошо, что от страны к стране неразличимо.

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:25 Страница 395

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:25 Страница 396

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:25 Страница 397

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:25 Страница 398

66 сонет У. Шекспира в переводе С. Маршака лучше, чем на английском, «Über allen Gipfeln ist Ruh» И.В. фон Гёте в переводе М.Ю. Лермонтова лучше, чем на немецком, но вот с Просвещением так не выходит, переимчивость там не помогает, потому что индивидуальная гениальность не мультиплицируется никак на всё население. Все не могут стать ни Гельвециями, ни Монтескье, не могут и уподобиться или научиться подражать. Внедрить Просвещение не удаётся даже с осторожностью, даже если тщательно избегать кровопролития, оно только растёт со скоростью оливы или реликтовых хвойников из вполне ничтожного ростка; хуже того, русское Просвещение как эпоха начало приумножаться тогда, когда затихли и иссякли петровские начинания, оставив по себе только алфавит в городе и образовательные учреждения, и то начиная с Ломоносова и Радищева, через Пушкина и Лермонтова, с опозданием именно из-за Петра почти на (пол)века.

Мода на Просвещение без Возрождения (нет, не без, а с преданным, оплёванным, растоптанным и забытым Возрождением) триста лет морочила головы с некрепкими умами, и вряд ли перестала, иначе не появилась бы вредная идея о всеобщем среднем образовании, которая не образовывает людей, но портит образование. Только дурное образование может заставить человека не заметить, что плоский рисунок купола (главы) напоминает плоский рисунок кокошника, что они как-то связаны между собой, что между ними есть единство конструкции и формы. Триста лет не замечали этого те, кто «для красоты» ставил и восстанавливал на массивных основаниях церквей и соборов вытянутые грушеподобные горлобутылочные кегли вместо глав, привязывая к ним маленькие воздушные шарики на верёвочках, долженствующие обозначить собою главку на такой высоте, где размер и форма вообще не имеет значения, там видится только «что-то», что там, под облаками, кажется, есть. Эти же ценители самодельной самоварной красоты, не интересуясь технологическими новшествами, заботливо укрывали церкви и соборы плоскими скатными крышами, выдающиеся умы воспаряли до шляпно-цилидрических и котелковых форм, не презирая и перевёрнутые казаны и иную походную утварь кочевых цивилизаций.

Спасение от действительно крупных бед из-за атмосферных осадков, ветровой эрозии и химической агрессии не может превозмочь длящееся убийство архитектурных сооружений. Николая Мирликийского в Рождественском соборе Ферапонтова монастыря, написанного в числе других фресок за год и 34 дня в 1504, кажется, году, можно спасти от идиотов с ножами и бутылками с кислотой, от солнечного света, от изморости, от старости, от ещё чего-нибудь, укрыв сначала плёнкой, потом металлом толщиной 5 мм, потом бетонной бронёй, потом суриком в пять слоёв и сосновым горбылём под кирпичной кладкой (как на Фроловской башне после 1917 года). И аккуратно всё заштукатурить. И опять покрасить, но уже воздухопроницаемой резиновой краской.

Такая защита равна похоронам заживо. Какая разница – в броне на время или в земле навсегда. Бактериям чуть больше работы.

В разных местах, разновременные сооружения объединены поразительной особенностью: если с них содрать металлические укрытия, то придётся восстановить первоначальный облик, а значит, и первоначальный смысл создания здания: крыша не только закрывает, но и открывает то, что под ней, она – как ключ, открывалка, волшебная палочка ко всей массе кирпичей и белого камня (или булыжника на северах), сложно организованной и украшенной внизу.

Церковь Иоанна Предтечи построена около 1531–1534 годов (вместе с церковью Архангела Гавриила, что напротив более поздней надвратной Преображенской). Её положено фотографировать вблизи и снизу, так меньше заметно то, что наверху. А наверху – перевёрнутая суповая миска на большую семью, снабжённая архитектурным постаментом под маленьким абсолютно круглым глобусом вместо главы

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:25 Страница 399

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:25 Страница 400

и крестом. Миска высокая и глубокая, в неё можно уместить много того, что не явлено миру уже очень много лет. 12 закомар по сторонам света замечательно скрыты под оштукатуренной кладкой, количество кокошников под миской с дыркой под световой барабан можно только предполагать. Глубина миски допускает существование ещё ряда из 12 кокошников и повыше – короны из 8 кокошников в не видимом пока основании барабана. Под тазиком могут прятаться и какие-то другие изобретения с неведомыми деталями самых непредсказываемых конфигураций. Ивановская церковь тогда превращается из кубической подставки под миску в сказочную деталь билибинских иллюстраций, и тогда уже можно будет её раскрасить в любой цвет, хоть в оранжевый с чёрными прожилками лопаток, на африканский манер, как, например, в московском кремле в детском дворце, построенном для царевича Алексея.

Тонкие арки, как следы вдавленных в апсиды Ивановской и Гаврииловской церквей карандашей разной толщины, повторены через почти двести лет в подкопаевской Преображенской церкви; в сочетании с большой высотой и необычно малой глубиной апсиды они (арки) скрадывают плоскость её, всё здание получается подчёркнуто кубическим – стоя на возвышенном месте, она получает удлинённый силуэт, ей крайне необходимо дробно-клубящееся завершение для стройности фигуры.

В западном портале Ивановской церкви мерещится обычное для входных порталов правое уклонение верхнего щипца, но его вторая особенность интереснее тем, что она вообще незаметна, хотя обязана бросаться в глаза, потому что речь идёт о деталях размером около пяди. Они расположены на разной высоте, и разница – несколько сантиметров, бусины справа гораздо выше левых, и это совершенно не возмущает взгляд, не будит мысль о том, что кирпичная кладка в веках иногда сползает очень заметно, глаза не ищут объясняющие трещины в стене. Портал – западный, его не минует никто, он попадётся на глаза всем, кто приблизится. Почему строитель проигнорировал угрозу неминуемого, казалось бы, обвинения в косорукости и кривоглазости?

Ответ один – он был уверен, что не заметят. И оказался прав. Но и это не снимает вопроса «А зачем левое опущено, правое поднято?» И тут ответ один: «Правы все правши, пришедшие в православное прибежище. И левши правы тоже, но меньше и ниже». Правое плечо само поднимается, по дороге вспоминая, что стоило бы и перекреститься, лучше, конечно, правой рукой. Одинаково трудно доказать правомерность и неправомерность такого предположения. Но гораздо труднее доказать его левомерность, потому что и правый, и левый глаза видят одно и то же, правые бусины выше, что бы их ни приподнимало в своё время.

Если ненадолго допустить, что предположительное толкование причин геометрического несовершенства западного портала церкви Иоанна Предтечи справедливо (только предположить), – то нельзя отказаться от соблазна подумать чуточку дальше. Звенящий писк на вершине самой научной методики определения действенности рекламы для продвижения продаж – эксплуатация наследия Милтона Эриксона, без пресловутого программирования не обходится никто из рекламных вербовщиков, следы учёта разделения человечества на аудиалов, визуалов и кинестетиков заметны во всём, что пытается воздействовать на поведение потребителя. При всём уважении к выстраданной её автором высочайшей эффективности методики приходится всё же признать, что 500 лет назад было придумано лучше, легче, проще и потому эффективнее. Воздействие тоже происходит незаметно для испытуемого (подходящего к церкви с запада), тоже непонятно, что именно и как воздействует, по каким каналам и какими инструментами, отчего и почему, но в высшей степени косвенное напоминание срабатывает, если в личной истории того, кто входит, уже был опыт исполнения команды «Окстись!», приказа окреститься, поданного изнутри

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:25 Страница 401

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:25 Страница 402

собственной памяти, или услышанного снаружи от священнослужителя. Мягкость и косвенность незаметного, не осознаваемого напоминания лишает возможности сопротивляться поведенческой норме; проложенные чугунные рельсы у двигающегося по ним – из вольнолюбивого духа противоречия будят мысль о возможности и даже необходимости свернуть с них и наконец освободиться, проложить свои, «выбираться своей колеёй», а направление и способ движения, поправленные пёрышком, дуновением солнечного ветра, так, что даже складки одежды не колышатся, пока рука прихожанина не пойдёт вверх, ко лбу, надёжно работают веками, без путевых обходчиков, замены костылей и колёсных пар, а иногда и чугуна. Мягкое опять оказалось крепче твёрдого.

Колдовской портал соседствует снизу с ещё двумя элементами, образующими подобие сужающейся кверху пирамиды, повторенной на севере и на юге, – окно и колесо в центре закомары за карнизом. Устройняющий весь куб острый треугольник подчёркнут и заострён, даже вытянут ещё больше узкими вертикальными окнами без украшений по бокам. Подчёркивание достигается очень необычным средством выразительности: остроугольный треугольник посередине пересечён другим с тупоугольной вершиной, образованным тремя окнами. Для этого во втором треугольнике пришлось пожертвовать очень сильным украшением, привычным для любого окна – нет наличника, сделанного выступающим лекальным кирпичом, хотя есть наличник, утопленный в стене. В результате на низком наличнике солнечные тени получаются гуще, такой безналичный наличник останавливает взгляд, даже если непонятно, в чём тут дело. Здание, построенное так умело, должно было бы иметь приличное покрытие, а не дырявый тазик, оно бы тогда, как наведённой индуктивностью, накрыло соседнюю церковь Сергия Радонежского, поставленную во второй половине XVII века. Она и так-то непроста для восприятия, необычности в ней много, а вот для разысканий в области эстетики требуется много заведомой любви к архитектуре XVII века даже для того, чтобы сказать себе: «А всё-таки в ней что-то есть». Конечно, есть – прямоугольные апсиды не всякий день попадаются. Но как туда попала глава графином на ножке – очень непонятно; хорошо хоть вместо главы над приделом Дионисия Глушицкого графин не стали ставить. Общая конструкция церкви и трапезной прямо предназначена для долгого хранения тайн, всё неприступно, строго, не привлекает взор, а отталкивает, и по-прежнему неясно: если церковь когда-то была тёплой, как она обогревалась, где печные трубы, дымники, отчего так мало окон и в церкви, и в трапезной? Наконец, как колокольный звон распространялся здесь, звук удобнее так ловить сводами, а не раздавать по округе?

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:25 Страница 403

Апология_Троицы_7_320-404.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:25 Страница 404

ДЕТАЛИ МАЛОГО СОБОРА

Малый собор Донской иконы Богоматери, из-за влияния которой на Казы-Гирея монастырь и стал именоваться Донским, автор этих строк мог наблюдать каждый день из окон комнаты на втором этаже напротив, поскольку в ранние школьные годы проживал именно там, не будучи причастен, но находясь в отнятых в 1930 году у монастыря помещениях по распределению властей (дедушка был метростроевцем, а в соборе устроили для них сначала общежитие, потом экспансия продолжилась), – властей, которые именно так и тогда, в эти десятилетия после 1917 года испортили москвичей при помощи квартирного вопроса, довольно эффективно и почти неодолимо по сей день, поскольку даже хитроумные начинания А. Чубайса и прочих так не сделали их собственниками зданий, камней, полов, кирпичей, труб, земли, проводов и лестниц, наделив их только воздухом внутри стен. Впрочем, испорченным я себя не чувствовал, неудобств это никаких не доставляло, наоборот, только радостные впечатления, но обеспечило особое отношение к монастырю: с некоторым основанием его можно (так же, как и Большие Каменщики, первое пристанище) считать родиной в буквальном смысле слова. Связь, не ослабевавшая десятилетиями, неожиданно оказалась причиной особой пристрастности по отношению к Малому собору, особых притязаний на единственно верное понимание его архитектуры, не оправданное ни специальным образованием, ни профессиональным кругозором, только нахальством. В такой «отвязанности» от норм и правил, даже от приличий в среде архитектурно одарённых людей, есть по крайней мере одно преимущество перед умудрёнными: границ воображения нет, потому что нет представления о том, что они (границы) должны быть.

Апология_Троицы_8_405-426.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:27 Страница 406

Старая соборная церковь Донской Божией Матери
въ Донскомъ монастырѣ въ Москвѣ
(1593.)

Апология_Троицы_8_405-426.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:27 Страница 407

В 1780-е годы про качество архитектуры писали примерно так: столь дивная древняя работа, что без сожаления и сломать нельзя.

Необходимость именно таких перемен не вызывала сомнений, достаточно просто погоревать сколько-нибудь приличествующее время, и, засучив рукава, можно приступать с кайлом и ломом. Прогресс приобрёл черты беспощадности в первую очередь из-за того, конечно, что сторонники прогресса, как правило, были интеллектуально небезупречны, потому что временами дурно образованны, порой худо воспитаны и эстетически чаще всего ничтожны. Результаты неутешительны, но зато можно просто словами (без розог) многое переменить методом объяснения и убеждения. Хотя, может быть, слово «просто» – лишнее.

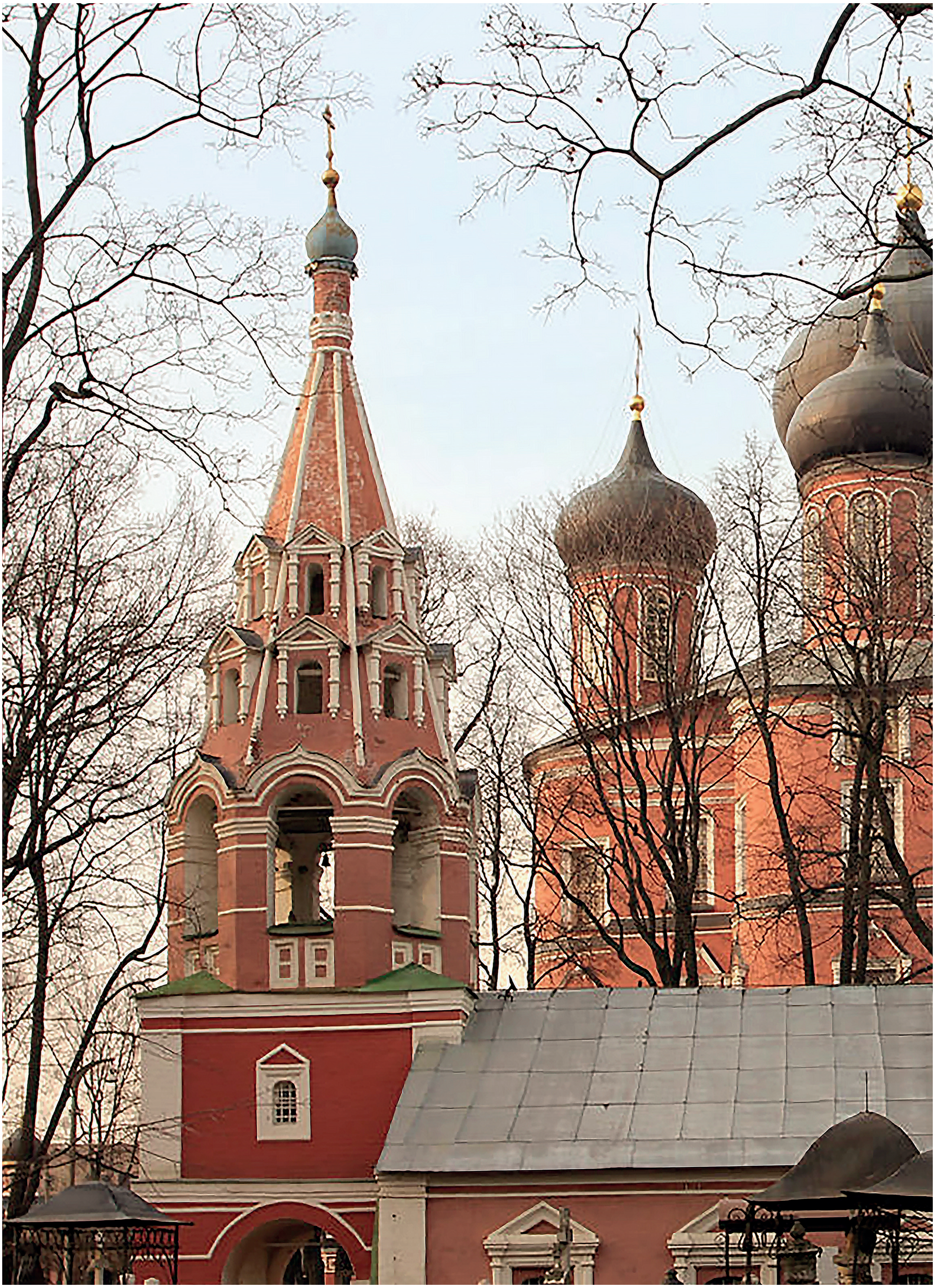
Всего их неизвестное множество, нам попалось несколько десятков явных примеров на фоне убеждения, что ещё столько же незаметны из-за плоских крыш, перестроек и эстетической безрассудности тех, кто присвоил себе звание архитектора безосновательно.

Из того, что первым приходит в голову, потому что лежит на поверхности, не требует ни изысканий, ни проницательности, укажем пальцем на три примера, из которых три – правильные, и один – неправильный.

Неправильный – Малый собор Донской иконы Богоматери Донского монастыря (1593 г.), правильные – надвратная церковь Феодотия Анкирского (1599 г.) Введенского Владычного монастыря и Успенский собор Княгинина монастыря Владимира (конец XV – начало XVI века на месте собора 1201 г.), церковь Троицы в Хорошёве.

Вердикт о правильности и неправильности, разумеется, не переводится на русский язык как «приговор», а является не более чем предложением задуматься, отчего

Апология_Троицы_8_405-426.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:27 Страница 408



Апология_Троицы_8_405-426.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:27 Страница 409

Апология_Троицы_8_405-426.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:27 Страница 410

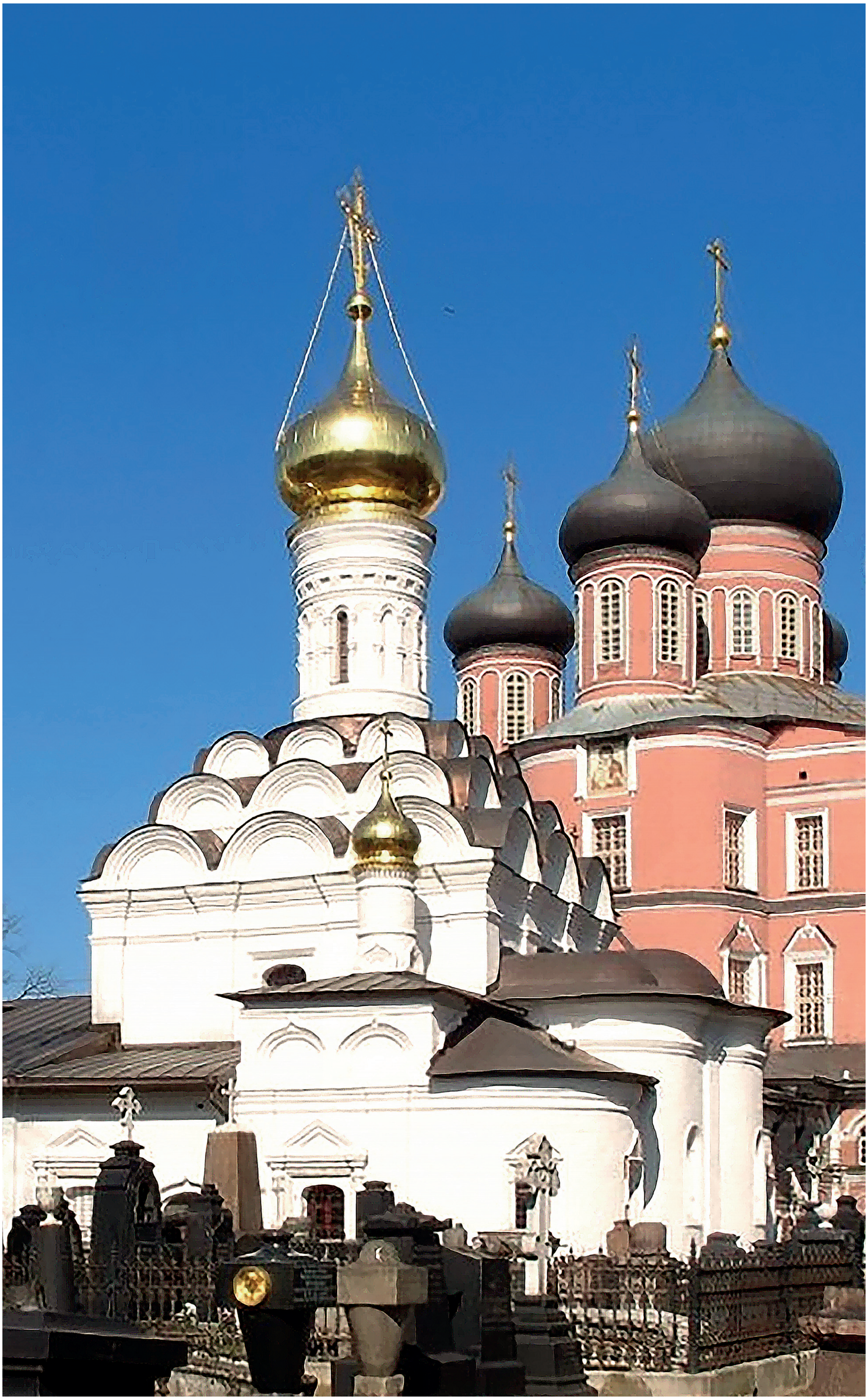
образ, рождённый Павлом Алеппским в середине XVII века (Введенский собор в Коломне ему показался, как и очень многие другие церкви, похожим на шишку или артишок) к Феодотьевской (Богдановской) церкви и Успенскому собору прилепляется, а к Малому собору – никак? Попытка вглядеться, присмотреться и разобраться ни к чему утешительному не приводит, разве что барабан Малого собора можно заставить себя сравнить с рукояткой, приделанной к чему-то массивному внизу, чтобы соответствующим по размеру кулаком было удобно взяться и ухватиться, а потом как-нибудь этой тяжестью оперировать – почву трамбовать, например. Два других примера таких глупых мыслей не будят. Принудительное и продолжительное усилие ума рождает ещё более сомнительное предположение, будто на подобие очень маленькой, но совершенной египетской пирамиды поставили стройную башенку, довольно независимую от самой пирамиды, съёмную, как шоколадная роза на торте, которую может слопать пробегающий сын великана. И в Феодотьевской, и в Успенской церквях барабаны вырастают из листьев кокошников, как зелёная кукуруза высвобождается из-под обнимающих её малосъедобных лохматых перьев. Такое объяснение не то что ненаучно, оно антинаучно – при чём тут перья? Однако же есть верная деталь, которая разом переубедит скептиков, циников и маловеров. Гора чешуек (кокошников, листиков, волн, полукружий, овалов со щипцами), чтобы быть видной, заметной, наблюдаемой гладко, плавно соединяемой со всем, что выше, – всеми плоскостями, образованными полуокружностями, должна быть расположена вертикально, стоя, вершиной кверху, создавая некую тягу ввысь, как растение тянется к солнцу. Из трёх примеров только в одном тяги нет. Это бесстолпный Малый собор. Там прежде щелевидных вертикальных окон, прежде вытянутых аркатурных поясов с бусинами, раньше бегунцов и поребриков с повалами и карнизами под барабан положили и не спрятали массивный тор. То есть каменный бублик вполне заметной высоты, и расположенный лежа, горизонтально, накрывающий и заканчивающий пирамиду, делающий всё остальное уже ненужным и избыточным, даже лишним – и так хорошо. Если такой барабан поставить прямо на землю – будет тоже хорошо, и пирамида ничего не потеряет, да, пожалуй, и наоборот, много выиграет, станет цельной и полной, как и положено египетской пирамиде, там ведь башен нет. Если барабан будет пониже (не такой высокий, как получился при переделке в 1748 году), если чешуйками прикрыть основание его, спрятав бублик, если второй ярус приподнять ещё выше, колотушка-трамбовка пропадёт, а шишка (хотя бы артишок) Павла Алеппского появится вновь, как было в 1593 году, при Фёдоре Иоанновиче.

Во всех четырёх церквях к самой массивной округлости (то есть к главе) надо просто прибавить снизу ровно 32 кокошника (даже когда ближние к земле двенадцать являются закомарами), чтобы получилось в итоге число «33». И в верхнем ряду должно быть не 12 кокошников, как в среднем ряду, а всего 8 (12+12+8+1=33). Борис Годунов и его подмастерья каменных дел с этой глазной арифметикой были хорошо знакомы, они не только видели ряд, но и слышали, как он звучит, знали, где надо сыграть полный такт, а где – покороче, оборвав линию не там, где она логически кончается, а там, где получается каденция.

И Малый собор Донского монастыря уже сколько-то сотен лет лет (от одной до трёх) видится неправильно, а на его примере выучены тысячи архитекторов, и сейчас учатся. Это, конечно, совсем не ломает глаз, есть же иные способы формирования верных представлений о формообразовании, но такие простые основания – не менее важны, чем истины Витрувия или Скамоцци.

При ещё не получившем корону, но вполне полновластном Борисе Фёдоровиче через оформление патриаршества (1589), через всего 42 года после оформления царизма (1547) мыслью наследников Макария и Филиппа в России начала складываться бинар-

Апология_Троицы_8_405-426.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:27 Страница 411



Апология_Троицы_8_405-426.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:27 Страница 412

Апология_Троицы_8_405-426.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:27 Страница 413

ная система власти (светская и духовная), представленная двумя первыми лицами, Государем и патриархом. До Никона включительно духовная сила наращивала себя, в основном даже не через церковные реформы, а при помощи Патриаршей области, по экономической мощи ставшей при Никоне сопоставимой с остальным духовенством, собиравшим силу вокруг Архиерейских домов, начиная с первого по мощи – Ростовско-Ярославского. Глупо предполагать, что закругление верхушки четверика как-то связано с оформлением патриаршества при Фёдоре Алексеевиче, но временное совпадение – огромно, по числу памятников годуновского стиля, отмеченного, маркированного чаще всего использованием горки закомар и кокошников из 32 элементов при 33-й главе. Так было и раньше, не перестало и позже, но при Годунове этот приём стал очень частым, как будто предписанным (ни одного документа с предписанием, конечно, нет), начиная с придела Василия Блаженного на востоке Покровского собора, что на Рву и заканчивая серпуховским Введенским Владычным монастырём.

Бинарная суть государственного устройства имеет одну (по крайней мере) редко отмечаемую особенность. Первые признаки повышения статуса и титула великого князя отмечены уже при Иване III и Василии III, С. Герберштейн описывал должность Василия III как Рекса, то есть высшим титулом в древнеримском управлении, возрождённом после недавней византийской катастрофы величием русского кесаря. 17-летнего свежеиспечённого мужа любимой жены вскорости вдобавок к уже состоявшемуся счастью украсили титулом и троном царя, потому что этот шаг был подготовлен родителями и дедами, Вознесенской церковью в Коломенском, копеечной реформой Елены Глинской и ею же начатой губной реформой: возрождение царской силы василевсов требовало явных, видимых признаков государственного величия и благоустройства. Главный такой признак в царствование Ивана IV – Покровский собор (1564), а все последующие двадцать лет жизни, из 54, отпущенных ему (да и более ранние), ушли на то, чтобы способные к государственному мышлению люди осознали – нужен противовес деспотизму и самовластию, хорош государь, или не очень – должно быть противоядие от любых созданных им или помимо его воли катастроф, нечто уравновешивающее, противостоящее иногда и поощряющее порой, достаточно сильное, чтобы не подать ниц при одном имени государя. Установить авторство этой несложной мысли не удастся, но вряд ли она бродила не в среде высшего духовенства, а промеж крестьян или посадских людей. Это они привозили ближневосточных иерархов, снабжали подарками, обсуждали и готовили 1589 год для жребия Иова. Пик был достигнут при Никоне и митрополите Ионе. Загадка его (Никона) низложения до простого монаха сокрыта неизданными до начала XXI века материалами Большого собора: всё, содеянное им, осталось, ничто не было отменено, а его наказали. Ни неизвестный Большой собор, ни неизвестная Великая реформа Фёдора Алексеевича, всем своим отсутствующим значением не могут отменить общее понимание катастрофы, обрушенное на страну Петром.

Состоявшееся бинарное состояние государственной власти обеспечило цивилизационный взлёт России в XVI–XVII веках, не привлекая в качестве двигателя взлёта отсутствующее третье сословие, не начиная даже приблизительного приближения к сословно-представительному устройству псевдопарламентских структур, когда вместо этого роль длящейся примерно целый век Конституанты играли Земские соборы (середина XVI – вторая половина XVII века). Роль заступника, ходатая и представителя замещали земские, губные учреждения, частновладельческая администрация (приказчики), государственное управление исправно исполнялось Думой и приказами, а так называемые свободолюбивые поползновения интерпретировались как татьба и разбой, каковыми в значительной мере и были. Церковь полностью заменяла тот институт, который впоследствии вырос в парламентаризм,

Апология_Троицы_8_405-426.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:27 Страница 414

выборную систему представителей и якобы ответственное перед кем-то правительство. Сумрачная роль Петра I состояла в том, что он ничтоже сумняшеся отменил половину бинарного государственного устройства, не дав себе труда заметить, что «в Европах» возрастало что-то альтернативное церкви в общественной жизни, что-то начинало замещать функции и даже вытеснять из общественной жизни духовные институты. Уничтожение патриаршества – не акт свободомыслия или свободолюбия, а танец победителя на могиле поверженного противника и соперника, учреждение Синода – не наделение его функциями патриарха, только коллективного, а назначение Симеона Бекбулатовича на пост царя – пусть потешится почестью, власти-то нет и не будет. После уничтожения патриаршества и речи больше не было про Патриаршью область – а куда делась? Это – начальная точка того движения, которое при Екатерине II закончилось отъёмом монастырских земель и завершением инерционного существования остатков бинарного государственного устройства.

Громкие успехи петровского царствования и вековое одоление его последствий отвели глаза исследователей от того, что с уничтожением патриаршества оборвалась очень крепкая жила связи общественного миропонимания с античной историей, начиная от Ветхого завета. Лицевой Летописный свод Ивана IV начинается с многотомной библейской истории, написанной для царских детей. Другим детям эту же историю преподавали не так полно, не так ловко, чаще устно, но Авраам, Сарра, Александр Македонский, Кир, Мария, Иоанн и Пётр, Николай из Мир Ликийских для всех были такими же реальными, не мифологическими, близкими людьми, как отец или прапрадед, как митрополит Алексий или патриарх Иоасаф. Каждый ощущал себя таким же, как немец, датчанин, галл или ромей, только с другом языком – но с общей, одной историей.

Не стало патриаршества – не стало этой связи, этого родства, этого единства. Учреждение царизма и учреждение патриаршества – верхние точки Возрождения в России, тем более важные, что для равенства и неотставания тогда не понадобилась переболеть вольнодумством, с неизбежностью превратившимся в представительные демократии и парламентаризм, за двести лет доказавшие ничтожество и никчёмность этой жалкой отрыжки блистательной эпохи Просвещения, заканчивающейся крахом равного всеобщего образования, свободного никому не нужного волеизъявления и братского избиения инакомыслящих. Вольнодумство Декарта, Эразма, Дюрера, Локка, Вольтера и очень многих других не соприкасается с парламентаризмом, но очень пригождается ему для краснобайства. Солон не трогал руками Code civil, но любой адвокат с лёгкостью докажет, что весь кодекс Наполеона основан именно на его реформах – должен же он на чём-то основываться.

Двести лет предпринимались попытки осознать, что же именно мешает привить в российскую действительность хоть капельку европейской крови: от екатерининского Наказа, Николая I и до Александра III зрело только понимание, что это невозможно, в основном из-за того, что народишко – так себе, «почти одна лишь шваль», и никому не удавалось подвинуть его «zustande», даже свирепыми мерами.

Бывают ошибки, которые нельзя исправить, потому что людей уже нет. Эти ошибки можно только перетерпеть и пробовать двигаться дальше, помня о них. Альтернатива парламентаризму, выборам и партийной чепухе была в русской истории, совсем недавно. Присвоить патриаршеству какую-то новую роль уже нельзя, в эту реку не входят дважды.

Искать надо где-то в гуманитарной области, вместе с патриаршеством, но шире, там, где земства, губные избы, ближние думы и гибкие приказные администрации, соборные конституанты по мере надобности без всякого равного представительства, потому что думать надо иметь привычку.

СНАЧАЛА КРАСИВОЕ, ПОТОМ ХОРОШЕЕ

Примерно в XVI – начале XVII века до Р.Х. у нынешнего поселения Акротири на острове Санторин в Эгейском море случилось сильное сначала землетрясение, потом извержение вулкана, жители успели удалиться, а всё то, в чём они жили, законсервировалось пеплом на три с половиной тысячи лет. Рыть начали французы – для нужд Суэцкого канала, позже появился научный интерес, к началу XXI века открыли квартал поселения, не вмещаемый в голову. Они тогда не в один день создали то, в чём жили – может быть, сто лет трудились, а может, и тысячу. Нельзя доказать, но пока нельзя и опровергнуть: стало быть, примерно четыре тысячи лет назад, за тысячу лет до появления той самой античности, что в конце средневековья начали возрождать, существовала крито-микенская культура, давшая как раз такие произведения искусств, которые служили образцами для древних греков и чуть менее древних римлян. Античный расцвет можно считать возрождением критской культуры. Нельзя совершенно исключить, что крито-микенскую, античную и возрожденческую вспышки объединяет одна, пусть и не универсально сформулированная мысль: Эстетика – мать этики. Христианство – доктрина скорее этическая, знавшая в разных обличьях и восхищение красотой, и пренебрежение к ней.

Родоначальник европейского искусствознания И.И. Винкельман («Мысли о подражании греческим произведениям в живописи и скульптуре», 1755) про Акротири не знал, поэтому не мог первой ступенью своей теории сделать Санторин, но эту мысль у него найти несложно – подражая, учась или превосходя учителей, надо пытаться воспроизводить самое простое, что видно неспециалистам, что радует любой глаз, что красиво без дискуссий, без доказательств и объяснений, тогда эстетика потянет за собой этику, тогда начнётся взаимообогащение той и другой, тогда появится тема «гения и злодейства», после Николы Угодника появится понятие «иконописный лик»; и всё же первый шаг – сделай близкое красивым по возможности. Цветочные розетки из Акротири – бесконечно более совершенны, чем розетки в келейных сводах Александровой слободы конца XVII века, через 33 века после Санторина, а мысль – та же: соединить красивое и душеполезное. Свод кельи – это небо кельи, его конструкция сама по себе более совершенна, чем плоское перекрытие, поскольку немного закругляет внутреннее пространство, не накрывая его крышкой, а вставленная в место примыкания четырёх сводов друг к другу каменная розетка с сюжетом, пусть даже и мрачным (Голгофский крест с орудиями страстей, с Адамом), но заключенным в растительный орнамент, помогает уму настроиться на что-то красивое и хорошее. Розетки – тоже часть Возрождения. Сфотографированы Е.И. Рузаевой (ИА РАН) в 1993 году по инициативе В.В. Кавельмахера.

Апология_Троицы_8_405-426.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:27 Страница 416

Апология_Троицы_8_405-426.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:27 Страница 418

Белокаменная замковая розетка
из свода первой с запада кельи
Успенского монастыря в Александрове

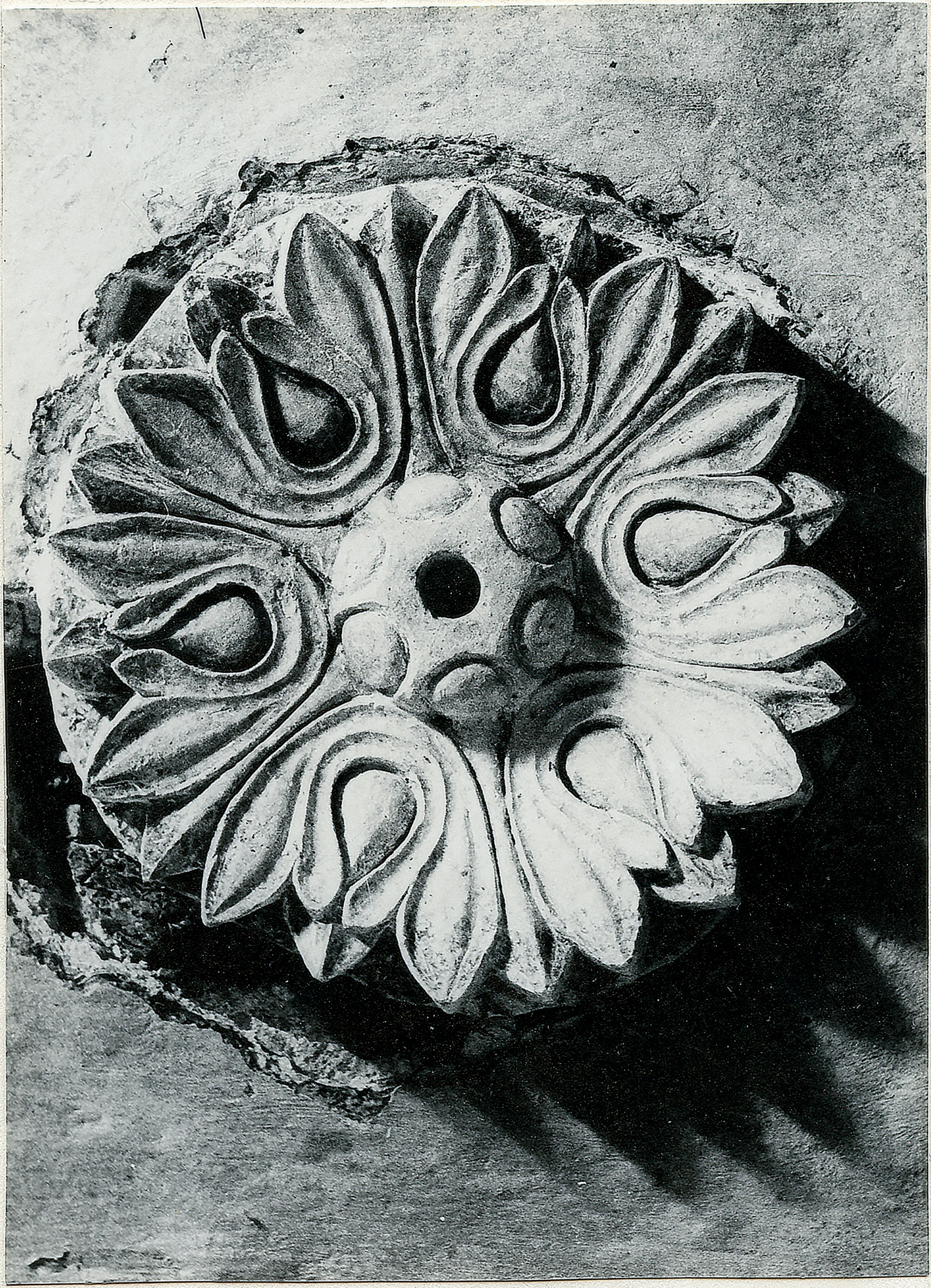
Апология_Троицы_8_405-426.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:27 Страница 419

Белокаменная замковая розетка
из свода второй с запада кельи
Успенского монастыря в Александрове

Апология_Троицы_8_405-426.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:27 Страница 420

Белокаменная замковая розетка из свода третьей с запада кельи Успенского монастыря в Александрове

Апология_Троицы_8_405-426.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:27 Страница 421



Белокаменная замковая розетка
из свода четвертой с запада кельи
Успенского монастыря в Александрове

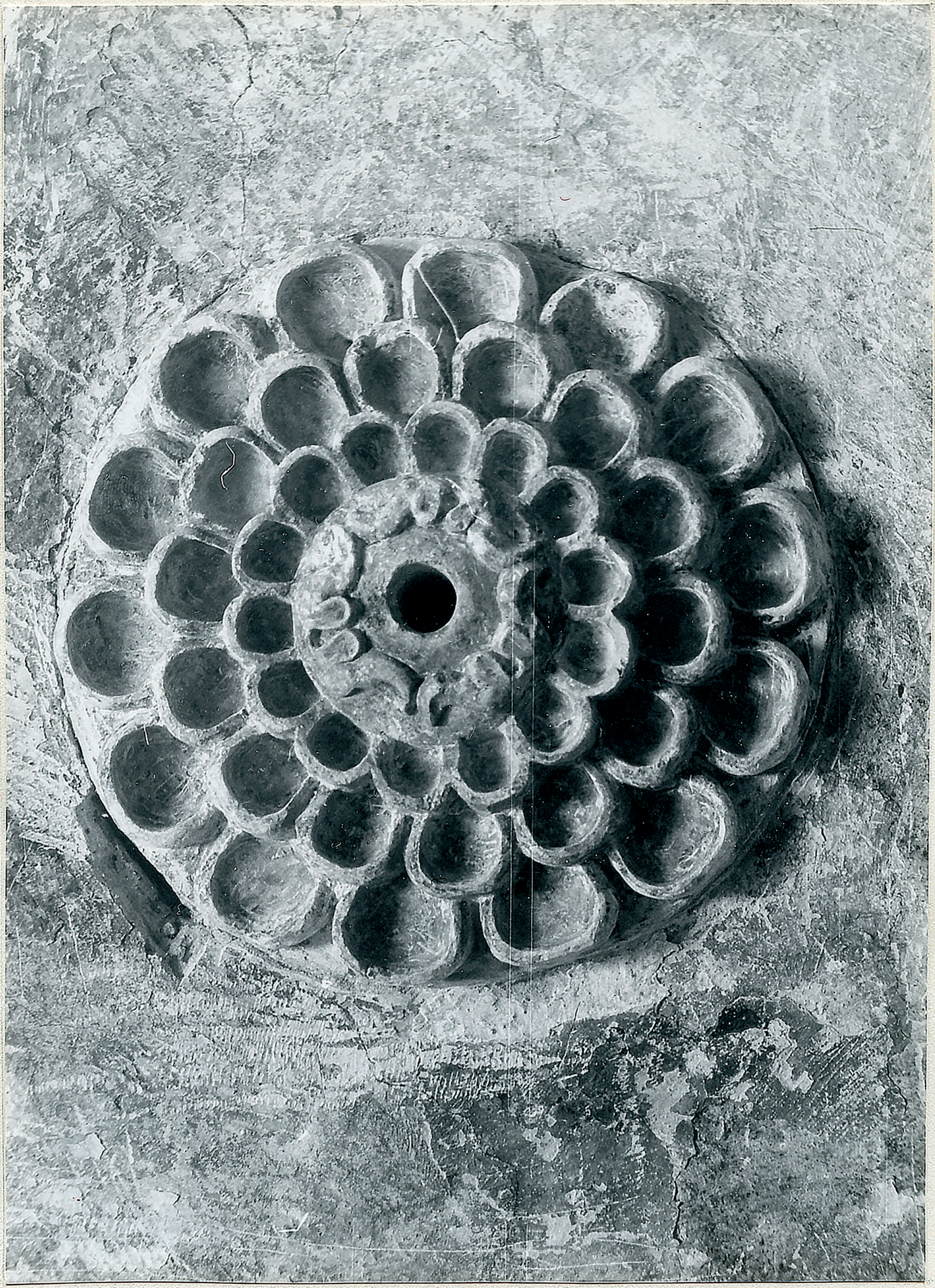
Апология_Троицы_8_405-426.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:27 Страница 422

Белокаменная замковая розетка
из свода пятой с запада кельи
Успенского монастыря в Александрове

Апология_Троицы_8_405-426.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:28 Страница 423

Белокаменная замковая розетка из свода шестой с запада кельи Успенского монастыря в Александрове

Апология_Троицы_8_405-426.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:28 Страница 424



Белокаменная замковая розетка
из свода седьмой с запада кельи
Успенского монастыря в Александрове

Апология_Троицы_8_405-426.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:28 Страница 425

Белокаменная замковая розетка
из свода восьмой с запада кельи
Успенского монастыря в Александрове

Апология_Троицы_8_405-426.qxp_Никола Явленный 20.04.2026 16:28 Страница 426

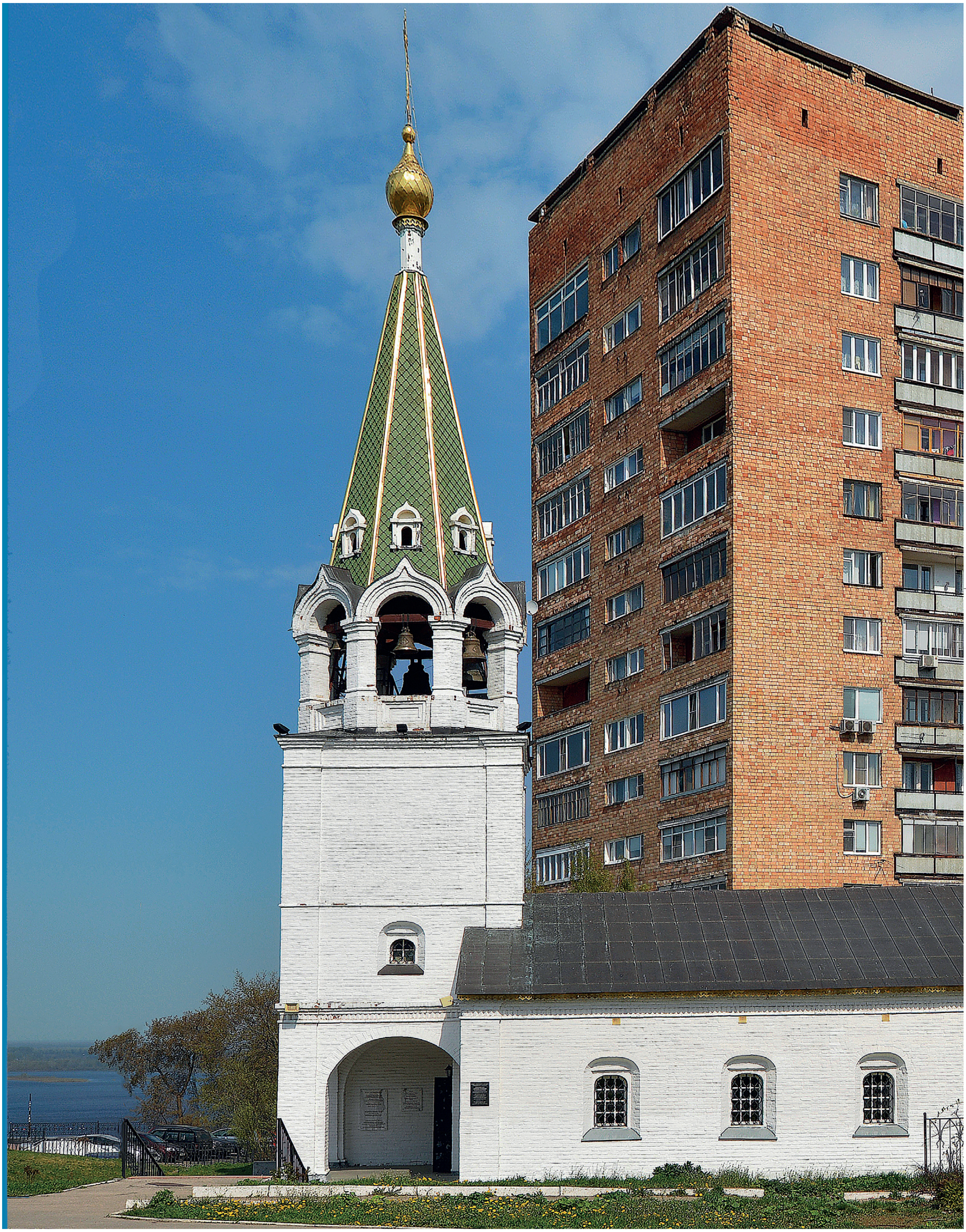
Белокаменная замковая розетка из свода девятой с запада кельи Успенского монастыря в Александрове

УСПЕНСКАЯ НА ИЛЬИНСКОЙ ГОРЕ

Самое яркое пятнышко при взгляде издалека, может быть, даже с реки или через реку – церковь и колокольня солепромышленников баронов Строгановых, самое могучее сооружение – конечно, кремль, а самое важное – и вовсе малозаметно, в самом углу, справа сверху, малюсенькая Успенская церковь с пристроенными поздними трапезной и колокольней. Про недавние прибавления говорить не стоит, в них формообразование случилось такое, какое случилось. Лучше уж разглядывать неподалёку каменное жилое строение с такими всходами, что дух захватывает. Но всё затмевает сама церковь, которую тоже недавно привели в порядок, сколько могли. Глаз, приученный видеть окна в сооружениях XVII века только украшенными, не сразу досылает в мозг вопрос: «А где наличники? Где очелья? Где карнизы? Где порталы, поребрики, бегунцы, городьба?» После первого недоумения приходит понимание – значит, ничего не осталось, никаких данных для восстановления не было, поэтому подровняли, покрасили, сделали вычинки, справились с решётками и столярными заполнениями окон, и – отошли. Второе недоумение приходится адресовать уже себе: да как же можно не заметить, с декором или без – форма-то остаётся, может быть, даже отсутствие декора подчёркивает достоинства фигуры, как маленькое чёрное платье, которое должно быть в каждом шкафу с одеждой. И это такая форма, которой нет ни братьев, ни сестёр во всём свете! Какие там шкафы... Тут не знаешь, откуда начинать удивляться. Именно и как раз благодаря скупости на украшения внизу ярче проступила повсеместная строительская ухватка, которая до того приелась, стала привычной, что уже и не отмечается. Карниз, антаблемент, бегунец все вместе подо лбом образуют подобие бровей на лице, горизонтальную тягу, почему-то всегда разорванную в нескольких местах задранными сквозь брови очельями, которые увеличивают очи, удивлённо раскрывают их, словно ресницы подпирают линию бровей. Здесь и ресниц-то нет, а результат есть. Маленькие чёрные окна сквозь расширяющиеся к внешней стене светлые проёмы точно, как глаза, смотрят на мир. Приветливости немного, но и строгости нет, нет хмурости без декора, просто смотрят. Такая реставраторская смелость гораздо честнее и лучше, чем фантазии на тему аналогов: ну если уж вы знаете, что должны быть наличники, пририсуйте их самостоятельно, какие понравятся. Выше – не хуже. Киоты под фрески от атмосферных осадков и от ветров спрятаны в углубления – это понятно и неудивительно. Но надо отдать себе отчёт в том, что фреска написана на стене, которая имеет для крепости толщину под иконой. Полкирпича мало, тогда весь огромный кокошник получается никак не меньше, чем в два кирпича, а скорее и в три с четырёх

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 428

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 429



Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 431

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 432

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 433

сторон. Успенская церковь небольшая, но поверху три кокошника поместились бы запросто, а если помельчить, то можно и целую гору нагородить, примеры есть, чуть ли не до сотни доходило. Строго говоря, их не четыре, а восемь, есть ещё маленькие, ориентированные с востока на запад. Чтобы поставить один кокошник (иногда именуемый бочковатым покрытием) вместо трёх, пяти, или скольких-нибудь ещё, требуется не столько инженерная ловкость для соединения их с барабанами и главами (что тоже сделано залихватски, с удалью беспримерной), сколько неслыханная, отчаянная архитектурная смелость и свобода, широта мысли. Вот до чего дошли закомары!

И как поставили! Видно и из города, и с воды, и сколько такта, деликатности, понимания оказалось у недипломированного градостроителя – в отличие от снабжённого подтвердительной документацией градогубителя, встромившего башенную доминанту на самую бровку, загородившего и затмившего Успенскую церковь, задавившего и затоптавшего всё, что ничтожными вшами теперь копошится под его горделивым надзором: и кремль, и Благовещенский монастырь, и стрелку, и строгановскую Рождественскую церковь, и Ильинскую, и Жён-Мироносиц у подошвы стены. Счастливым болваном топорщится теперь эта башня только потому, что никто не осмеливается задать вопрос: а для чего её поставили здесь? Ответ удручающе неутешителен. По мнению строителей, всё живое и неживое внизу не обладает достоинством, которое нельзя подвергнуть оплёвыванию. Предположить, что принимавший решение о строительстве (совсем недавно) не понимал, что именно он губит, нельзя. Он всё видел, им командовал партийный билет в кармане над сердцем. Но качество принимателя решений было столь неудовлетворительно, что его ноль на шкале важного и неважного моментально подвинулся к тому месту, на котором мягко сидеть: имеет значение только то, что подо мной. К сожалению, «клятая башня» стоит крепко, надёжно портя и всё снаружи, и всё внутри, как если бы она была построена на кладбище.

В нескольких десятках метров, разделяющих башню и Успенскую церковь, поместились триста лет, разделяющие их. Первое, что сразу ясно, – разное назначение: в церкви (как правило) не живут, не обороняются, она построена с великим умением и старанием для другого. Всё в башне лучше, особая кладка кирпича, планировка, разводка сетей, водоподведение и водоотведение, радиоточки давно заменены на точки раздачи интернета, воздушные лоджии обудоблены до комнатного расширения и прочее. Но всему этому есть замена и триста, и пятьсот, и тысячу лет назад, даже не надо объяснять, какая. В башне собраны условия для жизни, а в церкви поместился смысл, которому придана красивая (чтобы не сказать – совершенная) форма. Несмотря на разницу в размерах, на возведение того и другого были потрачены сопоставимые ресурсы и трудозатраты, всего раз в триста в башне больше. А оказалось, что важнее для улицы, для города, для страны, для вселенной – Успенская церковь. В ней собралось то, чего больше нигде нет. Назвать это, поименовать не удаётся, так же, как не удаётся поставить пределы XVII веку (то есть определить его суть), и дело не в том, что такую же коробку можно поставить в Ханое или Мехико, там и Успенскую церковь поставить можно. Дело в дистанции между башней и церковью, что найдено за триста лет, и что потеряно. Коротко говоря, найдено великое удобство, где больше, где меньше, 30 квадратных метров не сильно отличаются от 300, только убирать пыль легче там, где поскромнее, иначе придётся терпеть взвод горничных. А потеряны – покой и воля. В церкви они есть, а в башне – нет.

Что касается эстетики, то тут уже без технологий не обойтись. Бегать с линейкой в поисках гармонии – как было, так и остаётся бессмысленной затеей, но есть вещи, которые не относятся к категории оценочных суждений вроде «нравится – не нра-

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 434

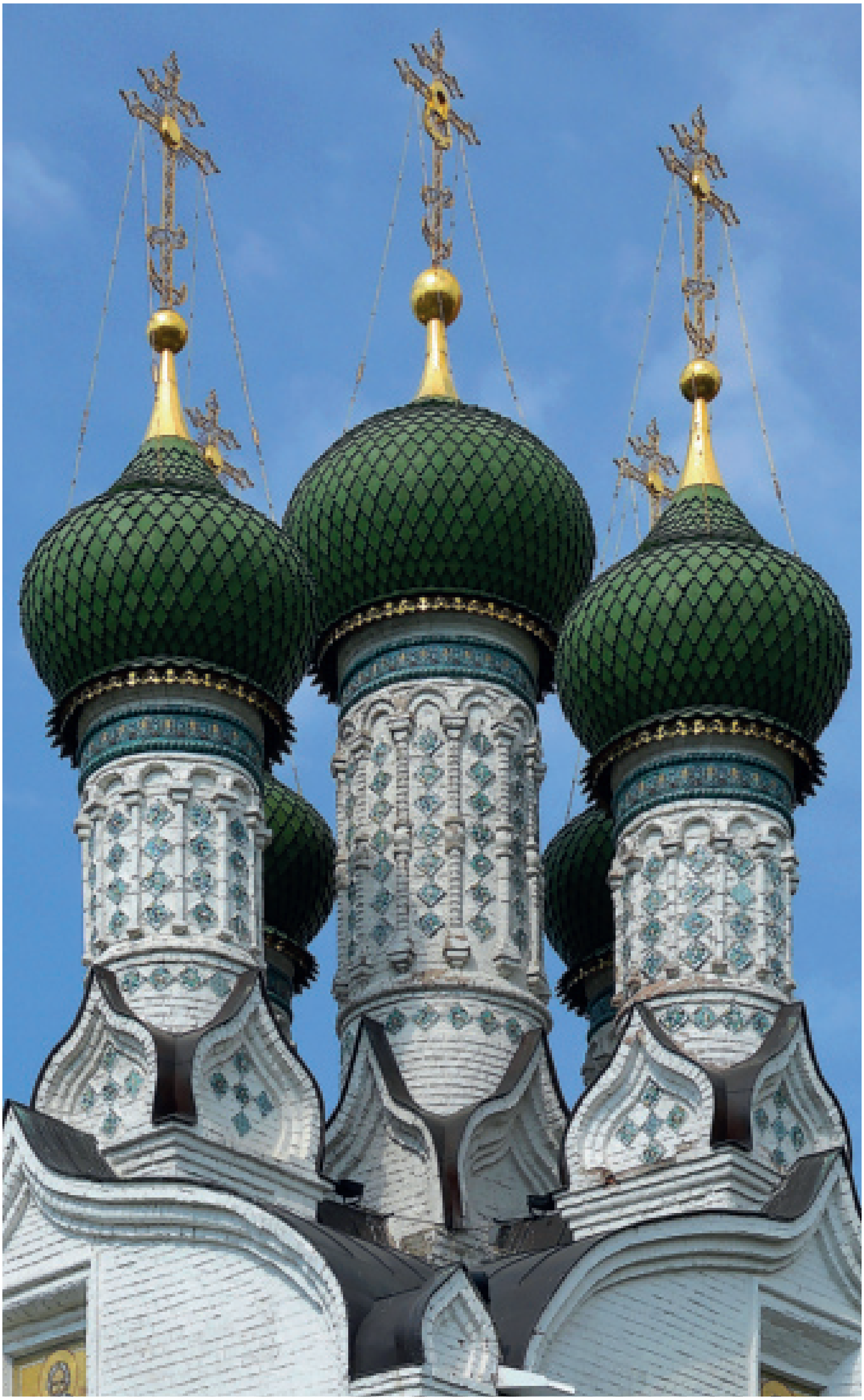
вится», «красиво – не красиво» и с которыми бесполезно спорить и не надо надувать губы с сомнительно-протяжным «Ну-у-у-у... не знаю...». Форма самого здоровенного кокошника (в количестве четырёх штук по сторонам света) – не просто полукруг со щипцом сверху, поставленный на карниз, чего для общего рисунка здания было бы вполне достаточно, он имеет ещё и сужение внизу к центру, заметное и подчёркнутое короткими столбиками по углам (нужда в которых неочевидна) и выступающим валиком по всему обводу кокошника. Эта же форма повторена четырьмя самыми маленькими кокошниками по углам, и не менее громогласно провозглашена уже двадцатью кокошниками в основаниях барабанов, причём четыре из них на малых барабанах честно исполнены несмотря на то, что их никто, кроме ухаживающих за храмом, не увидит никогда, они обращены внутрь, а четыре под большим барабаном спрятаны от взглядов большую часть времени осмотра, даже если специально поднять глаза и стараться их из-под стены приметить. В форме кокошника нельзя не увидеть схожесть с вертикальным разрезом куполов, то есть если купол огромным горизонтально сжимающим прессом сплющить с обеих сторон, получится ровно такая конструкция. Потом надо дать себе труд сосчитать все купола вместе с их образами (с кокошниками) – получится тридцать три. А посвящение храма – Успение, один из двунадесятых праздников, вот и объяснение, как можно праздновать смерть. Её жизнь после смерти сына на кресте, каждодневное и еженощное переживание его крестных мук – превосходят его собственные муки и ведут к мысли, что избавление от таких мучений – это и есть облегчение, тут уже есть что отметить: то, что Его не стало, не может отменить того, что Он был. 33 купола – 33 года. Чтя Успение, чтим Жизнь.

К южному фасаду надо приглядеться повнимательнее. Почему его не портит явная кривизна, для чего оба окна над входным порталом подвинуты далеко к востоку? Простое объяснение – так лучше освещён иконостас, но почему глаз не спотыкается об это смещение, оно ничуть не мешает восприятию? Ответ ещё проще: потому что это не важно. Симметрия, равность и ровность, прямота и повторяемость могут быть, могут не быть, не от них зависит, появилась красота – или нет, от чего-то другого. От чего – уже несколько тысяч лет исполнилось попыткам понять, пока твёрдо установлено одно, симметрия в счёт не идёт, кажется, даже наоборот, одно из условий для появления красоты – дисбаланс, рассогласование, кривизна, неправильность, уклон краше горизонта, изгиб лучше прямой. Но только там, где они нужны. А где не нужны – можно и прямо. Остаётся пустяк, определить, где надо, а где не стоит.

Мерцающее колдовство изразцовой огранки круглых барабанов нарочно было устроено, чтобы намного позже, только через полтораста лет отчеканились строки «За морем царевна есть, что неможно глаз отвесть. Днём свет божий закрывает, ночью землю освещает». Да, и нельзя наглядеться, и затмевает, и освещает. Лучше не скажешь. Церковь-царевна. А за морем-то – всего-навсего за Окой. При должной ныне подсветке, в ясную погоду, с того берега, от желтой церкви на плоту – как бы она смотрелась! «Die schönste Jungfrau sitzet dort oben wunderbar, ihr goldnes Geschmeide blitzet, sie kämmt ihr goldenes Haar...»

Но видна только башня из хорошего кирпича, в которой никто ничего не зашифровывал, а просто и прямо, не мудря, делал хорошим людям хорошо. И сделал. Как мог. Жаль, что ума хватило только на это. Вот где качество человекоматериала, добытое за триста лет эволюции. Каким бы ядом ни насытить, ни пропитать слова и мысли, адресованные башнеавтору, всё недостаточно, потому что в последние три столетия как раз человековедение (гуманность) съёживалось и съёживается напористее, скорее, безвозвратнее, чем прочие «-ведения». Точнее говоря, А.А. Ахматова, может быть, и стоит на одной полке с А.С. Пушкиным, но количество полок с той поры не увеличилось ни на процент, сколько было, столько осталось. А народу

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 435



Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 436

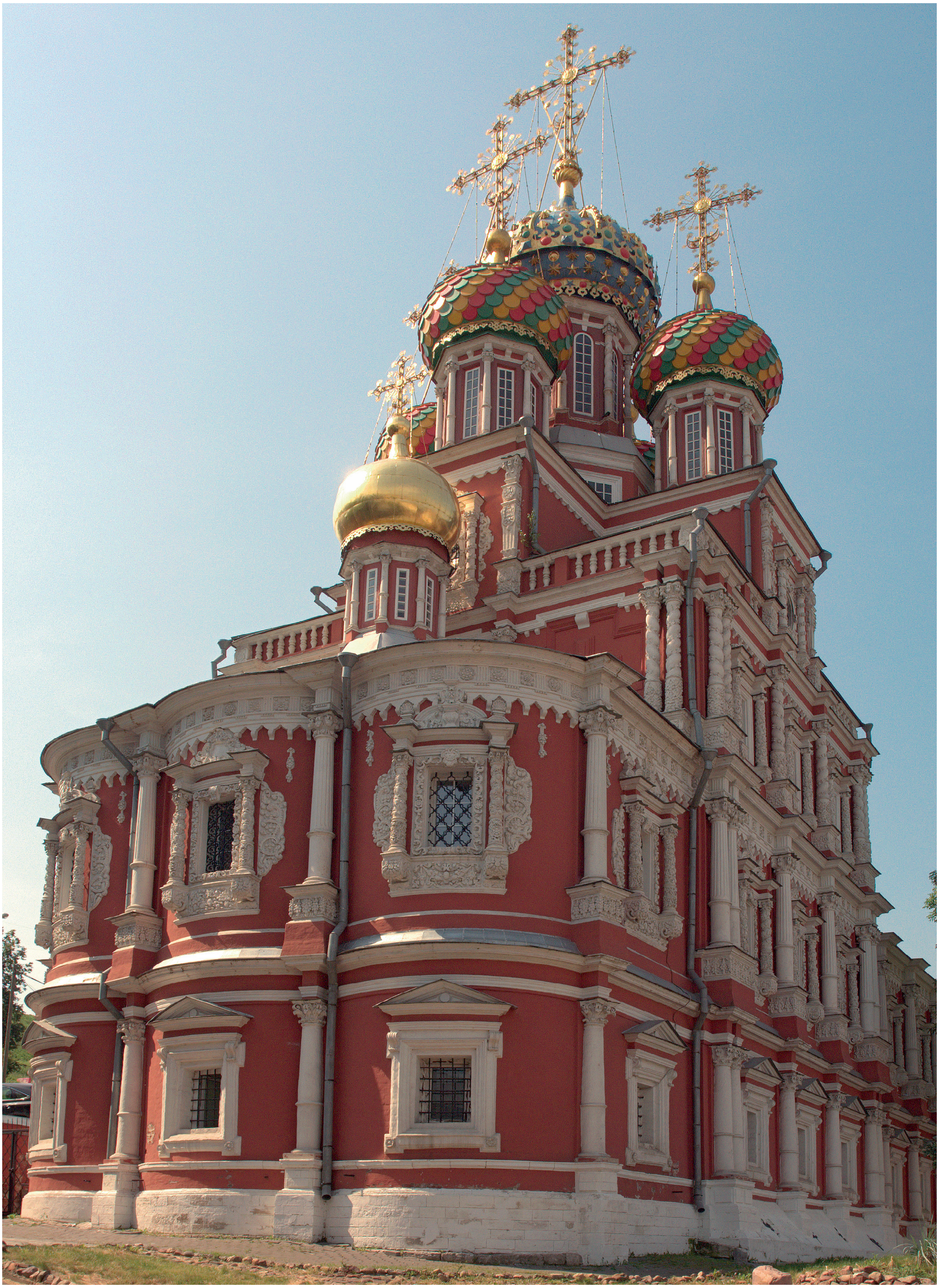
прибыло. Достижений Просвещения меньше не стало, они растворяются в море, ничуть не увеличивая и не уменьшая его солёность, поэтому варварство Ельцина ничуть не превосходит варварство Аттилы или Чагатая.

Эта связь столь же крепка, сколь и невидима. Более того, она тем крепче, чем менее заметна: не видимое не подлежит критике, потому что невидимо. Вспоминая Ходжу Насреддина и Сократа, можно сказать, что если из массы незнания вычесть объём знания, то количество незнания будет постоянно расти несравнимо быстрее, чем жалкая кучка знания, пропорциональная скорость относительного убывания которой несопоставима с темпами роста торжествующего незнания, счастливого уже собственной жаждой познания, обузданного безудержной ленью и косностью в костях. Если сказать, что в появлении клятой башни виновата царица Наталья Кирилловна, неисчислимые пальцы прокрутят дырку в виске. А между тем башню построили в те же годы, когда Ельцин разобрал в Екатеринбурге дом, в котором Ленин, Троцкий и Сталин расстреляли взрослых и малололетних родственниц и родственников царя и его самого вместе с неродственным врачом. Всевозможные юровские виноваты в массовом убийстве так же, как спусковой крючок нагана повинен в причинении тяжких телесных страданий и повреждений невиновным людям – приговор взрослым никто не вынес, всякую малышню и подростков пристрелили так просто, для удовольствия, за компанию. Виновны поименованные цареубийцы, и как это вяжется с рукодельными образами «самых человечных» человеков – неведомо никому. А Ельцин со товарищи тут помянут только для того, чтобы стало видно: вот эти наследники, до сего дня сохраняющие кровную преемственность уже внуков и небедствующих правнуков, и суть настоящие родственники цареубийц, клеймо не смыть вовек, и если понадобится, они и дом снесут, и на спусковой крючок нажмут, и юные тела своими руками искровавят, химией пожгут, и из ямы в яму перепрятывать станут. Вопреки тексту франко-немецкой песни, последние стали первыми, но кто был ничем, так ничем и остался; то есть должность-то первая, неизвестно, кем назначенная, а человечинко – малое, глупое, порой и совсем дрянь, даже зачастую дрянь, так почти всегда дрянь, и исключения – только прижизненные, кабинетно-портретные, искренне, от души лобызуемые. Только собственность бегает от одного «ставшего всем» к другому, к тому, которого ещё не доели, не брезгуя опарышами, «белок – он и есть белок».

Государь Пётр Алексеевич за время полуторагодичного отлынивания от дел в европах впал в неисправимый восторг и низкопоклонство перед западом в такой тяжёлой форме, что по возвращении на родину, совсем занедужив, решил, что стране нужна перестройка и ускорение, потому что она отстала. Загнать клячу истории ему удалось, едва живу отпустил в 1725 году, учинив образование и город на болоте, а главное, на долгие века впечатав в мозг недовольное количество качества здешнего люда, завсегда косного, дурного, пьяного, ленивого, отсталого-преотсталого, без надежды догнать. Этот Imressum крепостью превосходит все известные на Земле материалы, он «жил, жив и будет жить». Кстати, отсюда прямая дорожка к знаменитой ленинской фразе про октярьский переворот. «Мы Россию завоевали, теперь надо научиться ею управлять». А позвольте, голубчик, поинтересоваться, зачем? Раз воевали– значит, враги, ладно. Зачем завоевали-то? До того, перед тем, как учиться управлять? И в этой школе Каин был преподавателем? Как ни ищи оправданий, оказывается, что войну развязали только затем, чтобы супругам наркомов «суп к обеду в горшочках прямо из Парижу возили», чтобы Демьян Бедный, поэт победившего пролетариата, рассекал пространство и простор на своём личном, персональном, собственном, для него одного поезде. Потому что суп всегда только в Париже, в Калуге-то, известное дело, суп не тот, то лягушки не уродились, то котлы прохудились, а поселянам и поселянкам пуще разных полезных товаров нужно разъяснение, куда

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 437

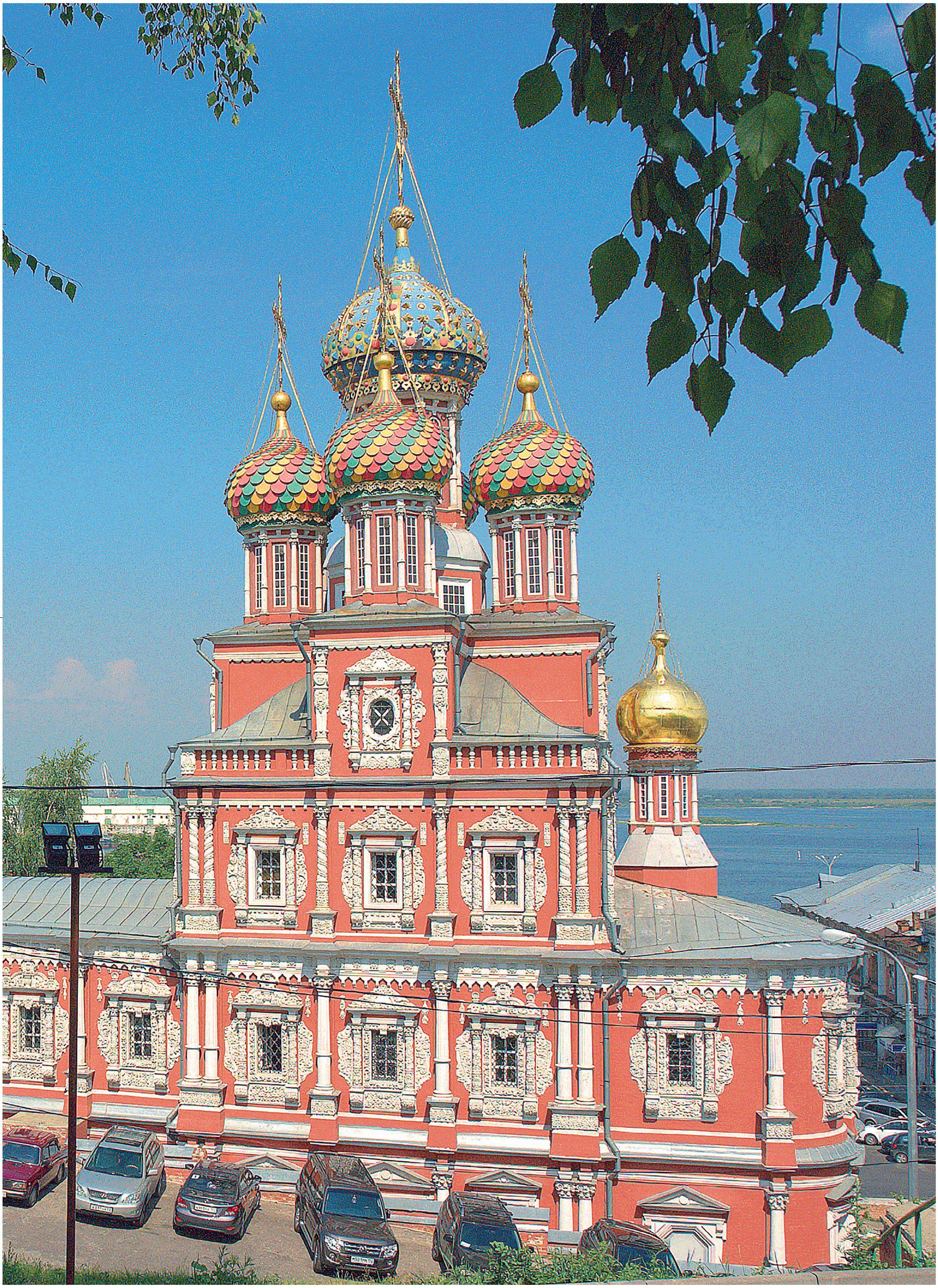
Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 438



Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 439

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 440

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 441



Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 442

им, болезным, шествовавать потребно, – ведь своим умом они дорогу не нащупают, ибо убоги, не то, что европейцы. Вот для этого и завоевали, для супов и поездов, а про справедливость, про «...тот станет всем» – это чтобы им было над чем поразмыслить в редкие моменты досуга, выкроенные от сплошного строительства хоть чего-нибудь, хоть социализма, хоть феодализма – пока суп везут, пока паровоз гудит, а морковка на палочке к массивному загривку приделана.

Суть петровских преобразование лучше других архитектурный произведений отражает строгановское барокко, хоть в Троице (часовня около Духовской церкви), хоть в Нижнем Новгороде (Рождественская церковь). Она (церковь) и сама по себе хороша, и местность преображает, и нарядная, уж про купола и речи быть не может – один сплошной восторг и духозахват. Колокольня как колокольня, они такие все – ухтомские. Надо всё же попробовать заставить себя понять, а чем же церковь хороша? И неожиданно выясняется, что только декором и раскаской, которая тоже часть декора. Из-за неслыханной сложности инженерно-строительной части задачи – надо было построить очень большую цнрковь на очень крутом склоне горы (не холма, а горы) – формообразование в ней присутствует только постольку, поскольку декор на чём-то надо укрепить; если представить себе здание без белокаменной резьбы, отменно витиеватой, и без куполов, с тёмносерой немецкой раскраской – не останется ничего, кроме нескольких объёмов с окнами и башенками.

И это опять до некоторой степени пример-перевёртыш: видим очень хорошо, а видеть-то нечего, так, одна видимость, потому что внутри блистательного костюма есть только религиозный организм, а архитектурного нет; видимое невидимо, но уже по другой причине – не на что смотреть.

И совсем уж тайное знание – про две беды, про дураков и дороги. И что, кто-то всерьёз полагает, что итальянский или немецкий дурак лучше тутошнего? В том-то и дело, что никто и никогда не уточняет, что под дураками имеется в виду не дурость рукодельного пахаря или слесаря (они одинаково плохи и хороши во всех географиях), а дурное управление. Это управители должны «бить себя по затылку», весь менеджмент, от бригадира и мастера до царя и президента, каждый, каждое утро, по затылку, и спрашивать, что ты сделал, чтобы дороги стали лучше.

Отчего-то в слове ‘геология’ нет, а в слове ‘землеведение’ есть оттенок заботы, курирования и курабельности – Landeskunde. То же и со словами ‘гуманитарные науки’ – на первый взгляд, пустое словоблудие пополам со сказками, продиктованными авторам желанием прослыть инженерными ловцами душ и исподвольводителями народов. Это мнение для людей, которым пока удавалось избегать угрозы получить образование. А вот умные французы собрали своё гуманитарное знание вокруг Дома наук о человеке, преодолев детское заблуждение, будто науки можно поделить на гуманитарные и общественные. Любые люди живут в обществе, даже отшельники (они определили себя через отход всё-таки от общества), водораздел между человеком и обществом противоестественен: гуманитарные науки не трогают общество, общественные не имеют отношения к человеку. ‘Человековедение’ помещается в Дом наук о человеке, а исторический материализм – никак. Способ вéдения человека в XVIII–XX веках удалился от алтаря и иконы, несмотря на выдающиеся прошлые достижения церкви в этой именно области, в человековедении, и никак вот уже двести лет не может обрести новые институциональные формы, потому что для произведения переворота в науке, превосходящего достижения и самого Евгения Дюринга, и его критиков, надо совершить немыслимое: самая презираемая часть знания, самая плохооплачиваемая, самая бессмысленная и непользопроизводящая «прослойка», те самые противоестественные интеллигенты-ботаники, которых ничего не стоит в бараний рог согнуть, должны родить мысль, что в слове ‘религия’

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 443

есть нужное им прямое содержание, ‘восстановление связи’, всех связей, во всех областях знания, включая религиоведение и использование религиозного опыта, а это не что иное, как république des lettres.

Эта республика за три века произвела такое количество знания, в том числе гуманитарного, которое не помещается в старые религиозные мехи, а новых как не было, так нет, даже в России академию наук превратили в клуб по интересам.

Институционализации мешает то, что все возможные её двигатели понимают: это должна быть такая институционализация, в которой черты институциональности не просто незаметны, а вовсе отсутствуют, иначе путь прямо ведёт в сектантство разной степени исступления и остервенения, со своими кастами, службами, алтарями, иконами, тупиками и уголовщиной. Как?

Никто не знает. Иначе полторы сотни миллионов давно жили бы в Сочи. Ясно, что никто и не узнает. Дураков с рецептами перестали пускать на порог, отстреливают на дальних подступах.

Стоящие часы два раза в сутки показывают верное время. Умственно ущербные люди в 1985 году один раз правильно призвали вернуть свободу слова, назвав её плохо понимаемым словом ‘гласность’. Отчего М.Е. Салтыкова-Щедрина издают очень скупо? Вероятно, оттого, что сильно мешает продолжительному вранью, вправляя вывихи в мозгах. Раньше или позже институционализация появится сама, достаточно чаще вспоминать о просвещении без кровопролития. В конце концов, двести-триста лет – не срок для нового института человековедения, появится сам, в своих формах. Платон ничего не знал о Блаженном Августине, и ничего, он благополучно появился. Но пока самый паршивый сенатор и глупенький министр не будут знать, кто такой Томас Аквинат, Боэций и Исидор Севильский, уж не говоря про Феофана Грека и Жана Этьена Лиотара, перемен ждать не приходится, добра не жди, жди беды и новых окровавленных башнеделов.

Остаётся одно утешение: паралеллограммическое здание не простоит ни триста, ни двести, ни даже сто лет, повалится в связи с истечением срока эксплуатации. А Успенская так и останется.

Днём затмевать солнце,
Ночью освещать землю.
Под охраной тридцати трёх богатырей.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.

Церковь Успения выше церкви Рождества; одна на бровке холма, другая на склоне. Рождественская и поставлена позже, на рубеже XVII и XVIII веков, когда инженерная изобретательность уменьшила трудности встраивания проекта в ландшафт; на крутом склоне что-то поставить можно только если он – скала, в которой можно закрепиться, а здесь скалистость не просматривается, у любого сооружения хорошие шансы сползти вниз, теряя по дороге детали. Укрепиться можно или оперевшись на подпорную стенку, или вцепившись сваями поглубже в грунт. Здесь решение попахивает волюнтаризмом, но отказать ему в оригинальности нельзя. Вся церковь выше подцерковья в четыре с половиной света, половина пятого – верхние окна центрального барабана, вес немалый. Трудно сказать, от какого выхода отказались сразу – от северного или от южного, но надо признать, что устроить их здесь без архитектурно-акробатических упражнений нелегко: или на юге лезть в гору под углом возвышения градусов в сорок, или на севере кубарем катиться в бездну с таким же уклоном, махнули рукой, выход сделали входом. Вместо гульбища устроили на западе загогулину с поворотом для проникновения внутрь, и над ней взгромоздили колокольню, в которой семь ступеней убывания площади от основания кверху, то

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 444

есть семь ярусов, в каждом присутствуют следы желания архитектора придать ей элегантную монументальность. В итоге получилась франтоватость и чуточку деревенская шикарность: чем больше перьев и аксельбантов, тем наряднее их обладатель с тяжёлым затылком, сильно оттягивающим голову назад, за спину. Те же качества и в самой церкви. Целокупное видение всего тела церкви не предшествовало разглядыванию её украшений – в туловище нет ничего интересного, в отличие от той, что с середины XVI века стоит совсем неподалёку, в кремле; на ней скупые украшения (пояски под карнизом и на апсидах) не мешают, а помогают её красоте, они работают как небольшой бриллиант на нужном месте («месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит»), который не могут заменить пудовые бусы, даже сделанные из бриллиантов сплошняком, с оправой из золота, чтобы потяжелее.

В Рождественской церкви есть всё, и яркость, и извилистый вход, и трогательное доказательство того, что сами строители видели небезупречность общего рисунка, для исправления которого придумали поставить малый барабан и главку прямо на апсиду, что не диктуется литургическими нормами и призвано только разнообразить силуэт, сгладив скалистые обрывы горы. Главы над апсидами иногда ставили, если там устраивался ктиторский придел, чаще в дьяконнике, но здесь-то барабан прямо над престолом; его лишняя избыточность проявилась ещё и в том, что расстояние от круглого окна на уровне главы, полностью его загораживающей от света, исчисляется несколькими десятками сантиметров – ясно, что выглядывать оттуда некому, но проход света вовнутрь надёжно загорожен главой. Изобильное всесилие привело к тому, что в церкви собралось всё, заслуживающее превосходных степеней, но пропало главное – формообразование как первая и главная задача нимало не потревожило автора проекта (всё вроде есть, но чего-то нет, а чего именно – и не поймёшь); если прикрыть глаза на пёстрые купола над барабанами, проступают черты очень шикарного отеля для приличной публики с добротной, но недорогой кухней.

Если клятую башню покрасить розово-красным и налепить по всей высоте отменных белокаменных украшений любого сюжета, выйдет такой же поставленный «на попа» отель, и всё равно ростом не догонит Успенскую церковь на горе.

Образ «строгановской» церкви меркнет и пропадает сразу, стоит отвести взгляд. Краснозатейливо и многовитиевато. Уже хорошо, настроение вздыбилось – и хватит, и ладно, пройдёмте к следующим «кунстштукам».

В следующей церкви формообразующее бессилие стало кричащим, победительным и могучим, несмотря на семантическую несуразицу, как большая куча гирь из разных комплектов, материалов и времён, которые расшвыривали ногами в надежде, что они сами собой улягутся в хорошем порядке. В восточной стене четверика над апсидой три... вещи. Не киоты, не окна, не двери. Есть наличники с треугольными портикоподобными очельями, тогда, может быть, это заложенные окна? На западе, на закате, окна есть. Нет, кладка вперевязку со стеной. Выше рядок прелестных кронштейнов под карнизом, полуколонки снабжены оглавлениями. Выходит, все три предмета устроены только для красоты, как она привиделась строителю? Изрядный приём неожиданно для автора имеет глупейшее последствие: так устроенные неокна напоминают закрытые французские двери в пол, ведущие... на крышу апсиды для променада, в пространство, заботливо огороженное, чтобы никто не выпал. Занятие, не предусмотренное для этой части здания, но восток выглядит именно как место для неспешного фланирования пригожих погодков обоего пола в ясную погоду за плавными изгибами перил на алтарных выступах.

И так всё, не доделано, не додумано, не придумано, набросано в порядке бреда. Колокольня выглядит так, словно её передумали строить на полдороге – «и так сойдёт». Над четвериком – хаос Вороньей слободки, кубики, призмочки, цилиндрики,

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 445

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 446

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 447

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 448

присутствуют также раковины, шарики и прочая разнокалиберная геометрия, громко говорящая о пространственной беспомощности строителя, не знавшего, как же из всего этого выпутаться. Эта любопытная неспетая, застрявшая в горле песня должна остаться в веках, чтобы хриплым голосом обучать на натуре: «Видишь, мальчик, вот так делать не надо, нехорошо, нельзя, фу». Сила без ума вызывает только жалость.

И другой пример-перевёртыш, лучше сказать, пример-неваляшка, про то, как число «33» помогает спасти безнадёжно, казалось бы, погубленное здание. В Балахне есть шатровая церковь, которой нет. В Никольской церкви (1552) надо насильно остановить, приклонить взгляд и припомнить, что глаз расположен, как правило, недалеко от ума. От первой реакции подозрительного пренебрежения предостерегает только размер – и высоко, и крупно, и на западе не крыльцо, не ступени, не постамент, а всход; верх подцерковья там, где не всякий затылок достанет, всход как процесс, как событие с продолжительностью, не на прыжок и не на два, а до утомлённости после преодоления. Словом, количество вершков, локтей и саженей и ступеней настраивает на большое, а раздутые для восторженного восклицания лёгкие производят не крик, а вздох. И где? И всё? Это вот это вот и называется гордым словом Шатёр? Нет, что-то тут не то.

То есть предмет есть, но он на задах автотранспортного предприятия и четыре с половиной века жизни прошли для него недаром, чудом уцелел; слово «красота» отсюда убежало опрометью, давно, спотыкаясь и падая. Сначала как-то распорядились с гульбищем (каменным или деревянным), северный и южный выходы за ненадобностью ликвидировали, и всё-таки возрожденческая мощь XVI столетия устояла, с ней не справились. Над складывающимся внутрь четвериком поместился невысокий восьмерик – обычное дело на переходе к восьмигранному шатру. Необычно то, что там поместились все тридцать два кокошника – у основания восемь огромных, и наверху, перед началом шатра – маленькие, по три на каждую грань. Когда у архитекторов дойдут руки до реставрации, вокруг этого числа и этих кокошников надо будет строить всю восстанавливаемую красоту здания, которая не видна, но есть.

Шатёр пока нелеп и неуклюж, несмотря на близкое присутствие трёх похожих шатров в Печерском монастыре, которые могли бы подсказать тем, кто переделывал оригинальный шатёр, простой секрет стройности: плечики в самом тонкой, верхней части не стоит делать шире диаметра барабанчика сверху, силуэт сразу становится пухлым и грузным, словно на шатёр надета шуба из кирпичей, а потом плащ из металла. Непроизнесённый торжественный гимн сменяется горечью сожаления – ясно, что было что-то многомогучее и величественное. И куда делось? Грех роптать. Хорошо, что не разобрали на кирпич для соседских сараев.

Взгляд со стороны двора или с запада никак не влияет на чувства по отношению к большевикам, таинственным манером точка обзора распространяет эти чувства во времени, причём вспять прямо на три столетия. Отличие от московского поленовского дворика не только в том, что нет дорисованных детей на первом плане, там ветхость трогательна, здесь жалка. Всклокоченная эклектика облезлой чернобарабанной церкви оттеняет многовековую, до – и без – большевиков достигнутую инвалидность, то есть негодность исполина в нынешнем состоянии. Низенький шатёр, заложенные щелевые окошки барабана, странная крыша – всё только отвлекает, заслоняет главное недоумение. Входная лестница на западе поднимает прихожанина к дверям. А вот выходов из Никольской церкви на севере и на юге давно нет. Нет так давно, что без археологических исследований нельзя твёрдо сказать, какими были гульбище и лестницы, дерево это было, или камень. Стилистически дерево маловероятно. Строители не хуже нас знали о хрупкости и недолго-

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 449

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 450

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 451

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 452

Неизвестного назначения утолщение под центральным барабаном

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 453

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 454

вечности построек из дерева, поэтому независимо от деревянных прибавлений основное сооружение должно было быть каменно-целостным, то есть отнятие деревянных приспособлений не должно было лишать всю постройку смысла (как сейчас). До XVIII века незыблемым (с редчайшими исключениями) правилом было наличие в каменной церкви южного и северного выходов – другой способ покинуть церковь требует повернуться к Царским вратам спиной, а это невозможно исполнить, не поворотившись к иконам затылком. Построить такую каменную громадину и пожалеть кирпича для лестниц и гульбища – невообразимо, почти святотатственно для XVI века.

Вознесенская церковь в Коломенском доказывает, своим общим видом в первую очередь: гульбище с троном и всходы не прислонены к церкви, не украшают её и не подпирают, а создают её, они неотделимы. То же должно быть и здесь, в Никольской. Но ничего нет, затейливая западная лестница не в счёт, она недавняя. Наибольшее недоумение вызывает полное отсутствие следов примыкания любого гульбища, хоть деревянного, хоть железного. Должны были бы быть или следы заделки деревянных балок перекрытий, или следы срубленных кирпичей перевязки с отсутствующей конструкцией, следы срезанных металлических связей, причём неустановленная высота культурного слоя никак ни на что не влияет – двери высоко. Строители в XVI веке всё про Парфенон знали, хороший наклон к центру есть и в углах и стенах четверика, и в стенах апсиды (алтаря). Это обезрученное и обезноженное туловище исполина, вопиет о необходимости проведения исследований для восстановления былого величия, заодно и колокольни поблизости, и какого-то человеческого, более мягкого отношения к другой церкви, стоящей рядом.

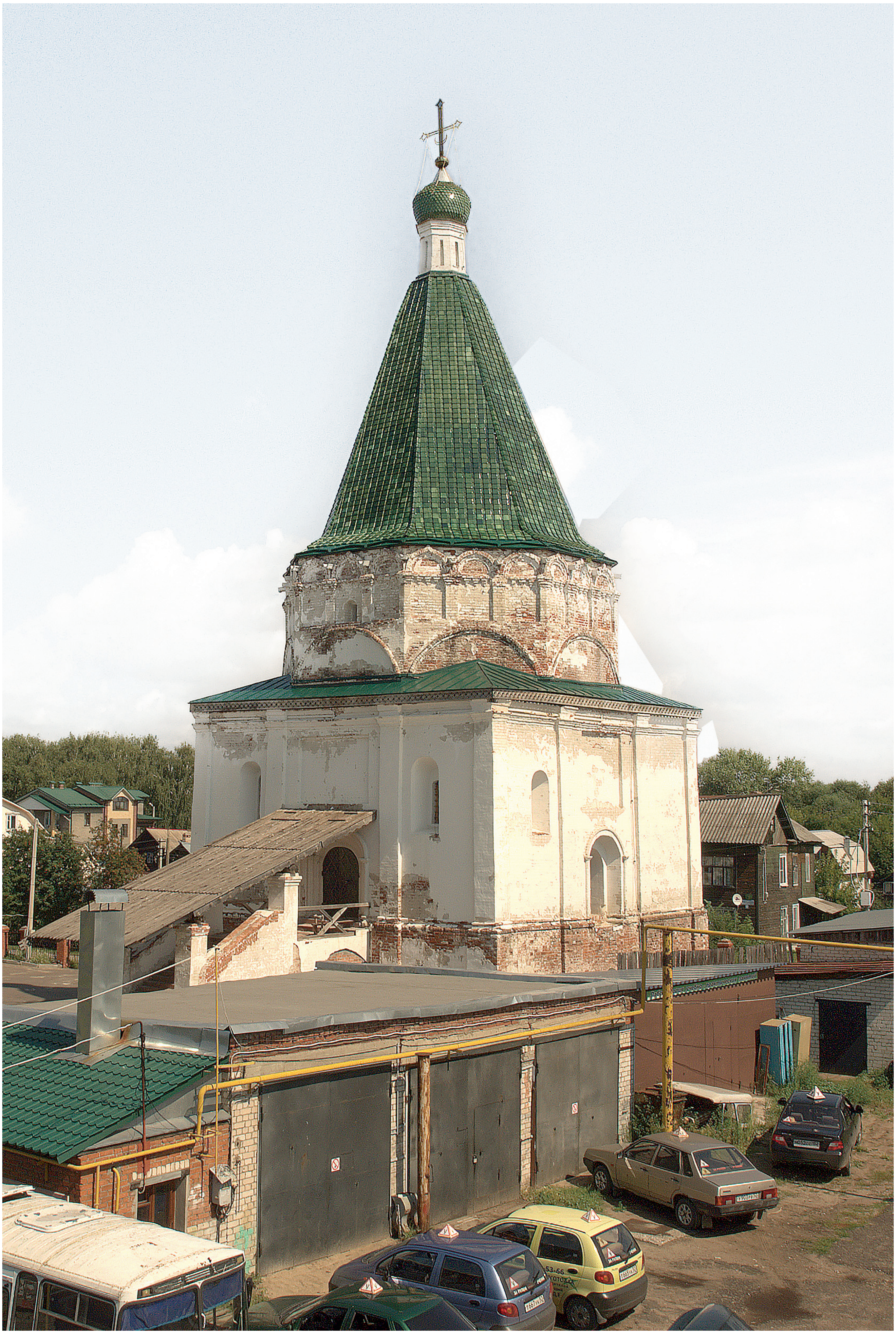
Вторая церковь Покровского подворья нижегородского Благовещенского монастыря вызывает такую жалость, что слово нейдёт с языка, речь отказывает, её изощрённо, изобретательно и замысловато уродовали долгие десятилетия, кто небрежением, кто малым злым умом, кто слабосильностью благих намерений. Её давно обнимают добрые неумелые руки, не сулящие ничего хорошего ни в близком, ни в отдаленном будущем. Для веры и верующего качество иконы вроде бы не имеет значения, мысль о святости одинаково может таиться и во взгляде на чей-то Звенигородский чин, и на Троицу Андрея Рублёва, и на Авеля Феофана Грека, и на печатную иконку неопределенной руки и плохой полиграфии; то же и с архитектурой церкви. Но здесь красота вольно или невольно погублена, оструганa, растёсана и выскоблена слишком сильно, чересчур, с перебором равнодушно, и это небезобидно, оскорбительно для любого глаза, неправильно, несправедливо. Единственное, что оставляет место надежде – это маленькое окно под карнизом на юге и округлое утолщение в основании центрального барабана. Устроить такой пузырь на коньке скатной крыши – хлопотная затея, никак, кажется, не прибавляющая красоты, её и не видит-то наверху никто. Не прячутся ли там сколько-нибудь кокошников? Например, восемь? А под крышей с севера и с юга по два в первом и втором ярусах, и с востока и с запада по четыре в двух ярусах?

Успенская церковь на Ильинской горе в Нижнем в нижнем уровне не несёт на себе декора – не сохранился; реставраторы фантазировать не стали, даже наличники отказались выдумывать.

Вот блистательная иллюстрация значения формообразования: найденная форма столь выразительна сама по себе, что декор на ней тоже хорош, но обладает главным свойством хорошего декора – он съёмный, может быть, может не быть.

Что станется со всеми «строгановскими» церквями, если красок нет, декор ещё не навесили, он сделан, привезён, но пока лежит на дворе, сложенный аккуратно на травке рядом? Сущее уныние. Правильной форме декор не помеха, неправильной – любой декор не спасение.

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 455



Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 456

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 457

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 458

Грозненское и годуновское времена совсем не знают понятия «провинциальность», оно появилось, вероятно, только после Петра. Никольская церковь Успенского монастыря в Свияжске (построена раньше, чем перестроена Распятская в Александровской слободе) годится для любой столицы, лаконичная простота немного испорчена только верхними уровнями со слишком маленькой главой над худосочным барабанчиком и полузаложенными окнами, появление шатроподобного конуса из металла можно попробовать объяснить себе только попыткой то ли укоротить похожую на палец шею под главой, то ли желанием немного нарастить барабан с окнами, но сразу видно, что сделано без задора, без чувства, просто, чтобы сделать. А вот пониже этой заготовки заводской кирпичной трубы начинается действительно интересное.

Благоприобретённая привычка считать кокошники сначала приводит к немного обескураживающему результату: восьмигранник нельзя охватить одним взглядом, пока огибаешь взглядом, забываешь, откуда начал. Выход есть: каждый угол восьмигранника режет пополам два стоящих сверху кокошника, два слева и два справа; сложив четыре половинки и один целый кокошник, имеем над гранью три кокошника. Итого – 24. Но нет, надо учесть и те, что накрывают проёмы, и вот добавилось ещё восемь. Радиус окружности нижних дуг, которые «исполняют обязанности» кокошников, намекает на радиус окружности главы, что должна была бы стоять наверху. Образовавшееся внезапно, без предупреждений, число «33» заставляет вспомнить подколоколенную церковь в Александровской слободе, ещё Алексеевскую, от 1513 г. Она была существенно ниже нынешней, и число кокошников на ней неизвестно, они скрыты в 1570 г. во время перестройки, а за 4 года до того они ещё могли быть образцом для новой колокольни. Доказать это предположение можно, только дождавшись новых неразрушающих методов исследования в Александровской слободе. Но даже и без немного натужной привязки к Алексеевской церкви в качестве образца Никольская важна как один из ранних в XVI веке (известных нам) примеров архитектурных размышлений с числом «33».

Небольшой накопленный опыт рассматривания церквей годуновского времени заставляет насторожиться при рассмотрении даты «1604», когда, судя по надписи на закладной доске, построили церковь Сергия Радонежского с Никоновским приделом в Иоанно-Предтеченском монастыре Свияжска. К этому времени уже стояли модельные церкви и приделы (Василия Блаженного, Феодотия Анкирского и Георгиевская в Серпухове, Богоявленская в Красном на Волге, Преображенская в Кириллове). Нынешнюю Сергиевскую церковь строили на подворье Троице-Сергиева монастыря, поэтому возможно в высшей степени осторожное предположение о возвратной образцовости двух комплексов. Первый – Троицкий собор с Никоновской церковью, стена к стене. Второй Сергиевская церковь в Свияжске с Никоновским приделом. Сначала строители сергиевской церкви могли держать в голове образ Троицкого собора с кокошниками в завершении, теперь Сергиевская церковь своей хромотой может помочь Троицкому собору вернуть недостающие кокошники. Доказывать, что их било в 1604 году 32, а не 24, не надо – достаточно взглянуть на сегодняшнюю недосказанность, чтобы понять, как её исправить. Сергий с Никоном тогда послужили образцом для Свияжска, теперь наоборот, Свяжск может стать образцом для Троицкого собора – как восстановление оригинала по копии.

Четыре причины заставляют предполагать, что и Сергиевская относится к этому кругу.

1. Все перечисленные (кроме Василия Блаженного), и Сергиевская, отмечены выраженной тягой вверх, ввысь, к подъёму, большему, чем принято обычно, начиная от возвышенного места, от простора, от лестниц перед гульбищем и после, от солеи; здесь, чтобы войти, надо не подняться, а «взобраться», долго, с поворотами, разными маршами, через палатки и уровни.

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 459

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 460

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 461

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 462

2. У серпуховских церквей Феодотия Анкирского и Георгиевской отсутствуют апсиды, как и в Свияжске у Сергиевской.

3. За Георгиевской в Серпухове построено «Заегорье», то есть каменный архитектурный мотив, перешедший с иконы в природу, иконолит; ровно то же самое есть и у Сергиевской, хотя это и трудно опознать, очень уж за три с лишним века его покорёжили, куполов понаставили, окон нарубили – то есть искренне и от души пытались спасти то, чего не понимали и в чём не видели ни смысла, ни содержания: что-то ремонтируем, но как называется, что это и для чего это – сказать нельзя, не видим ни глазом, ни умом.

4. Число «33».

Отлично отреставрированная Сергиевская церковь отреставрирована плохо. Она должна блистать также, как комягинская (тоже Сергиевская), островская (Преображенская) и кирилловская (тоже Преображенская). Чтобы отреставрировать хорошо, надо поставить за своей спиной парсуну Бориса Годунова и помнить, что он всё время смотрит в затылок и дышит, пыхтит и сопит, силясь подсказать и нашёптывая:

«Ну не может быть такого барабана, он похож и на кеглю, и на бутылочное горло, и луковица должна быть побольше, сообразно нижнему ряду кокошников, и кокошники во втором ряду должны быть побольше, и у основания барабана надо бы сделать восьмигранник из кокошников, как у Василия Блаженного и Феодотия Анкирского, и окна эти очень уж явно стилизованы 'под старину', и купол этот, похожий на казан, надо убрать, и поставить шатёрик, а то и два, и всё время следить за тем, чтобы сохранялся и появлялся иконный облик, чтобы невидимые святые ждали за каждым углом и поворотом, потому что они привыкли к этой и такой архитектуре, они в ней жили и живут, как в иконе».

Никоновская церковь, построенная в третьем десятилетии XVII века вплотную к Троицкому собору в Посаде, отстоит по времени от здешней Сергиевской церкви с Никоновским приделом всего на два десятилетия. Стилистически между ними нет ничего общего, церковь краше придела, но будить мысль Никоновский придел мог, достаточно было одному человеку рассказать о виденном в Свияжске чуде.

Чтобы снова стать чудом, Сергиевской церкви надо встряхнуться, сбросить всякие нахлобучки и превратиться в такую же красавицу, как Успенская церковь на Ильинской горе в Нижнем, как островское Преображение без колоколенных добавок: «...что неможно глаз отвесть».

Никоновский придел строили одновременно с церковью, сразу, об этом свидетельствует восточный фасад. Плоская его скатная крыша как-то не вяжется с затейливостью замысла всего комплекса. Два окна на севере не могут ничего сказать, их вполне могли прорубить существенно позже, добавив просторности, а вот восточные красноречивы. Нижнее, побольше, чем верхнее, опущено чуть пониже окна в церкви: Никон был учеником, превозноситься не подобает. Самое красноречивое – отрубленное верхнее слово. Оставить окно без перекрытия (с. 461↗), просто накрыв косую дыру стропильной ногой,

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 463

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 464

не может ни один строитель, никогда, покрытие наверняка было иным. Форма окна повторяет два проёма слева, на церкви, а близость к северной стене церкви, с добавлением хоть какой-нибудь высоты разумного перекрытия окна – прямо запрещает, делает совсем невозможной плоскую крышу, она должна быть почти горизонтальной, как дорога. Было ли такое же окошко в правом прясле стены – сказать трудно, но покрытие самого Никоновского придела должно, обязано, не может не, стопроцентно и наверняка вторить покрытию Сергиевской церкви, оно было с кокошниками и никак иначе. Достаточно для полной уверенности вспомнить Никоновскую церковь в Сергиевом посаде, стоящую вплотную к Троицкой церкви, с одной стеной. Только тогда приобретают смысл, встают на свои места все лопатки восточного фасада, симметрия внутри асимметрии появляется там, где надо, и даже зарождается подозрение, для чего не стало апсид, ни там, ни там. Две взлохмаченные горы, стоящие бок о бок, показались бы ниже, если бы опирались на массивные апсиды, без них конструкция чище, более звонкая и простая, по-годуновски. Чтобы прозреть облик заранее, может быть, есть смысл построить в масштабе макет с новыми покрытиями и главами. Тот реставратор, который это воссоздаст на месте, станет в ряд с П.Д. Барановским (со смоленским собором) и С.С. Подъяпольским (с Преображенской церковью). А если найдётся решение для запада и юго-запада, хотя бы по аналогам, рынды будут носить его (bzw её) царский шлейф всю оставшуюся жизнь.

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 465

Церковь Богоявления так ловко поставлена, что её можно считать одной из визитных карточек всего Ярославля. Её нельзя миновать и не заметить: высокий берег, центральная площадь, несколько дорог, хоть небольшое, но расстояние для взгляда есть почти отовсюду, да и сама она немаленькая.

Бросим взгляд на кокошники. У них есть пять (по крайней мере) особенностей, которые делают их почти самостоятельным художественным явлением: число, форма, ярусность, карточный фокус с угловыми и расположение. По порядку:

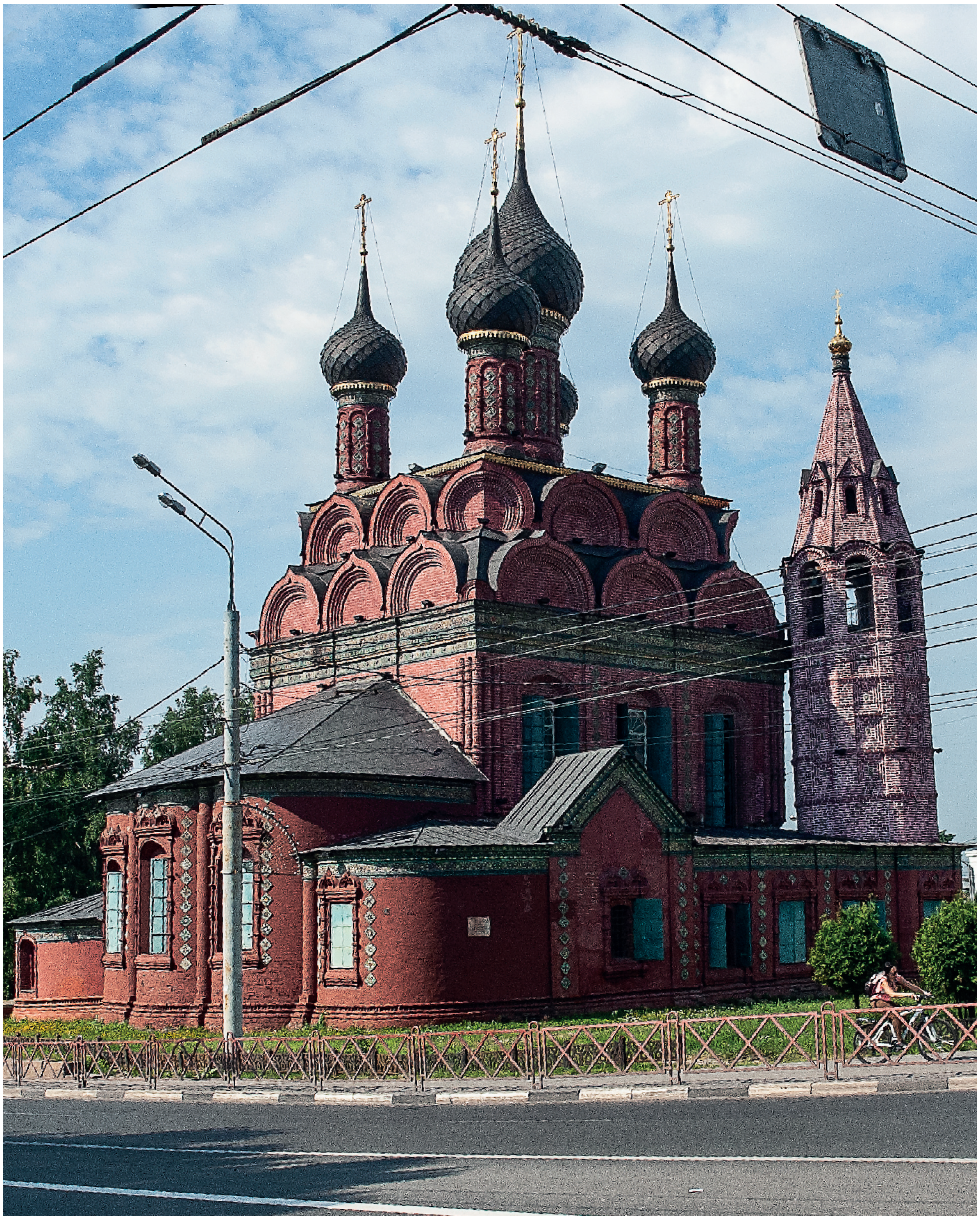
Число: сколько их? По пять с каждой стороны плюс четыре угловых? 24? Нет. Их 28, в углах над карнизом примостились ещё четыре малюсеньких, почти незаметных. Ещё меньше – тот десяток, который бусами обвился вокруг шеи центрального барабана, из самых микроскопических, незаметных почти ни с какой точки зрения. Анализ причин их появления там, где никто не видит – материал для размышлений о запрете строительства «островерхих» храмов (на них особенно легко и делается, и читается число «33») при Никоне и пропаганде пятиглавых. Придёт посланник от патриарха проверять – так вот, с запасом. А нам их 300 лет не видно.

Форма: каждый кокошник – больше, чем полукруг. После горизонтального диаметра они не врастают половинкой в четверик, карниз, антаблемент или импост, нет, они ещё продолжают сужаться книзу, словно это тарелки, стоящие в сушилке, причём верхние – глубокие, с маленьким донышком.

Ярусность: нижний, первый ряд – три штуки, второй – две (не считая угловых), просится и третий ярус с одним-единственным кокошником, как мы уже видели тысячу раз, но его нет.

Вместо него угловые во втором ряду не просто стоят под углом 45° к соседним, они ещё переломлены вертикально посередине и внешние края отогнуты к центру; из-за того, что от донышка к самому большому диаметру всё ближе и ближе подступают наборные кирпичные валики, при

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 466



некоторых углах обзора появляется фокуснический обман: верхняя часть будто бы наклонена книзу, словно большое око, устремлено вниз, на тех, кто на земле.

Последняя особенность: расположение на импостах. Импост – это выступающее из карниза развитое утолщение нижней лопатки или полуколонки, на которое опирается пятка арки. Так это делается обычно, и в результате закомара вывешена наружу, за вертикальную плоскость стены, приближена к наблюдателю. Но не здесь, здесь импост и вовсе конструктивно не нужен, на него ничто не опирается. Эти громадные тарелки – наоборот, отступили от края к середине здания, чтобы их тыльные стороны поддержали внутреннее движение свода к центру, к макушке, чтобы не громоздить лишнюю тяжесть.

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 467

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 468

Хорошо ли получилось в конце концов? Так отменно! И решающую роль сыграл изразцовый пояс: он достаточно заметен, контрастен, высок, чтобы быть почти самостоятельным ярусом, отделяющим верх от низа. Просто декорация, просто украшение оказалось совершенно необходимым именно в тектонике здания, то есть декоративными средствами решена та задача, которую прежде решали конструктивно необходимые элементы. Если мысленно убрать изразцовую четверть этажа, получится форменное безобразие, ни высоты, ни стройности, барабаны станут ещё тоньше, низ – ещё массивнее.

Это не просто изменение значения украшений. В церкви Покрова на Нерли, и в Дмитриевском соборе Владимира украшения тоже важны, но они не участвуют в формообразовании. А здесь форма немыслима без украшения. Это обретение дизайна как полноправной архитектурной дисциплины – в конце XVII века.

Попытка влезть в голову строителя Богоявленской церкви в конце 80-х годов XVII века – смешна, что он думал при проектировании – никому не известно. Можно, правда, не сомневаться в том, что он был не менее сообразителен, чем потомки, и рассчитывал на то, что потомки справятся с задачей расшифровать то, что он так уж хитро запрятал. Ломаные угловые кокошники ещё можно как-то понять, дело привычное, не первый раз они ставятся на углу, хотя, конечно, перелом по вертикали – вполне новаторский. А вот зачем понадобились малюсенькие по углам над карнизом? Привычное тут решение – парочка самых маленьких кокошников по двум сторонам света, общим числом – восемь. Но нужно было, чтобы было четыре, не больше. И тут надо начинать не уставать придумывать новые хвалебные слова для описания талантов строителя. Во втором ярусе двенадцать кокошников, так делали,

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 469

с небольшим уменьшением, всегда и везде, поворот угловых не сильно меняет дело, двенадцать и есть двенадцать. Но переломленные во втором ряду – родственники тех, что переломлены в первом, поворот с переломом визуально увеличил нижние вдвое, стоит только отклониться от фронтального взгляда, то есть наверху их сломали для того, чтобы число самых маленьких стало не восемь (по паре на угол), а четыре. И они, хоть и не сразу, но заметны, в результате общее число стало не 32 (12+12+8), а 28 (12+12+4). И для того, чтобы мы получили право (и даже восприняли его как обязанность) прибавить к числу кокошников число глав, их дважды логически уподобили главам. Кокошники-тарелки в рядах отличаются размером и глубиной, во втором ряду глубина больше, донышко меньше, и потому верхние приближаются по форме к половинке внутренней поверхности шара, и размерность их такая, что их можно, вытащив из сушилки, надеть на малые главы, как шапки, размер позволяет; нижние кокошники формой напоминают канотье, и размер – как раз для большой главы. Наконец, последнее из того, что бросается в глаза (так-то, вполне возможно, что причин для сопоставления кокошников и глав больше, пока просто не заметили), – форма кокошников. Для чего после горизонтального диаметра округлость продолжается вниз? – Только для того, чтобы лишний уже раз напомнить о форме глав: у луковицы отрезали донышко и вертикально располовинили. Это верхние. А большие нижние – уже нарезали кольцами. Двенадцать раз. До слёз.

И форма кокошников, и украшения барабанов – сильно напоминают Успенскую церковь на Ильинской горе в Нижнем Новгороде. Подсмотрели? И молодцы!

Значит, так дорога была мысль: напомнить, не тратя слов.

Чтобы слова не теряли ценность, стираясь об язык.

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 470

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 471

Научное издание

Утверждено к печати
Учёным советом издательства
·Памятники исторической мысли·

Игорь Николаевич из Кузнецов

АПОЛОГИЯ ТРОИЦЫ, или Возрождение в России XV, XVI, XVII веков

Апология_Троицы_9_427-480.qxp_Макет 1 20.04.2026 16:05 Страница 472

Изготовитель: И.Н. из Кузнецов
Корректор: Х. Абвезендадзе

Издательство
· Памятники исторической мысли ·
Валентиновка, ул. имени Надежды к.к. 10/1

Подписано в печать 10.07.23.
Ф-т 60×90 1/8. 60,01 п. л.
Тир. 32 экз.
Печать пороховая.

Типография «Канцлер».
Ярославль, Полушкина Роща, 16,
усадьба 66α

Отпечатано в России
И переплетено

Trinity_Apologia_ofo.qxp_495 20.04.2026 16:30 Страница 1

ВОЗРОЖДЕНИЕ в РОССИИ XV, XVI, XVII веков

АПОЛОГИЯ ТРОИЦЫ,

или

ВОЗРОЖДЕНИЕ в РОССИИ XV, XVI, XVII веков